

Штомпка П.

Социология социальных изменений

THE SOCIOLOGY OF SOCIAL CHANGE

Piotr Sztompka

Перевод с английского под редакцией профессора В.А. Ядова

Институт «Открытое общество» — американская благотворительная организация, учрежденная финансистом и филантропом Джорджем Соросом, оказывающая поддержку проектам в области образования, культуры, а также в сфере развития гражданского общества и независимых средств массовой информации.

Редакционный совет:

В.И. Бахмин

Я.М. Бергер

Е.Ю. Гениева

Г. Г. Дилигенский

В.Д. Шадриков

Перевод с английского А.С. Дмитриева

Штомпка П.

П1 92 Социология социальных изменений/Пер, с англ, под ред. В.А.Ядова.—М.: Аспект Пресс, 1996. — 416 с.— (Программа «Высшее образование»). — ISBN 5—7567—0053—6

Данная книга — это критическое осмысление всего исторического наследия теоретической социологии и сегодняшних дискуссий по фундаментальным концепциям социальной теории. Она содержит идеи, актуальные для понимания и объяснения современных преобразований и проблем российского общества.

Предназначается для студентов высших учебных заведений.

© Piotr Sztompka, 1993

© Издание на русском языке,

ISBN 5—7567—0053—6

«Аспект Пресс», 1996.

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ

Прежде всего я хочу воспользоваться привилегией научного редактора представить российскому читателю автора этой книги.

Петр Штомпка — один из несомненно выдающихся исследователей в области современной теоретической социологии. Он профессор Ягеллонского университета в Кракове, руководитель секции теоретической социологии. П. Штомпка читал курс лекций во многих ведущих университетах Америки и Европы: в Калифорнийском (Беркли), Гарвардском, Колумбийском, в Университете Джона Гопкинса, Мичиганском университете (Анн-Арбор). Он в разные годы работал в качестве приглашенного исследователя в научных центрах Беркли, Оксфорда, Гарварда, Вены, Берлина, наконец, в Уппсала (Швеция), где в 1992 г. и зародилась, как пишет автор, сама идея предлагаемой нашему читателю книги.

Наиболее важные произведения П. Штомпки (а его перу принадлежит 12 монографий и множество статей в академических изданиях) — «Структура и функция» (1974), «Социологическая дилемма» (1979), «Роберт Мертон: интеллектуальный профиль» (1986), «Переосмысление прогресса» (совместно с Джеффри Алек-сандером, 1990), «Европейская социология» (1993) и фундаментальные новаторские работы «Общество в действии» (Society in Action) и «Деятели и структуры» (Agency and Structures). Первая была опубликована в 1991 г. издательством Polity Press (Кембридж), вторая — в 1994 г. уже после

выхода в свет данной книги.

П. Штомпка является членом Европейской Академии и ее Программного комитета, членом Польской Академии наук, международного Комитета по присуждению Европейской премии по социологии имени Амальфи, ряда других научных обществ и ассоциаций. В 1994 г. он был избран в состав Исполкома Международной социологической Ассоциации от Совета исследовательских комитетов этой Ассоциации.

Остается добавить, что П. Штомпка — обаятельный человек, обладающий превосходным чувством юмора, очень общительный, высокого роста и для славянина на удивление пунктуальный. Последнее выражается и в его публикациях: автор не упускает случая сделать точные ссылки даже на те источники, которые содержат иногда и не самые оригинальные мысли. Это, конечно, не только говорит о пунктуальности автора, но и подчеркивает

[5]

присущие ему эрудицию и строжайшее следование классическим нормам научной этики.

Предлагаемая в русском переводе книга П. Штомпки обладает многими достоинствами. Одно из них состоит в том, что автор погружает читателя в свою творческую лабораторию, в процесс поиска ответов на главные вопросы теоретической социологии: что есть человеческое общество и как оно изменяется.

В общетеоретической социологии на пороге XXI в. наблюдается своего рода кризисное состояние. Классические теории, в рамках которых общество рассматривается как социальный организм, относительно замкнутая система или акцентируется внимание на особенностях мотивации и субъективных образах социальной реальности, порождающих различные формы социального взаимодействия, — представляются не вполне адекватными для объяснения резко возрастающего динамизма и «непредсказуемости» социальных процессов и изменений.

Обозначились три стратегии преодоления кризиса. Одна состоит в том, чтобы внести коррекцию в классические парадигмы. Направления данного типа, как правило, обозначаются с приставкой «нео-»: неомарксизм, неозволюционизм, неоструктурализм и т.д. Другая стратегия, вдохновляемая философией постмодернизма, — стремление к использованию многообразных теоретических подходов при описании, интерпретации и объяснении одних- и тех же явлений, процессов. При этом объяснение представляется весьма сомнительным, политеоретическая интерпретация — правдоподобной, а описание, пожалуй, более надежным.

Третья стратегия, которой придерживается и П. Штомпка, — попытка разработать новую теорию, более адекватную современным реалиям и современному видению общественных процессов.

Предлагаемая вниманию читателей теория социального становления есть теория активного взаимодействия структур социальных взаимосвязей и их создателей, деятельностных субъектов. В своей теории П. Штомпка стремится концептуально социологически раскрыть мысль К. Маркса о том, что человечеству предстоит выйти из «предыстории» и вступить в свою собственную историю, т.е. в «царство свободы» из «царства необходимости». Автор книги развивает эту мысль, но не в терминах естественно-исторического процесса, некоторого направленного формационного развития. Он рассуждает в категориях гуманистической истории, а именно такого процесса, в котором социальные субъекты изменяют не только структуры общественной жизни, но и сам способ их построения. Это значит, что зависимость чело-

[6]

века от неподвластных ему сил (природных, экономических, социальных) не является

универсальной и вечной, а претерпевает изменения и становится взаимозависимостью.

П. Штомпка использует понятие «интерфейс» для того, чтобы выразить взаимосвязь социальных структур и деятельных социальных субъектов. В компьютерной грамоте «интерфейс» — состояние совместимости некоторых систем или программ, когда одна система как бы раскрывает свои возможности для взаимодействия с другой системой. Аналогично, социальные структуры раскрывают себя социальным субъектам, обнаруживают свои разрешающие способности, социальные же субъекты мобилизуют собственные ресурсы и видоизменяют, выстраивают структуры так, чтобы «войти в интерфейс» с ними и активно действовать.

Эта метафора наполняется конкретным содержанием в детальном анализе социально-исторического процесса и вырастает в стройную теорию, которую автор излагает в главе 15, суммируя основные положения своей книги «Общество в действии».

Книга П. Штомпки «Социология социальных изменений» представляет собой критическое осмысление всего исторического наследия теоретической социологии и сегодняшних дискуссий по фундаментальным проблемам социальной теории. Вызывает восхищение способность автора, я бы сказал, филигранно вычерчивать парадигмы различных теоретических подходов и таким образом как бы подталкивать читателя к поиску ответов на вопрос: как можно согласовать эти парадигмы (исходные положения теории, концептуальный аппарат, логику доказательств), или каким путем следует идти в рассуждениях далее, чтобы, не утрачивая объяснительную способность одного подхода, обогатить теоретическую парадигму социальных изменений включением других категорий. Что есть движущая сила социальных изменений? — рассуждает автор и прослеживает, как изменялись теоретические представления о субъекте социального процесса. Вначале субъект располагался вне социальной системы (Бог, Абсолютная идея...), затем был помещен внутрь социального организма, но дегуманизировано, как его собственная организмическая способность к развитию, далее персонифицирован в Великом человеке, Исторической личности. Следующий радикальный шаг — обращение к коллективному субъекту. Здесь П. Штомпка выделяет две парадигмы: логику коллективного действия и логику индивидуальных взаимодействий, образующих сложные сети. В предлагаемой им теории субъект, деятель предстает в многообразии своих модусов, в том числе в актах его коллективного творения в форме надындивидуальных социальных структур. В такой (или

[7]

примерно такой) логике рассуждения мы охватываем в очень сжатом виде логику поиска великих мыслителей прошлого и одновременно становимся соучастниками творческого процесса теоретиков нашего времени.

Бережное, уважительное отношение автора к идейному наследию и творческой мысли современных теоретиков, помимо всего прочего, демонстрирует российскому читателю научный подход, далекий от самонадеянного или идеологически тенденциозного критицизма, что господствовал в советской социальной литературе, да и сегодня еще не забыт. П. Штомпка научает студента и напоминает зрелому исследователю: все, что достигается социальным знанием, достигается благодаря творчеству многих умов. Это — процесс. И потому автор, прежде чем изложить свой взгляд на сущность социальных изменений, предпринимает, по его собственному выражению, «инвентаризацию» теорий и подходов предшественников и современников. В таком своем качестве книга П. Штомпки — подлинная энциклопедия, блестяще организованная по содержанию и структуре изложения, охватывающая в широком объеме и самые современные теории, и их приложения к интерпретации и объяснению исторических событий последних лет.

Надеюсь, что российскому читателю будут особенно интересны разделы, посвященные анализу процессов реформ в странах бывшего социалистического лагеря (например, гл. 9); о теориях модернизации и их приложении к рассмотрению социальных процессов в названных странах; о социалистической ментальности как факторе, влияющем

на ход реформ (гл. 10); о процессах и теориях глобализации, расширяющих масштабы социальной системы, в которой и происходят социальные преобразования обществ, не полностью автономных в глобальном пространстве (гл. 6).

Содержание части IV, на мой взгляд, особенно богато идеями, актуальными для понимания и объяснения сегодняшних преобразований и проблем российского общества.

Я уверен, что даже самый привередливый читатель найдет для себя немало ценного в книге П. Штомпки, публикация которой на русском языке — это, несомненно, событие и в области социологического образования, и в научной жизни.

Профессор В.А. Ядов

[8]

Предисловие к русскому изданию

Общество — необычная область реальности, поскольку его судьба в значительной мере зависит от того, как люди видят общество, представляют его будущее, насколько они информированы как субъекты социальной деятельности и как осознают общественные процессы. Траектории движения планет не меняются в зависимости от прогресса астрономии, но уровень социологического знания существенно влияет на направление социальных преобразований.

Страны Восточной и Центральной Европы переживают период радикальных и стремительных перемен. Размах и глубину посткоммунистических изменений можно сравнить лишь с «великим переходом» в XIX в., когда аграрный феодальный строй уступил дорогу современному индустриальному урбанизированному обществу капиталистического Запада. Возможно, сегодня нигде не происходит таких фундаментальных изменений, как в России. Сердцевина «альтернативного порядка» — коммунистическая система, в течение долгого времени державшая в тисках почти треть человечества, в конце концов рассыпалась, распалась и оставила после себя монументальные развалины, из-под которых поднимаются освобожденные граждане, чтобы предпринять смелую попытку создать демократическую политику, рыночную экономику, плюралистическую культуру.

В такие периоды все члены общества — политики, лидеры и обычные люди — одинаково испытывают чувство растерянности, неуверенности в будущем, лишаются надежных ориентиров. Широко распространяется аномия в дюркгеймовском смысле этого слова. Такие переживания особенно остры, поскольку следуют за периодом «официальной уверенности», преисполненной утопических обещаний светлого будущего, всеобщего счастья, свободы и изобилия. Расхождение возвышенных чаяний с катастрофическими реалиями жизни воспринимается наиболее болезненно.

Испытывая растерянность и стремясь найти новые ориентиры, люди нуждаются в некоем интеллектуальном компасе, который упорядочил бы их хаотический опыт и объяснил, откуда они пришли, где находятся сейчас и куда движутся. Они должны иметь представление о том, что происходит. К этому люди идут разными путями: ищут помощи у Бога, Провидения или, в более при-

[9]

земленном варианте, у харизматических лидеров, новых вождей, политических демагогов, но ... приходят к новым разочарованиям. Однако некоторым удается избежать подобных атавистических рефлексов и эмоциональной зависимости и мобилизовать разум, чтобы, наконец, прозреть. Наша книга адресована им, поскольку разумный подход к процессу социальных трансформаций предполагает знание и применение теорий социальных изменений.

Согласно достаточно распространенному утверждению, посткоммунистическое преобразование Восточной и Центральной Европы — совершенно уникальный процесс, беспрецедентный для истории. Это вполне понятная, но вводящая в заблуждение реакция на «синдром удивления», переживаемый и обычными людьми, и обществоведами. Никто не

предсказывал крах коммунизма, и поэтому мы были удивлены, когда вновь стали свидетелями безвыходных ситуаций, разочарования, конфликтов, характерных для послереволюционных преобразований. Пробужденный к жизни национализм, этническая разобщенность, религиозный фундаментализм, ракетно-ядерная преступность, жестокие конфликты и разрушения являются ныне серьезными препятствиями на пути к свободе, демократии, открытому обществу. Идея уникальности цинично используется политиками, и можно говорить лишь об еще одном беспрецедентном социальном эксперименте.

Будь процессы, в которых мы участвуем, действительно уникальными, это по крайней мере извинило бы наше неведение, поскольку ни одна из имеющихся теорий по определению никоим образом не могла бы быть использована для их понимания и интерпретации. Мы могли бы забыть всю предшествующую социологическую мудрость и ошупью пробираться сквозь тьму в надежде, что когда-нибудь будет найдена теория, способная объяснить новейшие исторические события. Но беда в том, что создание теории — напряженное и продолжительное усилие, не гарантирующее результата, а какой-то интеллектуальный ориентир сегодня, в хаосе перемен необходим безотлагательно.

К счастью, уникальность происходящего относительна. Ни один исторический процесс не является всецело и абсолютно уникальным. Конечно, было бы преувеличением считать, что история «повторяет саму себя», но кое-что в истории определенно повторяется. Уникальность всегда относительна и связана с некоторыми аспектами, измерениями или чертами происходящих событий. В посткоммунистических изменениях достаточно таких «неуникальных» аспектов, которые позволяют использовать для

[10]

их анализа существующие социологические теории. Пока не созданы новые теории социальных изменений, те, что уже имеются, могут пролить свет на происходящие процессы. Мы не так уж бедны, поскольку за полтора века социология выдвинула множество теорий, которые по крайней мере частично соответствуют современным событиям. Эта книга является их инвентаризацией — иногда полезно остановиться под натиском событий и сделать «переучет» наших теоретических знаний. Задуматься на время, а не действовать спонтанно — задуматься, чтобы более рационально и эффективно действовать в будущем.

Давайте не будем игнорировать существующее теоретическое знание. Давайте укреплять наш разум мудростью великих мыслителей, которые размышляли над социальными изменениями до нас. Давайте изучать и использовать прозрения, содержащиеся в теориях социальных изменений, включая аутентичный гуманистический и энергичный посыл Карла Маркса. Давайте «опираться на плечи гигантов», и тогда мы будем видеть дальше и лучше, наши дилеммы приобретут более соразмерные пропорции, и взору откроются пути, выводящие из нынешнего хаоса.

Я желаю всем российским друзьям, чтобы эта книга стала для них маленькой, но важной частью интеллектуального арсенала, так необходимого для борьбы против призраков прошлого и борьбы за более счастливое будущее Вашей великой страны.

Краков, ноябрь 1994 Петр Штомпка

[11]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение социальных изменений — основное в социологии. Возможно, вся социология концентрирует внимание на изменениях. «Изменение — настолько очевидная черта социальной реальности, что любая научная социальная теория, какой бы ни была ее исходная концептуальная позиция, рано или поздно должна подойти к этому вопросу».

И это справедливо со времен возникновения социологии. Сама наука зародилась в XIX в. как попытка осознания фундаментального перехода от традиционного к современному обществу, возникновения урбанистического, индустриального, капиталистического уклада жизни. Теперь, на исходе XX в., мы находимся в процессе столь же радикальной

трансформации от торжествующей современности, постепенно охватывающей весь земной шар, к возникающим формам социальной жизни, которые столь туманны, что заслуживают пока лишь расплывчатого ярлыка «постмодернизм». Необходимость понять происходящие социальные изменения вновь остро осознается и обычными людьми, и социологами. Уже в 70-х годах было ясно, что «наиболее разительной чертой современного мира является его революционное поступательное движение, или социальные изменения. Никогда прежде привычный мир не изменялся так быстро для подавляющего большинства человечества. Изменилось все — искусство, наука, религия, мораль, образование, политика, экономика, семейная жизнь, даже внутренние аспекты нашей жизни. Ничто не избежало изменений» (237; 3). Эти изменения становятся все более явными по мере того, как мы приближаемся к концу XX в. Проницательный наблюдатель современных событий Гидденс писал о происходящем ныне так:

«Мы живем сегодня в эпоху ошеломляющих социальных изменений, отмеченных трансформациями, которые радикально отличаются от трансформаций прежних периодов. Коллапс социализма советского образца, исчезновение глобального биполярного распределения власти, формирование мощных коммуникационных мировых систем, явный триумф капитализма во всем мире... И в то же время глобальные размежевания становятся все более решающими, а экологические проблемы все более и более масштабными. Эти и другие темы стоят перед социальной наукой» (153; xv).

Цель этой книги — рассмотрение основных средств интеллектуального анализа, интерпретации и понимания социальных

[12]

изменений, особенно на макросоциологическом, или историческом, уровне. Подобные средства можно обнаружить в трех областях: 1) в сфере здравого смысла, на уровне которого люди усваивают общие идеи, понятия, представления о социальных изменениях в той мере, в какой они стремятся осмыслить собственную жизнь; 2) в социальной и политической философии, которая поднимает суждения здравого смысла до уровня самостоятельных, специализированных, рациональных конструкций, производящих сложные категории, образы и доктрины; 3) в социальных науках, а именно в истории, политэкономии, социальной антропологии, социологии, которые начинают применять методический, критический анализ к изменяющейся социальной реальности и создают более строгие и эмпирически обоснованные теории. Мы рассмотрим исключительно научные подходы к социальным изменениям, хотя ограничимся лишь теми из них, которые, вероятно, составляют предмет особой социологической дисциплины, называемой *«социологией социальных изменений»*.

Почти за два столетия социология выработала достаточно много концепций, моделей и теорий, связанных с социальными изменениями, причем изменениям подвергались и сами социологические подходы к анализу социальных изменений. Что из этого богатого наследия должно быть включено в предлагаемую нами систематизацию? Можно ли сосредоточиться исключительно на самых новых и наиболее модных направлениях, оставив без внимания все предшествующие? Здесь мы должны сказать решительно «нет». Одним из наиболее важных социологических принципов является принцип историзма. Он гласит: для того, чтобы понять любое современное явление, необходимо обратиться к его истокам и процессам, которые его породили. То же самое можно сказать о сфере идей: невозможно понять современные взгляды на социальные изменения без знания того, из каких более ранних концепций они вытекают и каким теориям противопоставляются. Мы будем следовать этому принципу.

Конечно, такая позиция не означает, что нашей целью являются упражнения в составлении подробной интеллектуальной генеалогии, в прослеживании связей, коллизий и следствий всех теорий изменения, которые были явлены свету от рождения социологии. Это не проект в области истории идей, а систематический социологический анализ.

Преимущества, которые дает современное знание, позволяют нам выбирать, оставляя вне поля зрения те концепции и даже целые «школы», которые оказались бесплодными или вели в интеллектуальный тупик. Мы сконцентрируем внимание лишь на тех, которые до сих пор живы и име-

[13]

ют влияние. Кроме того, мы будем следовать скорее систематическому, чем хронологическому принципу в изложении, больше заботясь о логике, нежели о точных датах. Мы примем точку зрения современного наблюдателя социальных изменений в его поисках ясной картины независимо от источника и будем стремиться использовать все богатство и разнообразие социологического наследия.

Поскольку эта книга адресована студентам (хотя и не только им), постольку мы постараемся излагать материал как можно яснее, отдавая должное каждой из имеющихся теорий. Конечно, у нас есть и собственные взгляды: например, нам представляется, что в изложении различных теорий нужно избавляться от механистических концепций, декларирующих неизбежность, необходимость и необратимость социальных изменений, и подчеркивать роль человеческой деятельности, непрерывность событий и открытость будущего. В драматургии книги отражается ход интеллектуальной эволюции, которая начинается с классических теорий развития и в которой разворачивается «теория социального становления», являющаяся в равной мере результатом давних исторических дискуссий и современного, более адекватного подхода к текущим социальным изменениям. В ходе изложения мы стараемся быть беспристрастными и объективными и только в выводах будем «раскрывать свои карты». Нет нужды затемнять суть дела: эта книга представляет собой декларацию, и ее содержание очевидно предвзято. Мы полагаем, что точка зрения автора должна быть не завуалированной, а напротив, открытой для серьезного и критического обсуждения.

Большая часть книги посвящена анализу социологических теорий изменений, а аргументация сосредоточена в основном на уровне концепций и взглядов. Конкретные исторические факты используются только в качестве «иллюстраций» к концепциям, моделям и теориям социальных изменений, поэтому читатель сможет лишь косвенным образом узнавать о современных и традиционных обществах, знакомиться с фактами и данными о них. Наша задача не в том, чтобы рассказать, что было или происходило, куда и как движется современный мир, а скорее в том, чтобы смоделировать зеркало, в котором, несколько отдалясь, можно более отчетливо увидеть самого себя. Или, говоря менее образно, мы хотим разработать схемы рассуждения, способы воображения, необходимые для информативного и критического анализа социальных изменений.

Можно ли решить подобную задачу практически? Есть ли польза от таких концептуальных и теоретических знаний, кото-

[14]

рые мы предлагаем? Здесь мы должны обратиться еще к одной важной социологической идее — принципу рефлексии, согласно которому в человеческом обществе знания имеют прямые и непосредственные практические следствия. То, что люди думают о социальных изменениях, принципиально важно для того, чтобы подвигнуть их к действиям. Следовательно, эти взгляды, концепции самым непосредственным образом влияют на направление и перспективы социальных изменений. Вот почему обогащение теоретических знаний о социальных изменениях одновременно имеет и большое практическое значение — для осуществления самих изменений. Чем более богаты эти источники, чем более разнообразны концепции, модели и теории, чем глубже и критичнее их содержание, тем более осознанными являются человеческие действия — и отдельных индивидов, и групп, организаций, социальных движений, правительств и т.д. Масштабы и глубина социологического знания являются важным фактором формирования судьбы общества.

Основные положения, обозначенные выше, до некоторой степени продиктовали внутреннюю структуру и логику изложения материала в данной книге. Часть I посвящена наиболее фундаментальным социологическим концепциям, независимо от их происхождения, и представляет собой стандартный и широко используемый ныне набор общепринятых понятий, необходимых для изучения таких изменений, как собственно социальные изменения, социальный процесс, развитие, исторический цикл и т.д. Рассматриваются также некоторые противоречивые концепции социального прогресса, социального времени, исторической традиции, современности и глобализации. Часть II содержит изложение общего взгляда на историю, который наиболее существенно повлиял на общественное и социологическое сознание, создав основу для альтернативных концепций и интерпретаций социальных изменений как обычными людьми, так и социологами. Эти взгляды нашли свое отражение в эволюционизме, теории циклов и историческом материализме и будут представлены в их крайнем, ортодоксальном варианте, а также в более современных версиях. Несмотря на огромное число критиков, данные теории оказывают сильное влияние на современное мировоззрение, формируют архетипы обыденного сознания, получают новую жизнь в формулах современных социологических дискурсов*. Касаясь более длительной временной перспективы,

* Дискурс (discourse) — широко распространенное в постмодернистском лексиконе понятие, означающее стиль мышления и способ аргументации. (Ред.)

[15]

можно сказать, что социологическая теория смещается от грандиозных исторических схем к более конкретным, локализованным во времени и пространстве социальным изменениям, которые происходят под действием известных факторов и осуществляются индивидами или коллективами. Эта тенденция анализируется в части III, посвященной новому теоретическому направлению, противоположному девелопментаризму (теории развития) — направлению, которое мы предлагаем назвать «теорией становления» (392). В ее основе лежат теория деятельности и историческая социология. Предполагается, что указанная теория обеспечивает перспективный альтернативный подход к социальным изменениям, создавая более адекватный инструментарий для объяснения перемен в современном обществе. В рамках такого подхода сохраняется возможность для изучения конкретных специфических механизмов изменения и роли различных видов деятельности в грядущих изменениях. В части IV рассматриваются процессы, которые уже хорошо изучены в социологической литературе, при этом особое внимание уделяется неосязаемым вещам — идеям и нормам как субстанциям изменений, роли выдающихся личностей и социальных движений как агентов изменений, и сущности социальных революций как высшего проявления изменений.

ВЫРАЖЕНИЯ БЛАГОДАРНОСТИ

Идеи этой книги в течение ряда лет излагались в лекциях, которые я читал студентам Ягеллонского университета в Кракове и Лос-Анджелесского университета в Калифорнии (UCLA). Я многому у них научился, как, надеюсь, и они у меня; однако лишь случайно мои лекции оказались собранными в один том. История этой книги, как и история в целом, является в высшей степени случайной.

...Я вспоминаю солнечное утро в UCLA и ланч с Саймоном Проссером, редактором издательства «Блэквелл». Именно тогда под обаянием Проссера и под впечатлением очаровательного места, где происходила наша встреча, родился план написать эту книгу, план очевидный и неизбежный. Большая часть работы была выполнена в плодотворной научной обстановке, особенно в Шведской коллегии перспективных исследований в области социальных наук (SCASS) в Уппсале весной 1992 года. Я благодарен также ученым, работавшим в то время в Коллегии, ее руководству и персоналу. Особую благодарность я выражаю моим друзьям Джеффу Александеру и Бьорну Уиттроку.

[16]

Часть I Концепции и категории.

1. Фундаментальные концепции в исследованиях изменений

Органическая метафора: классический подход к социальным изменениям

С момента возникновения и вплоть до недавнего времени для социологии было характерно разделение, которое оказалось столь же сомнительным, сколь и стойким. Вся ответственность за этот «первородный грех» лежит на «отце социологии» Огюсте Конте (1798—1857), разбившем свою теорию на две части: «социальную статику» и «социальную динамику». В основу такого членения была положена недостаточно очевидная метафора, которую Герберт Спенсер (1820—1903) позднее сделал вполне явной. Речь идет о сходстве между обществом и биологическим организмом. Под социальной статикой понималось изучение анатомии человеческого общества, его составных частей и их расположения (по аналогии с анатомией тела с его органами, скелетом и мышцами), а социальная динамика должна была, по мысли Конта, концентрировать внимание на физиологии, т. е. процессах, протекающих внутри общества (подобно телесным функциям — дыханию, метаболизму, циркуляции крови) / Конечный итог развития общества опять-таки уподоблялся результату эволюции организма (от эмбриона до зрелости). Предполагалось, что существует некое устойчивое состояние общества, которое можно наблюдать и анализировать независимо от движения последнего.

Герберт Спенсер придерживался тех же взглядов, хотя и изменил терминологию. Его противопоставление «структуры» и «функций» более ста лет составляло сердцевину социологического языка. Понятие «структура» подразумевало исследование внутреннего строения, или формы, социального целого, понятие «функции» — способы его деятельности, или трансформации. Подобно Конту, Г. Спенсер также утверждал, что общество можно рассматривать как некую жесткую сущность, осязаемый объект, отдельно от происходящих в нем процессов. Другими словами, признавалась возможность отделить структуру общества от его функций. Методологическим наследием упомянутых идей явилось проти-

[19]

вопоставление двух типов исследовательских процедур, которые описаны Контом: поиска законов сосуществования (т.е. выяснения, почему определенные социальные феномены неизменно появляются вместе) и выявления, в противовес им, законов следования) (т.е. установления, почему определенные социальные феномены неизменно либо предшествуют, либо возникают вслед за другими). Такое разделение закрепилось в большинстве учебников; в них «синхронное (или кроссекционное) исследование» определялось как такое, в котором общество рассматривалось во временной статической перспективе, а «диахроническое (или последовательное)» — как исследование, включающее поток времени и делающее акцент на социальных изменениях. Подобные подходы оказали серьезное влияние на современное (диахроническое) изучение социальных изменений. Оно унаследовало классическую органическую метафору и связанные с ней разделение и противопоставление/ но не непосредственно от Конта, Спенсера и других мэтров социологии XIX в., а через влиятельные направления XX в., такие, как теория систем, функционализм, или структурный функционализм (381). Системная модель общества, разработанная в рамках данного направления, объединила и обобщила совокупность идей, типичных для органицизма. Весь концептуальный аппарат, обычно используемый в анализе изменений, берется прежде всего из системной модели даже если ученые и не осознают этого или не считают себя сторонниками системных и структурно-функционалистских теорий. Лишь недавно «системной модели» был противопоставлен «альтернативный образ» общества, рассматриваемого с точки зрения процесса, или морфогенетического подхода, вследствие чего концепции, использовавшиеся в исследованиях социальных изменений, подверглись соответствующей

модификации.

Системная модель как порождение концепции социальных изменений

Согласно основной идее теории систем, комплексное целое состоит из множества элементов, которые объединены различными взаимосвязями и обособлены от того, что их окружает, какими-то границами. Типичными примерами таких систем служат не только живые организмы, но и молекулы, планеты, галактики) Подобное обобщение приложимо к разным уровням человеческого общества. На макроуровне в качестве системы может рассматриваться «глобальное общество» (человечество), на среднем

[20]

уровне (мезоуровень) — национальные государства и региональные политические или военные союзы, на микроуровне — локальные объединения, ассоциации, фирмы, семьи, компании друзей и т.д. Более того, подобными терминами могут быть обозначены и такие принципиально различные сферы, как экономика, политика, культура. Таким образом, представители школы теории систем, в частности Талкотт Парсонс (1902—1979), считали понятие «система» не только ключевым, но и универсальным.

Соответственно, под социальными изменениями представители этой школы понимают то, что происходит либо с самой системой, либо внутри нее. Но если быть более точным, то различие имеет место между состояниями одной и той же системы, которые возникают одно за другим во времени.)

В таком случае, говоря об изменении, мы подразумеваем то, что появится через некоторое время. Иными словами, речь идет о различии между тем, что мы наблюдаем перед данным временным моментом, и тем, что мы видим после него. Для того чтобы установить это различие, единица анализа должна быть описана параметрами, обеспечивающими ее идентичность (376; 16).

Таким образом, концепция социальных изменений включает в себя следующее основное положение: отличия должны касаться различных временных моментов и состояний одной и той же системы! Хорошим примером стандартного определения будет нечто вроде: «Под социальными изменениями я понимаю любую необратимую переменную социальной системы, рассматриваемой как целостность» (184; 787).

Типы изменений многообразны и могут различаться в зависимости от того, какие именно аспекты, фрагменты и изменения системы в них вовлечены. (Ведь состояние системы само по себе не одномерно, оно представляет собой обобщенный, суммарный результат состояния многих компонентов. Среди них:

1) конечные элементы (число и разнообразие человеческих индивидов, их действий и т.д.);

2) взаимосвязи элементов (социальные связи, отношения личной преданности и верности, взаимодействия, обмена и т.д.);

3) функции элементов системы как целого (необходимость определенных действий для сохранения социального порядка и т.д.);

4) границы (критерии включения, принципы рекрутирования, условия принятия индивидов в группу или контроля включения в организацию и т.д.);

5) подсистемы (число и разнообразие специализированных областей, секций, подразделений и т.д.);

[21]

6) окружение (естественные условия, соседство других обществ, геополитическое положение).

Лишь посредством комплексного взаимодействия система обретает некие общие характеристики: равновесие или неустойчивость, консенсус или несогласие, гармония или раздоры, кооперация или конфликт, мир или война, процветание или кризис.

J Расчлененная на исходные, первичные компоненты и единицы измерения, модель

системы претерпевает ряд изменений. Они могут наблюдаться:

- в составе (миграция из одной группы в другую, депопуляция, вызванная голодом, прекращение деятельности социального движения, распад группы и т.д.);
- в структуре (возникновение неравенства, кристаллизация власти, образование дружественных связей, установление кооперативных либо конкурентных отношений и т.д.);
- в функциях (специализация и дифференциация работ, снижение экономической роли семьи, принятие университетами или школами на себя руководящей роли и т.д.);
- в границах (слияние групп или конкуренция между ними, ослабление административных критериев и демократизация условий членства, присоединение одной группы к другой и т.д.);
- в отношениях подсистем (победа политики над экономикой, управление семьей и всей частной жизнью тоталитарным правительством и т.д.);
- в окружении (ухудшение экологической обстановки, землетрясения, эпидемии Черной Смерти либо вируса СПИД, сращивание биполярной международной системы).¹

Иногда изменения имеют частный, ограниченный характер и не находят заметного отклика в других звеньях системы. Ее целостность сохраняется и не претерпевает глобальных преобразований несмотря на постепенные изменения, протекающие внутри. Например, сила демократической политической системы заложена в ее способности принимать вызов, преодолевать трудности и гасить конфликты благодаря частичным реформам, которые не подрывают целостности и стабильности системы. Такой тип адаптивной модификации является иллюстрацией изменений **внутри** системы. В других случаях изменения могут охватывать все (или по меньшей мере основные) компоненты системы, приводя к ее полному перерождению и заставляя относиться к новой системе как к принципиально отличной от прежней. Это прекрасно иллюстрирует большинство социальных революций. Данный тип радикальной трансформации можно назвать изменением **самой** сис-

[22]

темы. Граница между этими двумя случаями изменений весьма расплывчата. Изменения **внутри** системы постепенно накапливаются и в конце концов перерастают в изменения **самой** системы. Как правило, социальные системы имеют специфические ограничения, «пороги», переходя которые (т.е. превосходя по экстенсивности, интенсивности и своевременности), фрагментарные, частичные сдвиги трансформируют идентичность целостной системы и ведут не только к «количественным», но и «качественным» преобразованиям (163). Все тираны и диктаторы рано или поздно обнаруживают, что подавление общественного недовольства приносит плоды лишь до определенного момента и медленная эрозия их власти неизбежно открывает дорогу демократии.

Как видно из определений социального изменения, которые можно найти в учебниках, большинство авторов считают решающими структурные изменения в социальных взаимосвязях, в организации и связях между общественными компонентами:

«Социальное изменение — это происходящее с течением времени преобразование в организации общества, образах мышления и образцах поведения» (326; 586).

Социальное изменение означает «наблюдаемые с течением времени различия в отношениях между индивидами, группами, организациями, культурами и обществами» (340).

«Социальные изменения являются чередованием во времени поведенческих образцов, социальных взаимосвязей, институтов и социальных структур» (126; 626).

Возможно, выделение **структурных** изменений обусловлено тем, что они чаще, чем другие типы изменений, приводят к трансформации **самой** системы, а не только **внутри** нее — отдельных ее компонентов. Социальная структура представляет собой нечто вроде остова, на котором «крепится» общество и на котором оно способно оперировать, и когда она изменяется, тогда все прочее также неизбежно должно измениться.

Как отмечалось ранее, (понятие системы применимо к различным уровням социальной

сложности: макро-, мезо- и микро-. Соответственно и социальные изменения могут рассматриваться на макроуровне (международные системы, нации, государства); на мезоуровне (корпорации, политические партии, религиозные движения, крупные ассоциации); на микроуровне (семьи, сообщества, группы занятости, клики, компании друзей). В таком случае центральным становится вопрос о том, как соотносятся между собой изменения, протекающие на этих разных уровнях. С одной стороны, социологи задаются вопросом: каковы макроэффекты микрособытий (например, как изменения в поведе-

[23]

нии покупателя влияют на рост инфляции, как повседневные сдвиги трансформируют цивилизации или культуры), а с другой стороны, их интересует, каковы микроэффекты от макрособытий (например, как революция изменяет семейную жизнь, как экономический кризис влияет на дружеские связи). («Социальные изменения происходят в результате деятельности индивидов. Следовательно, теории структурных изменений должны показывать, как макропеременные воздействуют на мотивы и выбор индивидов и как этот выбор, в свою очередь, воздействует на макропеременные»¹(187; 514).

Комплексы изменений: усложнение динамических концепций

Концепция социальных изменений охватывает мельчайшие «атомы» социальной динамики — одиночные сдвиги в состоянии системы или в любом из ее компонентов. Но такие сдвиги редко бывают изолированными, обычно они связаны с другими, и социология выработала более сложные, комплексные концепции, с помощью которых можно анализировать типичные формы подобных связей.

Самой важной из них является идея «социального процесса», описывающая последствия взаимовлияющих изменений. Классическое определение социального процесса дал Питирим Сорокин (1889—1968): «Под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или «эволюции», короче говоря, любое изменение данного изучаемого объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве, либо модификация его количественных или качественных характеристик» (367; I, 153). Эта концепция более точно помогает определить изменения, относящиеся к самой системе (происходящие в ее рамках и трансформирующие ее как целое). Они либо случайно связаны друг с другом (в том смысле, что по крайней мере хотя бы одно частично является каузальным условием другого, а не просто сопровождающим его или предшествующим ему фактором), либо следуют одно за другим на протяжении определенного времени. Процессы, идущие от макро- к микроуровню, включают в себя индустриализацию, урбанизацию, глобализацию, секуляризацию, демократизацию, эскалацию войны, мобилизацию социальных движений, ликвидацию фирм, исчезновение добровольных ассоциаций, кристаллизацию дружеских компаний, кризис в семье. И здесь снова встает принципиально важный теоретический вопрос о связи микро- и макропроцессов.

[24]

Среди социальных процессов социологи выделили две специфические формы их, которые многие десятилетия были в центре их внимания. Во-первых, это «социальное развитие» — форма, раскрывающая потенциал, который изначально заложен в системе. Речь в данном случае идет о направленном процессе, т. е. таком, в котором ни одно из состояний системы не повторяется ни на какой предыдущей стадии, а на более поздней выходит на более высокий уровень в какой-либо сфере (например, наблюдаются рост дифференциации структуры или экономических показателей, продвинутость технологий или увеличение населения). Кроме того, система последовательно приближается к некоему всеобщему состоянию (например, общество приближается к состоянию социального равенства, процветания или демократического представительства), причем это

стимулируется имманентными (эндогенными, автодинамичными) свойствами самой системы (внутренние противоречия разрешаются благодаря появлению качественно новых форм социальной жизни; присущее людям творческое начало направляется на масштабные организационные инновации и т.д.). Теория развития, предполагая неизбежность, необходимость и необратимость описываемых процессов, легко переходит в фаталистический и механистический взгляд на изменения, согласно которому последние не зависят от человеческих действий, свершаются помимо людей и ведут к предопределенному *финалу*. Далее мы рассмотрим теории, в которых идея развития стала центральной и которые могут быть объединены под названием «девелопментализма», или теории развития. Сюда входят все разновидности эволюционизма (от Конта до Парсонса) и исторического материализма (от Маркса до Альтшуллера).

Другая форма социального процесса, которой социологи уделяют особое внимание, — это «социальный цикл». Он не имеет определенной направленности, хотя и не является случайным. Любое состояние, в котором пребывает система на той или иной стадии, может возникнуть в будущем, причем данное состояние, в свою очередь, уже когда-то случилось в прошлом. Это повторение заложено в самой системе и раскрывает свою природу именно в таком специфическом ритме колебаний. В коротком временном интервале изменения происходят, но на длительном отрезке времени — нет, поскольку система возвращается к первоначальному состоянию. У нас еще будет возможность представить циклические теории изменений (от Шпенглера до Сорокина), которые объясняют человеческую историю в терминах социальных циклов.

К числу, возможно, наиболее спорных, но одновременно и

[25]

наиболее влиятельных во всей истории человеческой мысли (а не только в истории социологии) относится идея «социального прогресса». Привнося аксиологическое, ценностное измерение в объективную и нейтральную категорию социального развития, она уводит ее от строго научного, нейтрального расчета в область норм и предписаний. Под «прогрессом» мы понимаем направленный процесс, который неуклонно подводит систему все ближе либо к более предпочтительному, лучшему состоянию (или, другими словами, к реализации определенных ценностей этического порядка, таких, например, как счастье, свобода, процветание, справедливость, достоинство, знания и т.д.), либо к идеальному состоянию общества, описанного в многочисленных социальных утопиях. Чаще всего идея прогресса устанавливает, как такое общество должно выглядеть согласно взглядам того или иного автора, его мировоззрению. Очевидно, что такая теория находится вне сферы науки, ограничивающей свои интересы тем, что есть, а не тем, что должно быть. Тем не менее в ряде случаев идея прогресса приобретает категориальный, описательный статус: она утверждает мысль о том, что некоторые ценности уже реализованы в человеческой истории и в целом общество неизбежно меняется к лучшему (как бы ни понимал это лучшее тот или иной автор). Такие, преисполненные исторического оптимизма заявления подвергаются проверке временем, которую они, к сожалению, редко выдерживают. (Мы еще вернемся к этой теме в гл. 2 и поговорим о триумфе данной идеи, ее недавнем низвержении и возможностях ее спасения.)

Альтернативная модель: динамическое социальное поле

Лишь совсем недавно социология поставила под сомнение и надежность системно-организмических моделей общества, и саму дихотомию социальной статики и динамики. Сейчас, похоже, все большее значение приобретают два обстоятельства: во-первых, желание сосредоточить внимание на всепроникающих динамических качествах социальной реальности, т. е. на восприятии общества в движении («процессуальный образ»), и, во-вторых, стремление не рассматривать общество (группу, организацию) как объект, т. е. дематериализация социальной реальности («образ поля»).

Мысль о том, что дихотомия статики и динамики может стимулировать познание, а изучать неизменные объекты, протяженности, структуры или целостности не имеет смысла, пришла из естественных наук. Альфред Н. Уайтхед сформулировал эту мысль

[26]

следующим образом: «Изменение присуще самой природе вещей» (449; 179). Такая чисто динамическая или процессуальная установка изучать события, а не вещи, процессы, а не состояния, вскоре стала доминирующим подходом, тенденцией современной науки.

Для социологии это означало, что общество должно рассматриваться не как статичное, стабильное состояние, а как процесс не как жесткий квазиобъект, а как постоянно делящийся, бесконечный поток событий. Было признано, что общество (группа, общность, организация, национальное государство) может быть определено как существующее лишь постольку и до тех пор, пока внутри него что-то *происходит* (случается), предпринимаются какие-то действия, протекают какие-то процессы, что-то меняется, т. е. онтологически общество не существует и не может существовать в неизменном состоянии. Вся социальная реальность представляет собой просто динамику, поток изменений различной скорости, интенсивности, ритма и темпа и не случайно мы часто говорим о «социальной жизни». Возможно, это более удачная метафора, нежели старый образ материализованного суперорганизма со скрытыми связями, ведь жизнь — ни что иное, как движение, стремление и изменение. Когда движение, изменение отсутствует, нет и жизни, наступает смерть.

Методологическим следствием подобного воззрения на социальную жизнь явились отрицание надежности сугубо синхронных исследований и утверждение диахронической (исторической) перспективы. Один из ведущих историков XX в. А. Тойнби сформулировал данное положение следующим образом: «Исследование человеческих отношений в движении, будучи более реалистичным, несомненно плодотворнее любой попытки изучать их в воображаемом состоянии покоя» (428; 81).

Соответственно изменился и образ объекта, претерпевающего изменения. Общество (группа, организация и т.д.) стало рассматриваться не как жесткая, «твердая» система, а, скорее, как «мягкое» поле взаимоотношения. Социальная реальность предстает межличностной (межличностной) реальностью, в которой существует сеть связей, привязанностей, зависимостей, обменов, отношений личной преданности. Иными словами, она является специфической общественной средой, или тканью, соединяющей людей друг с другом. Такое межличностное поле находится в постоянном движении, оно расширяется и сжимается (например, когда индивиды проникают в него или покидают его), усиливается и ослабляется (когда меняется качество взаимосвязей, например, от знакомства к дружбе), сгущается и распыляет-

[27]

ся (например, когда в нем возникает лидер или когда лидер уступает свои позиции), смешивается с остальными сегментами поля или дистанцируется от них (например, когда образуются коалиции и федерации или когда просто люди собираются вместе).

Существуют специфические, принципиально важные для жизни «узлы», комплексы, сплетения социальных отношений, которые мы научились вычленять и, говоря о которых, склонны прибегать к языку материализации: мы называем их группами, сообществами, организациями, национальными государствами. То, что они существуют в качестве реального объекта, — иллюзия. Реальны постоянные процессы группировки и перегруппировки, а не стабильные протяженности, именуемые группами; процессы организации и реорганизации, а не стабильные организации; процессы «структурирования» (150), а не структуры; формирование, а не формы; изменчивые «фигуры» (113), а не жесткие модели.

При таком подходе «событие» становится мельчайшей фундаментальной единицей социологического анализа, причем под событием имеется в виду любое моментальное состояние социального поля (либо его сегмента). Возьмем, к примеру, семейный обед. Это момент (время), когда члены семьи собираются вместе дома, садятся за стол, разговаривают и принимают пищу, т. е. происходит событие — обед. Немногом раньше члены семьи были распылены, включены в разные комплексы («узлы») взаимоотношений: один на службе, другой в школе, третий на кухне, четвертый в кино, пятый вел машину; теперь они вместе, но чуть позже вновь будут разобщены — кто-то пойдет смотреть телевизор, кто-то вернется на работу, а кто-то поедет на дискотеку. Этот частный комплекс («узел») взаимоотношений обособляется, продолжительность же его во времени и идентичность сохраняются благодаря, во-первых, психологической идентификации: самоопределению, чувству привязанности, верности, преданности; во-вторых, периодичности связей: общих сборов дома либо, по крайней мере время от времени, контактов по почте или телефону; в-третьих, специфике взаимоотношений: их интимности, неформальности, бескорыстию, спонтанности.

Понятие межличностного поля можно уточнить) Для определения четырех измерений, или аспектов, поля мы предлагаем следующую типологию, состоящую из четырех частей (схема «ИНИВ»*, см. 353; 124—126): идеальной, нормативной, интеракционной и возможной. До сих пор мы говорили, что социальные взаимоотношения связывают человеческие личности. Но что в действи-

* У автора «ИНЮ» — ideal, normative, interactional, opportunity. (Пер.)

[28]

тельности они связывают (и как): идеи, мысли, верования, индивидов, которые помогают поддерживать или противостоять друг другу; или реальные действия, которые могут быть дружественными или враждебными, кооперативными или конкурентными; или их интересы, которые могут совпадать или находиться в конфликте? Существуют четыре вида ткани (или сети), возникающие в обществе: сплетение идей, правил, действий и интересов. Взаимосвязанная сеть идей (верований, доказательств, дефиниций) составляет идеальное измерение поля, его «социальное сознание». Взаимосвязанные сети правил (норм, ценностей, предписаний, идеалов) образуют нормативное измерение поля, его «социальные инструкции». И идеал, и нормативное измерение вносят свой вклад в то, что традиционно рассматривается как культура. (Взаимосвязанные сети действий составляют интеракционное измерение поля, его «социальную организацию», а сети интересов (жизненные шансы, возможности, доступ к ресурсам) — измерение поля по шкале возможностей, его «социальную иерархию». И интеракционное, и возможностное измерения вплетаются в то, что в прямом смысле можно назвать социетальной тканью. Для выражения многомерности поля мы будем далее употреблять термин «социокультурное поле».

На каждом из четырех уровней социокультурное поле непрерывно подвергается изменениям. Мы постоянно наблюдаем: 1) артикуляцию, легитимизацию или переформулирование идей, возникновение и исчезновение идеологий, убеждений, доктрин и теорий; 2) институализирование, пересмотр норм, ценностей, правил или отказ от них; возникновение и исчезновение этических кодов, правовых систем; 3) выработку, дифференциацию и переформирование каналов взаимодействия, организационных или групповых связей; возникновение или исчезновение групп, кругов общения и личностных сетей; 4) кристаллизацию, утверждение и перегруппировку возможностей, интересов, жизненных перспектив, подъем и падение статусов, распределение и упорядочение социальных иерархий.

Реальную сложность социальной жизни, происходящей в социокультурном поле, можно понять, если уяснить следующие два момента. Во-первых, на всех четырех уровнях процессы идут не независимо друг от друга, а наоборот, находясь в многочисленных и

многомерных взаимосвязях. Социология знания, например, изучает связь между измерением возможностей и идеальным измерением (как жизненные ситуации определяют верования), социология отклонений (девиаций) — между нормативным и интеракциональным измерениями (как нормы влияют либо

[29]

оказываются бессильными влиять на поведение). Во-вторых, проявления социокультурного поля имеют различные уровни сложности: макро-, мезо- и микро-. Данное утверждение распространяется на все типы социальных явлений. Социокультурное поле частного вида проявляется не только в семьях, но и (с определенными качественными различиями) в корпорациях, политических партиях, армиях, этнических общностях, национальных государствах и даже на уровне всего человечества. Такие различные проявления его не изолированы, напротив, они взаимосвязаны чрезвычайно сложным образом. Кристаллизация и отклонения социокультурного поля, «встроенные» в социальные события глобального, регионального, локального и даже личностного характера, в значительной степени взаимоопределяют друг друга. Проблема макроэффекта микрособытий, равно как и противоположная проблема — микроэффекта макрособытий, требует тщательного и глубокого исследования.

В рамках модели текучего социокультурного поля, выработанной в качестве альтернативы модели реифицированной социальной системы, основные положения концепции социальной динамики обретают, правда, с некоторыми оговорками, особую значимость. В ней под социальным изменением имеются в виду: социальный процесс, включающий в себя последовательность социальных событий (различные состояния социального поля); социальное развитие, дифференциация, экспансия, кристаллизация, расчленение социального поля в его различных измерениях, являющиеся результатом его внутренних, имманентных свойств; и, наконец, социальный прогресс, представляющий собой развитие, которое можно рассматривать как определенное улучшение в соответствии с той или иной аксиологической точкой зрения/

Основное отличие модели поля от системной состоит в теоретическом обосновании изменения и процессов как именно протяженных, а не дискретных, фрагментированных или разорванных. Между двумя точками во времени, как бы близки они ни были, движение не останавливается. Как бы мы ни сужали шкалу, ограничивая временное расстояние между двумя «срезами», или «моментальными фотографиями», общества, это расстояние всегда будет заполнено изменениями. Они происходят непрерывно, и любые два состояния социокультурного поля — и практически совпадающие по времени и отдаленные — будут качественно различны. Следует вспомнить известную метафору Гераклита о реке, в которую нельзя вступить дважды, поскольку это будет уже другая река. Лишь по взаимному согласию мы можем в своем воображении «заморозить» некоторые, важные для наших прак-

[30]

тических нужд состояния, рассматривать их в качестве единичных событий и говорить об изменениях или процессе как о последовательности таких замороженных, «дискретных» точек.

Разнообразие социальных процессов: типология

Мы не провозглашаем абсолютную ценность ни системной модели, ни модели поля. В конце концов, модели — это инструменты познания и потому должны оцениваться по их эффективности, плодотворности и эвристическим возможностям. Системная модель оказалась весьма влиятельной — она лежит в основе большинства теорий социального изменения, число которых до сих пор велико. Модель поля возникла из стремления понять и выразить динамическую природу общества более адекватно, но она еще требует

значительной концептуальной разработки и эмпирического подтверждения. Сейчас представляется разумным принять ту и другую и выводить наш базовый концептуальный аппарат для изучения социального изменения из них обеих, ибо каждая высвечивает огромное разнообразие динамического феномена. Раймон Будон был прав, когда писал: «Безнадежно пытаться свести социальное изменение к одной-единственной модели» (52; 133).

Предлагаемая нами типология социального процесса базируется на четырех главных критериях: 1) форма или очертания, которые принимает процесс; 2) итог, результат процесса; 3) осведомленность населения о социальном процессе; 4) его движущие силы. Мы также вкратце рассмотрим 5) уровень социальной реальности, на котором действует процесс, а также 6) временной аспект процесса.

Формы социальных процессов

Если смотреть на процессы с определенной дистанции, с точки зрения внешней перспективы, то можно обнаружить их различные формы и очертания. Так, процессы бывают направленными и ненаправленными. Первые необратимы и часто имеют тенденцию к концентрации, накоплению. Каждая последующая стадия отличается от любой более ранней и включает в себя ее Результат, тогда как каждая более ранняя стадия подготавливает необходимость более поздней. Идея необратимости отражает тот факт, что в человеческой жизни совершаются действия, которые

[31]

нельзя повернуть вспять; мысли, которые не могут быть помыслены «назад»; чувства, которые нельзя «почувствовать наоборот»; опыт, от которого, приобретя его, уже не освободишься (4; 169). Если все это имело место, произошло, то оставшиеся неизгладимые следы неизбежно будут влиять на последующие стадии процесса — будь то личная карьера, получение знаний, влюбленность или выживание на войне. Примерами направленных процессов могут служить социализация ребенка, экспансия городов, технологическое развитие индустрии, рост населения. В этом широком смысле и индивидуальная биография, и социальная история наиболее направлены.

В более узком смысле можно говорить и о специфических субтипах направленного процесса. Некоторые из них могут быть телеологическими (другими словами, конечными), т. е. они постоянно приближаются к определенной цели, или конечному состоянию, с различных стартовых точек, как бы притягиваясь к нему. Соответствующие примеры можно почерпнуть из так называемой теории конвергенции, которая показывает, как различные общества с совершенно разными традициями постепенно приходят к одним и тем же цивилизационным или технологическим достижениям в области производства, демократии, на автомобильном транспорте, в телекоммуникациях и т.д. Аналогичные примеры можно найти в структурном функционализме, в котором речь идет о тенденции социальных систем достигать состояния равновесия при помощи внутренних механизмов, компенсирующих любые «возмущения».

Существуют направленные процессы и другой формы — такие, которые постоянно обнаруживают определенные внутренние потенции, как бы беспрерывно «выдавливают» их. Например, непрерывная технологическая экспансия часто объясняется заложенной в человеке природой склонностью к новшествам или творческой жилкой, а, скажем, территориальные завоевания — внутренней жаждой захвата. Если конечное состояние оценивается положительно, то процесс рассматривается как прогрессивный (исчезновение болезней, увеличение продолжительности жизни и т.д.), если же он направлен в противоположную сторону, т.е. уходит от положительного в ценностном плане, предпочтительного конечного состояния, то мы будем называть его регрессивным (экологическое разрушение, коммерциализация искусства и т.п.).

Направленные процессы могут быть постепенными, восходящими, или, как иногда говорят, линейными. Если они следуют одной-единственной траектории или проходят через схожую по-

[32]

следовательность необходимых стадий, то именуются однолинейными (однонаправленными). Например, большинство социальных эволюционистов считают, что все человеческие культуры — одни раньше, другие позже — должны пройти через определенный набор стадий. Те, кто начал раньше или, шел по этому пути быстрее, показывают остальным, медлительным, как будет выглядеть их будущее; а те, кто отстает, демонстрируют впереди идущим, как выглядело их прошлое. Однолинейные (однонаправленные) процессы представлены на рис. 1.1.

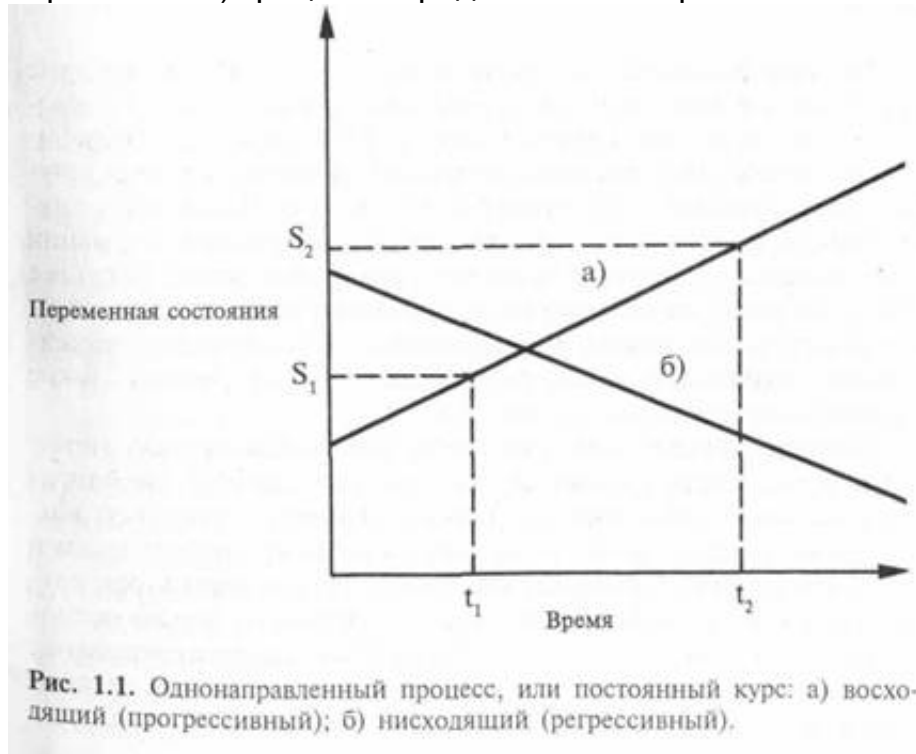

Рис. 1.1. Однонаправленный процесс, или постоянный курс: а) восходящий (прогрессивный); б) нисходящий (регрессивный).

[33]

Если же процессы следуют по нескольким альтернативным траекториям, «проскакивают» одни «участки», задерживаются на других или добавляют в своем движении нетипичные стадии, то они называются мультилинейными. Так, анализируя происхождение капитализма, историки указывают различные версии одного и того же процесса и выделяют западную, восточную и другие модели. Исследователи стран третьего мира описывают разные маршруты, которые вели эти страны к индустриально-урбанистической цивилизации. Схема мультилинейного процесса представлена на рис. 1.2.

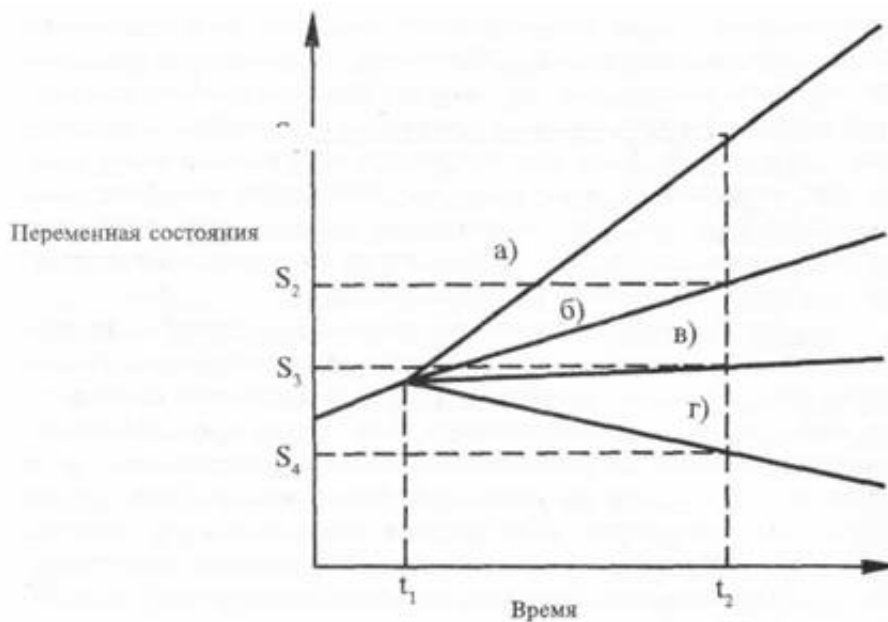
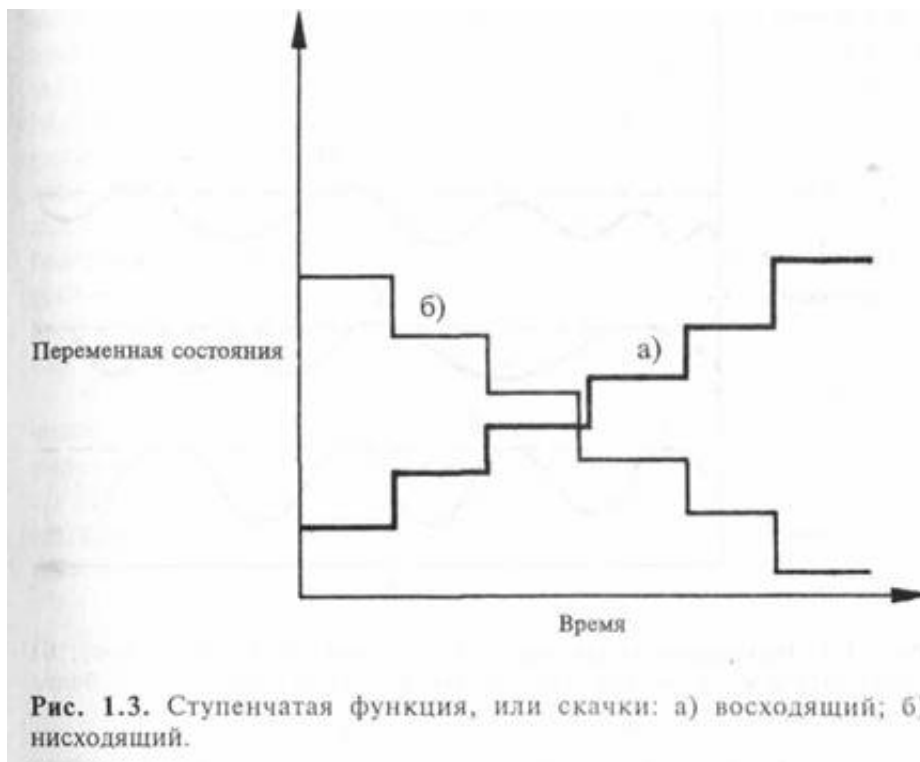

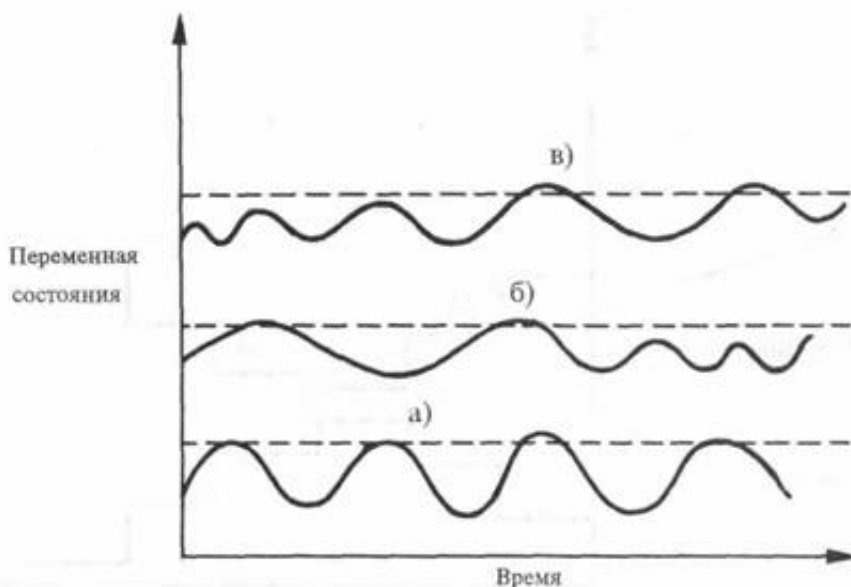
Рис. 1.2. Разнонаправленный процесс, или разветвляющиеся альтернативные курсы.

Противоположностью линейных являются процессы, которые предполагают качественные скачки или прорывы после продолжительных периодов количественного роста, проходя специфические пороги (163) или подвергаясь влиянию определенных «ступенчатых функций». Эти процессы нелинейны. Например, с точки зрения марксистов, общественно-экономические формации последовательно проходят через революционные эпохи, когда все общество после длительных периодов накопления противоречий, конфликтов, обострений и напряженностей претерпевает неожиданные, фундаментальные, радикальные трансформации. Такие процессы представлены на рис. 1.3.

Ненаправленные (или текущие) процессы бывают двух типов: одни имеют чисто случайный, хаотический характер, не опираются на какой-либо образец. Таковы, например, процессы возбуждения, охватывающие революционную толпу, мобилизации и демобилизации в социальных движениях или в детских играх; другие представляют собой некое подобие кривой на экране осциллографа — их течение подчиняется определенным повторяющимся или по меньшей мере схожим моделям, причем каждая следующая стадия либо идентична, либо качественно напоминает

предыдущие. Если существует возможность повторения, то мы рассматриваем такой процесс как круговой, или замкнутый, цикл. К подобным процессам можно отнести, например, типичный рабочий день секретаря, сезонную работу фермера или — в более длительной временной перспективе — рутинную деятельность ученого, начавшего писать очередной труд. На макрошкале экономические циклы экспансии и рецессии, бума и стагнации, «быков и медведей» на рынке часто следуют этому образцу; их графическое изображение напоминает синусоиду, как на рис. 1.4.

В случае, если наблюдается сходство процессов, но при этом они различаются уровнем сложности, то можно говорить, что процесс идет по спирали или по модели открытого цикла. Таково, например, последовательное продвижение школьника из класса в класс или студента с курса на курс университета, когда занятия, лекции, каникулы, экзамены имеют место на каждой стадии, но всякий раз на все более высоком уровне образования. Аналогично, хотя и по другой шкале, проходят определенные циклы экономики в условиях всеобщего роста (как в пословице: два шага вперед, шаг назад). Или в самом широком

временном диапазоне ~ тенденция, которую Арнольд Тойнби приписывал всей челове-

[35]

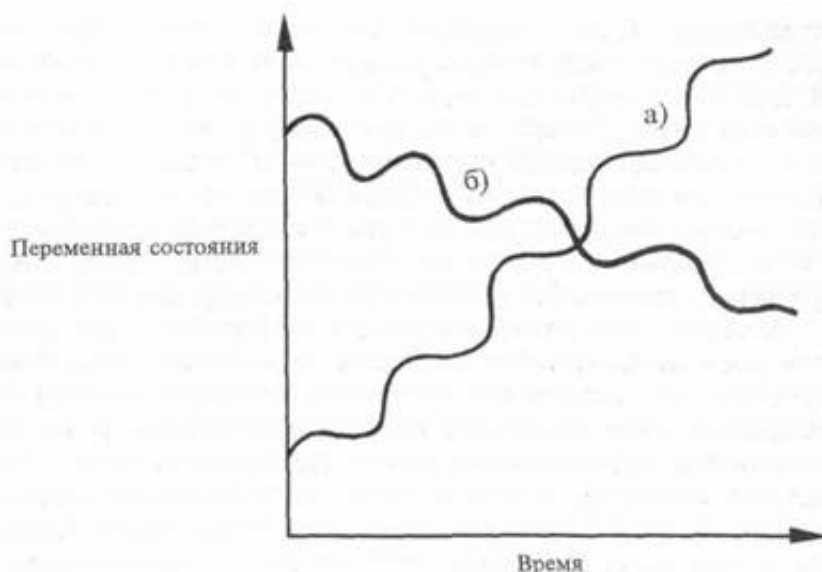

Рис. 1.5. Спиралевидный процесс: а) восходящий (прогрессивный); б) нисходящий (регрессивный).

ческой истории: постепенное совершенствование религии и в целом духовной жизни человечества через многочисленные циклы вызовов и ответов, роста и упадка (426; 61); или то, как Карл Маркс видел освобождение человечества через «реки слез», через последовательные циклы углубляющейся эксплуатации, отчуждения, нищеты и их преодоления благодаря революции (280). Если после каждого цикла достигается более высокий уровень, то можно говорить о развивающемся (даже прогрессивном) цикле; если же уровень после каждого поворота оказывается по соответствующей шкале более низким, то процесс должен квалифицироваться как регрессивный цикл (рис. 1.5).

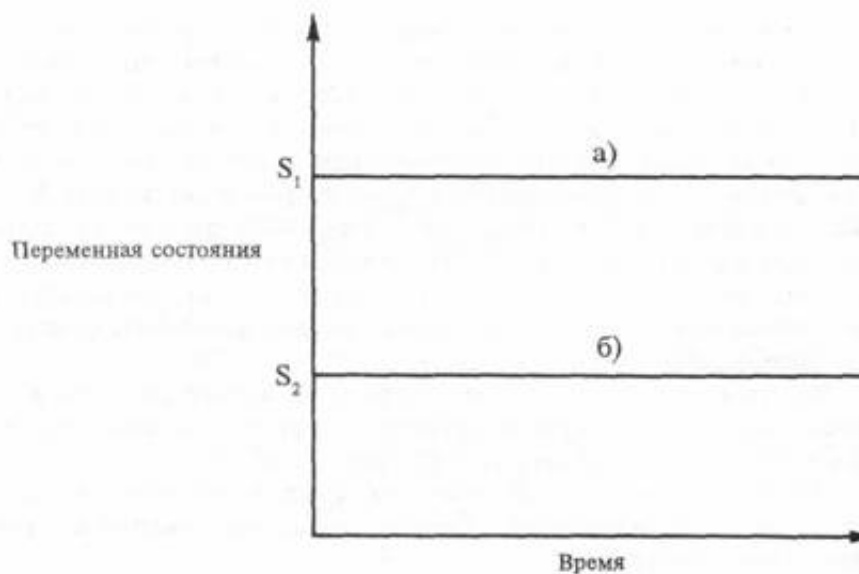

Рис. 1.6. Стагнация (застой): а) на более высоком уровне; б) на более низком уровне.

Частный случай процессов, когда в состоянии системы в течение какого-то времени не происходит никаких изменений, определяется как стагнация (застой) (рис. 1.6).

Другой частный случай процессов, когда изменения не следуют какому-либо

известному образцу, может быть назван случайным процессом (рис. 1.7).

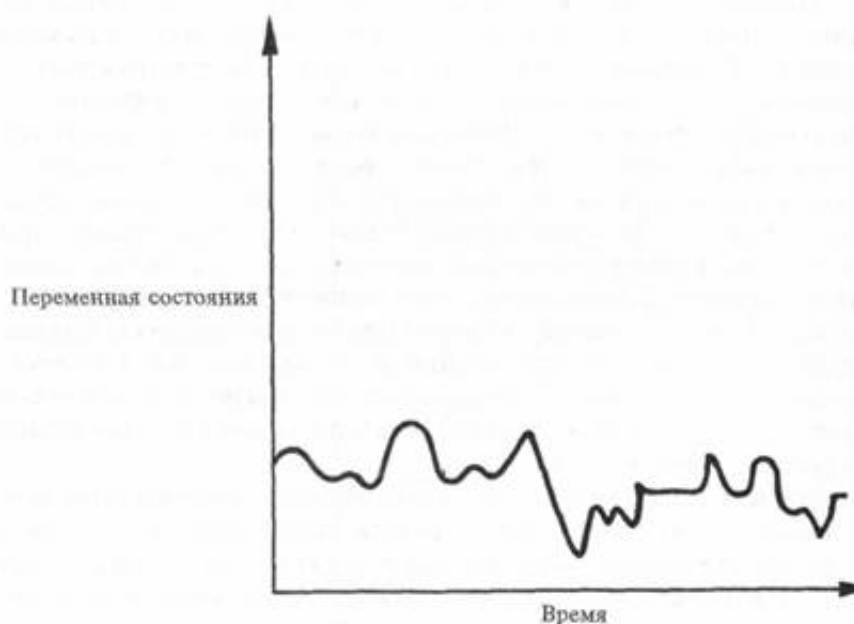

Рис. 1.7. Неупорядоченный (случайный) процесс.

Конечные результаты социального процесса

Второй важный критерий нашей типологии — конечный результат процесса. Некоторые, поистине созидательные процессы приводят к фундаментальным новшествам — возникновению совершенно новых социальных условий, состояний общества, социальных структур и т.д. Процессы такого типа обозначают термином «морфогенезис» (62; 58—66). К ним относятся, например, мобилизация социальных движений; образование новых групп, ассоциаций, организаций, партий; основание новых городов; принятие конституции нового государства; распространение нового стиля жизни или технологического изобретения со всеми далеко идущими последствиями. Морфогенетические процессы сыграли решающую роль в происхождении всех цивилизаций, в технологических, культурных и социальных достижениях человечества начиная с ранних примитивных обществ и кончая современной индустриальной эпохой.

Эти процессы следует отличать от простой трансмутации, приводящей к менее радикальным результатам и влекущей за собой лишь модификацию, реформацию или пересмотр существующих социальных установок. Среди данного типа процессов можно выделить так называемое простое репродуцирование, т. е. компенсаторные, адаптивные, гомеостатические, уравнивающие или поддерживающие процессы, которые в конечном счете по-

[37]

зволяют приспособливаться к окружающим условиям, сохраняя статус-кво, т. е. существование общества в неизменной форме. Упомянутые процессы находятся в центре внимания структурно-функциональной школы, которая исходит в первую очередь из таких предпосылок, как стабильность, социальный порядок, гармония, консенсус и равновесие (322). Не удивительно, что структуралисты широко изучают простое репродуцирование, в частности, социализацию, в ходе которой культурное наследие общества (ценности, верования, знания и т.д.) передается от одного поколения к другому; социальный контроль, снижающий угрозу стабильному функционированию общества по причине отклонений или возмущений; адаптацию и приспособление, позволяющие социальным структурам работать стабильно, несмотря на изменения внешних условий; неравномерное распределение социальных привилегий и льгот, охраняющих беспроblemное рек-рутирование на

существовавшие ранее статусы и роли (последние изучает и функциональная теория стратификации) (95). Наконец, существуют сдерживающие и санкционирующие системы правил отношений и поведения, этикета и т.д.

Если простое репродуцирование сохраняет все неизменным, то расширенное означает количественное увеличение без фундаментальных качественных изменений. К таким процессам можно отнести, например, демографический рост; расширение зоны пригородов; увеличение числа студентов, набираемых в университет; накопление капитала за счет экономии. Противоположное количественное движение, т. е. уменьшение, но опять-таки без качественных изменений, можно назвать сжимающимся репродуцированием. Типичными примерами этого типа процессов служат использование финансовых резервов без всякой экономии; «отрицательный рост» (сокращение) населения; хищническое использование природных ресурсов и т.п.

Когда помимо количественных наблюдаются и базовые качественные изменения, тогда мы можем говорить скорее о трансформации, нежели о репродукции. Правда, не всегда легко определить, где проходит разграничительная линия и какое изменение считать качественным. Как в «правиле большого пальца»: оно может означать и изменение структуры, сопровождаемое существенной модификацией всей сети взаимосвязей ее элементов в социальной системе или в социально-культурном поле, и изменение функций с важной модификацией в действиях системы или поля. Такие сдвиги затрагивают основу социальной реальности, поскольку их отзвуки обычно чувствуются во всех сферах («элементах») социальной жизни, трансформируют ее важнейшее,

[39]

сущностное качество. К примеру, появление лидерства и иерархии власти в группе, бюрократизация социального движения, замена автократического правления демократическим, увеличение разрыва между уровнями социального неравенства за счет налоговых реформ неизбежно приводят к структурным изменениям. А, скажем, введение на предприятии самоуправления наряду с советом нанимателей, берущим на себя прерогативы принятия решений; непосредственное включение церкви в политику; переход образовательных функций от семьи к школе и т.п. влекут за собой функциональные изменения. «Трансформация» — это синоним того, что мы ранее обозначали как «изменение чего-либо», а «репродукция» указывает в основном на «изменения внутри чего-либо».

Процессы в социальном сознании

Изучая изменения, происходящие в человеческом мире, важно учитывать, как они осознаются вовлеченными в них людьми, в частности, как воспринимаются те результаты, которыми сопровождаются эти процессы (385; **386**). Вводя в нашу типологию субъективный фактор, мы тем самым выделяем три дополнительных типа изменений, которые могут рассматриваться как субкатегории, либо даже как морфогенезис, или репродукция трансформации.

1. Процессы, которые можно распознать, предсказать и у которых можно выявить цель. Перефразируя Роберта К.Мертон (287; 73), точнее было бы назвать их «явными». Например, реформа правил дорожного движения снижает число аварий; легализация валютного обмена уничтожает черный рынок; приватизация розничной торговли расширяет снабжение потребительскими товарами.

2. Процессы, которые невозможно распознать, воспринять как положительные или отрицательные, установить, желательны они или не желательны. Следуя опять-таки мертоновскому указанию, будем называть их «латентными» («скрытыми»). В них изменения и их результаты возникают неожиданно и в зависимости от обстоятельств приветствуются либо нет. Например, большинство людей долго не осознавало, что индустриализация наносит ущерб окружающей среде. Так называемое экологическое сознание — феномен относительно недавний.

3. Люди могут распознать процесс, воспринять его течение и надеяться на то, что он даст определенный эффект, и все-таки полностью ошибиться в своих ожиданиях. Процесс течет вопре-

[40]

ки их расчетам и приводит к иным, а порой прямо противоположным результатам. Прибегая к термину, принятому Мертоном и Кендаллом (296). мы будем в таком случае говорить о «процессе-бумеранге». Например, пропагандистская кампания может усилить то отношение, которое она была призвана уничтожить, мобилизуя защитные механизмы и провоцируя негативную реакцию; фискальные реформы, предпринятые для обуздания инфляции, могут вызвать рецессию и усиление инфляции: из-за обострения конкуренции, вызванной стремлением увеличить прибыль, ее уровень может упасть.

Место причинности

Следующий важный критерий, по которому различаются типы социальных процессов, связан с движущими силами, скрывающимися за ними, причинными факторами, приводящими их в движение. Основной вопрос заключается в том, находятся они внутри самого процесса или действуют извне. В первом случае речь идет об «эндогенном» процессе (с имманентной, т. е. внутренней причиной), во втором — об «экзогенном» (с внешней, причиной). Эндогенные процессы раскрывают потенциальные возможности, свойства или тенденции, заключенные внутри изменяющейся реальности; экзогенные — реактивны и адаптивны и являются ответом на вызов (стимул, давление) извне.

Главная проблема различения эндогенных и экзогенных процессов состоит в проведении демаркационной линии между тем, что относится к внутренней, а что — к внешней стороне социальной сферы. Поскольку природа — внешний по отношению к обществу фактор, постольку все социальные процессы, представляющие собой реакцию на воздействие окружающей среды, должны рассматриваться как экзогенные. Так же можно охарактеризовать и изменения в средневековых обществах Европы в результате Черной Смерти — эпидемии чумы в XIV в. (420; 60—79); в моделях сексуального поведения в Калифорнии после того, как был обнаружен вирус СПИДа; в жизненных укладах из-за климатических сдвигов; в реакциях человеческих сообществ на природные катастрофы.

Однако можно сузить шкалу анализа и проводить разграничительную линию не между обществом и природой, а между различными подсистемами, сегментами либо измерениями общества. Введение этого элемента соотносительности позволяет считать, например, изменения политического режима, которые вы-

[41]

званы экономическим дефицитом, экзогенными, хотя они происходят внутри общества. Аналогичным образом секуляризацию жизни, обусловленную авторитарным политическим режимом, также следует считать экзогенной. Следовательно, водораздел между экзогенными и эндогенными процессами определяется уровнем анализа, но многое зависит и от временных рамок, в которых изучается тот или иной процесс.

Рассмотрим экологическое бедствие, изменяющее модели потребления в повседневной жизни всего населения. Это изменение моделей потребления есть очевидная реакция на ухудшение естественных факторов окружающей среды и, следовательно, представляет собой экзогенный процесс. Однако по своему происхождению разрушение экологии является продуктом человеческих действий, и в этом смысле изменение образа жизни может рассматриваться как эндогенный процесс, который был привнесён опосредованно и, конечно же, самими людьми не предполагался. Или возьмем другой пример: маньяк убивает детей, на что общество реагирует мобилизацией своих защитных механизмов — занятия в школах прекращаются, матери с детьми остаются дома. Экзогенны

ли эти процессы? — Да, в той мере, в какой их причина сопряжена с психикой человека, т. е. является в конечном счете психологической, естественной, как болезнь. Но ведь психопатия могла быть вызвана дефектами социализации или тем, что человека отвергло сообщество («стигматизацией»), и тогда причину следует признать социальной. С этой точки зрения, процессы, происходящие в охваченном тревогой обществе, эндогенны, поскольку обусловлены пренебрежительным отношением его членов к своим обязанностям на более ранней стадии. Следовательно, если проследить процессы на более продолжительном отрезке времени, то большинство из них можно назвать «экзо-генно-эндогенными»: развиваясь, они приводят к результатам, которые влияют не только на правила функционирования системы, где протекают эти процессы, но и на ее окружение, что также вызывает соответствующую реакцию (54; 329). Подчеркнем еще раз: отношение к процессу как к экзогенному или эндогенному всегда зависит от принятых ученым рамок анализа.

В качественном отношении причины изменений могут существенно различаться — это и естественные, и демографические, и политические, и экономические, и технологические, и культурные, и религиозные и многие другие причины. Социологи всегда стремились открыть наиболее важные факторы, вызывающие изменения, или то, что можно назвать «перводвигателями» социальных процессов. Среди многочисленных версий «социальных

[42]

детерминизмов», выдвигавших различные факторы на роль главных, выделяются две основные: сторонники одной делают акцент на «материальных процессах», порожденных «жестким» технологическим, экономическим, экологическим либо биологическим давлением; представители второй считали, что независимую причинную роль играют идеология, религия, этика и т.д., т.е. «идеальные процессы». Сейчас наметилась тенденция избегать такого разделения и рассматривать причинность как взаимодействие (конкретное, ограниченное, вовлекающее в единый поток движения) многочисленных сил и факторов — материальных, идеальных либо каких-то других. Ни один из этих факторов не квалифицируется теперь как конечная причина социальных процессов. Современная социология имеет тенденцию подвергать сомнению идею, согласно которой существует доминантная причина социальных изменений (54; 326).

Ныне социология не только отвергает абсолютизацию «единственных», «доминирующих» факторов, вызывающих изменения, но и заново определяет их. Сейчас уже широко распространено убеждение, что говорить об экономических, технологических или культурных причинах изменений в качестве доминирующих ошибочно и означает упрощение ситуации, поскольку за всеми этими категориями стоят реальные причинные силы, а именно — исключительно и только *человеческая деятельность*.

Данная проблема, центральная для современной социологии, будет детально обсуждаться позднее (см.: гл. 13), но сейчас важно вычленив два типа процессов, зависящих от местоположения воздействия. Одни возникают как ненамеренные и часто нераспознаваемые (скрытые) совокупности множества индивидуальных действий, предпринятых по различным частным причинам и мотивам, не имеющим ничего общего с процессами, которые они вызвали. Их можно назвать *спонтанными*, или возникающими «снизу». Типичный пример — не поддающиеся подсчету действия потребителей и производителей, покупателей и продавцов, нанимателей и работников, которые приводят к инфляции, рецессии или другим макроэкономическим процессам.

Однако бывают и противоположные ситуации, когда процесс сознательно выпускается из-под контроля с тем, чтобы достичь определенных целей. В таких случаях он иницируется, конструируется и управляется властными структурами. Подобные процессы можно назвать *спланированными*, или идущими «сверху» (383). Чаще всего они проводятся в жизнь с использованием законодательных средств. В качестве примеров можно назвать обусловленный национальной политикой правительства рост корен-

ного населения; повышение эффективности производства вследствие политики приватизации после антикоммунистических революций 1989 г. и т.д.

Уровни социальных процессов

Прежде чем завершить нашу типологию, сделаем одно важное замечание. Как уже указывалось и как достаточно ясно подтверждают приведенные примеры, социальные процессы происходят на трех уровнях социальной реальности: макро-, мезо- и микро-. Соответственно и мы будем рассматривать их как макро-, мезо- и микропроцессы.

Макропроцессы осуществляются на уровне мирового сообщества, национальных государств, регионов, этнических групп; по времени они самые продолжительные, или, говоря словами Броделя, делятся в *дурной бесконечности* (57). Процессы глобализации, всемирного ухудшения экономики, разрушения окружающей среды, волны социальных движений, демократизации политических систем, образовательный скачок, усиление единообразия культуры и секуляризация — все это примеры макропроцессов. Мезопроцессы охватывают большие группы, сообщества, ассоциации, политические партии, армии, бюрократию. Микропроцессы протекают в повседневной жизни человеческих индивидов: в малых группах, семьях, школах, объединениях по роду занятий, дружеских кружках.

Временной диапазон процессов

Процессы столь же разнообразны и с точки зрения их продолжительности. Подробнее об этом мы поговорим в гл. 3, сейчас же отметим, что их временной диапазон достаточно велик — от крайне коротких, мгновенных, быстротекущих процессов до долговременных, растягивающихся на целые исторические эпохи, на протяжении которых действуют тенденции, складывающиеся столетиями и тысячелетиями. Далее мы постараемся показать, что концепция социального процесса — предельно обобщенная теория, поэтому, прежде чем применить ее с пользой для изучения реальных исторических обществ, необходимо многие ее понятия более точно определить и конкретизировать.

2. Эволюция идеи прогресса

Краткая история идеи

С точки зрения здравого смысла, идея прогресса кажется самоочевидной, ибо стремление к прогрессу — одно из тех, которые мы воспринимаем как должное, поскольку оно широко распространено и его суть представляется ясной. На самом деле идея прогресса формировалась в течение столетий, постепенно обогащая свое содержание и приобретая современный сложный смысл. Интеллектуальные истоки понятия «прогресс» следует искать в далеком прошлом — ведь еще в античности оно приобрело чрезвычайно большой вес. Кристофер Доусон называл идею прогресса «рабочей верой нашей цивилизации» (цит. по: 230; 43), а по словам Роберта Нисбета, в течение трех тысяч лет в западной цивилизации ни одна идея не была более важной или такой же важной, как идея прогресса (313; 4).

Вероятно, объяснение этого феномена лежит в фундаментальных характеристиках человеческого бытия с его извечным разрывом между реальностью и желаниями, жизнью и мечтами. Может быть, столь постоянное противоречие между тем, что люди имеют, и тем, что хотели бы иметь, между тем, кто они есть на самом деле, и тем, кем хотели бы быть, и служит ключом к успеху человеческого рода, вечно голодного, вечно неудовлетворенного, постоянно ищущего и стремящегося к чему-то?! Концепция прогресса смягчает это экзистенциальное напряжение, проецируя надежду на лучший мир в будущее и уверяя, что его приход гарантирован или, по меньшей мере, возможен. В данном смысле она удовлетворяет некоторой всеобщей человеческой потребности и, несмотря на все недавние сомнения и

скептицизм, вероятно, еще долго будет оставаться с нами. Как заявил Сидней Поллард, мир сегодня верит в прогресс, потому что единственной альтернативой будет всеобщее отчаяние (цит. по: 230; 42).

Первые «ростки» идеи прогресса можно обнаружить в греческой античности. Греки полагали, что мир находится в процессе роста, постоянно раскрывая заложенные в нем потенции,

[45]

что в своем движении он проходит через фиксированные стадии (эпохи) вперед, улучшая действительность. Платон (427—347 до н.э.) в «Законах» рассуждал о совершенствовании социальной организации, которая продвигается от зародыша к более развитым формам. Аристотель (384—322 до н.э.) в своей «Политике» прослеживал эволюцию политического государства от семьи и первобытной общины до греческого города-государства (полиса), которое рассматривал как идеальное политическое устройство. Протагор (481—411 до н.э.) дал детальную реконструкцию прогресса в культуре, начиная от варварских племен и кончая развитой цивилизацией. Вместе с тем у трех этих авторов было сильное предубеждение относительно возможности и дальше совершенствовать мир, в том числе его социальный, политический и культурный аспекты (313; 10—46).

Второй источник идеи прогресса коренится в еврейской религиозной традиции. В библейских чаяниях пророков нашел отражение образ истории как священного, ведомого божественной волей или провидением, и следовательно, predetermined, необратимого и необходимого процесса. История человечества раскрывается через конкретные, «земные» события, и таким образом нас подводят к кульминации в будущем — «золотому веку», «вечному царству», раю. История направляет свой курс и выбирает пути благодаря указаниям «свыше»; ее маршрут прогрессивен, поскольку она постепенно и неуклонно приближается к последнему воплощению. Пророки, религиозные вожди, обладающие харизмой, наделены способностью читать эти божественные исторические знаки и предсказывать течение и исход земных событий.

Оба направления — греческое и еврейское — слились в иудео-христианской традиции, которая владела западной культурой многие последующие столетия. Наиболее полно этот уникальный сплав представлен у Августина Блаженного (354—430 н.э.). Идея прогресса, согласно широко принятой интерпретации, является секуляризованной версией христианской веры в провидение (230; 40).

В средние века в понятие прогресса были внесены некоторые новые элементы. Бернард из Шартра и Роджер Бэкон (1214—1292) применили эту концепцию к сфере идей. Они провозгласили, что с течением времени человеческое знание накапливается, постепенно обогащаясь и совершенствуясь. Сравнение с карликами, стоящими на плечах гигантов, принадлежащее Бернарду из Шартра (286) и гораздо позднее популяризованное Исааком Ньютоном, приложимо и к современным мыслителям, ко-

[46]

торые могут видеть лучше и дальше, поскольку они аккумулировали мудрость своих предшественников. Даже если они и не гигантского роста, то все равно знаниями они сильнее тех, кто был до них. Предполагается, что знания постоянно и постепенно развиваются, совершенствуются. В средние века появились первые разработки «социальных утопий» — идеализированных, обобщенных образов земного рая, совершенного общества, которого мы достигнем в будущем. Описанные Роджером Бэконом, Иоахимом Фиорским, другими мыслителями и ставшие весьма обычными в последующие столетия, социальные утопии определили то направление, в котором должно продвигаться человечество. Они критиковали современность на ярком фоне идеального, утопического образа, и в этом смысле

закладывали исходное измерение прогресса.

Интересный поворот идея прогресса пережила в эпоху великих географических открытий, когда выяснилось, что человеческие общества, культуры, политические и экономические системы не составляют единого целого. Стало очевидным существование огромного разнообразия социальных порядков в различных частях света. Однако ради сохранения идеи единства человечества и его необходимого продвижения вперед раздробленность объяснялась с особых позиций: в частности, утверждалось, что вариативность обусловлена различными стадиями развития, которых достигли разные общества. Более примитивные из них отстали на ранних стадиях, демонстрируя более развитым их прошлое, а более цивилизованные, достигнув более высоких стадии, как бы предлагают примитивным взглянуть на их будущее. Таким образом, признавалось существование общей траектории, по которой движутся все общества. Здесь допустимо следующее сравнение: все взбираются на одну вершину, но с разной скоростью и с разным успехом; или все стоят на одной лестнице, но на разных ступенях, в конце траектории (или на вершине лестницы) находятся самые развитые и цивилизованные западные общества. Этот образ явился результатом попыток «конвертировать многообразие в концептуализированную гомогенность единого, упорядоченного во времени прогресса всех народов в мире — от наиболее простых до наиболее развитых, под которыми Народы Западной Европы, несомненно, подразумевают себя» (313; 149). Не случайно именно тогда началась долгая история этноцентрических предрассудков, типичных для большинства теорий социальных изменений, западноцентризма или более специфичных европоцентризма и американоцентризма.

Эпоха Просвещения внесла несколько новых штрихов в даль-

[47]

нейшую разработку и обогащение понятия прогресса. Жак Бусе (1627—1704) ввел идею всеобщей истории и всеобщего образца, лежащего в основе самостоятельных историй различных континентов, регионов и стран. Он создал первую разветвленную периодизацию всеобщей истории, выделив двенадцать великих эпох, каждая из которых свидетельствует о постоянном улучшении общества, и в частности о постоянном прогрессе религии. Кондорсе (1743—1794) разработал альтернативную периодизацию из десяти стадий с более отчетливыми механизмами прогресса, смысл которых заключался в постоянном совершенствовании знания и науки. Джамбаттиста Вико (1668—1744) провозгласил рождение Новой Науки, цель которой он видел в поиске важнейших объективных закономерностей в человеческой истории. Наконец, Иммануил Кант (1724—1804) предложил следующий критерий прогресса: смысл и направление истории определяются ростом индивидуальной свободы в совокупности с развитием морали, которая ограничивает свободу личности, если она угрожает свободе других людей.

Наконец, мы подошли к XIX в., который одни называют «эрой прогресса», другие — «триумфом идеи прогресса» (313; 170). Идея прогресса становится общим местом в философии, внедряется в литературу, искусство и науку. Дух романтического оптимизма сопровождается верой в разум и мощь человека. Представляется, что наука и технология способны гарантировать постоянное улучшение. Эта интеллектуальная атмосфера нашла свое отражение в появлении новой дисциплины — социологии, отцы-основатели которой разрабатывали свои версии прогресса.

Сен-Симон (1760—1825) и Огюст Конт сосредоточились на прогрессе разума. Они утверждали, что типичные стили мышления, изменяясь, проходят три стадии: теологическую, метафизическую и позитивную. Последняя стадия, собственно, и является стадией науки — эмпирического, ориентированного на факты знания, способного объяснить, предсказать и дать практические рекомендации (вспомним знаменитую фразу Конта «*Savoir, pour prévoir, pour prévenir*»). «Позитивная» наука рассматривалась как венец достижений человеческой мысли. По гипотезе Герберта Спенсера, прогресс в природе, равно как и в обществе,

подчиняется всеобщему принципу эволюции. С его точки зрения, ведущим изменением в обеих областях является принцип структурной и функциональной дифференциации (возрастающей сложности внутренней организации и функционирования). Карлу Марксу принадлежит создание утопической картины коммунистического будущего, которое, по его мнению, достижимо исклю-

[48]

чительно благодаря освободительной борьбе эксплуатируемых классов с использованием возможностей, предоставляемых ростом производительных сил (технологий). Движение к бесклассовому, коммунистическому обществу должно пройти через ряд социальных революций. Макс Вебер (1864—1920) обратил внимание на всепроникающую тенденцию к рационализации общественной жизни и социальной организации (исчисления, принятие во внимание используемых средств, приоритет эффективности, оттеснение в тень эмоций и традиций, безличность бюрократического управления). Он считал данную тенденцию основным направлением, в котором движется общество. Эмиль Дюргейм (1858—1917) указал на растущее разделение труда и сопровождающую этот процесс интеграцию общества через «органическую солидарность», которая зиждется на взаимовыгодном, взаимодополняющем вкладе всех членов общества.

И лишь в работах Фердинанда Тенниса (1855—1936) были впервые высказаны сомнения в прогрессивности природы изменений, прозвучала мысль о побочных негативных эффектах развития (130; II; 72). Он обратил внимание на достоинства раннего традиционного *сообщества (Gemeinschaft)* по сравнению со сменившим его современным индустриальным и урбанистическим *обществом (Gesellschaft)*. Это вызвало широко распространившееся разочарование в идее прогресса и побудило к поискам «потерянной общности», которые растянулись на целое столетие*.

Постепенно концепция прогресса приобрела крайне сложный, многомерный характер и приблизилась к ее современному виду.

Определение прогресса

Идея прогресса логично вписывается в модель направленной трансформации и в некоторые версии теории развития. Что касается структурного функционализма и циклических теорий, то с ними данная идея сочетается с трудом. В самом деле, бессмысленно говорить о том, что общество прогрессирует, т. е. становится лучше, если оно остается стабильным. Классический структурно-функциональный подход основан на равновесии социаль-

* В сущности Ф. Теннис обозначил терминами *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* не столько общину и общество, сколько свойства общности и свойства современных обществ. Поэтому в социологической литературе оба термина, как правило, но переводятся, сохраняются в немецком «гемайншафт» и «гезельшафт». (Ред.)

[49]

ных систем, циклические же теории видят лишь замкнутые циклы, возвращение через определенный период времени к отправной точке. Концепция прогресса приобретает какой-то смысл только в сочетании с идеей трансформации (т.е. изменения самого *общества*, а не только изменения *внутри него*). Следуя Роберту Нисбету, прогресс можно определить как идею, согласно которой человечество медленно, постепенно и долго выползло из первоначальных условий страха, отсутствия культуры, невежества, поднимаясь ко все более высоким уровням цивилизации. Такое движение будет продолжаться в настоящем и будущем, несмотря на случайные отклонения (313; 10).

Рассмотрим это определение более внимательно. Для того чтобы концепция прогресса сохраняла аналитическую точность, необходимо разделить ее на несколько

главных компонентов: 1) понятие необратимого времени, текущего линейно и обеспечивающего непрерывность прошлого, настоящего и будущего. Прогресс, по определению, является положительно оцениваемой разницей между прошлым и настоящим (достигнутый прогресс) или между настоящим и будущим (предполагаемый прогресс); 2) понятие направленного движения, в котором ни одна стадия не повторяется, а каждая более поздняя ближе к предполагаемому конечному состоянию, чем любая более ранняя; 3) идея кумулятивного процесса, который протекает либо по возрастающей, шаг за шагом, либо революционным путем, через периодические качественные «скачки»; 4) различие между типичными, «необходимыми» стадиями (фазами, эпохами), которые проходит процесс; 5) особо выделяемые «эндогенные» (внутренние, имманентные) причины процесса, проявляющегося в качестве самодвижущегося (автодинамического), т.е. раскрывающего внутренние возможности общества, в котором происходят изменения; 6) признание неизбежного, необходимого, естественного характера процесса, который не может быть остановлен или отвергнут; 7) понятия улучшения, продвижения вперед (164), усовершенствования, которые отражают тот факт, что каждая последующая стадия лучше предшествующей. При этом ожидается, что кульминацией на конечной стадии явится полная реализация таких ценностей, как счастье, изобилие, свобода, справедливость, равенство и т.д.

Последнее утверждение позволяет говорить о том, что прогресс всегда соотносится с ценностями, т.е. это не чисто описательная, детальная, объективированная концепция, а, скорее, ценностная категория. Один и тот же процесс может квалифицироваться по-разному в зависимости от предполагаемых ценностей-

[50]

ных предпочтений, которые совершенно различны у разных индивидов, групп, классов, наций. Следовательно, мы постоянно должны задаваться вопросом: прогресс для кого и в каком отношении? Если абсолютного прогресса не существует, то всегда необходима шкала ценностей, принятых в качестве измерителя, или критерия, прогресса.

Но означает ли это, что выбор таких ценностей полностью субъективен? Нельзя попадать в ловушку абсолютного релятивизма. Степень относительности ценностей может быть различной. На одном полюсе мы найдем такие параметры, с которыми согласится, наверное, большинство людей и которые могут рассматриваться как наиболее близко приближающиеся к абсолютному критерию прогресса. Возьмем саму человеческую жизнь, представляющую для нас высшую ценность. Скептикам и релятивистам, отрицающим прогресс в современном обществе, я задам следующий вопрос: разве не является фактом то, что средняя продолжительность жизни в XX в. в два раза выше, чем в средние века? Можно ли объяснить это чем-либо другим, кроме как прогрессом медицины? Несомненно, увеличения продолжительности жизни желают повсеместно. А разве уничтожение многих опасных эпидемий не служит еще одним показателем прогресса? Или сокращение временных затрат как еще одна бесспорная ценность. Неужели плохо пересечь океан не за три месяца, а за шесть часов, что стало возможным благодаря техническому прогрессу? Разве не предпочтительнее послать факс, чем неделями ждать ответа на письмо, а ведь это еще одно техническое достижение. Третьим претендентом на универсальную ценность могут быть знания. Разве не лучше знать больше о механизмах, действующих в природе и обществе, чем мы знали раньше? Как писал Роберт Мертон,

сегодня астрономы действительно имеют гораздо более глубокие, основательные и точные знания о Солнце, Луне, планетах и звездах, чем в свое время Аристарх Самосский или даже Птолемей. Современные демографы лучше осведомлены об изменениях динамики населения, чем, скажем, Уильям Пегги в XVII веке или даже Томас Мальтус в XIX (290; 337; 292-294).

Однако существуют области, в которых выбор критерия прогресса в значительной

степени зависит от контекста. В XIX в. и в большей части XX в. индустриализация, урбанизация, модернизация считались синонимами прогресса, и только недавно обнаружилось, что они могут иметь слишком далеко идущие последствия (перенаселенные города, забитые аэропорты, пробки на автострадах, перепроизводство товаров и т.д.) и что хорошие

[51]

вещи могут давать весьма неприятные побочные эффекты (распыление ресурсов, загрязнение и разрушение окружающей среды, болезни цивилизации). Кроме того, стало очевидным, что прогресс в одной области зачастую возможен только за счет регресса в другой. Происходящие сейчас в посткоммунистических странах Восточной и Центральной Европы процессы демократизации, развития предпринимательства и свободного рынка сопровождаются ростом безработицы и нищеты, ослаблением социальной дисциплины, повышением уровня преступности и правонарушений, локальными конфликтами, неуправляемостью и широким распространением масс-культуры. Как здесь свести баланс выгод и ущерба, функций и дисфункций?

На протяжении длительного периода интеллектуальной истории многие мыслители — от Томаса Мора до Мао Дзедуня и от Платона до Маркса — верили, что прогресс можно сохранить на всех уровнях общества для всех его членов одновременно и в конце концов достичь полного и всеобщего процветания. Они рисовали образы совершенного общества, создавали социальные утопии. Прогресс означал приближение к совершенству, утопии, будь то Новая Гармония, тысячелетнее царство. Город Солнца или коммунизм.

Вместе с тем среди ученых немало тех, кто, отдавая себе отчет в несочетаемости, амбивалентности и несоизмеримости различных измерений прогресса, предлагает иные, более специфические критерии. Они выбирают такие стороны, аспекты социальной жизни, которые, на их взгляд, одинаково важны для всех, и определяют прогресс в соответствии с ними. Для одних доминирующей областью является религия, и потому духовный и моральный прогресс, ведущий к спасению, рассматривается как самый важный. Для других важнее всего секуляризация знания, и, следовательно, решающим оказывается прогресс знаний, ведущий к «позитивной» науке. Третьи фокусируют свое внимание на сфере повседневной жизни и отмечают значимость социальных связей, сплетений, солидарности, «лигатур» в смысле обозначения наличных общностей как наиважнейшего аспекта прогресса. Четвертые считают центральной сферу политики и выдвигают критерий свободы; причем, и негативной, т.е. свободы от ограничений, барьеров, чтобы иметь возможность для индивидуального самовыражения и самореализации; и позитивной, т.е. свободы для влияния на собственное общество и его формирование. Еще одной версией этого критерия стала эмансипация — расширение поля деятельности для тех, кто является полноценным членом, правомочным субъектом — гражданином обще-

[52]

ства. Иными словами, прогресс в данном случае измеряется постоянным ростом вовлеченности людей в общественную жизнь и исчезновением неравенства, что и нашло отражение в лозунге «Egalite» во время Великой французской революции (1789) и в последующих дебатах об эгалитаризме.

Некоторые мыслители придают большое значение техническому развитию, считая господство над природой конечной мерой прогресса. Техника для них олицетворяет уникальную мощь человеческого рода в его противостоянии окружающему миру. Другие усматривают предпосылки прогресса в гуманно организованном производстве и равномерном распределении, а его основные критерии — в справедливости и равенстве. Наконец, кое-кто отдает предпочтение реализации возможностей доступа к ним: в выборе

рода занятий, образования, отдыха и досуга и т.д. (89). В более узком смысле — это возможность выбора для потребителя, растущее изобилие и разнообразие товаров и услуг, доступных на рынке. Критерий возможностей часто сочетается с понятием равенства, при этом упор делается на равенство возможностей для самых широких слоев общества. В качестве измерителя прогресса принимается не наличие возможностей и их *выбора*, а лишь равные и всеобщие возможности как таковые.

Таким образом, среди частных критериев прогресса мы находим следующие: спасение, знание, общность индивидов, свобода (негативная и позитивная), эмансипация, господство над природой, справедливость, равенство, изобилие, способность выбора и равные жизненные возможности.

Механизм прогресса

Столь же разнообразны и взгляды на механизм прогресса. Речь в данном случае идет о трех вещах: во-первых, о движущих силах, т.е. о том, что подталкивает социальное развитие в прогрессивном направлении; что является причинным, активизирующим фактором; во-вторых, о форме или виде, который принимает прогресс, т.е. о том, какова траектория прогресса, по которой он движется; и, в-третьих, об образе действий социальной системы, которая прогрессирует. Как достигается прогресс, какими средствами?

Говоря о движущих силах прогресса, можно выделить три последовательных стадии разработки этой проблемы в истории социальной мысли. На самой ранней стадии движущая сила прогресса выводилась в сверхъестественную область. Люди верили,

[53]

что прогрессивное направление социального или исторического процесса охраняют боги, провидение, судьба. Такая сакрализация агента действия, ведущая к вере в прогресс, заданный свыше, в то, что это дар богов, делала благодарностью единственно приемлемой формой человеческой реакции.

Позже движущие силы стали искать в естественной области. Ответственность за прогрессивный курс социальных процессов была возложена на тенденции и потенциалы, наследуемые обществом (наподобие того, как тенденции, закодированные в генах, эмбрионах, семенах, несут ответственность за рост организмов). Секуляризация агента действия способствовала тому, что прогресс стал рассматриваться как процесс естественного и неизбежного раскрытия потенциалов. При таком понимании единственно приемлемой формой человеческой реакции является адаптация, приспособление. Наконец, на самой поздней стадии истории социальной мысли решающая роль отводится человеку (отдельному индивиду или коллективу) как производителю, субъекту, «конструктору» прогресса. Соответственно и прогресс квалифицируется как то, что должно быть достигнуто, сконструировано, введено и, следовательно, что требует творческих усилий, борьбы, поиска, иначе говоря, активного человеческого действия.

Таким образом, если проанализировать представления о прогрессе по его движущим силам, то можно установить их главное различие: оно заключается в том, что прогресс трактуется либо как автоматический, *саморазвертывающийся* процесс, либо как понятие человеческой деятельности, активности. В первом случае движущие силы выносятся за рамки человеческих возможностей, во втором они напрямую связываются с деятельностью людей. Первая версия провозглашает необходимость прогресса, вторая обосновывает его ограниченность, поскольку он может происходить (но может и не происходить) в зависимости от действий, предпринимаемых людьми. По первой версии прогресс *случается*, по второй — *достигается*. Первая версия поощряет пассивное, адаптивное отношение («поживем, увидим»), вторая требует активного, творческого, конструктивного участия.

Форма, или вид, который принимает прогресс, также воспринимается по-разному. Одни авторы рассматривают его как постепенный, восходящий процесс, который шаг за шагом, равномерно продвигает общество к лучшему. Вот, к примеру, классическая трактовка

научного прогресса: изобретения, открытия, наблюдения, гипотезы медленно накапливаются во времени, охватывая все более широкий диапазон явлений и все глубже проникая в их суть. Знание аддитивно: оно расширяется медленно,

[54]

прирастает небольшими частями. Но есть и другая точка зрения, согласно которой прогресс представляет собой прерывистый, дискретный процесс; в ходе этого процесса после количественного накопления изменений наступают периоды неожиданного ускорения изменений, приводящие к качественному сдвигу (скачку) — на более высокий уровень. Это революционный (или диалектический) образ прогресса. Возьмем тот же пример с наукой. В соответствии с современным взглядом, выдвинутым Томасом Куном (224), научный прогресс достигается посредством серии научных революций, радикальных изменений доминирующей научной доктрины, а не просто прибавлением знания в рамках того же самого образа. Отказ от прежней парадигмы и принятие новой открывает период, в рамках которого происходит нормальная накопительная работа, но только до определенного момента, когда парадигма «выдыхается» и становится бессильной перед лицом новых задач. Она преодолевается, и ее сменяет следующая, более плодотворная парадигма. Марксистская теория аналогичным образом трактует социальный и экономический прогресс, утверждая, что социальные революции приносят радикальные, качественные изменения общественно-экономических формаций (рабовладельческий строй сменяется феодальным, феодальный — капиталистическим, капиталистический — социалистическим и т.д.). В длительные периоды между революциями прогресс проявляет себя в более медленной, кумулятивной, чисто количественной форме (см. гл. 11).

С тем, что мы называем формой, или видом, прогресса, связана проблема его необратимости, постоянства. Является ли процесс линейным, необратимым или выступает только в качестве всеобщей, конечной тенденции, которая допускает временные регрессы, провалы, стагнацию, повороты и преобладает только в «конечном счете»? Ранние эволюционисты, например, Конт, Спенсер, Дюркгейм, видимо, разделяли первую точку зрения. Прогресс мысли, структурная дифференциация или разделение труда рассматривались ими как неуклонно движущийся процесс. А, скажем, Карл Маркс придерживался совершенно иной точки зрения. По его мнению, вплоть до XIX в. история развивалась так, что внутри каждой предшествующей общественно-экономической формации наблюдался регулярный, систематический регресс — усиливались эксплуатация, обнищание масс, росли возмущение и недовольство, углублялась несправедливость и т.д. Все это достигало такой степени, что делало социальную революцию неизбежной. Революция означает большой прогрессивный скачок, но затем тот же самый процесс внутреннего регрес-

[55]

са и упадка зарождается заново в рамках новой общественно-экономической формации. Вначале этот процесс имеет «прогрессивный» характер, но затем он дегенерирует и подготавливает почву для следующей революции. В долговременной перспективе траектория истории прогрессивна; в короткой же включает в себя преходящие фазы регресса. Интересно отметить, что марксистская точка зрения имеет некоторое сходство с представлениями ранних религий, например, христианства (см. у Св. Августина), согласно которому спасение и вечное счастье (Град Божий) могут быть достигнуты лишь через страдания, лишения и несчастья в земной жизни. Конечное блаженное существование добывается ценой прежних несчастий.

Наконец, при рассмотрении образа действия социальной системы, в результате которого происходит прогресс, выявляется и другая противоположная пара. Один образ, также типичный для ранних эволюционистов, выражает «мирное», гармоничное

развертывание потенциала прогресса. Другой фокусируется на внутренних напряжениях, противоречиях и конфликтах, разрешение которых движет систему в прогрессивном направлении. Мани-хейская тема борьбы между противостоящими силами добра и зла, позитивными и негативными элементами (в ней добро временами побеждает) под различными одеяниями присутствует в многочисленных теориях прогресса. Мы находим ее у Св. Августина в его дихотомии Града Бога и Града Человека — двух полярных сил, борющихся в мире; в учениях диалектиков Гегеля и Маркса (последнему принадлежит идея классовой борьбы как центральной движущей силы исторического прогресса); в дарвинизме с его концепцией борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных видов как факторе естественного отбора и прогрессивной эволюции; в психоанализе Фрейда, декларировавшего постоянное напряжение между «Ид» (коренными, биологическими движителями) и «суперэго» (социально обусловленными ограничениями) в рамках отдельной человеческой личности, а также между природой и культурой во внешнем мире.

Отказ от идеи прогресса

В течение почти трех тысяч лет доминировавшая в социальной мысли, идея прогресса, похоже, начинает отвергаться в XX в. Обнаруживаются исторические факты, противоречащие этой идее, формируются некоторые интеллектуальные направления, не согласные с ее глубинными, базовыми постулатами (13).

[56]

XX век завершается, и на его исходе предпринимаются попытки дать ему оценку. Многие наблюдатели уже называют этот век «ужасным». XX столетие стало свидетелем жертв нацистов и сталинского ГУЛАГа, двух мировых войн, более 100 миллионов убитых в глобальных и региональных конфликтах, широкого распространения безработицы и нищеты, болезней и эпидемий, наркотиков и преступлений, экологического разрушения и распыления ресурсов, тираний и диктатур всех видов — от фашизма до коммунизма и, наконец (последнее по месту, но не последнее по важности), постоянной угрозы атомного уничтожения и глобальной мировой катастрофы. Не удивительно, что разочарование в идее прогресса распространилось столь широко (13; 15— 38). В конце концов, прогресс — рефлексивное понятие: оно соотносится с объективной социальной реальностью, поэтому интерес к нему усиливается в периоды очевидного прогресса и ослабевает, когда реальный прогресс становится сомнительным. Наверное, глубина разочарования обусловлена тем, что этому предшествовало время надежд, повсеместного оптимизма, время чаяний и обещаний «эры прогресса», «триумфа современности» в прошлом и начале нынешнего века.

Роберт Нисбет (313; 317—351), объясняя главные постулаты идеи прогресса, подчеркивает, что все они подвергаются атаке со стороны современного знания. Приведем лишь несколько примеров. Долгое время бытовало убеждение в благородстве, даже превосходстве западной цивилизации. Но недавно вера в ценности и установки современных, высокоразвитых западных обществ была поколеблена. Нисбет находит симптомы разочарования в идее прогресса, во-первых, в широко распространившемся иррационализме, возродившемся мистицизме, бунте против рассудка и науки; во-вторых, в субъективизме и эгоистическом нарциссизме, которые типичны для потребительской культуры; и, в-третьих, в воцарившемся пессимизме, в доминирующем образе дегенерации, разрушения, упадка.

Другой постулат, лежащий в основе идеи прогресса, — уверенность в необходимости неуклонного экономического и технологического роста, безграничного усиления человеческой мощи. Сейчас этому явно противостоит альтернативная идея «пределов роста», барьеров для всякой экспансии (299). В еще одном положении провозглашалась вера в рассудок и науку как единственные источники ценностного и практически применимого знания. Сейчас в противовес этому мы наблюдаем атаку на науку со стороны эпистемологического релятивизма и атаку на разум, которому противопоставляется роль эмоций, интуиции, подсозна-

тельного и бессознательного, и утверждение иррационализма. Наконец, концепция прогресса в ее современной секулярной версии основывалась на вере в глубоко присущую важность, в нетленную ценность жизни на земле (313; 317). В нынешнем индустриальном обществе, где царит потребительская культура с ее ориентацией на отдых и гедонистические удовольствия, вдохновляющий и мобилизующий потенциал, похоже, выдыхается, и общество покрывается «саваном скуки», им овладевают чувство бессмысленности, аномия и отчуждение.

К списку Нисбета можно добавить еще два момента: во-первых, крушение утопизма, а во-вторых, утверждение концепции кризиса. Утопизм, т.е. выражение всеобщих идеализированных образов лучшего, желаемого общества, как мы уже видели, в судьбе нескольких поколений был тесно связан с идеей прогресса, однако сейчас мы становимся свидетелями явных антиутопических настроений. Окончательный удар по утопическому мышлению был нанесен недавно падением коммунистической системы, последней из провалившихся попыток практически реализовать утопическое видение мира. Что осталось, так это неуверенность в будущем, его непредсказуемость; будущее представляется всемерно ограниченным, открытым случайности и случайному развитию. Это подрывает другой постулат идеи прогресса — ориентацию на будущее. Не существует больше проектов, ориентированных на будущее, способных захватить человеческое воображение и мобилизовать коллективные действия (роль, которую ранее так эффективно выполняли социалистические идеи). Уже не существует и видения лучшего мира (когда-то его обеспечивала утопия коммунизма); вместо этого мы имеем либо катастрофические пророчества, либо простые экстраполяции нынешних тенденций (как, например, в теориях постиндустриального общества). Более того, не существует программы социальных улучшений, нет понимания того, как избежать пессимистических предсказаний. Не удивительно, что люди не думают о будущем, занимают позицию, ориентированную на сиюминутный успех, на получение немедленной выгоды, их горизонты ограничены ежедневным существованием.

В результате всех этих исторических и интеллектуальных перипетий концепция прогресса была заменена концепцией кризиса — лейтмотив XX столетия. Это справедливо для всего общественного сознания, в котором преобладают пессимистические взгляды на социальную реальность, причем не только в слаборазвитых и бедных странах, но также в ведущих и процветающих. Люди привыкают мыслить в терминах локального или все-

общего кризиса — экономического, политического, культурного. Это справедливо и для социальной науки, в которой также доминирует критическое рассмотрение текущих процессов в терминах кризиса. По словам Хольтона, современная социальная мысль одержима идеей кризиса (195; 39). Далее он пронизательно замечает, что мы становимся свидетелями забавной «нормализации кризиса». Сама по себе тема кризиса изначально была характерна для драмы и, может быть, медицины, где она обозначает пересечение, точки раздвоения, т.е. моменты, когда интенсификация процесса требует определенного разрешения — либо позитивного (например, выздоровление пациента), либо негативного (например, смерть). Следовательно, кризис есть явление временное и ведет к улучшению или к катастрофе. Однако люди склонны рассматривать социальный кризис как хронический, всеобщий и не предвидят его будущего ослабления.

Пришедшая на смену идее прогресса идея хронического кризиса определила интеллектуальный климат и общее настроение, в котором, по словам Хольтона, социальный опыт все меньше становится частью героического эпоса и все больше — частью мыльной оперы... Одним из наиболее поразительных симптомов эпохи разговоров о кризисе и его

нормализации является провал оптимистических повествований о социальных изменениях и исторической эволюции (195; 43—44). Это яркий пример того, что постмодернисты назвали концом «великих басен» (252).

Означают ли подобные настроения, что концепция прогресса мертва? — Сомневаюсь. Я надеюсь, что идея прогресса слишком важна для человеческого сознания, слишком фундаментальна для смягчения экзистенциальных напряженностей и неуверенности, чтобы от нее отказаться ради чего-то другого. Она переживает временный кризис, но рано или поздно вновь обретет силу и власть над человеческим воображением. Однако для того, чтобы сохранить ее жизнеспособность, ее нужно пересмотреть и переформулировать, очистить от некоторых устаревших и ошибочных положений. Об этом мы поговорим далее, завершая нашу дискуссию о прогрессе.

Альтернативная концепция прогресса

Нынешнее разочарование в идее прогресса тесно связано с Критикой, направленной на многочисленные традиционные теории развития. Критика «метафоры роста», лежащей в основе эво-

[59]

люционизма, и «железных законов истории», провозглашенных в догматических, ортодоксальных версиях исторического материализма, должна привести к отказу от идеи прогресса (331; 332; 311; 312; 403). Но правомерно ли такое заключение? Разве нельзя остаться приверженцем концепции прогресса, отвергнув традиционные версии теории развития с их неприемлемыми предположениями о финализме, фатализме или детерминизме? Разве невозможно избавить идею прогресса от балласта XIX в.?

Поскольку первоначально идея прогресса была связана с образом направленного процесса, постольку необходимо ответить на ряд вопросов о ее более специфических характеристиках. Прежде всего, *за какую фазу процесса* концепция прогресса «цепляет якорь», или, выражаясь менее метафорично, какая фаза процесса составляет предмет ее непосредственных интересов? На этот вопрос возможны три ответа. Первый, наиболее распространенный в классической социологической теории, относит прогресс к «выходу», конечному результату, продукту процесса, который определяется либо как всеохватывающая калька, комплексный образ будущего общества (типичный пример — социальные утопии), либо как набор некоторых специфических черт общества или его составляющих (например, благополучие, здоровье, производительность труда, равенство, счастье). В таком случае можно говорить о прогрессе как идеале. Второй ответ включает прогресс во всеобщую логику развития процесса, в соответствии с которой каждая стадия лучше предыдущей и вместе с тем сама подлежит совершенствованию, но без видимых границ (это характерно для эволюционного понятия постепенной дифференциации или адаптивного роста). В данном случае можно говорить о прогрессе как улучшении. Наконец, третий ответ соотносит прогресс с его внутренним механизмом, с заложенной в человеке способностью к прогрессу. Речь идет именно о потенциальных возможностях, которые и являются сутью прогресса.

Я намерен подробнее остановиться именно на последней концепции. Ее элементы можно обнаружить в доктрине Е.Х. Карра о неограниченном прогрессе. Вот как вкратце охарактеризовал ее Кристофер Лэш: «Не указывая на конец истории, он (Карр) считает, что люди все еще вправе ожидать улучшений, которые они могли бы предвидеть, не думая при этом об ограничениях и ставя цели по мере продвижения к ним» (230; 42).

Прежде чем детально разобраться в этих положениях, я хотел бы поставить вопрос иначе — о содержании критерия прогресса и его логическом статусе. Кто-то может сказать, что критерии прогресса абсолютны, постоянны, универсальны, т.е. говоря дру-

[60]

гими словами, — неизменны. Предположительно, эти критерии должны обеспечить нас внешне независимой шкалой, по которой можно оценивать идущие процессы. Согласно противоположной, релятивистской и исторической точке зрения, стандарты прогресса динамичны, постоянно изменяются и обновляются по мере разворачивания процесса, а потребности, желания, цели, ценности или любые другие мерки прогресса модифицируются по мере их достижения. Они всегда соотносятся с конкретной фазой процесса и никогда не достигают последнего, окончательного воплощения. То, к чему мы стремимся, изменяется и варьирует, лишь само стремление постоянно. Существует многообразие объектов человеческих желаний, но сами желания изменчивы. Следовательно, критерий прогресса следует искать не вовне, а скорее внутри самого процесса.

Еще один вопрос связан с деонтическим статусом прогресса: относится он к области необходимого или возможного? Согласно традиционному подходу, прогресс неизбежен, необходим, поскольку подчиняется неумолимым законам эволюции и истории. Более поздние теории морфогенетического структурирования (они будут обсуждаться в гл. 13) выбирают другой, вероятностный подход. В соответствии с ним, прогресс трактуется как возможный *шанс* на улучшение, которое, увы, не всегда наступает или может остаться незамеченным.

Наконец, следует задаться еще одним вопросом — об онтологической основе прогресса: какова сущность каузальной, генерирующей силы, рождающей прогресс? На этот вопрос существуют четыре варианта ответа. Доктрина «провиденциализма», которой придерживаются различные школы социальной философии, помещает движущую силу прогресса в сверхъестественную область, видит в нем проявление божественной воли, провидения, вмешательство Бога. Доктрина «героизма», типичная для традиционной историографии, этой старшей сестры социологии, находит агента деятельности исключительно среди великих людей — монархов, пророков, законодателей, революционеров, полководцев и т.д. В данном случае движущая сила прогресса видится в земной сфере, но она все еще внесоциальна, потому что зависит от личностных (более или менее случайных) свойств индивидов. Доктрина «органицизма» видит первопричину прогресса в свойстве социального организма расти, эволюционировать, развиваться. Источники прогресса социальны, но, как ни парадоксально, внеличностны. В картине мироздания люди до сих пор отсутствуют. Компенсаторные, автоматические, саморегулирующиеся механизмы царствуют, кажется, независимо от

[61]

человеческих усилий. Если люди и появляются, то только как хорошо управляемые марионетки, бездумные исполнители, носители predetermined вердиктов истории, воплощенных в производительных силах, технологических, демографических тенденциях или революционном *порыве*.

Только в доктрине «конструктивизма», лежащей в основе теории постмодернизма, акцент делается на реальных социализированных индивидах, причем не вырванных из социального и исторического контекста, а движущая сила прогресса отыскивается в нормальной повседневной социальной деятельности людей. В рамках этой доктрины прогресс в какой-то степени рассматривается как результат осознанных, целенаправленных действий, но в основном он трактуется как ненамеренный и зачастую неосознанный итог человеческих усилий, продукт «невидимой руки» (Адам Смит), «хитрого разума» (Гегель) или «ситуативной логики» (Карл Поппер). Наконец-то субъект деятельности очеловечен и социализирован одновременно. Вновь появляются обычные люди и приобретают действительно человеческие размеры. Они — знающие, но не всевидящие; обладающие силой, но не всемогущие; создающие, но не волшебники; свободные, но не беспредельно.

Короче говоря, новая версия теории постмодернизма, в частности теория морфогенетического структурирования, предлагает иной подход к социальному прогрессу. Теперь он рассматривается как потенциальная способность, а не как конечное достижение;

как динамическое, изменяющееся в ходе эволюции, относительное качество конкретного процесса, а не абсолютный, универсальный, внешний стандарт; как историческая возможность, открытый выбор, а не необходимая, неизбежная, неуклонная тенденция, и, наконец, как продукт (часто непреднамеренный и даже неосознанный) человеческих — индивидуальных разнонаправленных и коллективных — действий, а не результат божественной воли, благих намерений великих людей или автоматического действия социальных механизмов. Такой подход дает основу для принципиально новой интерпретации прогресса. «Уверенность в том, что улучшения могут произойти только благодаря человеческим усилиям, обеспечивает решение загадки, которая в противном случае просто неразрешима» (230; 48).

Но в каком случае можно считать, что агент действия прогрессивен? Вообще, с точки зрения прогресса, лучше, чтобы был *какой-нибудь* агент, чем никакого. Ясно, что прогресс невозможен без направленного изменения, и если мы признаем, что оно осуществляется людьми, то, видимо, должны признать и тот факт,

[62]

что *некоторые из них* действительно являются носителями прогресса. Однако действия людей — лишь необходимые, но отнюдь не достаточные условия. Кроме того, не надо забывать, что направленное изменение может быть не только прогрессивным, но и регрессивным. Какие же черты субъекта деятельности наиболее существенны в этом смысле?

1. Во-первых, важную роль играют, конечно, личностные характеристики исполнителей. Ведь они могут быть людьми творческими, способными к выдвиганию новых идей, ориентированными на достижение определенных целей; но могут быть и пассивными, консервативными, стремящимися удержать занимаемые позиции; они могут стремиться к автономии, независимости, цельности своей личности или, напротив, демонстрировать конформизм, адаптивность, зависимость; могут адекватно оценивать наличную социальную ситуацию, но могут быть абсолютно невежественными, пребывать в тисках мифов или ложного сознания. То, что отличает большинство деятелей или особо влиятельных исполнителей, имеет решающее значение для формирования качеств деятеля.

2. Характеристики структуры также весьма значимы. Они могут быть разнообразными, плюралистичными, гетерогенными, комплексными или, наоборот, ограниченными, гомогенными, простыми, обладающими бедным выбором. Они могут быть открытыми, гибкими, толерантными, допускать широкий спектр вариаций, либо закрытыми, жесткими, догматичными, решительно отрицающими новшества. И опять-таки, на качестве субъекта деятельности отражается то, какой именно тип структур окружает большинство деятелей или особо влиятельных исполнителей.

3. Характеристики естественной среды, в которой находится общество, оказывают воздействие на двух уровнях; посредством объективного обусловливания и через субъективное отношение к этим условиям. Они могут быть благоприятными, ресурсами, щадящими, либо суровыми, бедными и ограничивающими. Поведение людей тоже может быть двояким: они либо овладевают природой, покоряют ее, укрощают ее стихию, приспособлявая к своим нуждам и чаяниям, либо сами приспособляются к ней, оставаясь в состоянии пассивного подчиненного слияния с природой.

4. Поскольку нельзя отказаться от исторического измерения общества, необходимо помнить и о традициях, причем, как и в предыдущем случае, надо учитывать объективный и субъективный уровни отношения к традициям. На первом уровне, види-

[63]

мо, имеет значение, является традиция постоянной, непрерывной, длительной, или она прерывиста, непродолжительна, неоднозначна. На втором, субъективном, уровне

уважительному отношению к традициям, стремлению следовать им может быть противопоставлено предпочтение сиюминутности, огульное отрицание прошлого (что типично для «нового поколения»).

5. Наконец, существенно варьируют и характеристики предполагаемого будущего. На одном полюсе находятся оптимизм и надежда, на другом — пессимизм, катастрофизм и отчаяние. Вера в то, что будущее зависит от человеческих усилий и потому вариативно, противопоставляется всем видам фатализма и финализма. Образ будущего или стратегический план на будущее представляют собой прямую противоположность ожиданию его скорого наступления, немедленного «пришествия» или приспособленческой схеме действий.

Если мы еще раз посмотрим на полный список характеристик субъекта деятельности, то заметим, что они распадаются на две группы. Одна определяет, будут ли люди стремиться изменить свое общество (входящие в эту группу переменные формируют мотивации, ориентированные на действие), вторая — будут ли люди способны действовать (переменные данной группы формируют поведенческие возможности, направленные на действие). Деятеля можно считать прогрессивным только в том случае, если он сочетает обе предпосылки: мотивации и возможности, иными словами, если он *хочет* и *может* действовать.

На мой взгляд, такая ситуация достигается благодаря слиянию ряда условий на начальных полюсах каждой дихотомии, т. е. при следующей комбинации: (1) творческие, независимые, адекватно осознающие реальность деятели; (2) богатые и гибкие структуры; (3) благоприятные и активно воспринимаемые естественные условия; (4) долгая и уважаемая традиция; (5) оптимистичный, долгосрочный взгляд на будущее и его планирование. Это — идеальный (с установкой на прогрессивную самотрансформацию) тип «активного общества» (если воспользоваться термином Амитаи Этциони; 118), которое генерирует прогрессивно ориентированную деятельность.

До сих пор мы описывали качества деятеля, рассматривая его с внешней перспективы, сводя эти качества к факторам, приложимым извне. Теперь мне хотелось бы проанализировать действия прогрессивно ориентированного субъекта так сказать, изнутри. Вопрос можно сформулировать так: каков *modus operandi* (образ действия) субъекта, который помещен в определенные

[64]

условия и подвергается структурным, личностным, естественным и историческим воздействиям.

Образ действия можно описать с помощью двух всеобъемлющих понятий: «свобода» и «самотрансценденция» (т.е. способность выходить за пределы собственных возможностей). Жизнеспособный, ориентированный на прогресс деятель до известной степени свободен. Имеется в виду и негативная свобода («свобода от»), которая дает возможность сохранять свою независимость от довлеющих над ним обстоятельств, действовать в пределах определенного поля потенциалов, выборов и шансов; и позитивная свобода («свобода для», т.е. «свобода делать что-либо»), которая позволяет влиять, модифицировать, преодолевать трудности и обеспечивает определенную степень власти и контроля над обстоятельствами.

Решающей же, наиболее важной чертой является тенденция к самотрансценденции — к способности выходить за собственные пределы, прорываться через сдерживающие трудности, «переступить границу». Используя метафору, можно сказать, что самотрансценденция проходит по трем «границам» условий человеческого существования: трансценденция природы посредством ее покорения, контроля и регулирования; трансценденция социальных структур посредством отказа от прежних, пересмотра, реформ и революций; и последняя по месту, но не по значению — самотрансценденция посредством обучения, тренировки, самоконтроля, продвижения вперед и т.д.

Это свойство (тенденция к самотрансценденции) проистекает из двух основных

черт человеческого мира: а) склонности к инновациям, выдвижению оригинальных, новых идей; б) кумулятивного (суммарного) характера постоянно расширяющегося и обогащающегося человеческого опыта, который на индивидуальном уровне приобретается путем обучения, а на историческом — через социальную сферу и культуру. Таким образом, основной росток, источник прогресса обнаруживается в неистребимой и в сущности неограниченной способности человека к созиданию и обучаемости, в возможности воспринимать или создавать новшества, а также наследовать и постоянно наращивать общий багаж знаний, мастерства, стратегий, технологий и т.д.

Если данные условия будут выполняться, то самотрансцендентный и постоянный прогресс человечества станет возможным. Позволю себе особенно подчеркнуть это «если». Мы не Можем утверждать, что прогресс необходим, поскольку не знаем, захотят и смогут ли люди реализовать свою способность к созиданию. Различные природные, структурные и исторические ус-

[65]

ловия, а также факторы, подавляющие активность (например, пассивность, сформировавшаяся в результате социализации; подключение адаптивных, защитных механизмов или жестокие уроки, «шрамы» от прошлых неудач), могут воспрепятствовать расцвету этой способности. Точно так же может быть прерван процесс накопления, передачи традиций, причем как на индивидуальном, так и на историческом уровнях (решающую роль здесь играют семья, церковь, школа, средства информации и другие институты). В таком случае следует ожидать не прогресса, а скорее всего стагнации или регресса.

Самотрансцендентность общества, будучи конечной причинной силой, воздействует, в свою очередь, на субъекта, преобразуясь в его собственную самотрансцендентность. Реализация потенциальных возможностей субъекта деятельности посредством практики способствует их расширению, а его эмансипация через действие во времени увеличивает его свободу и усиливает тенденцию к самотрансцендентности. Конечная прогрессивность деятеля обнаруживается в том, что он не только стимулирует прогресс, но и сам прогрессирует, иными словами, является концентрированным историческим продуктом собственной деятельности.

3. Временное изменение общества: социальное время

Время как измерение социальной жизни

Все социальные явления происходят в некоторый момент времени. Все социальные процессы имеют протяженность, протекают во времени. Короче говоря, социальная жизнь простирается во времени. Время, как и пространство, является универсальным контекстом социальной жизни. «Мы должны ухватить пространственно-временные отношения, наследуемые конституцией всех социальных взаимодействий... Любые существующие модели взаимодействия расположены во времени» (147; 3, 202). Время является неразделимым измерением человеческой реальности, «имплицитным в каждом аспекте наших жизней» (4; 2). Эти онтологические факты влекут за собой эпистемологические последствия: они служат причиной «централизации времени как субъективной материи социальных наук» (4; 9), или, как сформулировал Гидденс, «интегрирования времени в социальную теорию» (147; 198).

Очевидно также, что время еще более тесно связано и с социальными изменениями. Само переживание времени и идея времени вытекают из изменения природы реальности. Невозможно воспринять или вообразить время без ссылки на какое-либо изменение. И наоборот, идея изменения отдельно от времени просто непонятна. Как мы помним, время появляется в определении социального изменения, которое обычно относят к различию *по времени* в двух состояниях социальной системы (см. гл. 1). Питирим Сорокин писал об этом со всей определенностью: «...любое Становление, Изменение, Процесс, Сдвиг, Движение,

Динамическое Состояние, в противоположность существованию, предполагает время» (367; I, 156).

Рассмотрим сначала некоторые общие свойства времени как измерителя любого социального феномена, а затем некоторые специальные характеристики времени как аспекта социальных Изменений. Каждый социальный феномен или событие связаны с другими, т.е. абсолютно обособленных, уникальных или изо-

[67]

лированных феноменов, событий не существует. Одна из форм, которые принимает такое отношение, — это предшествование и следование друг за другом событий, связанных в единую цепь, или процесс. Данное положение справедливо для макро-, мезо-и микрособытий. Война влечет за собой мирный договор, выборы — президента, инфляция — отклонение от стандарта жизни, диктаторская политика — оппозиционные движения. Все это происходит в пределах единой исторической линии.

Переключимся на другое измерение: за детством следует обучение в школе, за свадьбой — дети, за выходом на пенсию — смерть. Такие события случаются на протяжении всей биографии. Если повседневную реальность рассматривать более подробно, то после завтрака следует поездка в метро на работу, затем наступает перерыв на обед, потом какое-нибудь собрание, обратный путь домой, телевизор, ужин, укладывание в постель. Эти события отмечают протяженность повседневной жизни. На всех уровнях, у любого отдельного события всегда найдется место -в ряду, где ему будут предшествовать или следовать за ним другие события, а оно будет происходить до или после других, т.е. в определенное время. Говоря иначе, «все социальные действия встроены по времени внутрь более широких социальных действий. Мы называем это *встраиванием во времени*» (241; 82).

Каждое социальное явление или событие не только связаны с другими, но и сами могут быть разбиты на компоненты, которые, в свою очередь, также взаимосвязаны по временным параметрам. Некоторые внутренние отношения опять-таки последовательны, они соединяют более ранние и поздние стадии (фазы) того или иного явления. Мы говорим, что каждый феномен или событие имеют некоторую продолжительность, т.е. длятся в течение определенного времени. Возьмем те же примеры, которые мы только что рассмотрели. Война, как свидетельствует история средних веков, может длиться более 100 лет. Школьное обучение продолжается 10 лет или больше. Завтрак требует полчаса. Шкала времени может простираться от макро- через мезо- до микро-, но сам факт, что каждый феномен или событие занимают некоторое время, очевиден.

Если мы считаем событие мгновенным, молниеносным, то это всегда лишь вопрос относительности применяемой временной рамки. С точки зрения обычного восприятия, гром и молния могут считаться как бы не имеющими длительности, но для физика это крайне сложная и протяженная последовательность электрических импульсов и звуковых волн. Высокий прыжок, удар в теннисе кажутся крайне быстрыми, но представьте себе

[68]

все те биологические процессы, которые протекают в организме атлета и каждый из которых является составной частью длительности. Битва может быть лишь эпизодом для военного стратега, но не для солдат, сидящих в окопе. Словом, не существует вневременных феноменов или событий как в смысле расположенности, так и в смысле протяженности их во времени. Последовательность и протяженность — два решающих аспекта времени.

Социальные события и явления также необратимы. Раз уж что-то однажды произошло, то назад этого не воротить (4; 169). Если вы предприняли некоторые действия, то их нельзя совершить обратно; если вы о чем-то подумали, мысль нельзя «подумать» обратно; если вы

чему-то научились, то это не может быть для вас «неизвестным»; если вы что-то испытали, то это не может быть неиспытанным. Короче говоря, жизнь нельзя прожить в обратном направлении. «Наши жизни «утекают» в необратимом потоке времени так же, как проходит жизнь организма» (149; 35).

Это замечание справедливо для всех уровней социальной жизни. На историческом макроуровне не существует «завязывания войны», раз уж она была развязана. Конечно, войну можно остановить, подписать мирный договор, но это уже совсем другое, а именно — последующее историческое событие. На биографическом мезоуровне нельзя «родить ребенка обратно», если его произвели на свет. Наверное, можно отказаться от родительских прав или просто подкинуть ребенка, он может умереть в младенчестве, но это все уже другие, последующие биографические события. На уровне повседневной жизни мы отлично знаем, что невозможно взять слова обратно, если они сказаны, например, в ссоре. Пусть она закончится миром и полным согласием, но так же, как нельзя вернуть омлет к состоянию яйца или не съесть уже съеденный ужин, как бы ни хотелось этого с переполненным желудком ночью, ссору нельзя «отссорить обратно». Все это охвачено метафорической идеей времени, и какое бы событие ни произошло в будущем, оно уже по-своему разместится в общем потоке событий. Гераклит выразил данную мысль в своем знаменитом изречении: нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Говоря же словами современного автора, «повторенное действие никогда не будет тем же самым. Все, вовлеченное в него, будет уже непоправимо изменено в промежуточный период» (4; 168).

Необратимость временного потока включает в себе различие между прошлым, настоящим и будущим. Это различие, столь очевидное для нас сегодня, исторически не универсально; осознание его появляется лишь на определенной ступени развития человеческих обществ, что самым непосредственным образом

[69]

связано с изобретением письма. Прошлое только тогда начинает «простирается назад», когда оно записано, а не только вспоминается. «Строго говоря, история начинается с письма» (159; 30). Будущее направлено вперед, оно может быть спланировано и спроектировано. Сильнейшее подтверждение упомянутых различий дает иудео-христианская традиция, и затем из этой традиции оно распространяется на всю человеческую цивилизацию.

Различие между прошлым, настоящим и будущим не столь разительно, как может показаться. Строго говоря, настоящего не существует, поскольку социальные процессы имеют длительность и в каждый рассматриваемый момент непрерывно переходят из прошлого в будущее; они уже в прошлом, или больше уже не в будущем. Как бы ни была мала взятая нами шкала времени, всегда есть движение, поток, а не замороженное состояние. Пока я пишу это, каждое предложение оказывается в прошлом еще до того, как я его заканчиваю. В момент, когда я печатаю слово, оно уже не в будущем. Расхожее мнение о том, что будущее и прошлое встречаются в настоящем, не лишено разумного смысла. Однако для практических целей их разграничение имеет несомненную ценность лишь до тех пор, пока мы осознаем, что понимаем настоящее как некую строго оговоренную условность, вычлененную из непрерывного потока времени. В социальной жизни демаркационной линией часто служат возможности человеческого восприятия и причины, влияющие на ход событий. По утверждению Барбары Адам, «мы знаем прошедшие события по записям, воспринимаем настоящие непосредственно, а будущие знаем лишь в воображении. Прошедшие события детерминированы, настоящие становятся детерминированными и лишь будущие еще должны быть детерминированы... На прошлое невозможно влиять, настоящее само является предметом влияния, а будущее поддается воздействию лишь в потенции» (4; 22).

Время как аспект социального изменения

Время является не только универсальным измерением социального изменения, но и

его основой, конституирующим его фактором. В социальной жизни изменение происходит повсеместно, оно «вездесуще»; строго говоря, нет двух различающихся по времени состояний любой социальной сущности (действия, группы, общности, института, общества и т.д.), которые были бы идентичными. Конечно, для практических целей допустимо игнорировать определенную степень различия, и тогда мы гово-

[70]

рим о стабильности, постоянстве как противоположности изменению. Например, историки, сравнивая современный период, для которого характерны ускоренные процессы, сдвиги, с древними обществами, рассматривают их как стабильные, неизменные в течение столетий. Социальные антропологи описывают некоторые примитивные, неразвитые общества как «холодные», противопоставляя их «горячим», урбанистически-индустриальным, «переразвитым» обществам Запада. Все это, однако, относительно. То, что рассматривается как стабильное, «принадлежит большей частью к таким изменениям, которые протекают гораздо медленнее, чем происходит их осмысление наблюдателем. Традиционные общества изменяются крайне медленно, если их сравнивать и определять по нынешним западным стандартам» (4; 29).

В реальности изменения и время существуют всегда, а идея стабильности является лишь вспомогательным, подручным средством, «для удобства». Даже когда мы пользуемся этим средством, мы не можем игнорировать время, потому что, говоря о стабильности, мы имеем в виду, что отсутствие различий не абсолютно, а относительно, и что постоянные черты наблюдаются на протяжении сравнительно продолжительных периодов времени. «Говорить о социальной стабильности, абстрагируясь от времени, невозможно, поскольку стабильность означает продолжительность во времени» (147; 199). Более того, говорить о стабильности правомерно лишь применительно к чему-то изменяющемуся. Например, общество эскимосов стабильно по сравнению с канадским, датским или итальянским. Американская конституционная система стабильна по сравнению с американской экономикой или технологией. Католическая церковь стабильна, несмотря на постоянную «текучесть» верующих, увеличение и сокращение их численности за многие века.

В социальных изменениях время проявляется в двух ипостасях. Прежде всего, оно может служить своего рода внешней рамкой для измерения событий и процессов, упорядочения их хаотического потока таким образом, чтобы человек мог ориентироваться и координировать социальные действия. Это — «количественное время», его показывают такие удобные приборы, как часы и календари, позволяющие нам идентифицировать относительный поток, скорость, интервалы, продолжительность различных социальных событий, связывать или разделять по порядку бесчисленные действия, предпринятые индивидами и группами. Была бы возможна академическая лекция, если бы профессор и студенты не появились в одной и той же аудитории примерно в °Дин и тот же момент, а студенты предыдущей лекции ее зара-

[71]

нее не покинули? Была бы возможна религиозная церемония, если бы священник и паства не пришли в церковь одновременно? Мог бы быть отправлен поезд, если бы машинист, проводники и пассажиры не собрались в одно и то же время на одной и той же платформе? Чем сложнее становится человеческое общество, тем более возрастает важность временного порядка и координации. В нынешнем обществе ни одна организация не смогла бы работать без учета времени. Представьте себе большую фабрику без рабочих смен, железную дорогу или авиакомпанию без расписания, рестораны без часов работы. С изобретением приборов для измерения времени все социальные изменения — события и явления — могут быть помещены в эти внешние рамки, т.е. мы можем говорить о «событиях во времени».

Но есть и вторая ипостась времени в социальных изменениях: время связано с социальными изменениями как внутреннее, имманентное, онтологическое свойство событий и процессов. Это «качественное время», определяемое природой социальных процессов. Когда мы рассматриваем какие-либо социальные процессы, то видим, что они проявляют различные временные качества.

1. По своему типу они более продолжительны или более кратки. Сравним, например, битву и войну, законодательную реформу и медленное моральное разложение, революционную мобилизацию и экономический рост.

2. Они протекают быстрее или медленнее. Сравним, например, галопирующую инфляцию и постепенную эмансипацию женщин, мгновенную карьеру в поп-арте и постепенное профессиональное совершенствование в медицине.

3. Социальные процессы характеризуются ритмически или беспорядочно чередующимися интервалами. Сравним, например, волны экономического процветания или упадка, взлеты и спады с беспорядочными изменениями фасонов и моды в мире искусства.

4. Они разделяются на единицы различных самостоятельных качеств посредством естественных или социальных обстоятельств. Сравним, с одной стороны, периоды работы и отдыха, соответствующие естественным периодам — времени суток (дня и ночи), или в сельской местности — фазы фермерского труда, также разделяемые естественными границами — временами года (весна, лето, осень, зима), а с другой, — социально обусловленные различия, например, время молитвы и время светской жизни, национальные праздники и будни, дни поминовения и медовый месяц, дни торговли и Рамадан, экза-

[72]

менационные сессии и университетские каникулы. Во всех этих случаях мы имеем не просто «события во времени», а «время в событиях», т.е. то, что в социологии обозначается термином «социальное время».

Счет времени

Для измерения времени необходимы шкала и единицы, которые могут быть построены для повторяющихся событий, отмечающих интервалы, и уникальных событий, отмечающих начало шкалы. Естественные события обеспечивают очевидные точки отсчета, и самый простой из них — астрономический цикл, последовательность дней и ночей, чередование сезонов. Идея рассвета, восхода, утра, полудня, послеполуденного времени, вечера и захода солнца, вероятно, является универсальной, обусловленной первичными условиями существования человека на земле. Чередование сезонов — весны, лета, осени и зимы, — чаще всего различающихся по климатическим, атмосферным условиям, естественно связано с циклом размножения и вегетации, что тоже не осталось незамеченным даже самыми древними племенами. Такое разделение становится центральным для организации годового цикла деятельности в обществе, основанном на жестких образцах культуры, и в земледельческих обществах. Другой, вероятно, повсеместно принятой и осознанной единицей времени является месяц, вычленение которого основано на лунном цикле в 29,5 дней. Для оценки времени в обществах, экономика которых базируется на рыболовстве и морских занятиях, особенно важна связь с приливами.

Остальные единицы времени отражают скорее общественный, чем природный опыт. Например, социальное, т. е. до некоторой степени договорное, происхождение недели ясно видно на примере варьируемости длины, которую она принимает в разных культурах: восемь дней в раннем Риме, семь — в иудео-христианской традиции, десять — в Китае, пять или шесть дней в отдельных районах Африки и Центральной Америки. Основание Для определения недели усматривается в повторяющемся ритме рынка и ярмарок (159; 34—35). Здесь отражается и биологическая необходимость в отдыхе. Один день выделяется для отдыха или духовных нужд, молитв и ритуалов (пятница в исламе, суббота в иудаизме, воскресенье в христианстве). Разделение, связанное с религиозными предписаниями, можно

найти и в годовой (например, литургический год у христиан), и в дневной шкалах

[73]

(жизнь монастырей, размеченную часами молитв, великолепно описал Умберто Эко в книге «*Имя Розы*»).

Первые технические приборы, отмечающие и измеряющие время, — солнечные и водяные часы (клепсидры) — появились в Вавилоне и Египте за тысячи лет до нашей эры. Потом последовала длинная череда многочисленных изобретений, и наконец, в середине XIV в. в Европе были сконструированы первые хронометры с гиревым механизмом. Затем был придуман пружинный механизм, но лишь в середине XIX в. на рынках Швейцарии и Соединенных Штатов появились дешевые личные часы для массового потребителя, а не только для самых богатых. В XX в. часы стали наиболее распространенным техническим прибором.

Настенные и наручные часы позволили отделить время от конкретных событий — как естественных, так и социальных — и ввести договорные единицы времени равной длительности, так что их легко подсчитать. Разделение дня на 12 часов, основанное на зодиакальной системе, было введено уже в древней Греции, а вот разделение часа на шестьдесят минут и минуты на шестьдесят секунд имеет гораздо более позднюю историю и относится к середине XIV в.

Время в сознании и культуре

Будучи всепроникающей чертой социальной жизни, пронизывающей все социальные события и процессы, время нашло свое отражение на субъективном уровне сознания. Восприятие и понимание времени является всеобщим человеческим опытом. Индивиды поразительно отличаются друг от друга своим «чувством времени», в частности, способностью оценивать длительность событий, идентифицировать моменты времени без часов (например, угадывать час дня), предусматривать длительность процесса, необходимую для достижения определенной цели (устанавливая точки отсчета), делить процессы на интервалы (при планировании дневной работы). Одни люди просто одержимы пунктуальностью, другие почти всегда надолго опаздывают. Психология времени — это поле, которое фокусируется на таких и подобных явлениях, или, иначе говоря, на «внутреннем времени» индивидов.

Для социологии интереснее другое отражение реальностей времени — социопсихологическое или культурное. Мы имеем в виду относящиеся к тому или иному конкретному времени типичные символы, ценности, правила и ориентации, которых

[74]

придерживаются различные группы, сообщества, классы и т.д. Они фиксируются в определенных кодексах и включаются в социальное сознание или культуру, приобретая характер норм и правил межличностного общения, придавая различным обществам отчетливый «временной профиль». Отпечаток таких распространенных культурных образцов может ощущаться в различных сферах социальной жизни, проявляясь в специфических стилях поведения. Если сравнить современную американскую культуру с мексиканской или немецкую с итальянской, либо в исторической перспективе — более ранние, традиционные общества с современным индустриальным, то можно легко обнаружить фундаментально различные временные ориентации. Некоторые занятия и профессии очень жестко требуют пунктуальности, «экономии времени» и т.д., для других это не столь важно. Сравните бизнесменов, предпринимателей с артистами, пилотов на авиалиниях с фермерами. Не только занятия и профессии, но и социальные классы, тендерные группы (т.е. мужчины и женщины) и группы возрастные различаются между собой в их временных перспективах.

Говоря о временной ориентации, или временной перспективе, следует различать несколько аспектов.

1. Уровень осознания времени. Это наиболее важная черта. На одном полюсе — одержимая озабоченность течением, прохождением, недостатком времени и т.д. (синдром «время-деньги»), на противоположном — безразличие, пренебрежение временем, вседозволенность обращения с ним (синдром «отложим-на завтра»).

2. Глубина осознания времени. Иногда такими характеристиками, как значение и важность, наделяется лишь непосредственное, ближайшее время, а иногда и отдаленное. Говорить о краткосрочной и долгосрочной перспективе можно независимо от того, смотрим мы вперед или назад, в прошлое. Крайний случай краткосрочной ориентации иногда называют «презентизмом» («сиюминутностью»).

3. Форма или вид времени: циклическое или линейное. Мирцея Элиад (112) считает, что «древний» человек воспринимал время в виде цикла, в рамках которого события раскрывались в повторяющемся ритме природы. Линейное видение времени начинается с христианства, с идеи будущего воздаяния и спасения, к которому неуклонно приближается все человечество. Но хотя в современном индустриальном мире линейные представления о времени явно преобладают, тем не менее существуют важные

[75]

области, в которых господствует циклическое видение. Микаэль Юнг (456) подчеркивает, что циклические ритмы социальной жизни самым тесным образом связаны с ритмической сущностью социальных процессов, и в качестве иллюстраций ссылается на ежедневные циклы работы и отдыха, солнечного и религиозного года, недели и даже академического и спортивного календаря. Дж. Дэвис Люис и Эндрю Дж. Вейгарт (241) рассматривают три цикла, базирующиеся на трех естественных последовательностях, которые можно определить как единицы времени, — дневной круг, недельный оборот и времена года.

4. Ориентация на прошлое или будущее. «То, как члены группы соотносят себя с прошлым и будущим (т. е. их временной перспективой), в большой степени зависит от ее структуры и функций» (84; 191 — 192). Некоторые группы обращены назад: к традициям, достижениям прошлого, они «живут в истории». Другие обращены вперед: они порывают с традициями, игнорируют прошлое, смотрят в будущее. В связи с этим можно говорить о ретроспективной и перспективной ориентациях. Например, считается, что американское общество обращено к будущему, «китайское же использует настоящее как центральную точку, из которой поток существования растекается в обе стороны» (84; 192). Внутри каждого сообщества также существует дифференциация, но уже на более низких уровнях: одни группы — этнические, религиозные, по роду занятий — принимают временную перспективу, существенно отличающуюся от других. Например, в американском обществе некоторые анархистские политические движения или религиозные секты ориентируются на будущее, утопическое или хилиастическое (тысячелетнее) видение. Представители большинства профессий также ориентированы на будущее, хотя и в более прозаической форме, поскольку более реалистично оценивают время. То же можно сказать и по поводу американского среднего класса, который стремится к достижениям, карьере и готов отложить немедленное вознаграждение на будущее. А, например, отдельные регионы (Старый Юг) или патриархальные семьи живут своими воспоминаниями о прошлом. Наконец, представители некоторых маргинальных групп — бродяги, бездомные, безработные, живут исключительно сегодняшним днем. Такое сокращение временной перспективы характерно и для тех, кто оказался в необычных, неустойчивых или опасных ситуациях, например, в сражении на войне. Очевидно также, что у «маленьких детей временная перспектива наиболее краткосрочна, старики же, как правило, обращены в прошлое» (241; 82). Короче говоря, «люди воспринимают настоящее в за-

висимости от того, сосредоточивают они свое внимание на «здесь и сейчас», видят в настоящем инструмент для конструирования будущего или усматривают в нем искаженный фрагмент славного прошлого» (84; 3).

5. Интерпретация будущего, к которому можно подходить либо как к чему-то, что нужно принимать пассивно, либо к чему-то, что надо активно конструировать. Если первое предполагает согласие и адаптацию, то второе — планирование и формирование. Соответственно можно говорить о пассивном, или фаталистическом, отношении (например, в религиозных хилиастических сектах) и активном, или волюнтаристском (например, в революционных социальных движениях). Сочетание активного отношения к будущему с широким временным воображением, охватывающим и повседневную жизнь, и исторические процессы, называется «историчностью». Говоря словами Адама, это — «осознание того факта, что мы не только сформировались исторически, но и сами формируем историю, что не только история творит нас, но и мы творим историю» (4; 146). По мнению Гидденса, «это осознание линейной протяженности своей собственной трансформации» (147; 221).

6. Предпочтение ценностей. Ориентацию на изменения, новизну и прогресс можно квалифицировать как прогрессивную. Если же предпочтение отдается повторяемости, сходству и порядку, то такую ориентацию правомерно считать консервативной. Эта идеологическая модель относится, конечно, к гораздо более широкой области, нежели просто осознание времени, но в данном случае она тоже играет немаловажную роль.

Фактор времени входит в культуру общества, общности или социальной группы не только в качестве способности к той или иной временной ориентации, но и в гораздо более специфической форме. Это — правила (нормативные ожидания), регулирующие различные аспекты человеческого поведения. Они действуют среди различных институтов, т. е. средоточий норм и ценностей, связанных с важными социальными функциями, как, например, система образования, институт семьи, системы экономики, политики и т.д., а также внутри различных социальных ролей, т. е. средоточий норм и ценностей, связанных со специфическими социальными позициями (статусами), например, учителя, менеджера, рабочего, студента, полицейского и т.д. Короче говоря, правила, имеющие дело со временем, структурно встроены в более широкую сеть правил социальных нормативных систем.

Роберт К. Мертон выделил важную категорию подобных пра-

вил, назвав их «социально ожидаемыми длительностями» (294; 295). Он полагает, что существуют социальные нормы, которые составляют «первичный временной компонент социальных структур и межличностных отношений» (287; 365—366). Встроенные в социальную структуру, они регулируют продолжительность определенных актов, длительность существования групп и организаций, сроки служб и т.д. Суть не только в том, что некоторые формы социальной жизни действительно существуют дольше, чем другие. Есть нормативные ожидания, которые предписывают их продолжительность, и любой отход от этих норм воспринимается обществом как отклонение, что влечет за собой социальные санкции. Сравните женитьбу с мимолетным увлечением на каникулах за границей, семью с каким-нибудь комитетом по выполнению задания, рассчитанного на два месяца, или, например, отцовство, по определению пожизненное, с президентством, законодательно ограничиваемым определенным сроком.

Как и все социальные правила, «ожидаемые длительности» существенно влияют на мышление и действия социальных исполнителей. Обычно, если предполагается, что продолжительность социальных связей, членства в группе или статуса будет велика, то люди станут воспринимать их более серьезно, посвящать им больше времени, энергии, денег, эмоций и т.д. Сравним, например, положение матери в семье с положением временного сотрудника фирмы. Даже если люди занимаются одной и той же работой, то исполнение

может быть совершенно различным в зависимости от нормативно установленной длительности. Достаточно вспомнить японские корпорации с их правилом пожизненной работы на одной фирме, или университеты, определяющие долгие сроки пребывания в профессорской должности, чтобы понять то влияние, которое оказывают эти нормы на отдачу в работе.

Если длительность нормативно ограничена, то можно наблюдать поразительные вариации поведения и исполнения между начальным периодом, средней фазой и временем, близким к окончанию срока. Образцы поведения в конце службы, напоминающего «хроменькую уточку» из сказок Андерсена, или лихорадочная деятельность комиссии, желающей уложиться в срок, — это лишь некоторые иллюстрации зависимости деятельности от времени.

Однако структурные правила, включающие в себя время, не ограничены аспектом длительности. Существуют множественные нормативные ожидания, рассчитанные на скорость определенных процессов (например, правила движения, предписанные

[78]

сроки обучения в школах и университетах и т.д.)- Есть также правила, определяющие надлежащие моменты для принятия тех или иных статусов (например, совершеннолетие, призывной возраст, принцип старшинства по роду занятий, пенсионный возраст). Наконец, существуют нормы, предписывающие ритмы и интервалы процессов (например, приема пищи, ежедневных обходов в больнице, длительности перерывов на работе и т.д.).

Не удивительно, что время — столь проникающий в социальную жизнь фактор — регулируется обществом.

Функции социального времени

В каждом обществе время выполняет некоторые универсальные функции, причем его роль в ранних традиционных и современных индустриальных обществах существенно различается. Уилберт Мур (303—305) выделяет триединую функцию времени, связанную с тремя универсальными аспектами социальной жизни: синхронизация одновременных действий; последовательность действий, совершающихся одно за другим; определение уровня действий внутри временной единицы. Опираясь на это положение, логично представить более расширенную типологию социального времени.

1. Первое универсальное требование социальной жизни — синхронизация активности. Основная часть социальной жизни в каждом обществе заполнена коллективными действиями, которые совершаются совместно множеством людей. Для того чтобы коллективное действие произошло, люди должны встретиться друг друга в одном и том же месте в одно и то же время (например, прийти на стадион, чтобы стать зрителями матча). И даже если их физическое присутствие не обязательно, они должны предпринимать определенные действия в один и тот же момент (например, включить свои телевизоры, чтобы составить зрительскую аудиторию того или иного представления). «Чем сильнее взаимозависимость участников действия, тем более необходима временная синхронизация» (241; 96).

2. Следующее универсальное требование — координация. Индивидуальные действия происходят не в вакууме. В совокупности они приводят к единой цели или вносят вклад в производство общего продукта. Разделение труда, одна из классических проблем социологии, является типичным примером социальной координации. Для того чтобы индивидуальные усилия служили инструментом решения общей задачи, они должны предприни-

[79]

маться или одновременно, или в определенные временные промежутки. Скажем, для строительства дома прораб, каменщики и водопроводчики должны придти на работу в одно и

то же время и организовать свой день по часам с тем, чтобы их действия были логически взаимосвязаны, чтобы они не мешали друг другу и не препятствовали работе остальных. Для того чтобы выиграть битву, военно-воздушные силы должны в точно намеченный срок вступить в сражение вместе с пехотой (либо после, либо до нее) и в нужный момент соединиться с морскими силами. Вот почему военные стратеги в зависимости от ситуации так много времени уделяют «часу Ч» или «часу Х».

3. Еще одно требование — последовательность. Социальные процессы проходят различные стадии, события идут одно за другим в определенной последовательности, причем большинство процессов имеют только им присущую, необходимую логику. Множество действий обретают смысл лишь в том случае, если они совершаются в определенный, конкретный момент. Они не могут быть сделаны раньше или позже нужного времени. Люди ждут, если еще слишком рано, чтобы предпринять что-то, или торопятся, чтобы поспеть за процессом, если он протекает чересчур быстро. Наверное, лучшей моделью подобной ситуации является линия конвейера на фабрике, но в действительности аналогичные случаи гораздо универсальнее. Ребенок должен пойти в школу в определенном возрасте; поле должно быть вспахано в одно время года, а урожай убран — в другое; врага надо разбомбить именно перед атакой пехоты. Рождественские открытки должны быть посланы в определенном месяце, и снотворное принято в определенный час вечера. Для всех подобных случаев отсчет времени совершенно необходим.

4. Следующее требование — своевременность. В банк, магазин, ресторан или кино ходят, как правило, в определенные дни недели. Часы работы сильно варьируют в различных обществах, и без способности ориентироваться в этом нельзя действовать осмысленно и эффективно. Автобусы, поезда, самолеты, корабли отбывают и прибывают по расписанию, и если бы их действия не совпадали с ним, то никакой пользы от транспортных служб не было бы.

5. Очевидное требование, которое надо упомянуть, — измерение. Длительность различных видов деятельности зачастую имеет решающее социальное значение. От этого зависят, например, ожидаемые усилия (от школьных занятий, рабочего времени), количество оплаты (в день, понедельно, в месяц), совершенство исполнения (в соревновательных видах спорта или на экзаменах), стои-

[80]

мость обслуживания (телефонных разговоров, использования электричества или найма машины) и многое другое.

6. Наконец, последним универсальным требованием социальной жизни является ее дифференциация. Важно устранить монотонность и рутину повседневной жизни, отводя различные периоды времени под разные виды деятельности. Дни, посвященные отдыху или молитве (даже этимологически обозначаемые в английском языке как «святые дни»); дни, когда проводятся спортивные мероприятия (в Европе, например, большинство футбольных матчей проходит по средам); выходные дни, дни покупок, время для семейных встреч, карнавалов, избирательных кампаний — все эти экстраординарные случаи «уклонения от работы и повседневности» приветствуются людьми всех обществ, и одной из функций времени является разграничение и вычленение подходящих моментов.

Значение всех указанных функций изменяется по мере усложнения человеческого общества, его институтов и организаций, задач и предприятий. Достаточно сравнить племена охотников с современным индустриальным городом. В примитивном обществе время проистекает из ритмической деятельности, повторяющихся образцов действий, сезонных и жизненных циклов, магических и религиозных наблюдений. Люди обретают некоторое осознание времени *per se* (самого по себе), но это осознание вторично, ибо оно приходит под давлением повседневного существования. Социальные антропологи обнаружили общества, не знакомые с понятием времени. Изучая племена нуе-ров в Судане, Е.Е. Эванс-Причард

заметил, что они живут сиюминутным временем, воспринимают лишь настоящий момент, связанный либо с метеорологическими условиями, либо с естественным окружением и повседневной деятельностью (122). По словам Барбары Адаме, время в жизни ранних обществ было чем-то вроде вторичной, зависимой переменной, выполняя исключительно инструментальные функции.

В индустриальном обществе ситуация прямо противоположна: здесь время превращается в центральный регулятор, координатор, организатор человеческой деятельности и даже мистифицируется. Оно уже не рабочий инструмент, а самоценность, независимая переменная, первичный, определяющий фактор общественной жизни. Как отметил Роберт МакИвер, в современной цивилизации существует «деспотизм времени», календарь и часы становятся «правлящими силами». Джек Гуди считает, что часы — это «ключевая машина современного мира, превосходя-

[81]

щая по важности паровой двигатель» (159; 33). Появляются специалисты по ориентации во времени, датах, часах. «Постоянная озабоченность протеканием времени характерна для индустриального человека» (159; 40). Время принимает форму ресурса, который можно потратить, сэкономить или распределить, и даже собственности, которую можно продать или обменять. Как сказал Бенджамин Франклин: «время — деньги». Время приобретает «весьма специфический характер... в современных индустриальных обществах... как ресурс, который можно закладывать в бюджет, тратить, распределять, продавать или контролировать» (4; 113). Анализируя современное общество, Льюис Мэмфорд пишет: «Оплата по часам, контракты по часам, работа по часам, еда по часам; и ничто не свободно до конца от печати календаря или часов. Для протестантов... трата времени становится одним из наиболее тяжких грехов» (307; 2). По тем же причинам пунктуальность рассматривается как одно из величайших достоинств. Когда в 1983 г. мексиканское правительство развернуло кампанию по рациональному использованию времени, на улицах Мехико можно было видеть огромные плакаты: «Время — деньги». Этот феномен материализации и автономизации ряда неожиданно появившихся качеств, свойств социальной жизни, существование которых начинает приобретать независимый характер и которые сковывают, сдерживают самих их творцов — человеческих индивидов, представляет собой все более усиливающуюся черту современности, не ограничивающуюся сферой времени.

Основные теоретические традиции в изучении времени

Классическая социология времени — это достижение Эмиля Дюркгейма (98) и представителей «французской школы» — Марселя Мосса, Анри Убера, Мориса Халбвакса и др. Последователи Дюркгейма ввели новое понятие — «социологическая перспектива», которое было унаследовано позднейшей социологией.

Согласно общепринятым трактовкам, время — это неопределенное, естественное окружение всего человеческого опыта. Философы, в частности Кант, рассматривали его как универсальный человеческий путь упорядочения опыта, форму нашей чувственности, первичную «когнитивную категорию». Дюркгейм предпринял следующий шаг, включив проблему времени в социальную сферу. Для него время — «социальный факт», или «коллективное представление», эманация («излучение», «истечение») коллективного опыта и социальной организации общества. И как

[82]

такое, оно социально «конструируется». Подобно другим социально конструируемым «социальным фактам», время оказывает некоторое сдерживающее влияние на действия людей, обеспечивает нормативную регуляцию социальной жизни и тем

самым влияет на общество, формирует своих собственных создателей. Дюркгейм сумел схватить диалектику времени: оно отражает ритм коллективных действий, но одновременно само регулирует такие действия.

Социальный характер времени предполагает, что это не субстанция, не специфическая форма бытия, а, скорее, ряд связей, упорядочивающих последовательность и ритмичность социальных событий. Один тип связи — простое чередование (следование друг за другом); второй — линейное время. Благодаря этому свойству оно принимает разные формы в различных обществах, соотносится с различными экзистенциальными основаниями, возникающими в различных культурах или эпохах. Таким образом, время исторически и культурно относительно.

Позднее Дюркгейм утверждал, что «в различные времена» живут и различные общности (племена, города, профессиональные и возрастные группы, классы), что различные организации (конторы, предприятия, школы) обеспечивают специфические временные рамки для своих членов, а каждому типу человеческой деятельности (политической, экономической, религиозной, образовательной, технической, семейной) соответствует собственная, отличная от других, временная матрица. Кроме того, некоторые социальные категории в известной степени противостоят проникающему воздействию времени, либо смещая временные рамки, либо вовсе игнорируя время. Таковы, например, Дети, люди, вышедшие в отставку или на пенсию, больные в клиниках, безработные, заключенные, представители богемы.

Важный вклад в теорию времени внесли Питирим Сорокин и Роберт К. Мертон. В своей знаменитой статье (371) они анализировали так называемое социокультурное время, еще теснее связывая его с проблематикой социальных изменений. Авторы выделили качественную и релятивистскую природу времени, которое никогда не бывает лишь нейтральной количественной шкалой для измерения тех или иных трансформаций. Скорее, оно наполнено богатым содержанием и течет различно в разных обществах. Как писали Сорокин и Мертон, «системы времени варьируют вместе с социальной структурой» (371; 615). Это происходит благодаря тому, что точки отсчета для измерения времени выбираются среди событий, социальная значимость которых зависит от проблем, преобладающих в разных обществах. На ран-

[83]

них стадиях развития общества такие проблемы определяются охотничьими сезонами, периодами сбора урожая, наводнениями, дождями, приливами; позднее — фестивалями, религиозными праздниками и торговыми ярмарками. В современном рыночном обществе большую роль играют сезонные распродажи и каникулы. В результате даты принимают культурное, а не только календарное значение, и периоды, даже номинально равные, проходят с неодинаковой скоростью в зависимости от конкретной культуры.

Поток времени не нейтрален, гладок и однообразен; существуют явные ускорения и пустоты.

Сорокин и Мертон рассматривали социальное время как функциональную предпосылку упорядоченной, предсказуемой, скоординированной и синхронизированной общественной жизни. Имея социальные истоки и будучи наполнено культурным содержанием, оно, в свою очередь, также влияет на общество, повышая и обогащая свойственные ему жизненные ритмы.

Гетерогенность социального времени показал Георг Гурвич (168) — автор типологии, состоящей из восьми категорий времени, которые можно обнаружить в нынешнем обществе. Это продолжительное «длящееся время» традиционных, ориентированных на родство обществ, «неустойчивое время» новых технологий, «циклическое время» церквей и сект, «взрывное время» революционных движений и т.д. (169; 71—72). Для каждого общества характерна собственная конфигурация социальных времен, и выбор одного из них

становится важным аспектом групповой идентификации и, следовательно, межгруппового соревнования (конкуренции) и борьбы.

Наряду с другими исследователями, эмпирически ориентированную «социологию времени» развивал Эвиатар Зерубавель (461). С его точки зрения, «социовременной порядок» — это фундаментальный и универсальный принцип социальной жизни, который проявляется на объективном и субъективном уровнях. Общества создают необходимые для своего функционирования объективные «рамки соотнесения во времени» (расписания, таблицы, графики), а люди вырабатывают «стандартные временные ориентации» для упорядочения своего бытия. Каждое социальное событие имеет собственный «временной профиль», комбинацию четырех временных характеристик: 1) структуры следования (образцов стадий, характерных, например, для повседневной жизни, религиозных ритуалов, занятий служащего, экономического роста и т.д.); 2) длительности; 3) локализации в более широкой последовательности («когда» оно

[84]

в действительности происходит); и 4) повторяемости или уникальности.

В современном обществе время превращается в товар: люди продают часть своего личного времени, превращая его в рабочее время (462; 171). «Время современного человека жестко сегментируется на часть, когда он официально исполняет свою роль по роду занятий, и остальное, когда он не играет такой роли» (462; 172). В этом высказывании просматриваются выводы более раннего, традиционного исследования «бюджета времени» (380).

В последние десятилетия крайне сложная проблематика социального времени привлекала все большее внимание, а с 70-х годов превратилась в самостоятельное направление социологии с собственными журналами, конференциями и академическими ассоциациями.

4. Модальности исторической традиции

Процессуальная природа общества

Человеческие общества постоянно изменяются на всех уровнях своей внутренней структуры: на макроуровне (экономика, политика и культура), на мезоуровне (общности, группы, организации) и на микроуровне (индивидуальные действия и взаимодействия). Общество — это отнюдь не целостная сущность, а многоуровневое, внутренне связанное направление процессов. По словам Эдварда Шилза, «общество — трансвременной феномен. Оно не образуется бытием в данный момент. Оно существует только через время. Оно слагается посредством времени» (355; 327)

Если это так, то общество пребывает в постоянном движении от прошлого к будущему. Его настоящее — просто фаза между тем, что произошло, и тем, что произойдет. В настоящем имеют место отголоски, следы прошлого и потенциальные ростки будущего. Природа общества такова, что его предшествующие стадии причинно связаны с текущей, нынешней фазой, а она, в свою очередь, формирует почву для следующей.

В этой главе мы рассмотрим обратную связь, т.е. связь между действительным состоянием общества и его предыдущей историей. «Связь, которая соединяет общество с его прошлым, не может исчезнуть полностью: она наследуется благодаря самой природе общества» (355; 328). Связь настоящего с прошлым составляет основу традиции.

Проблема традиции не возникла бы, если бы различные социальные процессы были дискретными, прерывистыми, т. е. если бы одни процессы полностью завершались, прежде чем начнутся новые. Но это не так. Вновь процитируем Шилза: «Общество представляет собой непрерывное существование» (355; 168). Прошлое не исчезает или, по крайней мере, не исчезает полностью. Его фрагменты остаются, обеспечивая продолжение процесса. Это

происходит благодаря двум взаимодополняющим причинным механизмам: материальному, или физическому, и идеальному, или психологическому.

[86]

Действие материального механизма проявляется в сохранении объектов, артефактов, вещей, созданных предыдущими поколениями и не исчезающих бесследно, не рассыпающихся с течением времени. Дома и мосты, дороги и гавани, церкви и памятники, инструменты и машины, дым в воздухе и грязь в реке, — все это составляет то передаваемое от поколения к поколению окружение, в котором мы живем, даже если мы не производим сами. То, что дошло до нас, естественно, не слепок, не отпечаток прошлого, а, скорее, вещественное напоминание о нем и составляет *предмет* изучения археологии.

Идеальный механизм действует через человеческую память и способность к коммуникации. Прошлое сохраняется потому, что люди помнят его фрагменты. В первую очередь это касается собственных, более ранних переживаний. Однако представления о прошлом складываются не только из воспоминаний о тех событиях, которые человек наблюдал лично, но и из сведений, почерпнутых у современников. Сформированная таким образом коллективная память сохраняется в архивах, библиотеках, музеях. Кроме того, память обращается к историческим записям всех видов, в которых уже зарегистрированы свидетельства предыдущих поколений. Коллективная память проникает вглубь прошлого, далеко выходя за пределы личных воспоминаний каждого отдельного индивида. В связи с этим становится очевидной важность письма — одного из фундаментальных открытий человечества. «Развитие письма значительно расширяет возможность охвата событий, отдаленных как пространством, так и временем» (147; 204). По сравнению с письменной, устная передача традиции несравненно более ограничена, поскольку зависит от гораздо меньшего круга людей, которые могут непосредственно общаться в данный момент времени, и замкнута в гораздо более узкие исторические рамки. Историческое сознание, равно как изучение истории, стало возможным лишь с изобретением письма. По утверждению Гидденса, «оно лежит в основе возникновения линейного сознания времени, которое позднее становится на Западе базисом историчности как черты социальной жизни» (147; 201).

Через идеальный, психологический механизм люди наследуют прошлые верования, знания, символы, а также нормы, ценности и правила, которые сохраняются, интерпретируются, используются и передаются такими институтами, как семья, церковь, школа, университеты, средства информации, армия, фирмы, политические партии. Конечно, память небезупречна, как Небезупречны и записи. То, что дошло до нас, подверглось осно-

[87]

вательной селекции со стороны поколений мемуаристов и интерпретаторов, вспоминавших и по-своему истолковывавших те или иные события, факты, явления, причем нередко селекция проводилась с предубеждением, идеализирующим и извращающим действительное положение дел.

Оба механизма — материальный и идеальный — дополняют друг друга. Окружающие нас материальные артефакты поддерживают нашу память, образуют тот вещественный мир, по которому мы можем составить свое представление о прошлых временах. Одни объекты возвращают в прошлое опосредованно, ненамеренно, скрытно (например, грязные кварталы, перенаселенные районы городов, загубленная природа напоминают о периоде усиленной индустриализации; заросшие дороги где-нибудь в глуши Америки — о бушевавшей здесь когда-то гражданской войне; пирамиды майя на Юкатане — о жестоких ранних цивилизациях); предназначение других — демонстрация славы и красоты прошедших веков. Античные монументы, соборы в стиле барокко, средневековые города, многие экспонаты

музеев — все это питает наше воображение, помогает воссоздать жизнь наших далеких предков. Наконец, некоторые объекты напоминают и предостерегают о преступлениях прошлого, например, музей в Ауглвице или лес в Катыни, где советские секретные службы уничтожили тысячи польских офицеров.

Нередко для того чтобы постичь суть какого-нибудь объекта, нужно хотя бы немного разбираться в тех символах, нормах, ценностях и правилах, которые придают ему смысл. Если мы ничего не слышали о Колизее, то воспримем его просто как развалины; если до нас дошел какой-нибудь старинный, незнакомый инструмент или станок, то без соответствующей инструкции мы не сможем понять, как им пользоваться; если мы не знаем, кого изображает памятник, то для нас это — всего лишь кусок мрамора; а если мы не знаем, что такое законы, то парламент для нас — только каменное здание, и не больше.

Как бы ни искажалось прошлое, оно, благодаря действию материальных и идеальных механизмов, входит в настоящее. Можно сказать, что оно существует в настоящем в двух ипостасях: объективно, когда объекты прошлого сохраняются материально, и субъективно, когда в сознании членов общества присутствуют идеи прошлого, которые становятся частью современной культуры. И в том, и в другом случаях прошлое влияет на настоящее, служит важным соопределяющим элементом состояния общества.

Но есть и третий путь, когда на настоящее влияет не реальное

[88]

прошлое, а то, как человек представляет его себе, или, попросту говоря, фантазирует. Это может происходить неумышленно — в результате ошибки, преувеличения, желания сострить и т.д., но может делаться и преднамеренно, обдуманно, с претензией на истинность. Таковы, например, «изобретенные традиции» (192). Причины, по которым они конструируются, различны. Иногда есть нужда в том, чтобы подтвердить справедливость или обеспечить легитимность политических действий; иногда необходимо заручиться поддержкой и мобилизовать участие людей в современных программах, упрочить положение лидера или поднять дух нации. Эрик Хобсбаум классифицирует «изобретенные традиции» по трем группам: первые символизируют и выражают социальную близость, идентификацию сообществ и наций; вторые легитимизируют статус, институты, авторитеты; третьи социализируют определенные ценности, нормы, правила поведения (192; 9).

Искаженные и даже абсолютно неверные образы прошлого нередко играют важную роль в жизни общества. В этом случае, как и во многих других, справедлива знаменитая «теорема Томаса»: «Если люди определяют ситуации как реальные, то и последствия их реальны» (287; 475). Вот почему люди всегда принимают в расчет свои убеждения и действуют соответственно им, а в итоге из их действий и слагается общество.

Подобные социальные и психологические механизмы объясняют замечательный факт непрерывности, или, точнее, изменения в непрерывности и непрерывности в изменении. С одной стороны, социальное изменение никогда не бывает полным или абсолютным. Большая часть из того, «что люди делают и думают, на что надеются, уже многократно совершалась и продумывалась задолго до рождения всех ныне живущих» (355; 34). Даже революционные изменения, которые по определению являются наиболее всеохватывающими и радикальными, затрагивают далеко не все аспекты общества. С другой стороны, непрерывность тоже никогда не бывает абсолютной, наследие прошлого преобразуется, модифицируется или обогащается, и каждый последующий момент в жизни общества не такой, как предыдущий.

Концепция традиции

Все то, что доходит до нас из прошлого, что передается в взаимосвязанном, нарастающем историческом процессе, составляет наследие общества. На макроуровне это то наследие, которое вбирает в себя все общество от более ранних фаз историчес-

кого процесса, оно и составляет собственно «историческое наследие»; то, что перенимает сообщество или группа от предыдущих фаз групповой жизни на мезоуровне, составляет «групповое наследие»; наконец, то, что индивид сохраняет от прожитых им периодов собственной биографии, составляет «личное наследие».

Если строго следовать идее о том, что социальные процессы непрерывны и протекают в течение длительных отрезков времени, то тогда каждую фазу, включая настоящую, нужно рассматривать как сформировавшуюся под влиянием всех предшествующих фаз, т. е. с самого начала процесса. В этом смысле все, что происходит сегодня в обществе, должно квалифицироваться как некий сложный продукт, накопленный с зарождения человечества, как общий результат человеческой истории; происходящее в том или ином локальном сообществе — как кристаллизация совокупности событий, имевших место со дня его образования; и то, что представляет собой человек в настоящее время, — как средоточие его прошлого опыта, его полной биографии.

Но чтобы судить о традиции, одной лишь причинной связи недостаточно. Сумма событий за время существования человечества — не традиция, а, скорее, генеалогия общества. И сумма воздействий прошлых состояний также не есть традиция, она — лишь современное состояние общества. Столь широкое толкование обесмысливает понятие традиции. Говорить о ней можно только тогда, когда связь между прошлым и настоящим имеет более тесный, интимный характер. Традиция должна включать в себя непрерывное существование прошлого в настоящем, которое может принять, как мы помним, две формы: материальную и идеальную, или объективную и субъективную. Под традицией в первом, более широком смысле слова мы будем понимать совокупность тех объектов и идей, истоки которых коренятся в прошлом, но которые можно обнаружить в настоящем, т.е. это все то, что не было уничтожено, разбито, выброшено или забыто. В данном случае традиция тождественна наследию — тому, что реально сохранилось от прошлого. Как заметил Шилз, «в элементарном значении традиция — это просто товар, то, что прошлое передает или отдает будущему» (355; 2).

Во втором, более узком смысле слова мы будем понимать под традицией только те фрагменты наследия, которые не просто сохраняются в настоящем, но и тесно переплетаются с ним. Значение сохранившихся материальных объектов должно определяться прежде всего их причастностью к прошлому. Именно потому они и привлекают к себе внимание, мы замечаем и выделяем их.

Это могут быть королевские замки, средневековые городские стены, древние руины, первые модели автомобилей Форда и многое другое.

Что касается идей (включая верования, символы, нормы, ценности, правила, кредо и идеологии), то они должны влиять на мышление и поведение людей, и, опять-таки, должны подчеркиваться их связь с прошлым, их давняя история. Первое, что приходит на ум из таких фрагментов наследия — это древние понятия демократии, справедливости, свободы, мифы о происхождении наций, память о величии страны, сведения из области техники, народной медицины, старинные поваренные рецепты.

Случается и так, что сравнительно недавние идеи или недавно созданные объекты ошибочно считаются древними. Иногда причиной тому является умышленная фальсификация, выдаваемая ее авторами за давнюю традицию. Хьюг Тревор-Ропер рассказывает о том, как два скучающих аристократа, живших в XIX в. в Шотландии, придумали сложную систему стилей, символов, значков, мелодий и выдавали это за якобы обнаруженную ими так называемую хайландскую древнюю культуру (429; 15). Другой историк сообщает о том, что несколько церемониальных традиций Британской монархии были специально изобретены для того, чтобы придать новым институтам видимость архаики (71;

Таким образом, именно отношение современников к объектам или идеям прошлого позволяет ту или иную часть исторического наследия включать в содержание категории «традиция». Значимость, благоговение, трепет, ассоциирующиеся со всем, что социально определяется как традиция, объясняет интересный феномен «соперничающих (конкурирующих) традиций». В качестве иллюстрации можно вспомнить дома в колониальном стиле, мебель а 1а Луи XIV, старинные персидские ковры, сделанные в Гонконге, и многое другое. Короче, «традиции складываются не сами по себе; их создают, отвергают или изменяют люди» (355; 14-15).

Возникновение и изменение традиций

Традиции в узком смысле слова, т.е. совокупность объектов и идей, особое значение которых люди связывают с их происхождением в прошлом, сами являются субъектами изменения. Они Модифицируются, выдвигаются на первый план или игнорируются, существуют в течение некоторого времени, а затем исчезают, забываются и вновь возрождаются. Так случилось, например, со

[91]

многими этническими, национальными традициями в странах Восточной Европы и в бывшем Советском Союзе: после длительного подавления в условиях коммунистических, тоталитарных режимов в изменившейся ситуации они обрели новую жизнь.

Традиции складываются двумя путями. Один идет «снизу», когда можно сказать, что традиция «возникает», «зарождается». Это спонтанный, стихийный процесс, в который вовлечены достаточно большие массы людей. Все начинается с того, что кто-то обращает особое внимание на определенные фрагменты исторического наследия. Затем интерес, уважение, пристрастие, почтение распространяются вширь, охватывая все более широкие слои населения, и принимают форму ритуалов, церемоний, побуждают к поискам и обновлению старых объектов, к новой интерпретации старых кредо. Индивидуальные предпочтения и действия становятся массовыми и превращаются в поистине социальный факт. Так рождается традиция. Парадоксальным образом данный процесс очень сходен с распространением новаций (эта тема будет обсуждаться в гл. 17), хотя в рассматриваемом случае речь идет, скорее, об открытии того, что уже существовало в прошлом.

Второй «маршрут» формирования традиции начинается «сверху», действуя через механизм навязывания, когда традиция выделяется, отбирается и даже навязывается теми, кто обладает властью или влиянием. Это может быть монарх, вводящий для своих подданных традиции своей династии; диктатор, делающий упор на прошлой славе нации; полководец, напоминающий воинам о великих исторических сражениях, или известный модельер-дизайнер, находящий вдохновение в прошлом и диктующий стиль «ретро».

Заметим, что эти два пути не определяют содержания традиций. В частности, нельзя сказать, что один ведет к формированию *истинной* традиции, действительно уходящей своими корнями в прошлое, а другой — к *изобретенной* традиции, связь которой с прошлым придумана, вымышлена. Такая связь может диктоваться необходимостью, когда, например, кто-то наделяет образ прошлого привлекательными чертами с тем, чтобы увлечь своей идеей многих людей. Но все же чаще такого рода традиции создаются и внедряются с политической целью теми, кто стоит у власти. Вспомним коронационные церемонии императора Бокассы; ритуалы, принятые при Наполеоне, или недавние заверения политиков в «вечной и нерушимой дружбе» между Советским Союзом и Ливией, Румынией и Мозамбиком. Решение переписать все учебники истории в России и бывшей Восточной Германии после крушения в этих странах коммунистических режимов

[92]

свидетельствует о степени утраты национальных традиций, которые нужно теперь восстанавливать заново.

Традиции подвержены как количественным, так и качественным изменениям. В первом случае речь идет о расширении или сужении круга последователей, сторонников, поддерживающих традиции. Иногда та или иная традиция охватывает все население страны, а порой даже выходит за ее пределы, приобретая действительно глобальные масштабы. Таковы основные религиозные учения — христианство, ислам, буддизм, некоторые политические доктрины — либеральная демократия, социализм, консерватизм. Но люди могут и разочароваться, перестать поддерживать определенные традиции. Примером тому служит судьба коммунизма и вообще левых традиций в конце XX в.

Что касается качественных изменений, то они затрагивают содержание традиции, когда на смену одним идеям, символам, ценностям приходят другие или когда одни объекты включаются в состав *признанных традиций*, а другие отвергаются. В области идей, образов и ценностей достаточно напомнить о влиянии Реформации на христианство или Второго Ватиканского собора на римский католицизм. Из современных примеров назовем изменения традиций лейбористской партии в Великобритании за последние годы, приуроченные к годовщине путешествия Колумба исторические коррективы, внесенные в идеализированные представления об открытии Америки; волну «ревизионистской» литературы, в которой Французская революция (377; 353) показана в совершенно новом свете. В области материальных объектов иллюстрацией могут служить печатная машинка Оливетти Леттера или спортивный автомобиль Порше, включенные в коллекцию Музея современного искусства в Нью-Йорке; одежда Элвиса Пресли, выставленная на аукционе в Сотби; советские военные ордена и медали, продающиеся на улицах Берлина, или пыльная старинная мебель, вытащенная с чердаков современных домов.

Почему происходят подобные изменения?

Отчасти они объясняются психологическими причинами, и прежде всего — свойствами человеческого разума — неустанного и скептического, жаждущего новизны и оригинальности, устремленного к творчеству и новациям, наделенного воображением и фантазией. Рано или поздно любая традиция подвергается сомнению, пересмотру, и в то же время открываются новые фрагменты прошлого, которые признаются традиционными. К особым случаям можно отнести такие, когда традиция подрывается новыми фактами, сталкивается с реальностью и оказывается неверной или бесполезной. С XVII в. обоснование достоверности

[93]

традиций стало правилом научной этики. Другой, менее экстремальный вариант заключается в том, что хотя традиция и не была фальсифицирована, но в радикально изменившихся социальных условиях она уже не отвечает нуждам и потребностям людей, утрачивает свою практическую функцию и потому отвергается.

Изменение традиций объясняется, кроме того, их множеством и неизбежными столкновениями друг с другом, причем это касается и тех из них, которые относятся к различным обществам или культурам, и тех, которые принадлежат одному и тому же обществу. Первые широко изучались социальными антропологами. Речь идет прежде всего о столкновении традиций в связи с колониальными завоеваниями, а также о более мирных формах культурных контактов между совершенно разными обществами, в том числе о программах насильственной модернизации (см. гл. 9). Почти всегда местные традиции подвергаются значительному воздействию извне, пересматриваются или сметаются новыми, исчезая вовсе.

Соперничество традиций в рамках одного общества принимает различные формы. Чаще всего это несовпадение и противоборство национальных или расовых традиций в многонациональном или многоэтническом обществе, а также конфликты между традициями

представителей разных классов или социальных страт. Подозрительность и неприязнь, которые низшие социальные слои испытывают к ценностям элиты, наиболее ярко проявляются в актах насилия во время социальных революций, когда поджигаются королевские дворцы, разграбляются аристократические особняки, а в музеях устраиваются склады или казармы. Взаимная враждебность характерна и для региональных традиций. Наконец, весьма важное значение имеет глубокий водораздел, проходящий между отдельными религиозными традициями.

Было бы, однако, упрощением думать, будто многочисленные традиции неизменно воюют друг с другом. Между ними могут устанавливаться и отношения взаимной поддержки. Так, польское оппозиционное движение «Солидарность» свело воедино в несколько неожиданную, но, как позднее показала история, взрывчатую и эффективную смесь по меньшей мере три различные традиции: католицизм, польский национализм и стихийный социализм рабочего класса (последний, конечно, не тождествен официальной «социалистической» доктрине).

Столкновения или — реже — взаимная поддержка неизбежно влияют на каждую из традиций. Здесь многое зависит от того, насколько они различаются своей внутренней силой (степенью выраженности, широтой охвата и т.д.) или поддержкой со сторо-

[94]

ны властных структур (государств, армий, социальных движений). Обычно в ходе колониальных завоеваний, войн и прозелитских религиозных кампаний более слабая традиция размывается, подвергается эрозии. Если местная традиция недостаточно сильна или внешняя вводится без особого нажима, то чаще всего наблюдается культурное заимствование отдельных элементов последней. Наконец, если силы примерно равны, то может иметь место слияние, синкретичный сплав различных традиций. Подробнее мы рассмотрим эти процессы в гл. 6.

Функции традиции

Может быть, наиболее фундаментальным является вопрос не о том, почему изменяются традиции, а о том, почему они вообще существуют. Как считает Эдвард Шилз, «хотя люди зачастую неудовлетворены своими традициями, но без них они не могут выжить» (355; 322). Если это так, то каковы же те универсальные требования, или потребности, индивидуальной и социальной жизни, которые удовлетворяют традиции, иными словами, в чем состоят функции традиций?

1. Прежде всего в традиции сосредоточена мудрость поколений, которые осуществили отбор бытовавших в прошлом и заслуживающих теперь внимания норм, ценностей, идеалов, правил, сохранили созданные ранее объекты. Традиции — это своего рода кладезь идеальных и материальных ресурсов, используемых людьми в своих текущих делах, для возведения будущего на фундаменте прошлого. В частности, традиции предписывают действия (например, в артистическом мире, в области медицины или юриспруденции), определяют ролевые модели (например, поведение героев, харизматических лидеров, святых и пророков), поддерживают социальные институты (например, монархию, конституционализм, парламентаризм), различные образцы организационного устройства (например, рынок, демократию и т.д.) и образы обществ (например, древней Греции, американского или западного). Общественную жизнь нельзя создать из ничего, на пустом месте. Традиции обеспечивают людей, формирующих свой Мир, готовыми «строительными блоками».

2. Традиция — один из источников законности, подтверждающий легитимность чего-либо. Фразы «так было всегда» и «люди всегда так считали» нередко используются для объяснения или Даже оправдания сегодняшних поступков (355; 21). Ту же цель

[95]

преследуют ссылки на авторитеты или доктрины, бывшие популярными в прошлом («так сказано в Библии», «это утверждал Аристотель», «Маркс был не против такого вывода»), Макс Вебер особо отметил роль традиции в формировании основ власти, когда, например, авторитет монарха узаконивается его принадлежностью к прежней династии.

3. Традиция вбирает в себя символы коллективной идентичности, усиливает чувство общих корней, принадлежности и верности нации, сообществу, группе. Таковы прежде всего национальные традиции с их гимнами, флагами, эмблемами, мифологией и публичными ритуалами. Они уходят корнями вглубь истории и используют прошлое для того, чтобы объединить людей в настоящем. «Ритуалы монархии воспринимаются как символ свободы и праздник стабильности в мятущемся и разочарованном веке» (429; 159). Ту же роль играют традиции регионов, городов, местных сообществ, связывая их граждан или членов внутри определенного пространства. Традиции профессий и фирм, символизированные в значках, лозунгах и легендах, придают чувства достоинства и гордости за сопричастность именно к этой профессии или фирме. Традиции университетов и школ, выражаемые в пышных ритуалах, церемониях, одежде и т.д., позволяют сохранить автономию в данной сфере социальной жизни.

4. Традиция помогает пережить разочарования, смягчает неудовлетворенность повседневным существованием. Традиция, истоки которой коренятся в счастливом прошлом, поддерживает общество в периоды кризиса. Традиция, напоминающая о былой независимости, не дает нации погибнуть в период иностранной оккупации и порабощения. Традиция утерянной свободы рано или поздно подрывает самую жестокую тиранию. Словом, если прибегнуть к поэтической метафоре, «время — это небо для духа, которому тесно в настоящем» (355; 207).

Как и все, что создано человеком, традиции несут в себе функциональную амбивалентность.

1. Любая традиция, независимо от ее содержания, может сдерживать творчество или новации, предлагая готовые рецепты для решения современных проблем. Между тем попытки заменить поиск новых путей возвратом к старым, испытанным, надежным методам чаще всего влекут за собой стагнацию.

2. Столь же пагубно стремление оставаться верными традиционному образу жизни, методам правления, экономическим стратегиям, несмотря на радикальные исторические сдвиги. Привер-

[96]

ценность старым традициям в изменившихся условиях — лишь одно из проявлений инертности, типичной для многих человеческих институтов. Это может привести к неэффективности или полному провалу политики, разочарованию граждан, экономическому или политическому кризису. Именно такова нынешняя ситуация в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе, где традиции капиталистического Запада XIX в. в сочетании с идеей экономической свободы и концепцией либеральной парламентской демократии рассматриваются как единственно приемлемый ориентир при проведении реформ. Фетишизация подобных традиций в преддверии XXI в. не только малопродуктивна, она парализует поиски «третьего пути», отличного от полностью отвергнутого социализма и воспринятого с таким энтузиазмом «дикого капитализма».

3. Некоторые традиции дисфункциональны или опасны по причине своего специфического содержания. Человеческая история полна трагедий и страданий, разрушения, жестокости, эксплуатации, дискриминации, пронизанных ненавистью идеологий, иррациональных верований, несправедливых законов и тираний. Подобные традиции, возрождаемые отдельными лицами или группами (как это периодически происходит с идеями милитаризма, империализма, колониализма, антисемитизма, нацизма или сталинизма), несут в себе мощный деструктивный потенциал. Существуют, например,

опасные признаки сохранения крайне правых традиций в Германии, Италии и Франции, пережитков сталинизма в России.

4. Наконец, некоторые традиции поддерживаются, скорее, на уровне «социального подсознания», в силу привычки и инерции. Нельзя сказать, чтобы их специально культивировали, просто они воспринимаются как неотъемлемая составляющая обычного образа жизни. Исследователи бывших коммунистических стран изобрели термин «гомо советикус» для описания типичного ментального синдрома, адаптивной реакции, генерируемой тоталитарной системой. Сюда входят такие черты, как стремление к сиюминутной выгоде, пассивность, апатия, перекалывание ответственности на другого, небрежное отношение к работе, «незаинтересованная зависть», инфантилизм (ожидание защиты и заботы со стороны государства), иждивенческая изобретательность (постоянный поиск в социальной системе лазеек для собственной выгоды). С падением тоталитарных режимов такое отношение не Исчезло. Для одних все это составляло привычный образ жизни, который скоро будет сломлен под натиском капиталистической системы; другие воспринимают новую трудовую этику, личную

[97]

ответственность и дух конкуренции, привнесенные капитализмом, как чуждые, неприемлемые требования и потому испытывают ностальгию по прежней, пусть даже и более бедной жизни. Возникает латентная, скрытая традиция, тем не менее влияющая на массовые действия. В изменившихся обстоятельствах такие укоренившиеся привычки и обычаи утратили свою адаптивную ценность и представляют значительные препятствия для преобразования политической и экономической системы. Еще более опасно, что они могут подготовить благодатную почву для популистских демагогов или коммунистических ястребов.

Традиционализм и антитрадиционализм

Будучи столь же обычным, сколь и важным явлением, традиция неизбежно порождает ростки метаэволюций, причем в большинстве случаев отношение общества к традиции как таковой находит отражение в различных теориях о ее социальной роли. Амбивалентность, присущая традиции, которая, как мы видели, часто функциональна, но часто и дисфункциональна, с непреклонностью ведет к противоборству мнений.

Четко сформулированные идеологии и состояния общественного мнения, благосклонно относящиеся к традиции, объединяются названием «традиционализм»; а отрицающие их — «антитрадиционализм». Можно предположить, что в периоды динамичного, экспансивного и успешного социального развития интерес к традициям ослабевает. Широко распространено мнение, согласно которому в такие времена все должно быть сфокусировано на изменениях: воспринимать их, искать и инициировать (355; 2). Новизна, оригинальность, необычность становятся доминирующими ценностями. Люди в целом устремляются вперед, а не назад. В обществе господствуют активность, оптимизм, вера в прогресс, в науку и технологию как инструменты рационального изменения мира. В такой идеологической атмосфере не может не возникнуть антитрадиционализм, и его носителем выступает «нынешнее поколение».

Наша гипотеза может быть подтверждена примерами из современности (мы детально проанализируем их в гл. 5). Быстро формировавшееся и расширявшееся капиталистическое, урбанистическое, индустриальное общество в его классическом виде в XIX в. было явно антитрадиционалистским. Если оно и ценило какие-то традиции, то лишь те, которые были «традициями антитрадиционализма», т.е. сохранялись в памяти о великих револю-

[98]

циях — английской, французской, американской. Это общество отвергло предшествовавший социальный порядок, навешивая на него ярлык «традиционного».

Аналогичная тенденция сворачивания традиций и торжества настоящего и будущего наблюдалась и гораздо позднее — в годы стабилизации и процветания после Второй мировой войны. «Священность и незыблемость прошлого как главного символического регулятора социальных, политических и культурных изменений уступают место инновациям и ориентации на будущее как на базовые культурные изменения» (ПО; 424).

В подобных случаях антитрадиционализм принимает форму игнорирования традиции, а не борьбы с ней. Но когда дисфункциональные воздействия каких-либо традиций становятся особенно заметными, антитрадиционализм может выступать в форме более активной критики. Так, интеллектуалы в посткоммунистических странах развернули широкую кампанию против «реального социализма» и синдрома «гомо советикус» с тем, чтобы исключить влияние этих пережитков прошлого (251; 392). Концентрирующийся на отдельных моментах, избирательный антитрадиционализм не препятствует утверждению различных традиций (например, национализма, католицизма, демократии), имеющих более раннее происхождение, но выполняющих четкие функции в современных социальных изменениях.

Период стагнации или кризиса — экономического, политического, культурного — немедленно оживляет традиции. В трудные времена люди обращаются к опыту предков, ищут убежища от повседневных тревог и забот в прошлом. Возрождаются традиции, в том числе «торжествующего модернизма» XIX в., которые представляются в такие периоды полезными, удивительно функциональными, а их возможные дисфункции забываются.

По-видимому, наиболее разумной идеологической позицией является «критический традиционализм». Он стремится уравновесить функции и дисфункции той или иной традиции в каждом конкретном случае, принимая в расчет ее содержание и исторические обстоятельства ее утверждения; отвергает ошибочный взгляд на прошлое как на источник исключительно добра и вместе с тем избегает другой крайности, характерной для догматического антитрадиционализма, который отрицает положительную РОЛЬ традиции в человеческом обществе.

[99]

5. Современность и что за нею следует

Определение современности

Социология возникла в XIX в. как попытка понять и интерпретировать великие сдвиги, происходившие на Западе в эпоху перехода от традиционного общества к современному, урбанистическому, к демократическому социальному устройству. С тех пор большинство социологических исследований и теоретических изысканий были сосредоточены на модернизированном обществе. Социология стала формой научного самосознания современности, и ее наиболее важные, классические достижения связаны с опытом торжествующей модернизации. Даже когда исследователи отваживались выйти в своем анализе за пределы развитого Запада, они чаще всего смотрели на другие общества как на примитивные, неразвитые и утверждали, что те смогут избавиться от статуса третьего (или второго) мира только путем соперничества с Западом (первым миром). Лишь недавно наступило разочарование в современности и было объявлено о наступлении эры «постмодернизма» (252), который должен стать новым предметом социологических размышлений.

Есть два способа определения модернизма: исторический и аналитический. Первый заключается в указании времени и места, без перечисления характеристик. Такого подхода придерживаются, например, Гидденс и Кумар, хотя указываемые ими даты не совпадают. «Современные социальные организации берут свое начало в Европе примерно в XVII в. Затем их влияние распространяется по всему миру» (152: 1). «Современное общество возникло между XVI и XVIII вв. в странах северо-западной Европы, в частности, в Англии, Нидерландах, Северной Франции и Северной Германии» (226; 5).

Большинство историков единодушны в мнении, согласно которому современный социальный порядок зародился после великих революций. Они считают, что американская и

французская революции обеспечили политическую и институциональную базу для модернизации: конституционную демократию, вер-

[100]

ховенство закона и принцип суверенитета национальных государств. Английская промышленная революция заложила ее экономическую основу: рынок свободной рабочей силы, индустриализацию и урбанизм как новый образ жизни, капитализм как новую форму производственных и распределительных отношений.

При всей ценности подобного подхода, он явно недостаточен для того, чтобы составить полное представление о современности. Социологи неоднократно предпринимали попытки определить это понятие аналитически, путем выявления специфических, присущих ему фундаментальных черт и их комбинаций.

Основатель социологии Огюст Конт одним из первых указал на ряд особенностей нового социального порядка: 1) концентрацию рабочей силы в городах; 2) установку на получение прибыли; 3) использование в производстве достижений науки и техники; 4) возникновение скрытого или явного антагонизма между хозяевами и наемными работниками; 5) усиление социального неравенства; 6) формирование экономической системы, основанной на свободном предпринимательстве и конкуренции.

Большинство социологов противопоставляют современное общество традиционному, строя полярные модели, дихотомии, выдвигая противоположные концепции. Их оценки заметно разнятся в зависимости от исходной теоретической (иногда идеологической или этической) точки зрения. Многие полярные модели предложены классиками эволюционализма. Таково противопоставление «военного» и «промышленного» общества Герберта Спенсера, «Gemeinschaft» и «Gesellschaft» Фердинанда Тенниса, «механической» и «органической» солидарности Эмиля Дюркгейма. (Подробнее мы рассмотрим все три дихотомии в гл. 7.) Эти авторы — одни с воодушевлением (Спенсер, Дюркгейм), другие с настороженностью (Теннис) — уже нащупали важные черты нового социального устройства. Весьма широкое распространение получил образ современного капиталистического общества, созданный Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, которые, однако, придали ему сильный критический и идеологический оттенок. (Мы обсудим это подробнее в гл. 11, посвященной марксистскому «историческому материализму».)

Наиболее систематический и тщательный анализ современного общества сделан, пожалуй, Максом Вебером, противопоставившим идеальные типы «традиционного» и «капиталистического» обществ (недавняя реконструкция была предпринята Рэнделлом Коллинзом (80)). Упомянутые общества различаются по сле-

[101]

дующим параметрам: форме собственности, преобладающей технологии, рынку рабочей силы, способам экономического распределения, природе законов, распространенным мотивациям (см. табл. 5.1).

Таблица 5.1

Сравнительные характеристики двух типов общества у Вебера

	Традиционно-аграрное общество	Капиталистическое общество
Характер собственности	Привязан к наследственному социальному статусу	Частная собственность на все средства производства и их концентрация под контролем предпринимателей (земля, строения, оборудование, сырье находятся

(земельная аристократия) под контролем одного агента и свободно обмениваются как частные средства рынка)

Механизация Работы Практически не существует Механизация труда как доминирующая технология, позволяющая точно рассчитывать и учитывать капитал. Эффективность, производительность, рациональная организация как ведущие принципы производства

Природа рабочей силы В основном подневольная (либо между отраслями и регионами, как личное рабство, либо по меньшей мере потребности в нем. Непосредственные крепостничество, т.е. производители продают свой труд за закрепление на земле) Труд свободен в перемещении соответственно появляющейся заработной платы как товар на открытом рынке

Рынок Очень ограниченный (налоговыми барьерами, опасностью грабежей, т.д.). Рынок как слабо развитым денежным обращением, недостаточностью средств (транспортной). В результате возникают либо местные рынки, либо ограниченные дальние рынки предметов роскоши Торговля на открытом рынке не ограничена традиционными рамками (классовыми монополиями, ограничениями собственности, протекционизмом и принципом распределения и потребления)

[102]

Традиционно-аграрное общество

Капиталистическое общество

Преобладающие законы Частные: различным образом применяемые к разным социальным группам, патримониальное внесение решений и поддержка частными группами Универсальные, четко сформулированные законы, позволяющие заключать соглашения и подтверждать права

Доминирующие мотивации	Концентрируются вокруг удовлетворения нужд на привычном уровне.	Неограниченное приобретение (постоянно растущая прибыль) как конечная мотивация экономического поведения
	Восприятие традиционного стиля жизни и уровня	
	прибыли, как это сформулировал Вебер: «Возможность зарабатывать была менее привлекательна, чем меньше трудиться» (443; 60)	

По словам Вечера, капитализм есть не что иное, как «постоянная погоня за прибылью» (443; 333) и «рациональная организация рынка свободной рабочей силы» (443; 338). Коллинз основными характеристиками капитализма считал рациональность капиталистического предприятия, обращения капитала, используемой технологии, свободный труд, свободный рынок и понятные законы» (80; 930).

После Второй мировой войны наиболее обстоятельную концептуальную схему под названием «Типовые переменные» для анализа традиционного и современного обществ предложил Талкотт Парсонс (321; 76-98, 203-204, 183-189: 322; 46-51, 58-67). Отталкиваясь от работ Тенниса, Дюркгейма и Вебера, он сконструировал нечто вроде многомерной шкалы, позволяющей сравнивать разные типы социальных систем. Применяя ее для наших Целей, мы можем выделить две противоположные модели, первая из которых и будет представлять традиционное общество (см. табл. 5.2).

Парсонс не считал, что эти модели описывают реальные исторические общества; скорее он рассматривал их в качестве экстремальных аналитических точек на континууме, вдоль которого Могут располагаться такие общества. Схема Парсонса творчески использована М. Леви (239; 240).

[103]

Таблица 5.2

«Паттерн-переменные» Парсонса

	Традиционное общество	Современное общество
Уровень отчетливости социальной структуры	Диффузность, т.е. неотчетливый, незакрепленный, собою разумеющийся характер ролей,	Спецификация, т.е. сформировавшаяся специализация ролей и отношений, четкое разделение труда, обеспечивающее группы, взаимодействие в группах

Основание статуса	Предписание (т.е. Достижение, т.е. отнесение к ролям, отнесение к статусам, ролям, статусам, группам, группам, отношениям, отношениям), основанное на наследовании рождению или родству по усилиях и заслугах
Критерий рекрутирования	Партикуляризм, Универсализм, т.е. т.е.выбор и отношение к партнерам по социальным отношениям, равно как и доступ к ролям и группам, основанный на базирующийся на общих, уникальных, личных чертах категориальных чертах, потенциальных непосредственно кандидатов, не относящихся к относящиеся задачам и характеру непосредственно к групп или отношений выполняемой работе, или по характеру групп и взаимоотношений
Критерий оценки	Коллективизм, т.е. Индивидуализм, т.е. оценка и восприятие людей, связанные с их сосредоточивающиеся на их членством в группах, индивидуальных действиях. коллективах, Наиболее важно то, сообщества, племенах. что они делают. Наиболее важно то, к каким группам принадлежат люди, а не то, кто они есть сами по себе
Роль эмоций	Эмоциональность, Нейтральность, т.е. т.е. вторжение эмоций в социальную жизнь подавление эмоционального проявления, деловая, рациональная атмосфера в социальной жизни

[104]

Важнейшие характеристики современности

Наряду с негативными оценками современности, противопоставляемой традиционализму, предпринимались многочисленные попытки выявить позитивные фундаментальные свойства данного специфического социального типа. Это совершенно необходимо для того, чтобы образ современности обрел глубину и конкретность, чего нельзя добиться при помощи полярных моделей. Одну из попыток подобного рода предпринял недавно Кришан Кумар (226), который обогатил полярные модели эмпирическими наблюдениями, накопленными в социологических исследованиях.

Перечислим вначале вслед за Кумаром общие черты, или организующие принципы,

современности, а затем рассмотрим, как они проявляются в различных, более ограниченных областях: в экономике, в социальной структуре, политике, культуре и повседневной жизни.

1. В основе современности лежит ряд стержневых принципов, и прежде всего индивидуализм. Джон Нейсбит и Патриция Абурден (308) называют «триумф индивидуального» центральной среди «мегатенденций», характеризующих современную эпоху. Имеется в виду окончательное утверждение в обществе центральной роли индивида вместо роли племени, группы, нации (308; 298). Человек освобождается от обязательных групповых связей, выбирает по своему усмотрению социальный коллектив, самостоятельно определяет свои действия и несет личную ответственность за собственные поступки, успехи и неудачи.

2. Следующий принцип — дифференциация. Он наиболее значим в сфере труда, где появляется огромное количество специализированных, «узких» занятий и профессий, требующих различного уровня мастерства, компетенции и опыта, а также в сфере потребления с ее разнообразием возможностей и «жизненных шансов» (89).

3. Еще один принцип — рациональность (т.е. расчет и деперсонализация управления), составляющая лейтмотив теории бюрократии Вебера. Важнейшей чертой современности является также признаваемая всеми роль науки как средства познания.

4. Следующий принцип — экономизм, под которым мы понимаем доминирование над всей социальной жизнью экономической активности, экономических целей и экономических критериев. Современное общество в первую очередь озабочено товаром, его производством, распределением и потребле-

[105]

нием, и, конечно, деньгами как единой мерой и средством обмена. Проблемы взаимоотношений в семье, с родственниками, которые волновали ранние, примитивные общества, или политические, военные вопросы, типичные для традиционных аграрных обществ (например, в средние века), отодвигаются на задний план.

5. Последним принципом является экспансия, т. е. расширение зоны охвата, в первую очередь в пространстве (мы называем это процессом глобализации, который будет подробно рассмотрен в гл. 6). Согласно формулировке Энтони Гидденса, «современности присущ глобализм» (152; 177). Иными словами, она имеет тенденцию охватывать все более широкие географические районы и в конечном счете весь земной шар. Современность распространяется и вглубь, касаясь самых частных, интимных сфер повседневной жизни (например, религиозных убеждений, сексуального поведения, вкусов потребителя, сферы досуга и т.д.). «Экстенсивность и интенсивность современных сдвигов имеют более глубокий характер, нежели изменения, произошедшие в предыдущие периоды» (152; 4).

Перечисленные общие организующие принципы современности находят отражение в различных областях социальной жизни. Социологи обычно обращают внимание на ряд новых феноменов, возникающих в современных обществах. Так, в экономике, которая является центральной для всей системы, наблюдаются:

1) беспрецедентные скорость и размах экономического роста, которые, конечно, не свободны от местных или случайных отступлений, но в целом и на длительном временном отрезке превосходят то, что происходило в более ранние эпохи;

2) переход от сельскохозяйственного производства к индустриальному как главному сектору экономики;

3) концентрация экономического производства в городах и урбанистических агломерациях;

4) использование неодушевленных источников энергии вместо человеческой и животной силы;

5) распространение технологических новаций, охватывающих все сферы жизни;

6) возникновение свободного рынка труда и его следствия — безработицы;

7) концентрация рабочей силы на фабриках и крупных индустриальных предприятиях;

8) существенная роль деловых людей, предпринимателей, менеджеров, «флагманов индустрии» в управлении производством.

Экономическая система, в которой происходят перечисленные процессы, не может не изменить всю классовую структуру и иерархию стратификации, поэтому:

1) такие факторы, как владение собственностью и положение на рынке, становятся основной детерминантом социального статуса (вместо возраста, этнической принадлежности, происхождения, религиозных взглядов и других традиционных факторов);

2) значительная часть населения подвергается процессу пролетаризации и пауперизации, превращается в лишенную собственности рабочую силу, вынужденную продавать свой труд как вещь и не участвующую в прибылях;

3) на другом полюсе обладающие властью группы капиталистических собственников приобретают значительные состояния, получают прибыль и вновь инвестируют ее; таким образом, социальное неравенство становится все более и более заметным;

4) между этими полюсами появляется и постоянно увеличивается многочисленный средний класс, включающий в себя представителей различных профессий — тех, кто работает в сфере торговли, управления, транспорта, образования и в других обслуживающих областях.

В сфере политики происходят следующие важнейшие изменения:

1) усиливается роль государства, которое принимает на себя новые функции в сфере регулирования и координирования производства, распределения доходов, защиты экономического суверенитета и стимуляции проникновения на иностранные рынки;

2) расширяется сфера действия и усиливается роль закона, связывающего как государство, так и граждан;

3) растет численность городского населения, что обеспечивает расширение категорий лиц с политическими и гражданскими Правами;

4) рациональная деперсонифицированная бюрократическая организация становится доминирующей системой управления и контроля во всех сферах социальной жизни.

Созданием концепции бюрократической организации мы обязаны Максиму Веберу. В ее идеальный тип входят: 1) особая, регу-

лируемая законом компетенция служб; 2) иерархия служб с дифференциацией прерогатив и сфер компетенции; 3) фиксированные критерии и принципы назначения и продвижения по служебной лестнице; 4) специальное обучение или достаточный опыт как основа для приема на работу; 5) административная работа как занятие в течение всего рабочего дня с фиксированным жалованием; 6) разделение должностей и изменение обязанностей тех, кто не имеет «средств администрирования»; 7) делопроизводство, гарантирующее учет и контроль за исполнением; 8) безличность процедур, т. е. исключение любви, ненависти и всех сугубо личных, особенно иррациональных чувств из сферы исполнения официальных обязанностей (442; 351).

В сфере культуры наблюдаются четыре важных изменения:

1) секуляризация, т.е. уменьшение значимости магических и религиозных верований, мифов, ценностей и норм и замещение их идеями и правилами, обосновываемыми с помощью «мирских», или «земных», аргументов и расчетов;

2) возрастание роли науки, обеспечивающей восхождение к истинному знанию, которое, в свою очередь, может быть использовано в технологической или производственной практике;

3) демократизация образования, расширение доступа к нему значительных слоев населения и на все более высоком уровне;

4) распространение массовой культуры, когда эстетика, литература, искусство

превращаются в вещи, которые широко предлагаются на рынке и апеллируют к невзыскательному вкусу.

Наконец, повседневную жизнь характеризуют:

- 1) заметное расширение сферы труда и отделение ее от семейной жизни;
- 2) ослабление контроля над семьей со стороны общества и социального окружения;
- 3) отделение рабочего времени от времени отдыха с расширением диапазона последнего;
- 4) озабоченность приобретением товаров, имеющих не только утилитарное, но и важное символическое значение («покупки на зависть другим»), походы в магазины как род активности, независимой от реальной потребности в приобретении.

Хотя этот список и длинен, но он, конечно, не полон. Тем не менее по нему мы можем составить представление о качестве жизни современных людей и о качестве самого современного общества, в котором они живут.

[108]

Современная личность

Нынешние условия, несомненно, накладывают свой отпечаток на человеческую личность. Мы можем говорить о «влиянии, если угодно, цене воздействия на человека урбанизации, индустриализации, средств массовой коммуникации и усиливающейся мобильности. Формируются также личностные установки, качества, ценности, привычки, которые являются предпосылками для эффективного функционирования современного общества» (200; 321), т.е. происходит взаимное влияние институциональных и организационных уровней и личностного уровня. Некоторые авторы пытались выделить «личностный синдром», «современный менталитет» (40) или «модель современного человека» (200). Классическое исследование в этой области проведено в 70-х годах под эгидой Гарвардского проекта по социальным и культурным аспектам развития. Сравнительное изучение шести развивающихся стран (Аргентина, Чили, Индия, Израиль, Нигерия и Пакистан) позволило построить аналитическую модель современной личности. Ей присущи следующие черты.

1. Открытость экспериментам, инновациям и изменениям. Это может выражаться в различных формах: «в готовности принять новое лекарство или прибегнуть к новому методу оздоровления, воспользоваться новым средством передвижения или средством информации, принять новую форму брачной церемонии или новый тип обучения молодежи» (200; 327).

2. Готовность к плюрализму мнений и даже к одобрению этого плюрализма. «Современный человек способен признавать существование разных точек зрения. Он не боится, что взгляды других изменят его собственное видение мира. Он также не считает, что общественное мнение должно формироваться сверху» (200; 328).

3. Ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое, экономия времени, пунктуальность.

4. «Уверенность современного человека в том, что он способен организовать свою жизнь так, чтобы преодолевать создаваемые ею препятствия» (200; 329). Это относится и к возможности покорения природы, и к контролю над политическими, экономическими и другими социальными проблемами.

5. Планирование будущих действий для достижения предполагаемых целей как в общественной, так и в личной жизни.

6. Вера в регулируемость и предсказуемость социальной жизни.

[109]

ни (экономические законы, торговые правила, правительственная политика), позволяющие рассчитывать действия.

7. Чувство справедливости распределения, т. е. «вера в то, что вознаграждение не зависит от случая, а по возможности соответствует мастерству и вкладу» (200; 330).

8. Высокая ценность формального образования и обучения.

9. Уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус или кто обладает меньшей властью.

«Одна из основных гипотез нашего исследования, — пишет Инкелес, — состояла в том, что эти качества взаимосвязаны. Если у человека есть одна из перечисленных черт, то наверняка обнаружатся и другие. Иными словами, мы верим, что можно говорить не только о тех, кто наделен отдельными современными характеристиками, но и о людях, которых правомерно назвать современными» (200; 333).

Разочарование в современности

XIX век иногда именуют эрой торжества современности (13). Доминирующими настроениями, особенно среди нарождавшейся преуспевавшей элиты, были вера в разум, технику, науку и в эффективность капитализма, способствующего постоянному прогрессу. Но весьма скоро стало очевидным, что современность несет не только положительный, но и отрицательный, иногда крайне трагический заряд (26). В XIX в. критика капиталистического индустриального общества получила достаточно широкое распространение и была продолжена в XX столетии.

Пожалуй, наиболее популярной темой, которую поднял Карл Маркс, является «отчуждение» (320). Маркс полагал, что люди по своей природе свободны, общительны и способны к созиданию. Но они лишаются этих естественных свойств, если возникают определенные исторические условия, препятствующие проявлению человеческой природы. Такие дегуманизирующие условия воспроизводятся всеми классовыми обществами, в частности современным капитализмом, который превращает большинство людей в зависимые, эксплуатируемые, отчужденные частицы экономического механизма. Лишенный контроля над своим трудом и его продуктом, рабочий становится отчужденным, отделенным от работы, от окружающих людей и в конечном счете от самого себя. Как подчеркивал Маркс, рабочий не утверждает себя в процессе труда, а отрицает, чувствует себя несчастным, а не счастли-

[110]

вым. Для него труд — это не свободная игра физических и интеллектуальных сил, а умерщвление плоти и разрушение сознания (277; I, 533). Он не участвует в свободных кооперативных ассоциациях, а изолируется, отделяется от остальных людей и становится враждебным им. Таким образом, отчуждение равнозначно усилению социоцентрических импульсов (тема эгоизма, атомизации), отсутствию творчества (тема рутины, монотонности труда), отказу от контроля над действиями (тема пассивности), от самостоятельности (тема фетишизма вещей, которые правят людьми). Природа человека утрачивает свою сущность. Восстановить ее можно только в том случае, если избавиться от отчуждения, а это требует переворота в порождающих его социальных условиях и установления бесклассового коммунистического общества.

Впоследствии проблема отчуждения была подхвачена многими учеными, которые вышли в своих теориях далеко за пределы первоначального смысла, вложенного в данное понятие Марксом.

1. Отчуждение было обнаружено не только в области труда, но и в политике, культуре, образовании, религии, искусстве, отдыхе, потреблении, семье и многих других сферах. Мрачная картина современного общества достигла апогея у Эриха Фромма, который представил его просто «ненормальным» (136; 137; 138), и у Герберта Маркузе (266), рассматривавшего нынешнее общество как полный провал первоначального «проекта», как тупиковую ветвь человеческой истории.

2. Другое критическое направление, основывающееся на противоположных посылах,

зложил Эмиль Дюркгейм, который ввел понятие «аномии» (250). Согласно Дюркгейму, люди в своем естественном состоянии — звери, эгоистичные твари, готовые драться за свои интересы, не обращая внимания на остальных. И только тогда, когда они связаны культурными правилами, нормами и ценностями, можно избежать войны всех против всех, достичь гармоничного социального существования. Но при определенных исторических условиях культурные правила теряют свою регламентирующую силу. Тогда-то и наступает состояние аномии, т.е. нормативной неурегулированности, или безнормативности, когда царят анархия или социальный хаос и люди остаются без руководства, чувствуют себя оторванными от корней, потерянными, впадают в разврат или прибегают к самоубийству. Современное общество способствует формированию условий для аномии. Концепция аномии имела долгую и сложную историю. Роберт Мертон применил ее к частному случаю диссоциации (ра-

[111]

зорванности, разрыва) в социальной структуре между заданными культурой целями и реальными возможностями для их достижения. Когда появляется такой разрыв (по мнению Мертона, это относится к большим непривилегированным группам в современном американском обществе), тогда вступают в силу различные механизмы адаптации, в том числе разнообразные формы отклонения от нормы. Так было положено начало развитию влиятельной ветви современной социологии — социологии девиантного поведения и преступности (282; 285).

3. Следующая, быстро распространяющаяся критическая традиция обязана своим происхождением тому, что называют «масс-культурой», или распадом, разложением общности (общества). Она обращает внимание на социальные аспекты дезинтегрирующего воздействия индустриализации, урбанизации и демократизации как на макро-, так и на микроуровнях. Здесь просматривается аналогия с позицией Фердинанда Тенниса, который противопоставлял *Gesellschaft* (современное общество) и *Gemeinschaft* (традиционное общество). Сторонники данного направления считают, что в современном обществе люди утрачивают свою индивидуальную идентичность и выступают как анонимные, механические объединения нанимателей, клерков, избирателей, покупателей или зрителей. Виной тому — масштабы современного общества с его огромными рынками, аудиториями, публикой, электоратом, организациями национального и даже наднационального характера. В таких условиях уникальные групповые привязанности и индивидуальные различия затушевываются или исчезают вовсе. Межличностные связи — территориальные, этнические, религиозные или классовые разрываются, индивиды становятся изолированными, лишаются корней. На личностном, психологическом уровне потеря общности приводит к ухудшению качества жизни, крушению надежд, росту страданий. На политическом уровне это означает, что люди подчиняются деперсонифицированной бюрократии и правительству, превращаются в безликую, зависимую массу, которая подвергается манипуляциям, давлению. Следовательно, возникает опасность авторитарного и даже тоталитарного режима. Кроме того, существует тенденция подмены отсутствующих социальных связей разного рода социальными движениями. «Разобщенные люди активно вмешиваются в политическую жизнь, участвуют в массовых движениях, которые обещают, что они станут полноправными членами общества» (220; 60). Данное направление считает главной задачей восстановление первичных групповых связей, уз родства, нации, церкви и т.д.

4. Еще одно направление, которое сформировалось сравни-

[112]

тельно недавно, можно назвать экономическим. Оно заявило о себе тогда, когда в индустриальном обществе «накопилось» достаточно отрицательных последствий, вызванных глобальными масштабами его деятельности. Скрытые дисфункции и

малозаметные, неумышленные и непредусмотренные изменения, усиливаясь, перерастают в настоящие бедствия. Наряду с зарождением у населения экологического сознания, появляются и разнообразные теоретические концепции. Многие авторы во главу угла ставят истощение природных ресурсов, гибель окружающей среды, генетические аномалии человеческой популяции. Некоторые говорят о «пределах роста», выдвигают катастрофические сценарии будущего человечества (299). Другие, настроенные более позитивно, пытаются уточнить условия «достаточного роста». Примечательно, что, хотя речь идет о судьбе общества, чаще всего эти проблемы поднимают представители естественных наук, иногда экономисты, и лишь изредка социологи.

5. Другая традиция выбирает объектом своей критики неравенство и отсутствие равновесия в современном международном сообществе. Начало данной традиции было положено ленинской теорией империализма, согласно которой логика капиталистической системы с ее погоней за прибылью, дешевой рабочей силой и сырьем, за расширение рынков сбыта неизбежно ведет к колониальной и неоколониальной эксплуатации более слабых стран и регионов мира развитыми капиталистическими центрами. Сторонники так называемых теорий зависимости (А.Гюнтер Франк, Е. Кардозо) провозглашают неизбежное разделение мира на основной, периферийный и полупериферийный регионы (аналогично первому, второму и третьему миру) и подчеркивают, что периферии с ее многочисленным населением уготована бедность. Более поздние интерпретации оперируют понятиями «процветающий север» и «отсталый юг», усматривая в постоянно увеличивающемся разрыве между ними основной источник напряжения и конфликтов в будущем. (Мы обсудим эту тему более детально в гл. 6.)

6. Последнее, что вызывает критику современного общества, связано с феноменом войны. При этом приводятся такие аргументы: по количеству, размаху, жестокости и разрушительности войны нынешней эпохи превосходят все, что было раньше. Только в XX в. потеряли свои жизни в войнах свыше 100 миллионов человек. Одна из причин такого положения дел заключается в быстром развитии технологии военного производства, что, в свою очередь, является следствием драматического характера технологического прогресса вообще. Но, пожалуй, еще более важную роль

[113]

играют социальные изменения, которые порождает индустриально-урбанистическая система. Речь идет об острых конфликтах между государствами из-за сфер экономического и политического влияния, а также о той присущей современной эпохе «рациональной эффективности», которая предельно обесценивает человеческую жизнь, игнорирует какие бы то ни было моральные соображения, способные предотвратить массовую резню. Исходя из этой точки зрения, Зигмунт Бауман предпринял недавно попытку социологической интерпретации полного уничтожения (человечества) (36). Угроза ядерной войны и возможность тотального самоуничтожения человечества — последний аргумент против современности.

За горизонтами современности

Плюсы и минусы современной цивилизации служат своего рода отправным пунктом для различных теоретических воззрений относительно будущего человеческого общества. Одни из них уходят корнями в оптимистическую, прогрессивную атмосферу классической социологии и следуют постулатам эволюционизма. По мнению сторонников этих воззрений, настоящие, в целом более прогрессивные тенденции будут просто эволюционировать в том же направлении, достигая зрелых, совершенных форм. Семена грядущего, считают они, можно обнаружить уже сейчас в обществах наиболее продвинутого типа (особенно западноевропейских и североамериканском). Следовательно, образ будущего может быть спроектирован путем экстраполяции наблюдаемых черт. Таковы основные положения теории постиндустриального общества, а также многочисленных футурологических сценариев,

получивших распространение в период десятилетий процветания, начавшихся сразу после Второй мировой войны (415; 308; 221).

Нарисованный Даниелом Беллом (38) классический образ постиндустриального общества вдохновил многих крупных авторов. Джон Нейсбит расширил пять присущих ему тенденций и представил их как «мегачерты» (308).

1. В экономике наблюдается последовательная смена доминантных секторов. Если важнейшая характерная черта всего современного общества заключается в переходе от сельскохозяйственного к индустриальному производству, то в странах, наиболее приблизившихся к постиндустриальной стадии, главным теперь становится обслуживание, охватывающее разнообразные занятия

[114]

и профессии, не связанные напрямую с производством; это — торговля, финансы, транспорт, медицина, отдых, наука, образование, административный и правительственный аппарат.

2. В классовой структуре и стратификационной иерархии растет и обретает большую социальную значимость обслуживающий класс, внутри которого особенно выделяются профессиональные и технические группы, занятые в науке, исследовательских разработках и сфере «человеческих услуг», т. е. образования, культуры, социального обеспечения, рекреации. Этот аспект подробно анализируется в концепции Ральфа Дарендорфа об «обществе обслуживающего класса» (87).

3. Развитие новой «интеллектуальной технологии» (позже ее стали называть «высокими технологиями»), которая используется при обработке информации, а не при добывании сырья и энергии. Збигнев Бжезинский предложил обозначить общество, в котором господствуют высокие технологии, термином «технотронное общество» (61).

4. В динамике общества центральную роль играет самоподдерживающийся технологический рост.

5. В системе ценностей и все более широко обсуждаемых в повседневной жизни тем («осевой принцип») на первый план выдвигаются тяга к знаниям и их получению с помощью различных форм систематического образования. Чтобы подчеркнуть этот аспект, Питер Друкер говорит об «обществе знаний».

Нетрудно заметить, что все перечисленные тенденции недвусмысленно указывают на интенсификацию тех процессов, которые были обнаружены в самом начале современной эпохи. Сторонники данного теоретического направления полагают, что эти процессы полностью завершатся в будущем, и в духе доброго старого эволюционизма стараются вывести грядущие черты из его ростков, уже обозначившихся сегодня.

Однако по мере усиления антигуманных проявлений современного общества все чаще звучат призывы к тому, что его необходимо изменить радикальным образом. У некоторых авторов такое стремление коренится в ностальгии по давно прошедшим временам, в которых они неожиданно открыли для себя светлые, привлекательные стороны. Соответственно, предлагается вернуться к более ранним, традиционным формам социальной жизни, отвергнутым или разрушенным под натиском современности, перестроить сообщества, пересмотреть социальные связи, возродить Прежние группы и отношения. Столь же сильны призывы к спасению природного окружения, к борьбе с загрязнениями, эколо-

[115]

гическими нарушениями и бездумной эксплуатацией природных ресурсов. Эти и подобные им идеи взяты на вооружение мощными социальными движениями.

Есть еще одно, третье теоретическое направление, представители которого

убеждены, что в человеческой истории на смену эпохе современности должна прийти иная, качественно отличная эпоха. Еще не ясно, каким будет новое общество, которое вырастет на «пепелище» настоящего, но для него уже готовы броские названия: «постмодернистское» (252; 172; 35), «постисторическое» и «постцивилизационное». Все эти названия привлекают большое число людей, поскольку они позволяют как бы дистанцироваться от негативных аспектов сегодняшней жизни, и не удивительно, что они весьма популярны даже среди неспециалистов. Наконец, сторонники четвертого направления значительно более сдержаны в своих прогнозах и гораздо более скупы на широковещательные заявления, чем авторы и последователи теории постмодернизма. Данное направление лишено предвзятости в отношении того, куда должно или куда не должно двигаться человечество, и ограничивается детальным анализом наиболее зрелых форм общественного развития конца XX в. Это направление представлено теорией «высокой», или «поздней современности» Энтони Гидденса (152), которая заслуживает того, чтобы изложить ее несколько подробнее.

По мнению автора, говорить о постмодернизме рано. «Мы не вышли за пределы современной эпохи, более того, сейчас наступила фаза ее радикализации» (152; 51). «Мы идем, скорее, не к постмодернизму, а к периоду, в котором особенности, присущие настоящему этапу, еще более обострятся, станут универсальными» (152; 3). Но речь идет не о простом продолжении того, что было раньше, а о качественно новом феномене, который до основания преобразует нынешний мир и приведет нас в еще неизведанную и волнующую вселенную опыта» (152; 53).

По Гидденсу, черты «высокой современности» укладываются в четыре блока: первый объединяет понятие веры, второй — понятие риска, третий и четвертый — соответственно понятия непрозрачности и глобализации. Важное значение веры определяется повсеместным распространением «абстрактных систем», действия которых не совсем ясны, но от их надежности зависит повседневная жизнь. Транспорт, телекоммуникации, финансовые рынки, атомные электростанции, военные силы, транснациональные корпорации, международные организации и средства массовой информации являют собой примеры этих сложных безличностных организаций, влияющих на социальную реальность. Люди

[116]

должны научиться использовать их и не зависеть от них. «С развитием абстрактных систем вера в безличностные принципы, равно как и в чужую анонимность, становится неотделимой от социального существования» (152; 120).

Качественно новый феномен риска в условиях «высокой современности» заключается в том, что «возникают неуправляемые ситуации, таящие в себе угрозу не только отдельным индивидам, но и большим системам, в том числе государствам. Опасности подвергаются жизни миллионов людей и даже всего человечества» (152; 131).

Если быть более точным, то «феномен риска» «высокой современности» отличается от всего того, что наблюдалось прежде, как с объективной, так и с субъективной точек зрения. Иными словами, не только сами факторы риска увеличиваются и усиливаются, но и восприятие их становится гораздо более острым, нежели когда бы то ни было. Объективно мы наблюдаем:

1) универсализацию риска, т. е. возможность глобальных бедствий, которые угрожают всем, независимо от класса, этнической принадлежности, отношения к власти и т.д. (например, ядерная война, экологическая катастрофа);

2) глобализацию риска, который приобретает необычайный размах, затрагивая большие массы людей (например, финансовые рынки, реагирующие на изменения политической ситуации в мировом масштабе; военные конфликты; повышение цен на нефть; соперничество корпораций и т.д.);

3) институционализацию риска, т. е. появление организаций, принимающих его в качестве принципа собственного действия (например, рынки инвестиций или биржи обмена, азартные

игры, спорт, страхование);

4) возникновение или усиление риска в результате непреднамеренного побочного эффекта, либо эффекта бумеранга, человеческих действий (например, экологическая опасность как следствие индустриализации; преступность и правонарушения как продукт порочной социализации; новые «болезни цивилизации», которые связаны с профессиями или стилем жизни, типичными для современного общества).

Среди дополнительных факторов, усиливающих субъективное ощущение риска, можно назвать: 1) обострение чувствительности к угрозам из-за ослабления магической и религиозной защиты; 2) более четкое осознание опасности вследствие более высокого уровня образования; 3) понимание ограниченных возмож-

[117]

ностей экспертизы и неизбежности сбоев в функционировании «абстрактных систем».

Все это логически подводит к четвертой важнейшей черте «высокой современности» — «непрозрачности», нестабильности, неустойчивому характеру социальной жизни.

Истоки данной черты коренятся в следующем:

1) в ошибках конструирования, которые появляются в основном в комплексных «абстрактных системах»;

2) в ошибках оператора, которые естественны, поскольку люди вовлечены в процесс управления и действия «абстрактных систем»;

3) в неизбежности неумышленных и нераспознанных (скрытых) эффектов. По словам Гидденса, «правильно сконструированная система и верные действия оператора еще не гарантируют от неожиданных последствий в результате функционирования других систем и человеческой деятельности вообще» (152; 153);

4) в способности социальных знаний, объясняя общество и вроде бы делая его более предсказуемым, влиять на ход социального процесса непредсказуемым образом. «Новые знания (концепции, теории, открытия) не просто делают мир более прозрачным, но и изменяют его природу, поворачивают его в новом направлении» (152; 152-153);

5) в крайней дифференциации власти, ценностей и интересов среди членов общества и различных социальных групп, что в итоге приводит к релятивизму и размывает простые, понятные определения социальных ситуаций.

Пятой чертой «высокой современности» является продолжающаяся глобализация (см. гл. 6), т. е. охват социальными, экономическими, политическими и культурными отношениями всего мира. Помимо всего прочего это приводит к снижению роли национальных государств, которые, по словам Даниела Белла, «слишком малы для больших жизненных проблем и слишком велики для маленьких проблем» (152; 65).

Гидденс завершает свой анализ перечислением наиболее типичных форм адаптации к неопределенности и риску, к которым он относит:

1) концентрацию на повседневных, сиюминутных проблемах, которые целиком занимают человека и не дают ему сосредоточиться на тревожных мыслях;

2) оптимистический взгляд на вещи, веру в то, что дело по-

[118]

обернется к лучшему и благодаря судьбе, развитию науки и техники удастся избежать опасности;

3) циничный пессимизм в отношении будущего и вытекающую из него гедонистическую тенденцию наслаждения жизнью здесь и сейчас, не дожидаясь катастрофы;

4) участие в социальных движениях. Ясно, что только последняя форма конструктивна и может в какой-то мере способствовать преодолению негативных аспектов современности.

Идея «поздней современности» представляется наиболее подходящим «инструментом» для аналитика, разделяющего оценку угроз как одновременно и надежд,

даруемых человечеству и пугающей, и в то же время чарующей эпохой, в которую нам выпало жить .

[119]

6. Глобализация человеческого общества От изоляции к глобализации

К числу исторических тенденций, особенно характерных для современной эпохи, относится тенденция к глобализации. Она может быть определена как «ряд процессов, которые составляют единый мир» (341; 396). Общества становятся взаимозависимыми во всех аспектах — политическом, экономическом, культурном, и масштаб этих взаимозависимостей становится действительно глобальным. «Ни одна страна не является самодостаточным островом» (76; ix). Человечество больше не рассматривается как «статистическая совокупность», философская или идеологическая категория; оно приобретает социологическую сущность, превращается в социальную целостность, охватывающую всех людей, живущих на земле. Сегодня можно говорить о глобальной структуре политических, экономических и культурных отношений, простирающихся за любые традиционные границы и связывающих отдельные общества в единую систему. О таком понимании человечества не могло быть и речи даже в сравнительно недавнем прошлом. По словам Питера Уорслея, «до сих пор человеческое общество вообще никогда не существовало» (454; 1). Данное онтологическое изменение находит отражение в эпистемологическом статусе социологии. Сегодня вполне правомерно «вернуться к недавно введенному в нашу дисциплину положению о том, что первичными единицами анализа являются нация, общество и культура» (363; 369). Большинство социологов разделяют мнение Норберта Элиаса, согласно которому социология возможна лишь как социология мирового сообщества (115).

Глубина изменений будет понятней, если сравнить два контрастных, полярных случая: один из исторического прошлого, а другой из исторического настоящего? В прошлом общество представляло собой чрезвычайно пеструю, разнородную мозаику, составленную из изолированных социальных единиц, начиная от орд, племен, царств, империй и кончая еще относительно недавно наиболее широко распространенной формой — националь-

[120]

ным государством. Каждое из этих множественных или единичных политических образований имело независимую, самоподдерживающуюся и самодостаточную экономику, собственную культуру, сохранявшую свою уникальную идентичность, которая не пересекалась и была несоизмерима с остальными.

Современное общество являет собой совершенно иную картину. В политической сфере имеют место наднациональные единицы различного масштаба: политические и военные блоки (например, НАТО), имперские сферы влияния (например, бывшего социалистического лагеря), коалиции правящих групп (например, «Большая семерка»), континентальные или региональные объединения (например, Европейское сообщество), всемирные международные организации (в первую очередь ООН и ее специализированные подразделения). Можно заметить также контуры всемирного правительства, когда ряд важных функций выполняется наднациональными учреждениями (например, Европейский парламент, Международный трибунал или Интерпол), и признаки растущей политической однородности. Процессы демократизации в Латинской Америке, южной Европе и посткоммунистических странах свидетельствуют о том, что парламентская демократия становится поистине «универсальной, доминирующей политической формой на земном шаре» (139).

В экономической сфере усиливается значение наднациональной координации и

интеграции (ЕФТА, ЕС, ОПЕС), региональных и мировых экономических соглашений. Наблюдается глобальное разделение труда, увеличивается роль многонациональных и транснациональных корпораций, причем некоторые из них обладают доходом, превышающим доход среднего национального государства. Штаб-квартиры ряда подобных корпораций находятся в конкретных странах (например, «Ниссан» или «Тойота»), другие утратили национальные корни и действуют по всему миру, используя местные субсидии и т.д. (например, «Пепси-Кола», «Макдональдс», «Дженерал Моторс»). Это новые могущественные силы в мировой экономике. С кончиной планово-командной экономики рынок, похоже, становится «универсальным», единым экономическим механизмом, охватывающим весь мир. Отметим молниеносность, с которой финансовые рынки реагируют на события в отдельных, даже наиболее географически удаленных странах.

Наконец, в культуре также доминирует тенденция к единообразию. Средства массовой информации, в частности ТВ, превращают нашу планету в «большую деревню» (259). Миллионы людей становятся свидетелями событий, произошедших в разных местах, приобщаются к одному и тому же культурному опыту

[121]

(олимпиады, рок-концерты), что способствует унификации их вкусов, восприятий, предпочтений. Все это фиксируется мировыми информационными службами (CNN) и газетами («*Herald Tribune*»). Одни и те же потребительские товары распространяются повсюду (феномен «кока-колизации»). Миграции, временная работа за границей, туризм обеспечивают непосредственное знакомство с образом жизни, обычаями, нормами поведения в других странах. Складывается общий язык, причем английский язык берет на себя роль средства профессионального общения в науке, технике, бизнесе, в области компьютерной техники, транспорта, а также роль средства межличностного общения в путешествиях или туризме. Компьютерная технология способствует развитию, углублению и другому направлению унификации: одни и те же программы, используемые во всем мире, становятся единым образцом организации и обработки данных и информации. Местные культурные традиции размываются, и, похоже, массовая потребительская культура западного типа становится «универсальной», распространяясь по всем странам и континентам.

Рассмотренные многомерные изменения побудили некоторых современных историков выдвинуть концепцию «глобальной истории» (351). По их мнению, примерно с середины XX в. и особенно в последние десятилетия тенденция к глобализации изменила фундаментальное качество исторических процессов. Где бы что-то ни происходило, оно находит отзвук по всему свету. Национальный и даже региональный масштаб недостаточен; национальные или региональные истории больше не имеют смысла. И ударение должно делаться на тех исторических процессах, которые пересекают границы традиционных единиц анализа (государств, регионов, областей) и охватывают весь мир. Проще говоря, в глобальном мире история протекает иначе: у нее формируются новые движущие силы, новые механизмы и новые направления, и это нельзя игнорировать.

Данная концепция сформировалась сравнительно недавно, но задолго до нее уже предпринимались попытки проанализировать различные аспекты и тенденции глобализации.

Классическое видение глобализации

Три теоретических подхода к глобализации могут считаться классическими: теория империализма, теория зависимости и теория мировой системы. Они имеют общую исходную посылку и несут схожую идеологическую нагрузку. Каждая из них касается

[122]

в основном экономической сферы и нацелена на то, чтобы вскрыть механизмы

эксплуатации и несправедливости. Таким образом, у них явно марксистские корни и левая ориентация.

Зачатки теории империализма обнаруживаются уже у Дж.А. Гобсона (193), впоследствии она получила развитие в трудах Владимира Ленина (233) и Николая Бухарина (63). Они определили империализм как последнюю стадию развития капитализма, когда перепроизводство и падение нормы прибыли вынуждают его прибегать к защитным мерам. Империалистическая экспансия (завоевание, колонизация, экономический контроль над другими странами) составляет суть стратегии капитализма, необходимой ему для спасения от неизбежного краха. Экспансия преследует три основные экономические цели: получение дешевой рабочей силы, приобретение дешевого сырья и открытие новых рынков сбыта товаров. В результате господства империализма мир становится асимметричным: на него экстраполируется ситуация внутри государства с его классовой борьбой, эксплуатацией меньшинством большинства. В мировом масштабе это выражается в том, что несколько капиталистических метрополий эксплуатируют подавляющее большинство менее развитых или слаборазвитых обществ. И как результат — несправедливый односторонний поток ресурсов и прибылей, увеличение разрыва между богатыми и бедными странами (богатые становятся богаче, бедные — беднее). Только всемирная революция эксплуатируемых может разорвать этот порочный круг (233).

В середине XX в. схожая идея была взята на вооружение теоретиками, исследовавшими отношения между странами так называемого первого и третьего мира в постколониальный период, когда прямому политическому правлению извне пришел конец, но осталась экономическая зависимость. «Теория зависимости» была разработана в Латинской Америке и отразила в основном ситуацию в этом регионе. Ее исходная посылка заключается в том, что причина отсталости латиноамериканских стран коренится не только во внутренних факторах; большую роль сыграло здесь и внешнее воздействие. Стоявший у истоков данной теории Поль Пребишш отмечал четкое разграничение мировой экономики на доминирующий «центр», куда входят высокоразвитые индустриальные державы, и «периферию», которую составляют главным образом аграрные страны (335). Данное положение легло в основу двух версий теории зависимости: пессимистической и несколько более обнадеживающей. Анри Гюндер Франк (165) выдвинул пессимистическое объяснение постоянного и непреодолимого отставания Латинской Америки. По его мнению, это-

[123]

му способствует, во-первых, то обстоятельство, что между капиталистическими метрополиями (в частности, США и подчиняющимися им мультинациональными корпорациями) и зависимыми «сателлитами» установились неравноправные взаимоотношения. В производстве затрачиваются местные ресурсы, а большая доля прибавочного продукта присваивается иностранным капиталом, т.е. этот продукт идет из стран-сателлитов в метрополии. Во-вторых, элита зависимой страны (крупные предприниматели, менеджеры, высококлассные специалисты, политики), побуждаемая личным интересом, вывозит свои деньги и ищет возможности их вложения за пределами собственного государства. Иначе говоря, местная элита переходит на службу иностранному капиталу и неукоснительно выполняет все его требования. Даже если представители местной элиты не уезжают из страны, то в своих надеждах, привязанностях и предпочтениях они все равно уже далеко от нее. По сути дела это послушные, а иногда и тупые стражи зависимого статуса своей родины.

В результате возникает «цепь зависимости». Встроенная в механизм внешней эксплуатации и получающая некоторую долю прибыли, местная элита не желает добиваться экономического суверенитета. Единственная социальная сила, потенциально способная порвать эту «цепь зависимости», — низшие классы, которые не участвуют в прибылях, но несут бремя эксплуатации. Однако, по сравнению с объединенной мощью метрополий и их преданных слуг, возможности этого класса обычно крайне невелики. Шансов на то, чтобы

изменить ситуацию, у них практически нет, за исключением отчаянных народных восстаний «снизу».

Несколько более оптимистическую картину рисуют в теории «зависимого развития» Фернандо Кардозо и Е. Фалетто (73). Главная проблема, считают они, заключается в отсутствии собственных самостоятельных технологий и развитого производства основных товаров. «Зависимый капитализм уродлив... Накопление, экспансия и самореализация местного капитала требуют поддержки извне. Чтобы выжить, он должен включиться в систему международного капитализма» (12; 163).

Но проглядывает и луч надежды: условия зависимости непреднамеренно порождают некоторые побочные результаты («эффект бумеранга»), которые медленно подрывают жизнеспособность капитализма. Приток иностранных инвестиций обеспечивает появление в море отсталости и традиционализма островков высокотехнологичных, современных предприятий, на которых обучается квалифицированный рабочий класс, формируется и накапливает опыт местная элита менеджеров, открываются возмож-

[124]

ности для создания кооперативных субсидируемых предприятий, возникает стимул следовать по пути, приводящему к экономическому успеху. Получают распространение мотивации, побуждающие к предпринимательству, постепенно складывается местный средний класс, начинается накопление местного капитала. На определенной стадии эти скопившиеся количественные изменения могут привести к качественному скачку, экономическому «прорыву» и тем самым уменьшить зависимость.

Глобальные экономические взаимосвязи оказываются средством освобождения от зависимости, а не инструментом для ее сохранения. «Новые индустриальные страны» (например, Бразилия или Мексика), так называемые азиатские тигры (Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Гонконг), страны бывшего коммунистического блока демонстрируют развитие событий именно по такому сценарию.

Наибольшее распространение среди теорий мировой экономической зависимости получила теория «мировой системы» Иммануэля Уоллерстайна (436; 438). Автор различает три основные стадии в истории. Первая является стадией «минисистем» — относительно небольших, экономически самодостаточных единиц с четким внутренним разделением труда и единой культурой. Они доминируют в эпоху охоты и собирательства и продолжают существовать до эпохи аграрных обществ.

Затем наступает черед «мировых империй», которые объединяют в себе множество ранних «минисистем». В основе этих образований лежит экономика, ориентированная на сельское хозяйство, причем ее координация обеспечивается посредством сильного военного и политического правления, безжалостной административной системы, системы налогообложения и воинской повинности. Кроме того, для данной стадии характерны постоянные войны, захваты чужих территорий и включение их в огромные империи (например, древний Китай, Египет, Рим). Жизнеспособность таких империй подрывается ростом бюрократического аппарата и сложностью выполнения административных функций на больших территориях.

Эпоха «мировой экономики», или «мировых систем», возникает где-то в начале XVI в. Государство как регулирующая и координирующая сила уступает место рынку. Единственной функцией государства остается сохранение структуры экономической активности и свободного предпринимательства, а также благоприятных условий для торговли.

Капиталистическая система обнаруживает колоссальный потенциал к расширению. Внутренняя динамика и способность обес-

[125]

печивать изобилие товаров делают ее крайне привлекательной для широких слоев населения. К тому же капитал подчиняет себе политическую власть и военные силы, что укрепляет его позиции. На этой стадии наблюдается ускоренное распространение новейших технологий по всему миру, что ведет к иерархизации мирового сообщества. В нем выделяются три уровня государств: центральные, периферийные и — промежуточный тип — полупериферийные государства (что примерно совпадает с другим, более популярным делением на первый и третий миры и «второй мир» где-то между ними).

Зарождаясь в центральных, ведущих государствах Западной Европы, капитализм достигает полупериферии и периферии. Периферийные, бедные государства «были впряжены в колесницу мировой системы основными государствами, но остались в роли пристяжных» (76; 9). «Внешняя арена» государств, не попадающих в орбиту «мировой капиталистической системы», сокращается. Переход к капиталистической рыночной экономике после крушения административно-командной системы бывших коммунистических стран ликвидирует большой сегмент некапиталистического развития. Так в XX в. весь мир постепенно встраивается в единую экономическую систему. Но процесс этот не простой, и асимметричность экономической системы сохраняется. Концепция Иммануэля Уоллерстайна наиболее радикально утверждает идеи экономической глобализации.

Уоллерстайн, несомненно, внес весомый вклад в теорию изменений. «Исследователи мировой системы значительно обогатили наше представление о мире, рассматривая его как системный феномен. Многие из того, что традиционно анализировалось социологами в социальных и, шире, в цивилизационных терминах, может и должно восприниматься с точки зрения глобально-системного подхода» (341; 400). Основными недостатками теории являются сильный экономический уклон и механическая экстраполяция идеи классового неравенства на международные отношения — и то, и другое явно указывает на марксистские корни. Чтобы глобальное сообщество раскрылось во всей полноте, необходимо учитывать процессы глобализации в другой важной сфере — культуре.

Современное состояние: глобализация культуры

Социальные антропологи Б. Малиновский (1884—1942) и А.Р. Рэдклифф Браун (1881 — 1955) в ходе своих полевых исследо-

[126]

ваний наблюдали феномены культурного контакта, культурного

столкновения и культурного конфликта. Эти явления особенно характерны в ситуации, когда западная цивилизация проникает в местные культуры колониально зависимых стран. Как заметил Даниэль Чиро, в начале XX в. на свете «осталось очень немного «традиционных» обществ. Практически все жители планеты за исключением обитателей самых глухих уголков на Амазонке и в Африке испытали на себе влияние высоко модернизированного «западного мира» (76; 7). Местные нормы и ценности, обычаи и мораль, религиозные верования, модели семейной жизни, способы производства и потребления, похоже, исчезают под натиском современных западных институтов.

Данное обстоятельство вызвало две противоположные реакции. Одни антропологи стали говорить о «культурном империализме», который ведет к катастрофическим последствиям: уничтожению самобытности, утрате культурной автономии зависимыми обществами, культурному обеднению в целом. Другие начали проповедовать «этноцентризм», превознося цивилизационную миссию Запада; они приветствовали борьбу с варварством, язычеством, дикарскими обычаями, разрушение примитивных институтов.

В настоящее время те же реакции вызывает растущая вестернизация (или даже американизация). В общественных и научных кругах нередко сетуют на то, что из-за «культурной синхронизации», не имеющей исторических аналогов, «впечатляющее разнообразие мировых культурных систем уменьшается» (177; 3), а также на то, что коммерциализация культуры, насаждение масс-культуры приводят к «бескультурью»,

«новому варварству». Правда, существует и противоположная точка зрения, согласно которой достичь уровня наиболее продвинутых, передовых государств мира можно, лишь следуя западной модели развития. Последняя рассматривается как предпосылка социальной эмансипации, или по крайней мере как символ цивилизации. Такого мнения всегда придерживались представители образованной политической и экономической элиты в колониальных странах, а сейчас она весьма популярна и в посткоммунистических странах (Восточной и Центральной Европы. — *Ред.*), где прозападная культурная ориентация, порой принимающая форму «фетишизации» Запада, вызвана прежде всего стремлением «присоединиться к Европе» и «избежать Азии» (т. е. отсталости, автократии, советского имперского господства).

Нынешние глобальные масштабы унификации культуры определяются главным образом средствами массовой коммуника-

[127]

ции, особенно телевидением. «Империалистические средства массовой информации» превращают нашу планету в «большую деревню», обитатели которой потребляют один и тот же культурный продукт. Кроме того, беспрецедентный размах путешествий и туризма в развитых странах также способствует распространению по всему свету образцов западной культуры.

Эти важные процессы наводят на теоретические размышления. Одним из них является теория «глобальной ойкумены», предложенная Ульфом Ганнерсом (178; 179; 180). Под «ойкуменой» он понимает регион постоянного культурного взаимодействия, обмена и перевода феноменов одной культуры на язык другой. Постепенное расширение ойкумены достигает в наше время действительно глобальных масштабов. Традиционные культуры возникают в обществах, существующих в определенных границах; они привязаны к этому пространству и воспроизводят себя при непосредственных контактах и в одном временном промежутке. В противоположность им современные культуры пересекают любые конкретные временные и пространственные рамки и благодаря современным технологиям в области коммуникации и транспорта «разрывают пространство и время».

Культурные потоки в пределах глобальной ойкумены не симметричны и не двусторонни. Большинство из них однонаправлены, с четким разделением центра, где формируются культурные послания, и периферии, где они воспринимаются. Культурные перемещения от периферии к центру ограничены. В качестве редких примеров из недавнего прошлого можно назвать музыку регги, латиноамериканские ритмы и африканский рок.

Ганнерс считает, что подобная асимметричная структура типа центр-периферия — не единая система, покрывающая все измерения культуры и географические регионы. Это множественный конгломерат с различными специализированными и региональными центрами, которые изменяются и сдвигаются во времени (408). Сейчас к таким специализированным центрам относят США (в области науки, новейших технологий и массовой культуры), Францию (в области сверхмодной одежды и производства деликатесов), Японию (в сфере корпоративной культуры); к региональным центрам — Мексику в Латинской Америке, Египет в арабском мире, Ватикан — в католическом, священные города Кум и Мекка — в исламском.

Говоря о будущем, Ганнерс предлагает четыре возможных сценария культурной унификации. Первый — сценарий «глобальной гомогенизации», в котором предполагается полное доминирование западной культуры, при том, что весь остальной мир

[128]

становится более или менее удачным слепком западного образа жизни, западных моделей потребления, ценностей и норм, идей и верований. Одни и те же товары в

магазинах, одни и те постановки в театрах и фильмы в кино, бестселлеры в книжных магазинах и новости в газетах, мыльные оперы по телевизору и хиты на дисках — вот, может быть, несколько преувеличенная картина того, что уже имеет место во многих странах мира. Любая местная специфика исчезает под захлестывающим давлением унифицирующего цивилизационного влияния Запада.

Есть специфическая версия данного процесса, которая называется «сценарий сутурации — насыщения». В ней утверждается, что периферия медленно впитывает в себя культурные образцы центра, насыщается ими и на протяжении длительного отрезка времени, через несколько поколений, местные культурные формы постепенно исчезают, т.е. в истории происходит становление культурной однородности.

Третий сценарий, названный «периферийной коррупцией», означает упадок и разложение западной культуры в процессе адаптации. Столкновение с периферией искажает и разлагает ее высшие ценности. При этом действуют два механизма. Первый отфильтровывает «высокоинтеллектуальные» достижения, оставляя место лишь для культурного продукта самого низкого уровня — для порнографии, а не литературной критики; для шпионских триллеров, а не произведений лауреатов Нобелевской премии; для «Династии», а не Шекспира; для рэпа, а не Бетховена. Подобное может происходить по двум причинам: из-за низкого культурного уровня принимающей стороны; из-за реализации тенденции «культурной свалки», т. е. продажи избытка продукции низкого качества на периферийные рынки. Второй механизм искажает западные ценности, приспособляя их к привычному образу жизни потребителей. Например, в традиционно автократической стране демократические ценности легко перерождаются в деспотизм; равенство — в семейственность, кумовство; свобода слова — в безобразные публичные дразги; свобода собраний — в фракционизм, в постоянную борьбу бесчисленных группировок и клик.

Четвертый сценарий, который явно по душе самому Ганнерсу, — это «сценарий созревания». Он предполагает не просто слепое восприятие, а равный диалог и обмен, когда проникающая культура метрополии обогащается некоторыми ценностями периферии, когда дается собственная интерпретация привнесенным идеям и т. д. В результате образуется единый сплав внутренних и внешних элементов. В подобных процессах глобальная культура

[129]

играет роль стимулятора, способствующего обогащению местных культурных ценностей. В то же время она приобретает специфические черты сообразно местным условиям. Различие культур остается, но их развитие оживляется под влиянием центра. Представители периферийной культуры выступают в качестве посредников: они отбирают импортируемую продукцию в соответствии со своими культурными вкусами и потребностями. Что касается обычных людей, в чью повседневную жизнь вплетены глубинные структуры локального культурного наследия, то они, наделяя транснациональный культурный поток своими собственными смыслами, существенно модифицируют его. Это может происходить путем разложения привносимых культурных тем на содержание и форму. Отделение формы, стиля, техники или, образно говоря, «культурного языка», от конкретного содержания, смысла, сюжета, предыстории позволяет заполнить привнесенную глобальную форму местным содержанием. Местные культурные ценности могут расширяться и обогащаться на этой новой основе.

В итоге образуется то, что Ганнерс называл «креолизацией» (гибридизацией) культуры. Во всем мире все культуры представляют собой сложный синтез, они уже не однородны, как когда-то, поскольку между центром и периферией существуют исторически накапливающиеся взаимосвязи. По словам автора, происходит не слияние культур в единое глобальное целое, а «диалог между ними».

Мощную поддержку сценарию «созревания» и «гибридизации» оказал Шмуэль

Айзенштадт. Подытоживая свои исследования древних и современных цивилизаций, он нарисовал картину, сходную с той, которую описывал Ганнерс.

Расширение цивилизаций создает для включенных в них обществ предпосылки в виде культурных символов и институтов, открывает новые возможности развития и выбора. Различия, которые, при множестве общих характеристик, имеются между современными обществами, кристаллизуются путем отбора (а следовательно, и трансформации) этого большого количества культурных символов, смыслов и институтов как западной, так и собственной цивилизации (110; 423).

Ответная реакция периферийных обществ на экспансию центральной цивилизации зависит от сочетания нескольких факторов: 1) от «пункта входа» данного общества в глобальную систему, по которому можно определить, какие аспекты предыдущей культуры отвергаются и какие новые возможности предоставляются (другими словами, откуда происходит влияние центральной цивилизации); 2) от видов технологий и экономического уст-

[130]

ройства, существовавших ранее в данном обществе (другими словами, от состояния периферии в то время, когда она сталкивается с внешним воздействием); 3) от основных онтологических взглядов на взаимоотношения космического, социального и культурного порядка, а также от жизнеспособности элиты, выражающей и санкционирующей такие взгляды; 4) от способов приспособления к условиям, изменяющимся в ходе истории данного общества (например, адаптационные или конструктивные реакции) (110; 427). Автор считает, что в совокупности вариативность и единообразие несут в себе значительный потенциал для развития.

Образы глобального мира и теории глобализма

«Глобальность является в сущности неизбежной проблемой современного мира» (341; 409). Она несет с собой как опасности, так и надежды, и люди должны это осознавать. Процесс глобализации охватывает все аспекты современной общественной жизни — экономические, политические, культурные, и данное обстоятельство фиксируется социальным сознанием. Появляются различные новые образы мира, причем некоторые из них находят отражение в специфических концепциях глобализма или антиглобализма. Эти образы становятся независимыми причинными переменными, формирующими тенденции к глобализации, т.е. будучи порождением глобализации, они превращаются в ее детерминанты.

Роланд Робертсон предложил недавно весьма примечательную типологию «образов мирового порядка» (341; 404—409). Он выделил четыре таких типа. Первый — «Глобальный Gemeinschaft I», в котором мир представлен в виде мозаики либо закрытых, ограниченных сообществ, либо равноправных и уникальных в своей институциональной и культурной упорядоченности, либо иерархических, с отдельными ведущими сообществами. В вычленении данного типа в известной мере проявилось негативное отношение к глобализации, которое может перерасти в «антиглобализм». Эгалитарная («уравнительная») версия представлена классической социальной антропологией, провозгласившей культурный релятивизм; иерархическая — в концепции Китая как Среднего Царства в центре мира и в ряде исламских доктрин. Недавно она была обновлена в фундаменталистских движениях, которые «призывают к восстановлению своих исконных социальных сообществ, полагая при этом, что остальной мир должен быть закрытым и не представлять угрозы «лучшему» устройству» (341; 407).

[131]

Второй тип — «Глобальный Gemeinschaft II». Он отражает единство человеческого

рода и олицетворяет собой глобальное сообщество, или «всемирную деревню», предполагая общепланетарный консенсус в вопросах, касающихся ценностей и идей. Это скорее, перспективная, а не описывающая реальности точка зрения; подобное видение уже существовало в форме древней идеи Царства Божия на земле и недавно возродилось вновь в различных экуменических движениях. Речь идет в первую очередь об обращении Римской католической церкви ко всему человечеству по поводу «евангелизации», а также о восточно-азиатской, в частности японской, религиозной ориентации. Сюда же можно отнести всемирное движение за мир и экологическое движение. Другой интересной областью, где можно обнаружить схожий тип, является международная безопасность. Нейл Смелзер отметил «эволюцию в понимании и символическом обозначении, например, тех международных границ, которые нельзя переступить, не вызвав угрозы ядерного уничтожения всего мира, тех механизмов, которые имеются в нашем распоряжении и позволяют выйти из состояния конфронтации, не уронив собственного достоинства» (363; 369—394).

Третий тип — «Глобальный Gesellschaft I». Он дает представление о мире как мозаике взаимно открытых суверенных национальных государств, включенных в процесс интенсивного экономического, политического и культурного обмена. По эгалитарной («уравнительной») версии многочисленные партнеры являются политически равными участниками взаимовыгодного сотрудничества, а иерархическая версия отстаивает важность лидирующих обществ-гегемонов («большой власти»), обеспечивающих стабильность в мире.

Наконец, четвертый тип — «Глобальный Gesellschaft II». Образ этого типа предполагает унификацию национальных государств под эгидой некоего мирового правительства. Это может быть как наднациональное политическое объединение, так и федерация. Данный тип мирового порядка, приверженцами которого до недавнего времени были либералы, а также марксисты, вновь находится в центре политических дебатов, в частности по поводу трансформации Европейского сообщества от экономической интеграции к более политизированным ее формам. Споры и конкуренция между этими типами образов и идеологий составляют существенную часть современной интеллектуальной полемики.

Часть II Три великих видения истории

7. Классический эволюционизм

Первая метафора: организм и развитие

Социология возникла в ответ на требования теории и практики. Она старалась осмыслить те колоссальные социальные сдвиги, которые происходили в Европе на волне революций: процессы индустриализации, урбанизации, становления капиталистического общества и разрушения традиционного, аграрного, общинного уклада жизни. Сталкиваясь с новой, сложной и ускользающей от понимания реальностью, философски ориентированные социологи XIX в. искали эвристические аналогии или метафорические модели в областях знаний, которые были лучше разработаны. Первая метафора, объясняющая общество и его изменения, была найдена в биологии — она уподобляла общество организму.

Вначале данная аналогия использовалась только как эвристическое средство, полезный инструмент для интеллектуальной работы. Речь шла лишь о некотором общем сходстве между организмом и обществом, и при этом вполне отчетливо осознавалось различие между ними. Значительно позднее такое сравнение стало восприниматься буквально: общество начали рассматривать как реальный организм. И если ограниченное, эвристическое использование данной аналогии оказалось достаточно плодотворным (31), то ее извращение, типичное для школы «органицизма» на закате XIX столетия (270; 78, 81), завело социологические исследования в тупик.

Упомянутая аналогия касается в первую очередь внутреннего устройства общества.

Считалось, что, подобно живым организмам, оно состоит из различных элементов («клеток» — индивидов), собранных в более сложные единицы («органы» — институты), которые объединены детерминирующей сетью взаимосвязей («органическая анатомия» — социальные связи). Короче говоря, предполагалось, что и организм, и общество обладают структурой. Но при этом четко осознавалось, что тип структурной интеграции в обоих случаях различен: сильная и тесная интеграция в организме, ни одна часть которого не может существовать от-

[135]

дельно от целого, и гораздо более свободная в обществе, где и индивиды, и институты обладают некоторой автономией и самодостаточностью. Аналогия с организмом применялась и к «физиологии», т. е. к процессам, происходящим внутри общества, причем элементы организма и общества рассматривались как выполняющие специфические роли или определенные функции внутри тех целостностей (организма или общества), к которым они относятся, и тем самым способствующие их сохранению и воспроизводству (жизнь организма или общества). Иными словами, акцентировалось внимание на сходстве функций. Но при этом опять-таки отчетливо осознавались различия: узкоспециальные, однофункциональные органы в организме и многофункциональные, взаимодополняемые элементы или подсистемы в обществе.

При динамических трансформациях общества и организма в них существует постоянная взаимосвязь преемственности и изменений. Несмотря на постоянное пополнение, восстановление элементов (клеток, тканей в организме; людей, групп в обществе), целое сохраняется значительно дольше, чем его части. И для жизни организма, и для истории общества характерен рост, поэтому понятие роста имеет решающее значение для уяснения изменений. Это — наиболее важное, до сих пор широко распространенное понятие как в социологической теории социальных изменений, так и в обыденном сознании.

«Рост» означает расширение, распространение, усложнение и дифференциацию. Это процесс, который (1) раскрывает определенные внутренние потенциальные возможности, присущие изучаемому объекту с самого начала (т. е. обнаруживает свойства, закодированные в семени или эмбрионе); (2) идет в одном направлении и имеет необратимый характер (от зрелости к юности нет возврата); (3) продолжается непрерывно и не может быть остановлен (нельзя оставаться вечно молодым); (4) развивается постепенно, кумулятивно, шаг за шагом; (5) проходит различные стадии, или фазы (например, юность, зрелость, старость).

Концепция роста стала основой социологической идеи эволюции, фундаментом для влиятельной теоретической школы, изучающей социальные изменения и известной как «социологический эволюционизм». Необходимо сказать, что эта ориентация в социологии предшествовала по времени и существенно отличалась от «биологического эволюционизма» (дарвинизма). Во-первых, это была теория онтогенеза, в которой человеческое сообщество рассматривалось как единственное уникальное целое, тогда как дарвинизм был теорией филогенеза, в рамках которой исследовалось происхождение особей или видов. Во-вторых, социоло-

[136]

ги исследовали механизм раскрытия внутренне присущих, потенциальных возможностей, а дарвинисты акцентировали внимание на случайных мутациях, борьбе за существование, на выживании наиболее приспособленных особей и естественном отборе наиболее адаптированной части популяции. Первый процесс представлялся ровным, гладким, и факторы, влияющие на изменения, толковались как эндогенные, имманентные, второй — напряженным, и изменения зависели от экзогенного давления окружающей среды. В-третьих, социологический эволюционизм постулировал неуклонный процесс, а

биологический эволюционизм предполагал лишь наличие вероятных стохастических связей. Обе ветви эволюционизма отличались друг от друга. На протяжении большей части своей долгой истории социологический эволюционизм игнорировал и даже отрицал достижения в биологическом эволюционизме. Лишь недавно некоторые авторы поняли, что можно черпать вдохновение и в биологическом эволюционизме, и стали развивать «эволюционную» (но не «эволюционистскую») теорию социальных и культурных изменений, используя некоторые результаты современной биологии (229; 245; 69).

Основатели социологического эволюционизма

Давайте начнем с самого начала и воспроизведем классические формулировки социологического эволюционизма в работах шести представителей этого направления: Конта, Спенсера, Моргана, Дюркгейма, Тенниса и Уорда.

Огюст Конт и идеалистическая концепция эволюции —

Основатель социологии О. Конт считал: для того, чтобы/ понять современную эпоху] необходимо поместить ее в более широкий исторический контекст и рассматривать просто как фазу на долгом пути человеческой истории. Индустриально-урбанистическое капиталистическое общество — не случайность, а естественный, необходимый продукт предыдущих процессов. Невозможно дать адекватное объяснение, что-либо предсказать и дать практические рекомендации относительно любого современного феномена без реконструкции всей предшествующей истории.

Конт пытался сделать это с помощью знаменитого «закона трех стадий». Он считал, что движущая сила исторических изменений обнаруживается в области мысли и духа: в тех способах,

[137]

при помощи которых люди постигают реальность, в методах, которые они применяют, чтобы объяснить, предсказать и управлять миром. Качество и количество знаний, которыми обладает общество, постоянно растут. Эта основная черта общества определяет все другие аспекты социальной жизни — экономические, политические, военные. (Человеческий род в своей истории проходит три стадии: теологическую, метафизическую и позитивную. На первой стадии люди заклинают сверхъестественные существа и силы, словно те ответственны за земные события. Вначале это духи или души, находящиеся внутри предметов, растений, животных (фетишизм, анимизм), затем — многочисленные боги, ответственные за различные фазы жизни (политеизм), и наконец единый всемогущий бог (монотеизм). Данный период характеризуется доминированием военного образа жизни и широким распространением института рабства. (Вторая, метафизическая, стадия наступает тогда, когда люди заменяют богов абстрактными причинами и сущностями, фундаментальными принципами реальности, воспринимаемыми разумом. Идеи суверенитета, узаконенного права и легитимного правительства доминируют в политической жизни. На третьей, позитивной, стадии люди обращаются к законам, основанным на эмпирической очевидности, наблюдении, сравнении и эксперименте) Это век науки и промышленности. Достигнув позитивной стадии, развитие окончательно становится открытым. Резервуар человеческих знаний постоянно пополняется. Наука вечно движется вперед, все более приближаясь к познанию реальности, но так никогда и не достигая полной и окончательной истины. «Такова история изменений в сознании и обществе, которые совпадают и отражают друг друга» (281; 197) ^Эволюция, таким образом, представляет собой прежде всего эволюцию методов получения и накопления знаний.

Герберт Спенсер и натуралистическая концепция эволюции

Спенсер трактовал эволюцию как основополагающий и единый принцип всей реальности — природы и общества в равной степени. В разработке этого принципа он исходил из того факта, что реальность в основе своей материальна, она представляет собой единство материи, энергии и движения. «Эволюция — это изменение, переход от

бессвязной гомогенности (однородности) к гетерогенности (неоднородный по составу), который сопровождается процессами рассеяния движения и интеграции материи» (373; 71). Модель этого процесса демонстрирует органический рост.

[138]

На начальной стадии каждый зародыш состоит из субстанции, однородной по плотности ткани и химическому составу. Сначала возникает различие между двумя частями этой субстанции; или, говоря языком психологов, происходит дифференциация. Каждая из появившихся в результате дифференциации частей начинает противопоставлять себя другой части; понемногу подобные вторичные дифференциации становятся столь же определенными, как и первая... Благодаря таким бесчисленным дифференциациям и образуется в конце концов та сложная комбинация тканей и органов, которые составляют взрослое животное или растение. Такова история всех без исключения организмов (373; 39).

Если говорить кратко, то эволюция достигается средствами структурно-функциональной дифференциации (1) от простоты к сложности; (2) от аморфности к четкости; (3) от однообразия, гомогенности к специализации, гетерогенности; (4) от текучести к стабильности. Этот процесс универсален. «Где бы он ни происходил, в развитии планеты Земля, в развитии жизни на Земле, в развитии общества, какого-либо правительства, промышленности, коммерции, языка, литературы, науки, искусства, — везде путем успешных дифференциаций происходит одна и та же эволюция от простого к сложному» (373; 40).

В истории человеческого общества закон эволюции находит специфическое выражение. В основе механизма социальной эволюции лежат три фактора. Во-первых, однообразному, гомогенному населению присуща нестабильность, люди в основе своей неравны с точки зрения приобретенного наследства, индивидуального опыта, условий, в которых они живут, случайностей, лишений, с которыми сталкиваются. Таким образом, обязательно возникает дифференциация ролей, функций, власти, престижа и собственности.

Во-вторых, существует тенденция к усилению неравенства, углублению специализации ролей, росту неравенства власти и достатка. В результате первоначальные дифференциации постепенно расширяются.

В-третьих, поскольку люди, занимающие одинаковое положение (относительно ролей, функций, престижа, достатка), как правило, стремятся объединиться, постольку общество начинает делиться на фракции, классы, группы по классовым, национальным или профессиональным различиям. Появляются границы, охраняющие эти объединения, поэтому сегрегация населения усиливается и возвращение к гомогенности становится невозможным.

Благодаря упомянутому механизму человеческая история проходит ряд последовательных стадий. Простые, изолированные друг от друга общества, в которых все члены заняты примерно одной и той же деятельностью и поэтому отсутствует политическая организация, сменяются сложными, в которых появляется разделе-

[139]

Военное общество в сравнении с индустриальным

Черты	Военное общество	Индустриальное общество
Доминирующая активность	Защита завоевание территорий	и Мирное производство и обмен товарами и услугами
Интегративный (объединяющий) принцип	Напряженность, жесткие (суровые) санкции	Свободная кооперация, договоренности

Отношения между индивидами и государствами	между	Доминирование и государства, свобода	и	Государство обслуживает потребности индивидов
Отношения между государством и организациями	между другими	Монополия доминирование государства	и	Автономия частных организаций
Политическая структура		Централизация, автократия		Децентрализация, демократия
Стратификация		Предписание статуса, мобильность, общество		Достигнутый статус, низкая высокая мобильность, закрытое открытое общество
Экономическая активность		Автаркия, протекционизм, самодостаточность		Экономическая взаимозависимость, свободная торговля
Доминирующие ценности		Смелость, дисциплина, лояльность, патриотизм		Инициативность, изобретательность, независимость, плодотворность

ние труда среди индивидов и разделение функций среди частей общества, центральное значение здесь приобретает иерархическая политическая организация; эти общества, в свою очередь, сменяются обществами удвоенной сложности, существующими на постоянной территории, с постоянно действующей конституцией и системой законов; и, наконец, на смену им приходят цивилизации — наиболее сложные социальные целостности, национальные государства, федерации государств или большие империи.

(Чтобы подчеркнуть направление, в котором движется эволюционный процесс, Спенсер впервые ввел полярную, дихотомическую типологию обществ; в ней противоположные идеальные

[140]

типы представляют собой стартовую и конечную точки хронологической последовательности. Эта типология стала популярной, ее можно обнаружить в работах более поздних эволюционистов. В версии Спенсера речь идет о противостоянии военного (милитаризованного) и промышленного обществ. Типология может быть представлена в виде схемы (табл. 7.1), которая является небольшой модификацией анализа, проделанного Нейлом Дж. Смелзером (361; 246).

Льюис Морган (1818—1881) и материалистическая концепция эволюции

Эволюционная идея, предложенная американским антропологом Льюисом Морганом, сосредоточивается на технологии. Морган был первым в большом ряду технологических детерминистов, которые основными движущими силами социальных изменений считали изобретения и открытия, постепенно трансформирующие образ жизни человеческой популяции. Морган верил, что (единообразие и непрерывность эволюции вытекают из универсальности и постоянства человеческих потребностей. Типичные для людей потребности в пище, жилье, комфорте, безопасности и т. д. стимулируют неустанный поиск средств для их удовлетворения, приводят к технологическим новшествам. Когда же они появляются, изменяется весь характер общества, в том числе формы семейной жизни, системы родства, сферы экономики и политики, культурные ценности и повседневная жизнь.

В истории человечества можно выделить три фазы: дикость, варварство и цивилизацию, которые преодолеваются благодаря значительным технологическим прорывам. Так, в период «ранней дикости» люди пользовались простейшими орудиями для сбора фруктов и орехов. На стадии «средней дикости» уже был открыт огонь и освоена

рыбная ловля, в период «поздней дикости» были изобретены лук и стрелы, крайне облегчившие охоту. На стадии «раннего варварства» значительным технологическим усовершенствованием явилось изобретение посуды, «среднего варварства» — одомашнивание животных и ирригация как новый способ ведения сельского хозяйства. В эпоху «позднего варварства» было начато производство железа и железных инструментов, имевшее революционное значение. Наконец, зарождение «цивилизации» отмечено изобретением фонетического алфавита и письменности (182; 181).

Такой способ однопричинного, технологического объяснения

[141]

стал весьма популярным. Его взяла на вооружение марксистская школа, в частности, Фридрих Энгельс использовал идеи Моргана в книге *«Происхождение семьи, частной собственности и государства»*. Позднее эти идеи были подхвачены представителями неозволюционизма, например, Лесли Уайтом и Герхардом Ленски (см. гл. 8).

Эмиль Дюркгейм и социологическая концепция эволюции

Французский классик социологической мысли Э. Дюркгейм был последовательным антиредукционистом, ибо отказался искать причины социальных феноменов где бы то ни было, кроме как в области особой социальной реальности (своеобразных «социальных фактов»). Такая ориентация отчетливо выражена в его взглядах на социальную эволюцию, которые он изложил в ранней работе *«О разделении общественного труда»* (99). Основное направление эволюции Дюркгейм усматривал в том, что с течением времени в обществе все более углубляется разделение труда, усиливается дифференциация задач, обязанностей и ролей по роду занятий. Эта тенденция связана с демографическими факторами. Рост населения приводит к увеличению физической «плотности» и усиливает «плотность» моральную, т. е. интенсивность контактов, сложность социальных связей или, короче говоря, качество социальных уз. Следуя идее Спенсера, (Дюркгейм сконструировал дихотомическую типологию обществ, основанную на различном качестве социальных связей: «механическую солидарность», которая коренится в неразвитости и сходстве индивидов и их функций; и «органическую солидарность», в основе которой лежат взаимозависимость, кооперация и взаимодополняемость большого разнообразия ролей и занятий[^] При чем типологию он рассматривал в хронологической последовательности, имеющей начальную и конечную точки социальной эволюции: история движется от «механической солидарности» к «органической». Полярные типы могут быть представлены в схематическом виде (табл. 7.2).

Фердинанд Теннис и эволюция без прогресса

Сходную типологию можно найти в знаменитом трактате Тенниса *«Gemeinschaft und Gesellschaft»*. Личные, интимные, первичные социальные связи, характерные для «общины», превращаются в безличные, опосредованные, вторичные и чисто

[142]

Таблица 7.2 Сопоставление механической и органической солидарности

Черты	Механическая солидарность	Органическая солидарность
Характер активности. Главные социальные связи	Сходная, единообразная мораль религиозное сознание	Высоко дифференцированный. Взаимодополняемость и взаимозависимость

Положение индивида	Коллективизм, сосредоточенность на группе, общности	Индивидуализм, сосредоточенность на автономии индивида
Экономическая структура	Изолированные, автаркические, самодостаточные группы	Разделение труда, взаимная зависимость групп, обмен
Социальный контроль	Репрессивное право, уголовные наказания (уголовный кодекс)	Охранительное право, защитные контракты (гражданский кодекс)

инструментальные контакты в современном «обществе». Более подробно направление эволюции представлено на схеме (табл. 7.3)

Уникальность подхода Тенниса заключается в его критическом отношении к современному обществу и в ностальгии по утерянному в общинной жизни. В отличие от других эволюционистов, он не отождествлял эволюцию с прогрессом. С его точки зрения, эволюция противоречит нуждам людей и приводит к ухудшению, а не к улучшению человеческого бытия.

Лестер Уорд (1841—1913) и эволюция эволюции

Очень интересная идея была выдвинута американским классиком теории эволюции Лестером Уордом в его «Динамической социологии». Уорд заявлял, что сам механизм эволюции не постоянен, а изменяется с течением времени. Наиболее существенно разграничиваются период стихийной естественной эволюции («генезис») и относительно недавно возникший период сознательной, целенаправленной эволюции («телезис»). Последний уникален по своей природе, так как формируется на основе сознательного стремления людей. Если быть более точным, то эволюция начинается как «космогенезис», охватывающий всю Все-

[143]

Таблица 7.3 Сравнение «Gemeinschaft» и «Gesellschaft»

Черты	«Gemeinschaft»	«Gesellschaft»
Социальные отношения	Родство	Экономический обмен
Типичные институты	Семья	Государство и экономика
Образ индивида	Образ «Я»	Личность, гражданин
Форма богатства	Земля	Деньги
Тип законодательства	Семейное право	Право контракта
Основные институты	Деревня	Город
Социальный контроль	Обычаи, религия	Закон и общественное мнение

ленную. В определенный момент появляется новый феномен — жизнь, и возникает

новый эволюционный механизм — «биогенез», дополняющий «космогенезис». С появлением человеческих существ наряду с первыми двумя начинает действовать еще один механизм, коренящийся в разуме и сознании, — «антропогенез». Наконец, люди организуются в общество, и с этого времени к трем предыдущим прибавляется новый механизм социальной эволюции — «социогенез». Все четыре механизма действуют сообща, управляя накладывающимися друг на друга процессами разного происхождения: космогенезис, биогенез, антропогенез и социогенез. На последних двух фазах эволюция делает новый поворот. Планирование, предвидение, конструирование будущего обеспечивают совершенно новые возможности социальных изменений. Эволюция протекает на более высоких уровнях и становится более многомерной и гуманизированной (146).

Общая основа эволюционистской теории

В работах классиков эволюционизма специфический образ социальных и исторических изменений постепенно обретал конкретные очертания.

Несмотря на различия во взглядах, все эволюционисты придерживаются ряда общих положений, которые составляют основу эволюционистской теории.

[144]

1. Все эволюционисты исходят из того, что человеческая история имеет единую форму, «логику», объединяющую множество, казалось бы, случайных и несвязанных между собой событий (42; 6). Логика истории можно обнаружить, распознать, и цель эволюционистской теории в том и заключается, чтобы реконструировать историческую цепь событий. Такая реконструкция позволит понять прошлое и откроет возможности для предсказания будущего.

2. Под объектом, подвергающимся изменениям, подразумевается все человечество, которое является единым целым. Даже если некоторые авторы ставят в центр какие-либо отдельные аспекты социальной жизни, например, религию (Бенджамин Кидд), мораль (Эдвард Вестермарк) или технологии (Льюис Морган), то они все же признают, что этот аспект эволюционирует вместе со всем обществом, а его эволюция есть просто симптом единой социальной эволюции.

3. Целое описывается в органицистских терминах, при этом используется *аналогия с организмом*. Общество представляется как тесно интегрированная система компонентов и подсистем, каждая из которых (порознь или вместе) вносит свой вклад в сохранение и непрерывность существования целого.

4. В центре анализа находятся изменения организма в целом — всей социальной системы. Если исследуются отдельные элементы, компоненты или подсистемы, то только с точки зрения их роли в эволюции всего общества.

5. Трансформация общества трактуется как повседневная, естественная, необходимая и неизбежная черта социальной реальности. Явления стабильности или стагнации интерпретируются как изменения, которые были заблокированы, заторможены, и рассматриваются как исключения.

6. Поскольку эволюционный процесс затрагивает общество в целом, он определяется как единый, всеохватывающий процесс, который может быть изучен на самом высоком уровне абстракции.

7. Изменения общества видятся направленными — от примитивных к развитым формам, от простых к сложным состояниям, от распыленности к агрегации, от гомогенности к гетерогенности, от хаоса к организации. Это движение постоянно и необратимо; ни одна ранняя стадия не повторяется, а каждая позднейшая занимает более высокую позицию на шкале сложности и дифференциации.

8. Эволюционные изменения рассматриваются как строго линейные, следующие по единому, заранее установленному образцу. Очевидные различия внутри обществ объясняются неодина-

ковой скоростью эволюционного процесса в различных частях мира: более примитивные общества просто отстали в этом движении, но они неизбежно продвигаются по тому же пути, следуя за более развитыми, в частности, более зрелыми обществами Запада. «Фундаментальным критерием этого ряда является знак равенства между современностью западных обществ и зрелостью; и наоборот, традиционализм предполагает незрелость и отсутствие развития» (365; 37). Примитивные общества, существующие в настоящее время, показывают нам, что представляло собой наше западное общество в прошлом. В свою очередь, западное общество показывает, какими станут примитивные общества в будущем. Аналитическая шкала различий совпадает с хронологической шкалой развития. Если прибегнуть к метафоре, то эволюцию можно сравнить с движущимся эскалатором, на котором различные общества или культуры занимают более высокие или низкие ступени.

9. Общая траектория эволюции разделена на последовательные стадии, или фазы, ни одна из которых не может быть пропущена.

10. Все авторы признают постепенный, непрерывный, восходящий и кумулятивный характер эволюции. Ее всеобщее движение идет гладко, без радикальных провалов или ускорений. Даже если отдельные общества, культуры или цивилизации испытывают кризис, то это не влияет на картину в целом.

11. В основе эволюции лежит универсальный и единообразный причинный механизм, на всех стадиях в его работу вовлечены одни и те же процессы. Хотя Лестер Уорд придерживается иной точки зрения, полагая, что существуют различные эволюционные механизмы, но даже его теория в конце концов имеет ту же эволюционистскую «логику». Большинство авторов признают наличие лишь одной универсальной причины эволюции.

12. Внутренний импульс к изменениям находится в самой «природе» человеческого общества, вытекая из его потребности к самореализации и самотрансформации. Иными словами, конечные причины эволюционных изменений рассматриваются как имманентные, эндогенные, а эволюция — как раскрытие внутренних потенций общества.

13. Эволюционные изменения отождествляются с прогрессом, поскольку, как считают большинство авторов, они приводят к постоянному улучшению общества и человеческой жизни. Классики эволюционизма, как правило, разделяют веру, характерную для всей атмосферы оптимизма их эпохи, в то, что «цивилизация двигалась, движется и будет двигаться в желаемом направлении»

(51; 40). Исключением является Фердинанд Теннис, который первым предостерег от слепой веры в благотворность изменений.

Слабые стороны классического эволюционизма

Все перечисленные выше положения в значительной степени зависят от контекста. Они могут критиковаться и отвергаться по многим основаниям: теоретическим (когда ведут к нереальным следствиям или требуют неразумных допущений); эмпирическим (когда не вытекают из фактов социальной жизни и противоречат исторической очевидности); моральным (когда нарушают или подрывают общепринятые ценности). И действительно, критика последовала по всем этим направлениям, что привело в первой половине XX в. к кризису и временному отрицанию эволюционистской теории. В пересмотренном виде она возродилась в 50-х годах под названием «неоэволюционизм».

1. Гипотеза о единой логике исторического процесса была поставлена под сомнение многими профессиональными историками, которые благодаря своему конкретно-фактологическому подходу заняли противоположную позицию, названную «идеографической». Ее суть заключается в утверждении, что исторические события имеют

ограниченный и случайный характер. Даже те, кто придерживался «номотетической» точки зрения и допускал существование исторических моделей, ограничивали их рамки эпохой, периодом, регионом, национальным государством и отказывались применять их ко всему человечеству. Они были готовы сформулировать «законы определенной истории» (конкретной истории той или иной страны либо той или иной эры), но не «законы истории» (рассматриваемой глобально) (264). Обстоятельная историко-теоретическая критика этой концепции была предпринята позднее в работах Карла Поппера (332), к которым мы обратимся в гл. 12.

2. Предположение о том, что все человеческое общество как единая целостность подвергается эволюционному изменению, вступало в противоречие с очевидным ростом многообразия, гетерогенности человеческой популяции: племен, местных сообществ, национальных государств, цивилизаций. Некоторые социальные антропологи были склонны рассматривать эти образования изолированно друг от друга и проследить их независимые эволюционные пути.

3. В целом интегрированный, организмический образ общества был поколеблен в результате изучения конфликтов, столк-

[147]

новений и конфронтации, выявления явных дисфункций отдельных социальных институтов и областей, относительной функциональной автономии некоторых сфер общества. Было обнаружено, что те или иные компоненты далеко не всегда выгодны для существования целого, более того, зачастую они оказывают вредное и разрушающее воздействие. Новая конфликтная модель общества не соответствовала эволюционистским взглядам на изменения.

4. Было замечено, что отдельные социальные преобразования ограничены и имеют характер изменений «внутри», т. е. происходят в пределах одного и того же социального типа, а не между различными социальными типами. Поэтому ставить в центр анализа более редкие фундаментальные изменения целой социальной системы было признано необязательным. Утверждалось также, что только часть подобных изменений может непосредственно соотноситься с трансформациями целой системы, выступая в качестве предпосылок последних. Большинство изменений «внутри» либо нейтральны по отношению к целой системе, либо, что случается чаще, способствуют ее воспроизведению, а не трансформации.

5. Абсолютизация изменений была связана с тем, что в соответствующую им эпоху они воспринимались как должное, более того, в высшей степени желательное качество социальной жизни. Однако многие исторические факты указывают на типичные для более ранних стадий продолжительные периоды стабильности, стагнации и консервации традиционных областей. Следовательно, непрерывность следует рассматривать по меньшей мере в качестве столь же «естественной» характеристики, как и изменения.

6. Было замечено, что концепция единого уникального процесса изменений абстрактна и не имеет какого-либо онтологического основания. Точнее, он существует лишь номинально, а не реально. В реальности имеют место многочисленные фрагментарные процессы, которые могут протекать параллельно, пересекаться, накладываться друг на друга или противоречить друг другу. Мы воспринимаем и можем документально зафиксировать в истории только некоторые процессы, такие, например, как урбанизация, индустриализация, миграция, пролетаризация, секуляризация, демократизация и т.д., но не «социальные изменения» как таковые.

7. Однонаправленность эволюции была подвергнута сомнению из-за многочисленных случаев отступлений, откатов, провалов, кризисов и даже полных коллапсов государств и цивилиза-

[148]

ций. Вспомним о закате греческой и римской цивилизаций, об упадке культуры майя и о том резонансе, который это вызвало в свое время во всем мире. «Стирание различий, гомогенизация, дисперсия (рассеяние) и дезорганизация являются широко распространенными историческими фактами, вступающими в противоречие с направлением эволюционистской мысли» (410; 118—134; 412; 78-96).

8. Против идеи строго линейного характера эволюции, которая следует по единой траектории, выдвигаются несколько аргументов. Во-первых, человеческие общества качественно разнообразны, и это не дает возможности ранжировать их по единой шкале дифференциации, зрелости или прогрессивности. Некоторые незападные общества (или по крайней мере некоторые их институты) нельзя считать отсталыми, они просто отличны от западных. Эмпирические данные позволяют сделать вывод о локальных, обособленных эволюционных траекториях различных регионов, цивилизаций и культур. «Горизонтальный взгляд» на историю (365; 40), согласно которому то, что приходит позднее, просто отличается от предыдущего, кажется более адекватным, чем «вертикальный взгляд», который помещает все, что приходит позднее, на более высокую ступень шкалы.

Во-вторых, с моральной точки зрения, культурный релятивизм предпочтительнее этноцентрических характеристик и веры в то, что основные ценности западного образа жизни являются вершиной эволюционного развития.

Наконец, в-третьих, если, как провозглашают эволюционисты, общества на разных уровнях эволюционного развития сосуществуют в один и тот же исторический период, то нет оснований предполагать, что в будущем, двигаясь по изолированным, не пересекающимся путям, они станут воспроизводить единый эволюционный сценарий. Напротив, общества заимствуют друг у друга организационные формы, культурные правила, жизненные стили и т.д. Подобный комплексный поток межсоциальных влияний может в значительной степени переформировать пути развития, которые выбирает каждое общество.

9. И опять аргумент диффузионистов противоречит идее неизбежной последовательности стадий. На самом же деле одни из них могут быть пропущены, а прохождение других — ускорено, поскольку либо используется опыт других обществ, либо осуществляется прямое вмешательство (завоевание, колонизация). Диффузионизм вносит существенные коррективы, особенно в идею стадий развития и для каждого общества, и для всего человечества. Самым важным в этом смысле является представление о том,

[149]

что «миграция и демонстрационные эффекты (т. е. движения людей и идей) постоянно изменяют существующие модели» (365; 43).

10. В истории человечества накоплен немалый опыт мутаций, торможений, качественных скачков и катастрофических провалов, — опыт, который опровергает предположение о постепенном, накопительном характере эволюции.

11. Исторический опыт свидетельствует против простой монокаузальности, он говорит о том, что в основе эволюции лежит комплекс причин — прямых и косвенных, ближайших и отдаленных. Исторические события и изменения чаще всего оказываются результатом совокупности причин, и ни одна из них не может считаться ни исключительной, ни тем более первопричиной. Если в современном обществе доминирует экономический фактор, то на более ранних стадиях таковым был политический, а в ранних примитивных обществах сильнейшее причинное влияние на социальную жизнь оказывал институт семьи и родства. Кроме того, как пронизательно подметил Л. Уорд, в современном обществе широкий спектр изменений направляется и контролируется намеренно, продуманно, что в корне трансформирует эволюционный механизм.

12. Один из наиболее серьезных недостатков классического эволюционизма — отрицание экзогенной причинности социальных изменений, таких, как, например,

колонизация, диффузия (т.е. проникновение элементов иной культуры. — *Ред.*), культурные контакты, демонстрационный эффект (т. е. наличие опыта других стран и народов. — *Ред.*), изменения окружающей среды и т.д. «Было бы опасным утверждать, что большая часть исторических записей будет принята без терминологического объяснения влияния одних единиц на другие» (365; 133). Конечно, было бы также неверно рассматривать причины эволюционных изменений как исключительно «экзогенные» — все зависит от конкретного исторического случая.

13. Как уже отмечалось, вряд ли можно согласиться и с тем, что эволюция имеет спонтанный характер, ведь роль человека в трансформации общества, начиная от древних реформ и кодификации законов и кончая революционными проектами нынешней эпохи со всем разнообразием инициатив, планов и стратегий, свидетельствует об обратном. Определенная часть изменений всегда проводилась преднамеренно и была осознанной, и, похоже, со временем эта часть становится все больше. Некоторые авторы предпочитают говорить о «гуманистической истории» в противовес «естественной истории», имея в виду период, когда

[150]

целенаправленное конструирование социальных институтов станет широко распространенным явлением и приобретет важное значение (419).

14. Отождествление эволюции с прогрессом также вызывает резкую критику. Такому отождествлению противоречит трагический опыт нашего столетия и пугающие перспективы дальнейшего бесконтрольного развития промышленности, техники, военных технологий. Идея эволюции не может торжествовать в условиях, когда кризис становится лейтмотивом как обыденного сознания, так и социологических теорий.

Под прицельным огнем этих и других подобных аргументов классический эволюционизм утратил свои ключевые позиции в теории социальных изменений. Но он не прекратил своего существования. Более чем через сто лет после своего рождения он появился вновь, хотя и в несколько измененном виде под названием «неоэволюционизм».

[151]

8. Неоэволюционизм

Возрождение эволюционизма

В 50-х годах, после периода критики, отрицания и забвения, социологический эволюционизм вновь оказался в центре дискуссий. При этом он обратился к новым интеллектуальным источникам, выбрал в себя новые направления и в таком пересмотренном виде возродился в качестве влиятельной школы теории социальных изменений вплоть до наших дней.

Неоэволюционисты искали новые основания, пытались опереться не на философию или историю, а на конкретные эмпирические дисциплины, которые имеют дело с социальными изменениями, в частности на палеонтологию, археологию, культурную антропологию, этнологию и историографию. Эти отрасли знания расцвели в XX в., и неоэволюционизм решил воспользоваться их достижениями. По словам Герхарда Ленски,

«основные контуры истории человечества, начиная с раннего палеолита и бронзового века, теперь ясны. Они могут быть описаны лишь в терминах теории развития: очевидны рост человеческой популяции, наличие людей в самых отдаленных районах земного шара, как очевидны и усложнение техники, расширение производства все более надежных товаров и накопление капитала. Что касается социальной системы, то она с течением времени становится более комплексной, дифференцированной, урбанистической и сильной» (236; 551).

Аналогичной точки зрения придерживался Талкотт Парсонс. «Достижения в биологии и социальных науках позволяют считать общество и культуру частью эволюции живых систем»

(325; 2). Эволюция — не миф, заявляют представители неозволюционизма, поскольку она подтверждается реальностью. Но изучать ее нужно не при помощи умозрительных спекуляций, а научными методами с учетом серьезной критики в адрес классического эволюционизма, с использованием последних достижений общественных дисциплин, включая социологию.

В результате (неозволюционизм заметно дистанцируется от классического эволюционизма. Во-первых, центр научных инте-

[152]

ресов смещается от эволюции человеческого общества в целом к процессам, протекающим в отдельных цивилизациях, культурах, сообществах (племенах, национальных государствах и т.д.). Во-вторых, основное внимание направляется на причинный механизм, а не на последовательность необходимых стадий. Другими словами, главное значение придается объяснению, а не типологическим схемам. В-третьих, при анализе эволюции используются категориальные, описательные термины, что же касается оценок и аналогий с прогрессом, то их стараются избегать. В-четвертых, сторонники этого направления формируют свои взгляды в виде гипотез, предположений, а не прямых утверждений. В-пятых, изучая социальную эволюцию, ученые принимают в расчет достижения биологических

Неозволюционизм в культурной антропологии

Истоки неозволюционизма лежат в культурной антропологии. Работы ряда авторов привели к постепенной либерализации и даже полному изъятию некоторых строгих положений, типичных для классического эволюционизма. Рассмотрим несколько таких работ.

Лесли Уайт и первые шаги к технологическому детерминизму

В двух солидных трактатах «*Наука культуры*» (447) и «*Эволюция культуры*» (448)/ американский этнолог Лесли Уайт квалифицирует культуру как инструмент, с помощью которого люди приспособливаются к природе. В основном это касается освоения свободной энергии, необходимой для удовлетворения человеческих потребностей/

Все части культуры взаимосвязаны, но «главенствующую роль играют технологические системы»; политическая организация, нормативная структура, системы знаний и идеологии являются производными, вторичными. Культура развивается в результате расширения источников энергии и количества энергии, затрачиваемой на одного потребителя в год, а также благодаря эффективности, с которой она используется. Данное обстоятельство определяет усиление господства человека над природой.

Утилизация энергии происходит в эволюционной последовательности: вначале люди использовали физическую энергию соб-

[153]

ственного тела; затем, когда появились домашние животные, для человеческих нужд приспособили и их энергию; с развитием сельского хозяйства наиболее важной стала энергия земли; открытие топлива дало широкий простор для новых источников энергии: наконец, уже в наше время люди научились извлекать ядерную энергию.

Культура заложена в естественной природе человека, но вместе с тем она обладает частичной автономией; у нее собственная жизнь, и ее эволюция подчиняется специфическим механизмам и закономерностям. Развитие культуры в основном эндогенно; последние крупные драматические изменения во внешнем, природном окружении имели место по меньшей мере 20—25 тыс. лет назад. Последующий динамизм культуры нельзя объяснить ее реакцией на экзогенные факторы — ключ к эволюции культуры можно найти лишь в ней самой.

Джулиан Стюард и концепция многолинейной эволюции

Другой американский антрополог, Джулиан Стюард в книге «Теория культурных

изменений» (375) предпринял еще более решительный шаг в сторону от ортодоксального эволюционизма. Он читает, что закономерности исторических изменений «среднего уровня» нужно изучать на различных культурах, а не на единственной, всеобщей культуре человечества. Исследования XX века накопили массу свидетельств того, что частные культуры значительно отличаются друг от друга и не проходят через строго линейные стадии» (375; 28).

Культуры рассматриваются как дискретные протяженности, которые занимают различные экологические ниши и приобретают определенные формы, адаптируясь к тем или иным условиям. Центр внимания смещается и переносится на различия между культурами, которые выявляются в ходе сравнительных исследований, а также на внутреннее разнообразие компонентов культуры и их измерение. Культуры отличаются одна от другой, и компоненты каждой из них также отличаются друг от друга.

Эволюция охватывает все подобные конкретные протяженности, будь то отдельные культуры или целые культурные поля, но в каждом случае процесс протекает по-своему, подчиняясь действию специфических механизмов. Следовательно, эволюционные изменения многоплановы, мультилинейны, причем эта мультилинейность имеет два смысла. Речь идет об эволюции, во-

[151]

первых, в разных обществах, поскольку они находятся в уникальных, особых условиях, и, во-вторых, в различных культурных полях (экономике, политике, искусстве, законодательстве и т.д.), где она происходит специфическим образом и под действием различных механизмов. Концепция «мультилинейной эволюции» «интересна в исследовании локальных культур, хотя и здесь вместо выявления местных особенностей и тревожных фактов, побуждающих расширять рамки изучения и идти от частного к общему, она ограничивается проведением параллелей между формами, функциями и т.д., которые обосновываются эмпирически. То, что теряется в универсальности, обретается в конкретности и специфичности» (375; 19).

Определение и анализ параллелей составляют предмет концепции мультилинейной эволюции.

При всем многообразии эволюционных изменений в их основе лежат несколько общих причин, среди которых на первый план выступают технико-экономические факторы, играющие в социуме стратегическую роль. Но, вообще говоря, это еще не технологический детерминизм в строгом смысле. Главенствующая роль технологии и экономики имеет, скорее, вероятностный характер. Просто трансформация общества чаще всего зависит от технологических и экономических институтов, реже — от некоторых аспектов социокультурной организации и еще реже — от идеологии.

Культурная основа — это совокупность черт, тесно связанных с поисками средств к существованию и экономическими установками. Она имеет также социальные, политические и религиозные аспекты, связь которых с этими установками определяется эмпирическим путем. Другие черты могут быть чрезвычайно разнообразными, поскольку они гораздо слабее связаны с основой. Эти позднейшие, или вторичные, черты в значительной мере обусловлены сугубо культурно-историческими факторами — случайными новациями или заимствованием культурных образцов, но именно они обуславливают внешние различия культур со сходной основой (375; 37).

В иерархии причин, вызывающих изменения, технико-экономическая сфера чаще всего является главной; политика обычно оказывается на периферии, а идеология, как правило, бывает лишь вторичной. Говорить о заметных эволюционных сдвигах и появлении новых культурных типов можно только при условии трансформации технологии и экономики. «В течение тысячелетий различные культуры претерпели невероятные изменения, приспособившись к тем требованиям, которые выдвигали новые технологии и экономические условия» (375; 37). В истории чело-

вечества определяющее направление эволюции характеризуется возрастающей структурной сложностью («социокультурной интеграцией») единиц, вовлеченных в коллективное действие: от семьи на ранних этапах к государствам в современный период. Это представлено на рис. 8.1.

Интересную критику теории Стюарда дал Энтони Смит. Он отметил, что, во-первых, культурное разнообразие обществ больше, чем превышает разнообразие условий их естественного окружения (экологических ниш). Следовательно, какие-то различия можно объяснить наличием неких автономных внутрикультур-ных механизмов развития; во-вторых, степень доминирования экологических и технико-экономических факторов зависит от фазы эволюции. Формы правления, религии и искусства могут выполнять более самостоятельную роль. «Чем больше развито общество, тем сильнее окружение стремится ограничить культурное разнообразие и изменения» (365; 48). Таким образом, схема Стюарда приобрела временное измерение.

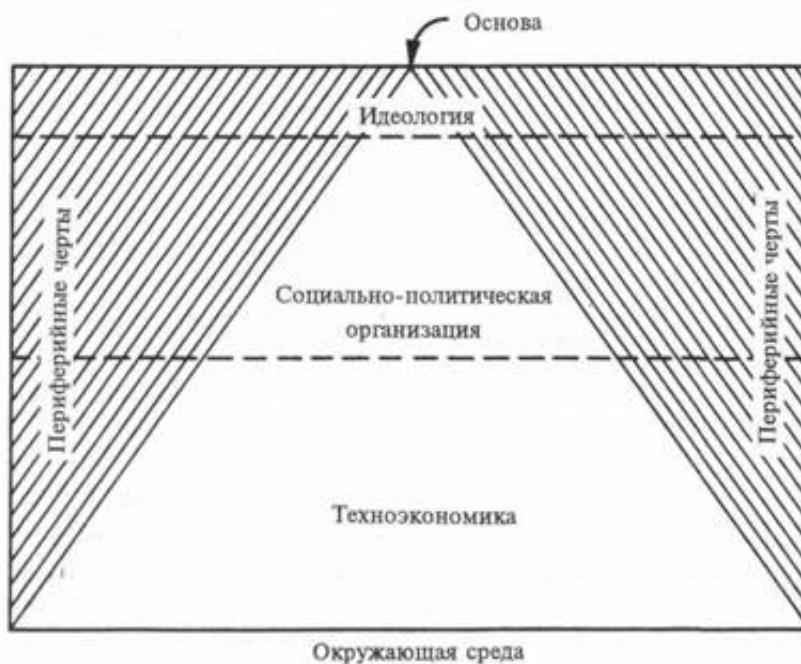

Рис. 8.1. Представления о социальной системе по Стюарду (источник: 211; 47). Воспроизведено с разрешения Prentice Hall, Inc.

Маршала Салинс и Е. Сервис: разделение общей и специфической эволюции

В книге «Эволюция и культура» (350/Салинс и Сервис предприняли попытку отстоять одну из главных тем классического эволюционизма и связать ее с открытиями новой эволюционной теории/«Общая эволюция» может изучаться на высочайшем уровне абстракции как единое направление развития человечества, в котором постоянно возникают новые культурные типы. В рамках такой эволюции наблюдается рост адаптивности и системной сложности, повышение уровня организации. «Специфическая эволюция», напротив, затрагивает конкретные пути, следуя которым новые культурные типы адаптируются к специфическому окружению. С этой точки зрения, общества обнаруживают значительные созидательные потенции, что в результате приводит к большому разнообразию культур. Как утверждают указанные авторы, даже хорошо адаптированная культура испытывает внешнее воздействие. Да, ее «первоначальный замысел» совершенствуется в определенном направлении, ее окружение точно определено, то, как она будет действовать, установлено окончательно. Все это обеспечивает ее индивидуальность,

уникальность, придает ей силу, но, вместе с тем, может порождать и ее слабость.

/«Общая» и «специфическая» эволюции могут вступать в противоречие. Если первая предполагает усиление независимости и господства над собственным окружением в качестве предпосылки к будущей адаптивности, то задача второй — максимально приспособиться к конкретному окружению. У «Общество и культура могут так хорошо приспособиться к своей экологической нише, что утратят способность к инновациям, необходимым для достижения более высоких уровней технологической и социальной организации» (365; 47). В результате вместо изменений наступает стагнация.

Неоэволюционизм в социологии

Неоэволюционизм в социологии явился реакцией на ортодоксальные версии структурно-функционального подхода, доминировавшего в 50-х годах в социологической теории, но был подвергнут критике за то, что имел склонность к статике. Пересмотренная эволюционная теория была предложена аутсайдерами функционалистской школы, с одной стороны, как альтернатива функционализму, а с другой — как модификация и расширение этого направления самими ведущими функционалистами. Далее

[157]

мы обсудим два наиболее влиятельных примера социологического неоэволюционизма.

Герхард и Жан Ленски: эколого-эволюционный подход

Авторы определяют свою главную перспективу, ссылаясь на биологические науки:

Он (неоэволюционизм. — *Ред.*) разделяет огромный интерес эволюционного подхода в биологии к процессам изменения, — особенно к базисным, долгосрочным, знаменующим собой развитие, и к адаптивным изменениям — к родственным процессам конкуренции и конфликта. С экологическим подходом в биологии он разделяет интерес к отношениям взаимозависимости внутри и между популяциями, а также к взаимодействию популяций с их окружением (237; 23).

По мнению Г. и Ж. Ленски, человеческая история не является «хитросплетением событий, лишенным каких-либо смысловых связей» (237; 76). Напротив, в ней «со всей очевидностью просматривается наличие долгосрочных тенденций» (236; 554).

Наиболее значительную роль играют технологические изменения. Несмотря на имеющие иногда место периоды технического застоя («техностазиса») и регрессии, основу социокультурной эволюции составляют «технологическое развитие и его последствия» (237; 79). Суть технологического развития сводится к изменению диапазона и качества информации, пригодной для управления окружающим миром. «Я склонен полагать, что в основе всех или большинства тенденций лежит одна, объясняющая остальные. Эта тенденция — рост объема информации, которой располагает человечество, особенно той, которая необходима ему для воздействия на материальный мир, т. е. технологии» (236; 555).

Человеческий вид выделился из мира животных благодаря прорыву в сфере передачи знаний и в совместном использовании информации. Основная часть информации передается на генетическом уровне, но ее высшие формы усваиваются индивидуально. На смену знаковой коммуникации, т. е. общения с помощью знаков, приходит символная коммуникация, т. е. общение с помощью символов, которые используются для кодирования, хранения информации и обмена ею с теми, чье непосредственное присутствие необязательно. Стало необязательным и непосредственное совпадение и во времени (информация передается от одного поколения другому). «Системы символов обеспечили че-

[158]

ловечество принципиально новым способом связи и адаптации к биофизическому

миру... Они явились функциональным аналогом генетических систем» (237; 18). Похоже, что в будущем количество и качество информации, доступной человечеству, позволит ему взять собственную эволюцию под сознательный и целенаправленный контроль. Это станет венцом процесса «эволюции эволюции» и обеспечит постоянное совершенствование самих ее механизмов.

Все остальные аспекты социальной жизни также тесно связаны с характером технологии. «Решения технологических проблем определяют диапазон и тех решений, которые общество может найти для других проблем» (237; 80). Предлагая следующую цепочку детерминации «технология — экономика — политика — распределительная система» (234; 436), авторы считают такой вариант одним из возможных и допускают существование обратных связей — от других сфер общества к технологии. Но в целом «технологическое развитие является главной детерминантой совокупности глобальных тенденций — в популяции, языке, социальной структуре и идеологии. Оно определяет человеческую историю» (237; 10). Так, технология служит главным критерием деления истории человечества на стадии, или эволюционные фазы: охота и собирательство (до 7 тыс. до н.э.); выведение плодовых культур (с 7 тыс. до 3 тыс. до н.э.); развитие сельского хозяйства (с 3 тыс. до 1800 н.э.) и промышленности (с 1800 н.э.). В зависимости от местных природных условий могут возникать альтернативные линии эволюции, ответвляющиеся от основного направления. Некоторые общества могут создавать эквивалентные, но отличные от глобальной технологии, действующие с той же эффективностью, которая измеряется следующим образом: «стоимость общественного валового продукта, деленная на человеческую энергию, затраченную на его производство» (234; 93). Типология обществ представлена на рис. 8.2.

Талкотт Парсонс и расширенная теория дифференциации

В конце своей деятельной и плодотворной карьеры Талкотт Парсонс занялся проблемой долговременных исторических изменений. В книгах «*Общества: эволюционные и сравнительные перспективы*» (323) и «*Системы современных обществ*» (325) он изложил собственные, более ранние структурно-функционалистские концепции с целью использовать их для интерпретации эволюционных трансформаций человеческого общества.

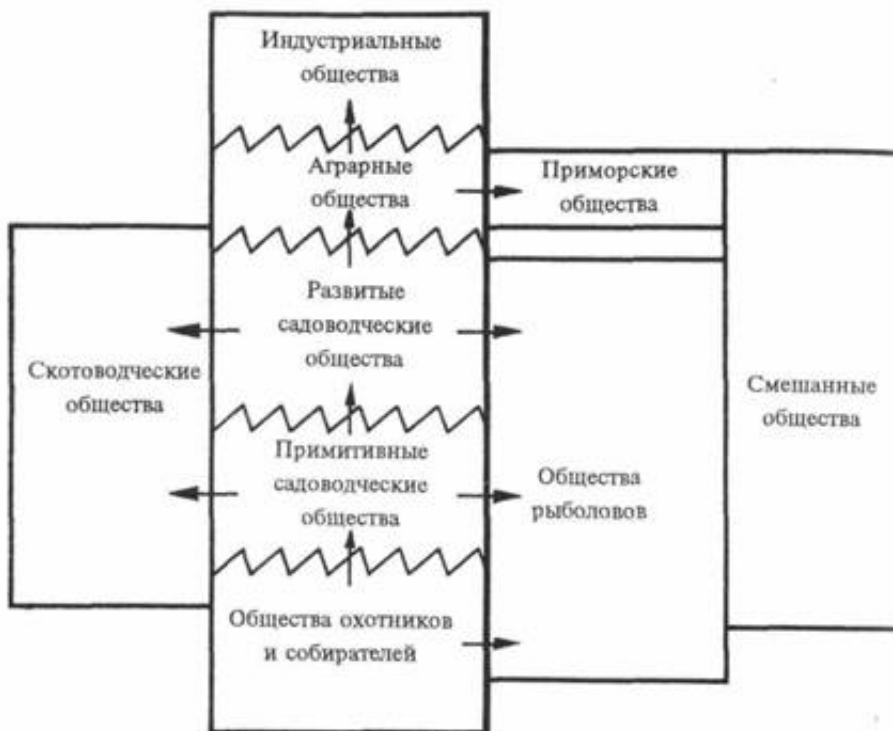

Рис. 8.2. Схема эволюции по Ленски (источник: 234; 62). Воспроизведено с разрешения McGraw Hill, Publishers.

Парсонс различает два вида процессов, происходящих в любой социальной системе. Одни, интегративные и регулирующие, имеют компенсаторный характер, поскольку обеспечивают восстановление равновесия после возмущений и гарантируют непрерывность и воспроизводство общества. Другие, а именно процессы структурных изменений, затрагивают систему основных ценностей и норм. «Структурные изменения — это изменения в ценностях, регулирующих взаимодействия единиц системы» (227' 85).

Структурные изменения осуществляются в соответствии с эволюционистской моделью. Каждая следующая фаза отличается возрастающей сложностью, что выражается в увеличении числа и разнообразия специализированных единиц внутри системы. Это с необходимостью требует новых форм кооперации, координации и организации. «Социокультурная эволюция, как и эволюция организмов, идет от простых форм к более сложным» (323; 2). Иными словами, «фактором, направляющим эволюцию, явля-

[160]

ется возрастание способности к адаптации» (323; 26). Но это только общая тенденция, которая не исключает различия специфических эволюционных траекторий. Эволюция не однолинейна, а мультилинейна, «на каждом уровне она включает в себя достаточно широкое разнообразие различных форм и типов» (323; 2).

Парсонс выделяет четыре основных механизма эволюции: дифференциация, возрастание адаптивности, включение и ценностная генерализация (323; 22—23; 325; 26—28).

1. Первый — механизм дифференциации, т. е. формирования новых, специфических с точки зрения структуры и функций, единиц. «Дифференциация есть разделение единого, или структуры, социальной системы, на две или более единиц, или структур, различающихся своими характеристиками и функциональным назначением в рамках системы» (325; 26). Так, например, произошло разделение домашнего хозяйства семьи крестьянина на современное домашнее хозяйство и современную организацию наемного труда.

2. Возрастание адаптивности — это увеличение эффективности каждой новой единицы (целостности) по сравнению с прежней. «Адаптивное улучшение есть процесс, благодаря которому социальным единицам становится доступен более широкий диапазон

ресурсов, в результате чего их функционирование может быть освобождено от некоторых прежних ограничений» (325; 27). Например, современная фабрика выпускает больше разнообразной продукции и делает это более эффективно, чем крестьянское хозяйство.

3. Механизм включения обеспечивает интеграцию в общество новых единиц — при условии сохранения их слаженной работы в новых условиях. «Эти проблемы, в том числе формирование новых норм, ценностей и правил, могут быть решены лишь путем включения новых единиц, структур и механизмов в нормативную основу социальной общности» (325; 27).

4. Ценностная генерализация — это механизм формирования общих нормативных стандартов путем включения разнообразных новых единиц и гарантии их поддержки и легитимности. «Когда сеть социально структурированных ситуаций становится более сложной, ценностный образец должен быть переведен на более высокий уровень генерализации, чтобы обеспечить социальную стабильность» (325; 27).

Все четыре механизма действуют вместе. «Состояние любого

[155]

конкретного общества, а тем более системы взаимодействующих обществ... есть комплексный результат прогрессивных циклов, включающих эти (и другие) процессы изменения» (323; 23).

Эволюция проходит следующие стадии: 1) примитивную, 2) продвинутую примитивную, 3) промежуточную и 4) современную. Примитивное общество в высшей степени однообразно и гомогенно, в нем отсутствуют специализированные подсистемы. В основе социальных связей лежат родство и религия, а участие в жизни общества определяется предписанным статусом и тем или иным частным критерием. Продвинутая примитивная стадия начинается с разделением примитивного общества на подсистемы: политические функции отделяются от религиозных, а из последних выделяются религиозные и секулярные ценности. Общество становится стратифицированным, и жизнь в нем все больше определяется успехом, а не предписанием. В промежуточных обществах возникает письменность, позволяющая накапливать информацию, расширять границы общения и передавать традиции. Усложняется социальная стратификация общества, которая определяется более универсальными принципами. Ценности обобщаются и секуляризуются. Наконец, на западе, к северу от Средиземноморья, в том районе Европы, который входил в западную часть Римской империи, «возникает общество современного типа, формирующееся на единой — эволюционной — основе. Христианское общество западного типа обеспечило в дальнейшем базу, с которой «стартовало» то, что мы будем называть «системой» современных обществ «в чистом виде» (325; 1). Главные характеристики современности таковы: 1) полная дифференциация четырех подсистем: адаптационной, целенаправляющей, интегративной и поддерживающей; 2) доминирующая роль экономики, с ее массовым производством, бюрократической организацией, всеохватывающим рынком и деньгами как общей ареной и средством обмена; 3) развитие правовой системы как основного механизма социальной координации и контроля; 4) стратификация, основанная на универсальном критерии успеха; 5) расширение опосредованной, деперсонифицированной, сложной сети социальных взаимосвязей.

Образ эволюции, предложенный Парсонсом, подвергался критике за явно прозападные черты.

В качестве основного направления эволюционного развития ученый называет «западное» — от Израиля и Греции через Рим к современному Западу. Все остальные направления он считал эволюционной неудачей, как бы хорошо ни были приспособлены общества к окружающим условиям. Подобная схема явно этноцентрична. Она составлена из отдельных выборочных фрагментов запад-

[162]

ной истории, причем в ней используются понятия, значимые в социальном опыте индустриальных западных государств, особенно Америки (365; 52).

Нагляднее всего прозападная ориентация Парсонса проявляется в том, как он заканчивает свою историю эволюции: в наше время возникло «лидирующее общество», представляющее собой кульминацию эволюционного процесса, и это общество — Соединенные Штаты Америки. «Соединенные Штаты, — пишет Парсонс, — первая новая нация, выполняющая примерно ту же роль, которую выполняла Англия в XVII веке» (325; 87).

Среди важнейших характеристик американского общества Парсонс называет равенство возможностей, рыночную систему, независимость законов от правительства, отсутствие религиозного и этнического контроля, высокую ценность образования, а главное — наиболее заметный, чем в других странах, переход от неравноправия к эгалитарному порядку (325; 114).

Такое описание ситуации в США слишком идеалистично и далеко не во всем соответствует нынешним, порой весьма суровым реалиям американской жизни. Судя по официальным данным, в 90-х годах один из каждых семи граждан США находится за чертой бедности, уровень безработицы приближается к 10%, усиливается расовая и этническая напряженность, наблюдается постоянный экономический спад, и американское экономическое лидерство в мире оспаривается как Дальним Востоком, так и объединяющейся Европой. Но замечания Парсонса следует рассматривать в историческом контексте. Когда он проводил свой анализ, США переживали период расцвета, в них царили ощущения подъема и оптимизма. Его работы отражают это настроение. «Талкотт Парсонс, который писал в США 1950-х и 1960-х годов, чувствовал себя на вершине человеческой цивилизации, как и Огюст Конт, который в 30-х годах XIX века верил, что его Франция являет собой образец будущего для всех остальных, менее развитых обществ того времени» (82; 39).

Неофункционализм и споры о дифференциации

В 80-х годах начались серьезные теоретические дискуссии вокруг утверждения эволюционизма о том, что социальная эволюция следует в направлении растущей структурной и функциональной дифференциации. Эта идея уже фигурировала в «законе

[163]

эволюции» Герберта Спенсера (см. гл. 7), но наиболее полно ее разработал Эмиль Дюркгейм в своей первой большой книге «*О разделении общественного труда*» (99). Взяв один аспект дифференциации — разделение труда, Дюркгейм вывел общую закономерность, согласно которой оно на протяжении человеческой истории регулярно совершенствуется (99; 223). Полярная типология «механической солидарности» и «органической солидарности» (см. рис. 7.2) является просто дальнейшей разработкой этой идеи. Формулировка Дюркгейма оказалась наиболее влиятельной во всех позднейших дискуссиях. «Начало современной теории, рассматривающей социальные изменения как проявление дифференциации, положил Дюркгейм» (10; 51).

Концепция разделения труда относится прежде всего к сфере производства и к специализации занятий или профессий. По определению Нейла Дж. Смелзера, «структурная дифференциация — это процесс, в котором одна социальная роль или организация ... подразделяются на две или более роли или организации... Новые социальные единицы структурно отличаются друг от друга, но если взять их в совокупности, то они будут эквивалентны исходной» (359; 2). Разделение труда — пример именно такой дифференциации. Дитрих Рюшмейер объясняет это следующим образом.

Структурная дифференциация включает в себя разделение труда, но, в отличие от старой концепции, не ограничивается сферой экономики, а охватывает политические, экономические, культурные и другие социальные роли. Более того, дифференциация

распространяется на специализацию организаций и институтов в той же мере, как и на специализацию ролей (347; 141).

Очевидно, что идея дифференциации соответственно включает в себя «общие контуры мировой истории» (10; 49), а также общие черты современной эпохи, когда этот феномен достигает беспрецедентного масштаба. Но данная теория оказалась ограниченной в двух отношениях: во-первых, она не объясняет причинного механизма распространения всепроникающей тенденции к дифференциации (то, что Дюркгейм доказывал с помощью таких аргументов, как «демографическое давление» или «удельный вес морали», которые вряд ли можно считать удовлетворительными), и, во-вторых, она не позволяет дать исторически обоснованный анализ последствий, побочных эффектов и напряженностей, возникающих в результате дифференциации в различные эпохи, а также весьма многочисленных случаев отступлений, структурных слияний, объединений и т.д. Александер называет это «проблемой Дюркгейма». Сначала ее пытались решить предста-

[164]

вители первого поколения структурных функционалистов: Талкотт Парсонс (323; 325), Нейл Смелзер (359), Шмуэль Айзенштадт (102), а позднее, в 80-х годах, к ним присоединились теоретики так называемой школы «неофункционализма» (9; 347; 10; 15; 412).

В качестве иллюстрации к тому, что можно назвать теорией неодифференциации, я бы назвал работу Дитриха Рюшмейера «*Власть и разделение труда*» (347). Автор стремится ответить на оба вопроса, упущенных Дюркгеймом: он старается показать причинный механизм и «привязать» общую тенденцию к отдельным ограниченным фактам, допуская исключения и отступления от общего направления. Предполагая, как и Дюркгейм, что «разделение труда и социальная дифференциация являются такими социальными процессами, которые лежат в основе сдвигов к более сложным социальным структурам» (347; 1), он сосредоточивает внимание на власти — том существенном факторе, который вносит свой заметный вклад в процесс дифференциацию. Факторы большей эффективности, производительности и адаптивности, выдвигаемые другими авторами, только вызывали вопросы: эффективность для кого (по чьему критерию)? продуктивность для кого (согласно «предпочтительным» — для кого? «структурам»)? адаптивность для кого (для удовлетворения чьих потребностей)? Рюшмейер доказывает, что власть имущие всегда могут добиться разделения труда в соответствии с собственными частными интересами или заблокировать дифференциацию, если она вдруг будет противоречить им. В книге приводится множество документальных свидетельств того, что «именно те, кто обладает наибольшей властью, в наибольшей степени определяют и критерий эффективности различных форм разделения труда, и частные формы социального производства и воспроизводства» (347; 171).

Обращаясь за доказательствами к конкретным историческим ситуациям, Рюшмейер смело решает и вторую проблему Дюркгейма, стараясь не игнорировать исключения из правила, тем более, что таких исключений немало. Во-первых, для многочисленных аграрных обществ, весьма распространенных в человеческой истории, достаточно типично состояние стагнации. Во-вторых, можно привести целый ряд примеров, когда после периода совершенствования разделения труда этот процесс свертывался (падение Римской и Византийской империй, упадок Древнего Египта и Персии и т.д.). В-третьих, нередко в социальных структурах, находящихся на различных уровнях, наблюдаются противоположные тенденции: централизация и углубление разделения труда на правительственном уровне и совершенно иное

[165]

положение дел на местном — в селах, городах, регионах, где люди зарабатывают себе

на жизнь более простыми способами (347; 150). В-четвертых, в современном обществе возникают любопытные ситуации, когда граждане объединяются для выполнения какой-либо общей, объединительной роли, которая оказывается выше и важнее, чем все социальные разделения или индивидуальные предпочтения в области морали и религии (например, протестантизм заимствует значительную часть религиозных воззрений у специализированных институтов церкви). В качестве причинных факторов торможения и блокирования процесса дифференциации, приводящих к отклонениям от общей тенденции, могут выступать и ограниченные групповые интересы власть имущих.

Работа Рюшмейера является лишь одним из последних, свежих примеров того, как «проблема Дюркгейма» и подобные, более поздние исследовательские программы влияют на теоретические дискуссии, продолжающиеся вот уже почти сто лет.

Обращение к биологическому эволюционизму

Как мы уже отмечали, Конт и Спенсер заимствуют формулировку своей основной идеи из биологии, в частности, опираются на наиболее известное положение Чарлза Дарвина (1809—1882) в его фундаментальном исследовании *«Происхождение видов»* (92). И представители классического эволюционизма в социологии, и большинство неэволюционистских школ придерживались скорее спенсеровского представления об органическом росте, а не дарвиновского естественного отбора. Лишь недавно социология всерьез обратилась к дарвиновскому наследию. Вместо прежних теорий, известных как «теории развития», или «онтогенетические теории» (69; 3) и «теории стадий», или «теории органической дифференциации» (82; 13), некоторые неэволюционисты предложили «теорию естественного отбора» (82; 29) и теории «социокультурно-го изменения» и «селективного сохранения» (245; 236). Их авторы убеждены, что «дарвиновская модель обнаруживает фундаментальные аналитические сходства между биологической и социокультурной эволюцией» (229; 306) и что можно «описывать механизмы социокультурной эволюции по аналогии с дарвиновской моделью случайного изменения и отбора» (245; 264). Фактически главные аналогии и модели, составляющие основу эволюционной теории, были полностью переведены на ее собственный язык.

Рэндалл Коллинз определяет разницу между прежними и новыми взглядами следующим образом.

[166]

Если, согласно классической эволюционной теории, общество уподобляется растущему организму, в котором идет постоянная дифференциация на специализированные органы и функции, то новое направление разделяет дарвиновскую идею о возникновении видов путем изменений и естественного отбора тех форм, которые лучше всего приспособляются к окружающим условиям. В первом случае общество рассматривается как единый организм, который растет в течение жизни; во втором — как разнообразные виды (популяции организмов), часть из которых смогла адаптироваться, а часть — нет (82; 13).

Подобное изменение перспективы стимулировало новую волну теоретических поисков. «Эволюционное мышление продвинулось с периферии социальной теории к ее центру» (69; 3).

Базовый механизм эволюции был определен Дарвином как «удержание благоприятных и отказ от неблагоприятных изменений» (92; 81). Логика процесса подчиняется трем принципам: принципу вариации (случайных мутаций в популяции); принципу отбора (борьбы за существование); принципу выживаемости наиболее приспособленных (репродуктивный успех), что приводит к воспроизводству черт, присущих выдержавшим отбор индивидам («наследуемые» характеристики), в будущих поколениях.

Как известно, когда-то в биологии бытовала весьма наивная точка зрения, согласно которой между полностью сформировавшимися индивидами идет своего рода соревнование, борьба за существование и таким образом производится естественный

отбор. Открытия Иоганна Г. Менделя (1822—1884) привели к предельно абстрактной идеи о генах, участвующих в эволюционной селекции. Нечто похожее наблюдается и в социологической, или «социокультурной», теории эволюции, где в качестве эволюционирующих рассматриваются уже не популяции или личности, а, скорее, некоторые совокупности абстрактных социальных отношений, или, по последней версии, совокупности правил, собранных в «системы правил» (69; 261; 96). «Наш подход, — пишут Дитц и Берне, — концентрирует внимание на процессах, благодаря которым социальные правила отбираются, обобщаются и передаются или репродуцируются... Эволюционные силы влияют на многообразие популяции, а процессы передачи и селекции благоприятствуют некоторым правилам, в результате чего они начинают доминировать. Это — репродуктивный успех, или культурное соответствие» (96; 263).

И для биологической, и для социологической теорий пока остается открытым вопрос относительно источников первичных изменений (отклонений). Почему элементы популяции столь разнообразны и разнородны? Некоторые авторы утверждают, что, «как и Дарвин, современные обществоведы не разбираются в за-

[167]

конах, управляющих возникновением изменений» (229; 292). Большинство из них ссылаются на инновации, открытия, абберации, отклонения в поведении, смещения и тому подобные случайные и непредсказуемые факторы. Согласно другой позиции, изменения не обязательно имеют случайный характер, они могут быть результатом целенаправленного конструирования, «поиска людьми таких стратегий поведения, которые в чем-то превосходят прежние» (245; 247). Более глубокое проникновение в загадку изменений принадлежит авторам, которые обращают внимание на эволюцию систем правил. Том Берне и Томас Дитц предполагают, что изменчивость правил может определяться рядом обстоятельств. (1) Во время социальной передачи правил (учителями) они выражаются словесно, что открывает путь к своеобразному смещению формулировок. (2) Любое применение достаточно общих правил требует их интерпретации, и в этом заключается еще одна предпосылка для искажения первоначального смысла. (3) Люди допускают ошибки и погрешности при формулировании и выполнении правил. (4) Люди активно ищут правила и экспериментируют с ними, особенно, если они не удовлетворены теми, которым непосредственно должны подчиняться сейчас. (5) Люди участвуют в игровых и даже ненормативных видах деятельности, которые могут порождать, вырабатывать новые правила, распространяющиеся на важные стороны жизни. (6) Всегда есть возможность проникновения правил извне — либо через личные контакты, либо через средства массовой информации (69; 264).

Существует еще одна загадка — механизм отбора, т. е. «выборочного воспроизводства образцов поведения и сознания в рамках общества» (229; 302). Почему одни элементы наследуются, тогда как другие отбрасываются? «Как среди множества комбинаций, постоянно возникающих в любой популяции, отбираются те, которые сохраняются и институционализируются?» (245; 251). Этот вопрос в действительности заключает в себе три различных вопроса: кто или что служит в качестве движущей силы, производящей отбор? какой критерий используется в процессе отбора? как действует отбор?

Берне и Дитц различают «р-отбор» («р-селекцию»), сознательно осуществляемый властью предрержащими, реформаторами, лидерами, устанавливающими правила для других; «s-отбор» («s-селекцию»), непреднамеренно производимый посредством принуждения или благодаря возможностям, возникающим в установившихся структурах; «т-отбор» («т-селекцию»), который «работает» через естественные, объективные ограничения материального окружения. Например, «люди не могут вводить правила, кото-

[168]

рые нарушают законы физики или биологии» (69; 266—267). Авторы подчеркивают важность сознательных, целенаправленных действий человека, что игнорируют или полностью отрицают сторонники более механистических версий эволюции.

Что касается адаптивного или воспроизводственного (репродуктивного) успеха, т. е. функциональной ценности какого-либо института, правила, образа жизни для выживания и способности к воспроизводству, то, по мнению некоторых авторов, редко бывает так, что единственная цель человека — просто выжить или приспособиться. «В человеческом обществе важное значение имеет повышение чувства удовлетворенности или комфорта» (245; 256). Наконец, в качестве конечного критерия можно предположить усиление способностей общества к деятельности, составляющих потенциал его самотрансформации (см. гл. 15).

Способы отбора тракуются весьма широко: от простой дарвиновской «борьбы за существование», затем «борьбы за подкрепление» (имеются в виду усилия, затрачиваемые на приобретение вещей, с помощью которых удовлетворяются человеческие потребности) (229; 297) до «борьбы за удовлетворение», т. е. «благоприятный баланс удовольствия и страдания» (245; 257). Я предложил бы еще один, может быть, последний способ отбора: «борьбу за деятельность», т. е. за освобождение от негативного принуждения и расширение позитивной свободы преобразовывать собственное общество, (см. гл. 15).

Как откровенно заявляют сторонники неозволюционистской теории социокультурного отбора, она еще находится «на начальной стадии развития в системе социальных наук» (69; 275). Тем не менее эта теория выглядит гораздо более перспективной, чем классический эволюционизм и некоторые «не-дарвинистские» ветви неозволюционизма, рассмотренные ранее. Ее принципиальная новизна заключается в отрицании детерминизма, финализма, фатализма, линейности и постепенности. Вместо этого в ней большое значение придается случайности, вероятности, ограниченности, открытости процесса, качественным факторам и решающей роли человеческой деятельности. «Для того чтобы добиться успеха, необходим теоретический синтез эволюционной биологии и социальной науки, равно как более полное и систематизированное познание окружающей среды, в том числе культурной, условий и исторических превратностей судьбы Homo Sapiens и его общества» (245; 236).

[169]

9. Теории модернизации, старые и новые.

Последние «воплощения» эволюционизма

Об идее модернизации можно говорить в трех смыслах. В первом, наиболее общем, смысле модернизация — это синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений. Подобное толкование применимо к любому историческому периоду. Выход из пещер и строительство первых укрытий — столь же явный пример модернизации, как и приход автомобилей на смену лошадиным повозкам или компьютеров на смену пишущим машинкам, если вспомнить сравнительно недавние перемены. Однако такое значение термина «модернизация» здесь нас интересовать не будет, поскольку оно недостаточно специфично, а кроме того, существуют более удачные термины. Второй смысл, который вкладывается в данное понятие, тождествен «современности», т. е. означает комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI в. и достигших своего апогея в XIX—XX вв. Сюда включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, бюрократизации, демократизации, доминирующего влияния капитализма, распространения индивидуализма и мотивации успеха, утверждения разума и науки и многие другие, подробно обсужденные в гл. 5. («Модернизация» в этом смысле означает достижение современности, «процесс превращения традиционного, или дотехнологического общества, по мере его

трансформации, в общество, для которого характерны машинная технология, рациональные и секулярные отношения, а также высоко дифференцированные социальные структуры») (318; 13). Классические социологические работы по модернизации в этом смысле принадлежат Конту, Спенсеру, Марксу, Веберу, Дюркгейму и Теннису.

Наконец, есть еще одно специфическое значение термина «модернизация», относящееся только к отсталым или слаборазвитым обществам и описывающее их усилия, направленные на

[170]

то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества. Другими словами, в таком случае понятие «модернизация» описывает движение от периферии к центру современного общества. Ряд специфических подходов к социальным изменениям, известных как теории модернизации, неомодернизации и конвергенции, оперирует термином «модернизация» именно в этом узком смысле*.

Теории модернизации и конвергенции являются продуктом эпохи, начавшейся после Второй мировой войны. Они отразили сложившееся разделение человеческого общества на три «мира»: «первый мир» развитых индустриальных обществ, включая Западную Европу и США, к которым вскоре присоединились Япония и «индустриализировавшиеся страны» Дальнего Востока; «второй мир» авторитарных «социалистических» обществ во главе с Советским Союзом, продвигавшимся по пути насильственной индустриализации за счет серьезного социального ущерба; и «третий мир» постколониальных обществ юга и востока, многие из которых задержались в своем развитии на доиндустриальной стадии. Как теоретически обосновать, объяснить социальные изменения в таких неоднородных и совершенно различных глобальных образованиях, принимая во внимание растущее взаимовлияние и взаимозависимость «первого», «второго» и «третьего» миров? Классические теории модернизации сосредоточили свое внимание на контрасте между «первым» и «третьим» мирами, а теория конвергенции, как и недавно возникшие теории посткоммунистического перехода, главной темой анализа выбрали разрыв между «первым» и «вторым» мирами.

Период популярности обеих теорий в их классической, первоначальной форме приходится на 50-е и середину 60-х годов, когда широкую известность получили работы Мариона Леви (240), Эверетт Хаген (175), Талкотта Парсонса (323), Нейла Смелзера (359), Даниэля Лернера (238), Дэвида Аптера (18) и Шмуэля Айзенштадта (105), внесших вклад в теорию модернизации, а также работы Кларка Керра (214), Самуэля Хантингтона (198), Уолта Ростоу (342) в области теории конвергенции. Затем, в 70-х и до середины 80-х годов обе теории были подвергнуты сильнейшей критике, которая порой переходила в их полное отрицание. Но в конце 80-х наблюдается некоторое оживление теории модерни-

* В российской социологической литературе используются также понятия «запаздывающая модернизация» или «модернизация вдогонку». (Ред.)

[171]

зации, появляются ее версии под названием «неомодернизация» (411) и «постмодернизация» (14). В начале 90-х годов, после краха коммунизма, теория конвергенции оказалась в центре социологических дискуссий в качестве одного из возможных подходов к изучению посткоммунистического периода.

Иреория модернизации, и теория конвергенции по праву считаются последним словом эволюционистского направления, хотя сначала в поисках теоретических моделей, пригодных для объяснения движения от менее развитых к более развитым «мирам», обе теории обратились к эволюционизму, тогда еще доминировавшему в социологических

воззрениях на изменения. «Несмотря на новую терминологию, подход теоретиков модернизации к изучению социальных изменений в незападных обществах глубоко коренился в теории развития, которая заняла прочное место в социальных науках Запада задолго до исхода XIX века» (406; 64).

Представители упомянутых теорий считали, что (1) изменения являются однолинейными, и потому менее развитые страны должны пройти тот же путь, по которому идут более развитые государства. Они верили, что (2) изменения необратимы и неизбежно ведут процесс развития к определенному финалу — модернизации. С их точки зрения, (3) изменения имеют постепенный, накопительный и мирный характер. Они также полагали, что (4) стадии, которые проходят процессы изменения, обязательно последовательны — ни одна из них не может быть пропущена, например, «традиционная — переходная — современная» (18), «традиционная — стадия достижения предварительных условий для начала изменений — начало непрерывного роста — созревание — достижение уровня массового потребления» (342). Теоретики модернизации подчеркивали (5) важность эндогенных, имманентных причин и описывали движущие силы изменений терминами «структурная» и «функциональная дифференциация», «адаптивное совершенствование» и аналогичными эволюционистскими понятиями. Наконец, (6) они превозносили прогресс, веря, что модернизация принесет всеобщее улучшение социальной жизни и условий человеческого существования. Если суммировать сказанное, то модернизация и конвергенция рассматривались как необходимые, необратимые, эндогенные и в конечном счете благотворные процессы.

Однако уже в этих ранних версиях наблюдались некоторые отклонения от эволюционистских идей, наиболее заметные в теории модернизации. Помимо особого внимания к проблематике «третьего мира» (или «второго мира» в случае теории конвергенции), большое значение придавалось социальной инженерии

[172]

и планированию, и, кроме того, иными были представления о конечном результате. В отличие от трактовки процесса как спонтанной тенденции, саморазвивающейся «снизу», сторонники теории модернизации считали, что он начинается и контролируется «сверху» интеллектуальной и политической элитой, которая стремится вытащить свою страну из отсталости с помощью планируемых, целенаправленных действий. При этом в качестве ориентира рассматривалось не утопическое общество, а реально существующие развитые страны западного капиталистического мира. Следовательно, модернизация есть нечто совершенно иное, нежели спонтанное развитие в прогрессивном направлении. Она означает осознанное копирование западных обществ, выступающих в качестве «стран-образцов» (41), «стран, на которые ссылаются» и которые «устанавливают скорость движения» (408). «Модернизация не является самоподдерживаемым, самопрогрессирующим процессом. Скорее, это перенесение образцов, моделей и достижений развитых стран в свои собственные» (77; 257).

Концепция модернизации

Концепция модернизации, специфически адаптированная в 50-х и 60-х годах упомянутыми выше теориями, имела три определения: историческое, релятивистское и аналитическое.

В исторических дефинициях она рассматривается как синоним вестернизации или американизации и оценивается как движение к существующим на конкретной территории и в конкретное время обществам. Вот что, например, пишет Шмуэль Айзен-штадт: «Исторически модернизация есть процесс изменений, ведущих к двум типам социальных, экономических и политических систем, которые сложились в Западной Европе и Северной Америке в период между XVII и XIX веками и распространились на другие страны и континенты» (104; 1). Аналогичное определение дает Вильберт Мур: «Модернизация является тотальной

трансформацией традиционного домодернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для «продвинутых», экономически процветающих и в политическом плане относительно стабильных наций Запада» (304; 89). Подобный подход наиболее подвержен заблуждениям этноцентризма.

Эта опасность частично минует релятивистские дефиниции, которые не затрагивают специфические пространственные или временные параметры, а сосредоточивают внимание на сущности процесса, где и когда бы он ни происходил. «Модернизация не

[173]

является *hic et nunc* современности. С точки зрения мирового исторического процесса, она имеет отношение к инновациям в моральных, этических, технологических и социальных установках, которые вносят свой вклад в улучшение условий человеческого существования» (408; 134). Подобным образом рассуждает Симон Чодак: «Модернизация — это важный момент в развитии обществ — момент, когда предпринимаются совокупные усилия для достижения более высоких желаемых стандартов» (77; 256). В релятивистском смысле (модернизация означает целенаправленные попытки, осуществляемые либо большинством населения, либо элитой для того, чтобы превзойти современные стандарты.) Но эти стандарты могут варьировать. «Эпицентры» модернизации не закреплены в каких-то обществах раз и навсегда, напротив, они меняются. Эдвард Тиракьян прослеживает перемещение таких «эпицентров» от «колыбели цивилизации» — Греции и Израиля, через Древний Рим, северную и северо-западную Европу во времена Средневековья к Соединенным Штатам Америки и современным государствам Дальнего Востока. По его мнению, в будущем возможен возврат к объединенной Европе (408).

Дефиниции, используемые в анализе, стали более специфическими, чем дефиниции, с помощью которых пытаются описывать параметры современного общества, намеренно помещаемого в домодернистское, традиционное окружение. Некоторые аналитические дефиниции затрагивают структурные аспекты. Так, Нейл Смелзер описывает модернизацию как комплексное, многомерное смещение, охватывающее шесть областей. В экономике отмечаются (1) появление новых технологий; (2) движение от сельского хозяйства как средства к существованию к коммерческому сельскому хозяйству; (3) замена использования мускульной силы человека и животных «неодушевленной» энергией и механизмами; (4) распространение городских типов поселений и пространственная концентрация рабочей силы. В политической сфере модернизация означает переход от авторитета вождя племени к системе избирательного права, представительства, политических партий и демократического правления. В сфере образования под модернизацией мыслятся ликвидация неграмотности, рост ценности знаний и квалифицированного труда. В религиозной сфере она выражается в освобождении от влияния церкви; в области семейно-брачных отношений — в ослаблении внутрисемейных связей и все большей функциональной специализации семьи; в области стратификации — в усилении значения мобильности, индивидуального успеха и ослаблении предписаний в зависимости от занимаемого положения, (362; 747—748).

[174]

Ряд аналитиков придерживаются скорее психологической позиции. Они выводят специфический тип личности, который, по их мнению, характерен для современных обществ. «Современная личность» описана в гл. 5 как особое сочетание свойств, включающее: (1) независимость от традиционных авторитетов, антидогматизм мышления. (2) внимание к общественным проблемам, (3) способность приобретать новый опыт, (4) вера в науку и разум, (5) устремленность к будущему, умение воздерживаться от удовольствий, (6) высокий уровень образовательных, культурных и профессиональных притязаний (200; 201). Модернизация в этой сфере (сфере личности) означает приближение к такому сочетанию свойств, характеристик и предполагает подавление противоположных, традиционных черт. В итоге современная личность проявляет способность ориентироваться в расширяющемся

социальном пространстве; внутреннюю гибкость, разнообразие интересов, большее понимание ценности самосовершенствования и осознание настоящего как «особо значимого временного измерения человеческого существования» (109; 226).

Механизмы модернизации

Что движет слаборазвитые общества к современности? Каков причинный механизм этого движения? На сей счет существует несколько гипотез.

Некоторые авторы рассуждают с позиций традиционного эволюционизма (спенсеровского или дюркгеймовского толка), предлагая собственную картину роста. Структурная и функциональная дифференциация (а конкретнее, разделение труда) — неизбежный «естественный» процесс. Он может быть замедлен или даже временно приостановлен, но в конце концов продолжится вновь. Если принять данную точку зрения, то главной задачей становится выявление факторов, тормозящих дифференциацию слаборазвитых обществ. Собственно, задача политиков и заключается в устранении подобных препятствий. В основе таких умозаключений лежит предположение о том, что общества способны трансформироваться только в том случае, если этот процесс не тормозится. Причем, считается, что толчок к модернизации исходит «снизу», возникая спонтанно. Политической элите остается лишь устранить барьеры, которые охраняют традиционные, отсталые структуры, институты и организационные модели.

В других гипотезах используются эволюционные рассуждения в духе дарвинизма, т. е. идеи вариативности и выживания наибо-

[175]

лее приспособленных. В борьбе обществ (культур, экономик, организационных форм, военных систем) модернизация позволяет лучше адаптироваться, действовать эффективнее, удовлетворять более разнообразные потребности большего числа людей и на более высоком уровне. Предпосылкой модернизации является сосуществование различных обществ. Те, кто отстает в своем развитии, вынуждены модернизироваться, в противном случае они терпят поражение. Процесс адаптации может подталкиваться «снизу» и осуществляться постепенно, но тогда он идет очень медленно. Ускорить его способна образованная политическая элита, которая осознает необходимость реформирования общества. Она начинает преобразования «сверху», подкрепляя их пропагандистскими кампаниями, объясняя широким массам выгоды, которые сулит модернизация.

Осознание преимуществ современной модели бытия по сравнению с традиционными происходит спонтанно, благодаря «демонстрационному эффекту» «продвинутых» обществ с их более высокими стандартами жизни, изобилием и личной свободой. Жители отсталых стран постигают плюсы модернизации двояким способом: непосредственно, лично или опосредованно, через передачу опыта миссионерами. Первый способ распространяется в результате улучшения связей, расширения деловых поездок, туризма и т.д. Что касается второго способа — опосредованного миссионерской деятельностью, то здесь огромную роль (особенно в показе преимуществ) играют средства массовой информации и телекоммуникаций, начиная фильмами Голливуда и кончая спутниковым ТВ. Тяга широких масс к модернизации зачастую идет вразрез с интересами облеченной властью политической элиты. В такой ситуации создаются предпосылки для появления новой элиты, которая побеждает консерваторов и приступает к реализации накопленного реформаторского потенциала общества.

Весьма специфический механизм модернизации предлагает теория конвергенции. Ее классическая версия (К. Керр, С. Хантингтон, У. Ростоу и другие) приближается к технологическому детерминизму. Так, провозглашается, что доминирующая технология обуславливает специфические формы социальной организации, политической жизни, культурных образцов, норм и правил повседневной жизни и даже верований и отношений. Предполагается, что технология имеет собственную, имманентную логику развития, которая

приводится в действие последовательностью открытий и инновации. Новейшие технологии рано или поздно влекут за собой появление синдрома современности, что выражается во все большем сходстве и даже единообразии раз-

[176]

личных обществ и сглаживании местной специфики. Как отмечает Джон Голдторп, «по мере того, как индустриализм продвигается вперед и постепенно становится мировым явлением, диапазон жизнеспособных институциональных структур и столь же жизнеспособных систем ценностей и верований неизбежно сокращается. Все общества, независимо от того, каким путем они вошли в индустриальный мир, будут приближаться к чисто индустриальной форме» (158; 263). А вот мнение Хантингтона: «Модернизация — это процесс, ведущий к однородности. Если традиционные общества невероятно разнообразны и объединяет их только отсутствие современных черт, то современные общества обладают одинаковым набором основных качеств. Модернизация порождает тенденцию к сходству обществ» (199; 31).

В ходе эмпирических исследований, проведенных в 70-х годах, изучались те сферы, в которых наблюдалась подобная унификация. К ним относились: профессиональная структура, приспособленная к потребностям промышленного производства; демографическая структура с характерным для нее низким уровнем рождаемости и ростом продолжительности жизни; переход от расширенной к нуклеарной семье; новые формы массового образования; предприятия как общая форма организации рабочей силы; увеличение дохода на душу населения; потребительские рынки; демократизация политической жизни (446; 356). Однако сравнительные исследования выявили наличие существенных расхождений в странах с примерно одинаковым уровнем промышленного развития, особенно с различными политическими системами. Некоторые авторы, объясняя данное противоречие, утверждают, что конвергенция охватывает лишь центр, сердцевину индустриального общества, оставляя широкие возможности для дивергенции. Этот центр включает систему заводского производства, стратификацию, основанную на комплексном и всеобъемлющем разделении труда и степени мастерства, широкую коммерциализацию сферы товаров и услуг и циркуляцию их через рынок, образовательную систему, способствующую заполнению разнообразных ниш в стратификационной системе и системе занятости (127; 146).

Критика идеи модернизации

Идея модернизации подверглась серьезной критике в конце 60-х и в 70-х годах как с эмпирической точки зрения, поскольку многие ее утверждения противоречили очевидным историческим

[177]

фактам, так и в теоретическом плане. Отмечалось, что попытки модернизировать общество чаще всего не приводят к обещанным результатам. Нищету в отсталых странах преодолеть не удалось, более того, ее масштабы даже увеличились. Не только не исчезли, но и широко распространились авторитарные и диктаторские режимы, обычным явлением стали войны и народные волнения, возникли и новые формы религиозного фундаментализма, национализма, фракционализма (групповщины) и регионализма, продолжалось идеологическое давление.

Наблюдались также многочисленные негативные побочные эффекты модернизации. Уничтожение традиционных институтов и жизненных укладов нередко влекло за собой социальную дезорганизацию, хаос и аномию, рост девиантного поведения и преступности. Дисгармония в экономике и несинхронность изменений в различных подсистемах общества приводили к неэффективным, пустым тратам, причиняли ущерб. Как подтверждает

информированный наблюдатель, «все это не стимулировало (особенно в политической области) развитие институциональных систем, способных адаптироваться к продолжающимся изменениям, новым проблемам и требованиям» (103; 435).

Были признаны неприемлемыми и теоретические обоснования идеи модернизации. Прежде всего подчеркивалась возможность многолинейного развития, когда модернизация осуществляется разными путями в зависимости от стартовых позиций тех или иных обществ и проблем, с которыми они сталкиваются (104; 2).

Критики указывали на ошибочность прямого противопоставления традиции и современности и приводили примеры преимуществ традиционализма в некоторых областях. «Не только современные общества включают в себя многие традиционные элементы, но и традиционные общества, в свою очередь, нередко обладают такими чертами, которые обычно считаются современными. Кроме того, модернизация способна усиливать традицию» (199; 36). «Традиционные символы и формы лидерства могут оказаться жизненно важной частью ценностной системы, на которой основывается модернизация» (170; 352).

Оппоненты теории модернизации отмечали большую роль внешнего, глобального контекста и внутренних причин. «Любое теоретическое обоснование, которое не учитывает такие значимые переменные, как влияние войн, завоеваний, колониального господства, международных, политических или военных отношений, торговли и межнационального потока капиталов, не может рассчитывать на объяснение происхождения этих обществ и природы их борьбы за политическую и экономическую независимость» (406; 74).

[178]

Была поставлена под сомнение и строгая последовательность стадий модернизации: «Те, что пришли позднее, могут (и это вполне доказуемо) быстро модернизироваться благодаря революционным средствам, а также опыту и технологиям, которые они заимствуют у своих предшественников. Таким образом, весь процесс может быть сокращен. Предположение о строгой последовательности фаз (предварительное состояние, начальная фаза, переход к зрелости и т. п.), которые должны пройти все общества, похоже, ошибочно» (199; 38).

Наконец, была поставлена под сомнение и этноцентристская, ориентированная на Запад, концепция целей модернизации, поскольку «многие новые современные государства успешно развиваются не по пути европейских национальных государств» (109; 236).

Вследствие всей этой критики теория модернизации была отвергнута, по крайней мере на некоторое время.

Неверными оказались и исторические предсказания теории конвергенции. «Становится все более очевидным тот факт, что разнообразие институтов, существующих в современных обществах, причем не только модернизирующихся или переживающих переходный период, но и развитых, и даже высоко развитых, весьма велико» (НО; 422). Доминирующей чертой современных обществ является не сходство, а различие, так что модернизация не может рассматриваться как единая и окончательная стадия эволюции всех обществ.

Теории неомодернизации и неоконвергенции

С 80-х годов началась полоса возрождения теории модернизации (408), а с 1989 г. она сосредоточивается на попытках посткоммунистических обществ «войти», или «вернуться», в Европу (т. е. в современный западный мир). Оказалось, что данная теория может быть полезной для понимания этих новых исторических процессов, и потому «игнорировать понятие модернизации в настоящее время было бы такой же роковой ошибкой, как и ставить ее в центр внимания при изучении социальных изменений, происходивших в 60-х годах» (408; 132). В ответ на призыв «возродить исследования модернизации» (109; 239) были выдвинуты проекты «теории неомодернизации» (411) и

«теории постмодернизма» (14). Реанимированная и пересмотренная теория модернизации учла опыт посткоммунистического мира и действительно видоизменила, смягчила свои ключевые положения.

[179]

Наиболее важные различия между процессами модернизации в «третьем мире» и в посткоммунистическом «втором мире», должно быть, обусловлены «реальным социализмом». Если постколониальные страны представляли собой обычно традиционные, досовременные общества, то в Советском Союзе и Восточной Европе официальная идеология и высоко политизированная, централизованная и плановая экономика в течение многих десятилетий направлялись в процесс модернизации «сверху». В результате то, что было достигнуто, оказалось весьма далеким от «истинной современности». Это, скорее, «ложная современность», под которой я подразумеваю несогласованное, дисгармоничное, внутренне противоречивое сочетание трех компонентов: 1) современных черт в отдельных областях общественной жизни; 2) традиционных, домодернистских характеристик во многих других областях и 3) всего того, что облачали в изысканные одежды, призванные имитировать современную западную действительность.

Рассмотрим каждый из трех указанных компонентов. Первый включает в себя навязанную индустриализацию с ее явным креном в сторону тяжелой промышленности; сдвиг от сельскохозяйственного к индустриальному сектору; широкую пролетаризацию; хаотическую урбанизацию; жесткий контроль над жизнью населения со стороны бюрократического административного аппарата, полиции и армии; сильное автократическое государство. Налицо и все побочные эффекты, выраженные иногда в крайней форме: загрязнение и разрушение окружающей среды, распыление ресурсов, аномия и апатия населения. То, что было упущено, отсутствует и по сей день, а именно: частная собственность; рациональная организация производства; функционирующий рынок; верховенство закона; широкие возможности выбора товаров и услуг для потребителя; «абстрактные системы» типа телекоммуникаций, авиалиний, дорожных сетей, банковских инфраструктур (152); крепкая предпринимательская элита и средние классы; прочно укоренившаяся трудовая этика и индивидуализм; плюралистическая демократия. Каким-то образом эти общества умудрились сконцентрировать в себе все худшие, кошмарные черты современности, не обретая при этом ни одной из лучших. Они оплачивают издержки, не получая прибылей. Столь странное, если не сказать шизоидное, наследство все еще имеет место и, вероятно, сохранится в течение жизни целого поколения или даже нескольких поколений.

Наряду с имитацией современности в странах Восточной Европы, сжатых тисками единого социалистического блока все эти десятилетия, обнаруживаются и некоторые архаичные черты, свой-

[180]

ственные традиционным обществам. Внутренние автократические режимы и внешнее имперское господство подавили все испокон веков существовавшие разногласия, привели к «липовой» однородности и консенсусу, а по сути — к атрофии «гражданского общества». Этническая, региональная, религиозная специфика просто исчезла. С падением советской империи и началом внутренней либерализации возродились так до конца и не уничтоженные прежние отношения, предпочтения и привязанности. Причем не только раскололся сам блок как целое, но и в каждой стране началось размежевание, вновь вспыхнули сдерживавшиеся до поры до времени старые национальные, этнические, региональные конфликты. Объединяющий эффект капитализма, рынка и демократии не действовал, и как только рухнули искусственные преграды, досовременный уродливый лик Советского Союза и восточноевропейских обществ открылся со всей очевидностью.

Наконец, существует странный феномен символического, приукрашивающего

облачения, который смущает и вводит иногда в заблуждение западных наблюдателей: конституции, парламенты, выборы, референдумы, местное самоуправление и т.д. Те, кто с ними сталкивался, отлично знают, какая это все ерунда и какую инструментальную роль выполняет. «Конституция и выборы должны лишь свидетельствовать, что тоталитарные режимы соответствуют требованиям современной эпохи» (111; 34).

Сказанное объясняет, почему необходимо серьезно продумать новую концепцию современности и теорию модернизации. Такие усилия уже предпринимаются. В частности, пересматриваются следующие положения.

1. В качестве движущей силы модернизации уже не рассматривается политическая элита, действующая «сверху». В центр внимания ставится мобилизация масс, т. е. деятельность «снизу», которая часто противостоит инертному и консервативному правительству. Главными агентами модернизации ныне признаются спонтанные общественные движения и харизматические лидеры.

2. Модернизация больше не трактуется как решение, принятое образованной элитой и навязанное сопротивляющемуся населению, которое цепляется за традиционные ценности и уклад жизни (так было в большинстве стран «третьего мира»). Речь идет теперь о массовом стремлении граждан изменить условия своего существования в соответствии с западными стандартами под влиянием средств массовой коммуникации или личных контактов.

[181]

3. На смену акцентирования эндогенных, имманентных факторов модернизации приходит осознание роли экзогенных факторов, включая мировую геополитическую расстановку сил, внешнюю экономическую и финансовую поддержку, открытость международных рынков и, последнее по месту, но не по важности — доступность убедительных идеологических средств: политических, социальных доктрин и теорий, обосновывающих и поддерживающих современные ценности (например, индивидуализм, дисциплину, трудовую этику, способность полагаться на себя, ответственность, разум, науку, прогресс, свободу).

4. Вместо единой, универсальной модели современности, которую в качестве образца должны были бы брать на вооружение отсталые общества (в классической теории это чаще всего модель США), вводятся идея «движущихся эпицентров современности» и как венец ее — понятие «образцовые общества» (408). Посткоммунистические страны совсем не обязательно должны следовать американской модели, да и в целом западная модель развития — не единственный образец, которому нужно подражать во всем. В качестве весьма приемлемых примеров все чаще называются Япония и «азиатские тигры».

5. Унифицированный процесс модернизации заменяется ее более разнообразным, многоликим процессом. Все яснее осознается, что темпы, ритм и последствия модернизации в различных областях социальной жизни различны и что в действительности наблюдается отсутствие синхронности в усилиях по модернизации. Ральф Дарендорф предостерегает против «дилеммы трех часов», обращенных циферблатом к посткоммунистическим странам. Если для осуществления конституционной реформы может быть достаточно шести месяцев, то в экономической сфере может не хватить и шести лет. На уровне глубинных пластов жизни, отношений и ценностей, составляющих современное «гражданское общество», обновление затронет несколько поколений (91).

6. В целом картина модернизации становится менее оптимистичной, при этом четко прослеживается стремление избежать наивного волюнтаризма некоторых ранних теорий. Опыт посткоммунистических обществ однозначно свидетельствует о том, что не все возможно и достижимо и не все зависит от простой политической воли. В связи с этим гораздо больше внимания обращается на преграды, барьеры, «трения» (120; 394), а также на неизбежные отступления, попятные ходы и даже провалы на пути модернизации.

7. Если раньше эффективность модернизации выводилась почти исключительно из экономического роста, то теперь при-

[182]

знается важная роль ценностей, отношений, символических смыслов и культурных кодов, короче говоря, того «неуловимого и неосязаемого» (392), без которого модернизация не может быть успешной. Классическое понятие «современная личность» не рассматривается более как символ желаемого эффекта процесса модернизации, а признается, скорее, неизменным условием экономического старта.

8. Антитрадиционалистские рефлексии ранних теорий корректируются теперь указанием на то, что местные традиции могут таить в себе важные модернизационные потенциалы. Поскольку отказ от традиций может спровоцировать мощное сопротивление, постольку предлагается использовать их. Необходимо выявлять «традиции модернизации» и брать их на вооружение для дальнейших преобразований. Это особенно уместно делать в бывших социалистических странах, которые в своей истории, до периода «ложной современности», уже переживали времена капиталистического развития и демократической эволюции (например, Чехословакия, Польша между мировыми войнами).

9. Характер внутренне расколотых посткоммунистических обществ, где присутствуют отдельные «островки современности», порожденной процессами индустриализации и урбанизации, и обширные районы, отмеченные архаикой (в отношениях, жизненных укладах, политических институтах, классовом составе и т.д.), выдвигает на первый план вопрос: что делать с этим наследием «реального социализма», например, с огромной государственной собственностью и нередко устаревшими государственными предприятиями? Основная дискуссия разворачивается между сторонниками «большого скачка» (Сакс, Аслунд, Бальцеревич), выступающими за полную ликвидацию экономических, политических и культурных «пережитков социализма» и призывающими начать модернизацию с нуля, и сторонниками «постепенности», которые хотели бы спасти то, что еще сохранилось, ценой более медленных реформ. Поскольку аргументы с обеих сторон достаточно весомы, постольку решение вопроса остается открытым.

10. Последним фактором, который усложняет и, может быть, даже затрудняет нынешнюю ситуацию с модернизацией в посткоммунистических странах по сравнению со странами «третьего мира» после Второй мировой войны, является идеологический климат, господствующий в «обществах-моделях» развитого Запада. В конце XX в. эра «триумфа современности» с ее процветанием, оптимизмом и экспансионизмом, похоже, уже закончилась. Лейтмотивом социального сознания становится кризис, а не прогресс (195). Очевидность побочных результатов и непреднамеренных «эффек-

[183]

тов бумеранга» современности приводит к разочарованию, разрушает иллюзии и вызывает чувство отрицания, отвержения. На теоретическом уровне «пост-модернизм» становится сегодня все более модным. Похоже, что как раз в тот момент, когда западные общества, утомленные путешествием, готовы соскочить с поезда современности, посткоммунистический Восток отчаянно пытается взобраться на него. В этой ситуации совсем не просто найти приемлемую идеологическую опору для тех усилий по модернизации, которые предпринимаются под эгидой либеральной демократии и рыночной экономики, — единственно приемлемому направлению, если, конечно, мы не будем рассчитывать на фашистскую альтернативу или на некий туманный и мистифицированный «третий путь». Анализ этого обстоятельства должен найти свое место в пересматриваемой теории модернизации.

Таким образом, теория неомодернизации освободилась от всех наслоений эволюционизма и теории развития; она уже не настаивает ни на какой-либо единственной,

конечной цели, ни на необратимом характере исторических изменений. Модернизация рассматривается как исторически ограниченный процесс, узаконивающий институты и ценности современности: демократию, рынок, образование, разумное администрирование, самодисциплину, трудовую этику и т.д. { Стать современными (или избежать «ложной современности») до сих пор является жизненно важной задачей для посткоммунистических обществ.

Большинство вопросов, которые мы сейчас обсудили, касаются и теории конвергенции. Но ряд ее особенностей все же требует краткого комментария. Как мы уже отмечали, в центре внимания рассматриваемой теории находится тема разрыва между «первым» и «вторым» мирами. Ее сторонники утверждают, что технологическая «логика индустриализма» неизбежно приведет к взаимному сближению экономической, политической и культурной сфер этих миров.

Из факта падения коммунизма можно вынести по меньшей мере три урока, которые ставят под сомнение важнейшие принципы теории конвергенции. Во-первых, идея взаимного обмена оказалась просто неверной. Вместо дружественных отношений между двумя системами, когда каждая старается перенять что-то у своего партнера и в результате возникает некая «третья форма» нового социально-политического режима, мы являемся свидетелями тотального одностороннего процесса, в котором неизменно доминируют западные модели, в конце концов одерживающие победу. Во-вторых, теория конвергенции включала в себя

[184]

идею мирного, постепенного смешения компонентов обеих систем и не предусматривала ни неожиданного распада, ни окончательного падения коммунистического мира. Ее авторы предполагали медленную эволюцию «реального социализма» с заимствованием западных образцов, а не быструю революцию. В-третьих, наиболее мощным фактором, вызвавшим столь радикальные сдвиги, явился психологический фактор надежды, сформировавшийся благодаря «демонстрационному эффекту» западных стандартов. Дело не в том, что социалистические страны стали технологически модернизированными, а в том, что их недостаточно развитые технологии стали более невыносимыми в условиях глобализации конкуренции, в условиях, когда благодаря потоку информации, людей, образов и идей открылись окна в мир.

Пример теорий модернизации и конвергенции показывает, как исторические события могут дать мощный стимул для переосмысления, переработки и фундаментального пересмотра тех социологических теорий изменения, которые имеют непосредственно практическое (историческое) значение. И теория модернизации, и теория конвергенции вновь обрели жизнеспособность в новых исторических условиях, служа теперь в качестве вполне пригодных средств истолкования и конструирования феномена посткоммунистического переходного периода.

10. Теории исторических циклов

Логика циклических теорий

Подход теории циклов к историческому процессу отличается от эволюционистского. Согласно этому подходу, история периодически исчерпывает свой потенциал и временно возвращается к началу процесса, т. е. она обратима, повторяема. Социальное и историческое развитие идет не по прямой, а, скорее, по кругу.

Как и все исторические концепции, циклическая теория так же опирается на аналогии или метафоры, базирующиеся на здравом смысле. Она обращается к широко известным явлениям повседневной жизни.

1. Существуют очевидные астрономические циклы: день и ночь (работа и сон), фазы луны (приливы), времена года (периоды вегетации, ритм сельскохозяйственных работ, дни отдыха в современном обществе).

2. Существуют биологические циклы, имеющие важные последствия для социальной жизни: рождение, детство, юношество, зрелость, старость, смерть (возникновение и затухание активного участия в социальной жизни, отмеченного такими датами, как поступление в школу, получение первой работы, основание семьи, рождение детей, уход на пенсию).

3. Существуют отчетливо воспринимаемые политические, экономические и социальные циклы на макрошкале правительства приходят и уходят, за упадком следует подъем, периоды процветания сменяются временами кризиса, международная напряженность чередуется с периодами разрядки и *ослабления напряженности*, социальные беспорядки переходят в периоды долгой стабильности.

4. Существуют отчетливые циклы на макрошкале повседневной жизни: ежедневный ритм семейных событий, недельный ритм рабочих и выходных дней, годовой ритм праздников и дней отдыха. Словом, если прибегнуть к поэтической идиоме Питирима Сорокина, «великая симфония социальной жизни «исчисляется» множеством отдельных процессов, каждый из которых течет

[186]

волнообразно, сменяется в пространстве и времени и происходит одновременно в пространстве и времени, периодически и непериодически, после длительных или коротких интервалов» (367; 1, 170).

Прежде чем обратиться к актуальным примерам циклических теорий, попытаемся более четко объяснить саму концепцию цикла. Если в направленном процессе каждая последующая фаза отличается от любой другой, предшествующей ей во времени. То в циклическом процессе состояние изменяющейся системы в некоторое более позднее время будет таким же, каким оно было в некоторое более раннее время. Эта общая характеристика относится к разнообразным циклическим процессам, каждый из которых обладает более конкретными чертами: диапазоном сходства между повторяющимися состояниями систем; временем, которое разделяет повторяющиеся события; количеством повторений в полном цикле.

Питирим Сорокин предлагает отличать полные циклы от относительных.

В полном цикле конечная фаза превращается в первую, и затем цикл начинается заново, проходя по тому же маршруту, по которому он прошел ранее. В относительном цикле направление повторяющегося (возвращающегося) процесса не совпадает полностью с направлением серии подобных предшествующих процессов. От цикла к циклу наблюдаются некоторые отклонения (367: Т, 184-185).

Иначе говоря, процесс может протекать циклически, последовательно проходя через такие состояния системы, которые в точности повторяют, совпадают с прежними (например, заход солнца). Или процесс может идти по спирали, когда последовательные состояния хотя в основе своей схожи, но не идентичны (утренние заторы на дорогах, возрастающие год от года). Восходящая спираль означает повторение процесса на относительно более высоком уровне (циклический прогресс), нисходящая — повторение на относительно более низком уровне (циклический регресс).

Продолжительность цикла может быть короткой или длинной, и измеряется она не абсолютно, а лишь в зависимости от типа рассматриваемых процессов. В биологии жизненный цикл бабочки может считаться коротким по сравнению с циклом кита. В социологии дневной цикл семьи — короткий, а цикл жизненной карьеры — длинный. В экономике производственный цикл автомобиля короткий, а корабля — длинный; цикл инвестиций и получения прибыли в торговле потребительскими товарами ко-

роткий, а в тяжелой индустрии — гораздо длиннее. В политике цикл парламентских сессий (парламентский календарь) короткий, цикл (срок) переизбрания — длинный.

Важно учитывать также, ритмичен или неритмичен цикл. В первом случае интервалы между фазами цикла равны; во втором

— неравны. Если он подчиняется чистой случайности, то речь идет о случайном цикле. Но в основе неритмичного цикла может лежать и некоторая регулярность. Если интервалы становятся существенно короче, то можно говорить об ускоряющемся (убыстряющемся) цикле (например, научные открытия или технологические инновации в современную эпоху); если же интервалы значительно удлиняются, то имеет место замедление цикла (самозамедляющийся цикл).

Наконец, циклы могут различаться по количеству фаз. Если в цикле лишь две фазы, то это — дихотомический цикл (например, день и ночь, работа и отдых, война и мир, бум и упадок), если три — триадический цикл (например, возникновение — зрелость

— упадок, первородный грех — отпущение — спасение), если больше, то можно говорить о множественном цикле} (например, детство — зрелость — старость — смерть в цикле индивидуального жизненного пути, мобилизация — рекрутирование — формирование лидерства — бюрократизация — демобилизация — распад в «карьере» социального продвижения).

Сторонники циклического образа

Похоже, что циклический образ процессов сформировался в общественном сознании раньше, чем более сложный образ роста. Очевидно, такое представление имело место в человеческом восприятии мира задолго до того, как появились систематические теории. В философии циклический образ восходит к Древней Греции. Аристотель говорил: «То, что уже было, то еще будет; и то, что было сделано, еще будет сделано; и нет ничего нового под солнцем» (цит. по: 367; I, 170). В записях Геродота (V в. до н.э.) дана первая полная схема приложения цикла к политическим режимам: монархия — тирания — олигархия — демократия — охлократия. В работах Полибия (200—118 до н.э.) проводится сходная мысль, а именно, что все политические единицы (политии) проходят неизбежные циклы роста, зенита и упадка.

В средние века аналогичные идеи возникали у такого внимательного наблюдателя общественной жизни, как Ибн Хальдун (1332—1406), который тоже был убежден в том, что «ничто не

ново под солнцем». Он сравнивал циклы цивилизации с жизненными циклами живых организмов: рост — зрелость — старость. Цикл политических режимов длится примерно 100 лет, что равнозначно жизни трех поколений. Цикл изменяющихся социальных связей, или солидарностей, типичных для повседневного существования человеческих групп, проходит через три стадии: (1) вначале доминирует сильно развитое чувство солидарности, вызываемое трудными условиями кочевой жизни в пустыне; (2) затем, с появлением оседлости, когда культуры локализируются и возникает достаток, солидарность ослабевает; это приводит (3) к полному разрыву социальных связей и распылению групп, за которыми вновь следует их кристаллизация на основе новых социальных уз.

В эпоху Просвещения Джамбаттиста Вико распространил циклический образ на всю человеческую историю. Он был, пожалуй, первым, кто предположил (в своей знаменитой «*Новой науке*», 1725), что социальная жизнь и история могут изучаться наукой и что можно открыть их закономерности. История и общество — это результат человеческих действий, их конечный продукт, и потому они должны быть доступны человеческому познанию, т. е. в принципе познаваемыми. В своем поиске такой исторической регулярности Вико подошел к

образу восходящей спирали. Типичный (однотипный) процесс, имеющий место и на всеобщем, самом широком уровне человечества, и на конкретных уровнях частных цивилизаций, культур или обществ, принимает форму повторяемости, хотя не абсолютно точное повторение (*corsi* и *ricorsi*). Циклы повторяются на все более высоких уровнях с некоторой модификацией. На каждом повороте цикла возникает новый феномен.

Типичный исторический цикл проходит три стадии: (1) анархия и дикость; (2) порядок и цивилизация, сопровождаемые верховенством разума и мирной индустрии; (3) упадок цивилизации и возврат к новому варварству. Эти стадии связаны с различными аспектами социальной жизни и формами правления (теократией, аристократией, республикой или монархией), типом законов, характеристиками языка (иероглифического, символического, местного). Прослеживается также определенная корреляция с доминирующим типом человеческого характера: грубый, суровый, благодушный, деликатный, распущенный. Вико полагал, что до него человечество прошло два цикла: один — в античности, завершившийся падением Рима; и другой — начавшийся с возрождением варварства в средние века и достигший своей финальной фазы в современную ему эпоху. Вико нарисовал мрачную картину кор-

[189]

рупированных городских масс, эдаких эгоистичных бестий, разделенных на фракции и ведущих гражданские войны. «Города начинают превращаться в леса, а леса — в логова и пещеры для людей» (цит. по: 281; 41). Но Вико внес и оптимистическую ноту — постепенно начнется новый цикл, и человечество возродится. Видимо, Вико полагал, что причинный механизм этого регулярного цикла — психологический и связан с доминирующими мотивациями и отношениями, закодированными в человеческой природе. «Люди сперва чувствуют необходимость, затем ищут пользы, потом обращаются к удобствам, еще позднее развлекают себя удовольствиями, после чего разлагаются в роскоши и наконец сходят с ума и утрачивают свою сущность» (435; 37). Как комментирует Брюс Мазлиш: «Историк до мозга костей, Вико приветствует понятие постоянного изменения и течения вокруг фиксированного полюса человеческой природы» (281; 41).

Историософия подъема и падения цивилизаций

По мере приближения к современной эпохе все большее число философов прилагают метафору циклов ко всей человеческой истории. В результате перегруппировки и переосмысления исторического материала возникают великие исторические теории. Мы выберем три из них: созданные русским Николаем Данилевским, немцем Освальдом Шпенглером и англичанином Арнольдом Тойнби.

Николай Данилевский (1822—1885) получил широкую известность лишь посмертно, после переводов его книги *«Россия и Европа»* на французский и немецкий языки (1890 и 1920 гг. соответственно). Он представлял человеческую историю разделенной на отдельные и обширные единицы, «историко-культурные типы», или цивилизации. Западная, или иными словами, германо-романская цивилизация — лишь одна из многих, процветавших в истории. Он видел ошибку историков в том, что они рассматривали современный им Запад в качестве высшей, кульминационной стадии и конструировали линейную хронологию эпох (древняя — средневековая — современная) как приближающуюся к этой своей кульминации. В реальности общей хронологии для различных цивилизаций не существует: нет единого события, которое могло бы разумно разделить судьбу всего человечества на периоды, которое означало бы одно и то же для всех и было бы одинаково важным для всего мира» (цит. по: 369; 180). Ни одна цивилизация не является лучшей или более совершенной, каж-

[190]

дая имеет свою внутреннюю логику развития и проходит различные стадии в только ей

свойственной последовательности. «Каждая цивилизация возникает, развивает собственную морфологическую форму, собственные ценности, обогащая тем самым общую сокровищницу человеческих культурных достижений, и затем уходит, не получая продолжения в своей специфической и сущностной форме» (цит. по: 369; 181).

Историю творят люди, но их исторические роли различны. Соответственно существуют три типа исторических действующих лиц (агентов): (1) позитивные действующие лица истории, т. е. те общества (племена, люди), которые создали великие цивилизации (отдельные историко-культурные типы): египетскую, ассиро-вавилонскую, китайскую, индийскую, персидскую, еврейскую, греческую, римскую, арабскую и германо-романскую (европейскую); (2) негативные действующие лица истории, которые играли деструктивную роль и способствовали окончательному крушению разлагавшихся, приходивших в упадок цивилизаций (например, гунны, монголы, тюрки); (3) с другой стороны, есть люди и племена, у которых отсутствует творческое начало. Они представляют лишь «этнографический материал», используемый творческими обществами для построения собственных цивилизаций. Иногда, после распада великих цивилизаций, составляющие их племена возвращаются на уровень «этнографического материала», пассивной, распыленной популяции.

Цивилизации проявляют свою творческую сущность лишь в избранных областях, т. е. они концентрируются на каких-то индивидуальных, характерных только для них областях и темах: для греческой цивилизации — красота, для семитской — религия, для римской — закон и администрация, для китайской — практика и польза, для индийской — воображение, фантазия и мистицизм, для германо-романской — наука и технология.

Существует типичный цикл развития, наблюдаемый в судьбе каждой великой цивилизации. Первый период, иногда весьма продолжительный, — это период возникновения и кристаллизации, когда цивилизация зарождается, принимает различную форму и образ, утверждает свою культурную и политическую автономность и общий язык. Затем наступает фаза процветания, когда цивилизация полностью развивается и раскрывается ее творческий потенциал. Этот период обычно относительно короток (Данилевский оценивал его в 400—600 лет) и заканчивается, когда запас творческих сил исчерпывается. Недостаток творческих сил, застой и постепенный распад цивилизации означает конечную фазу цикла. Как полагал Данилевский, европейская (герма-

[191]

но-романская) цивилизация вошла в фазу вырождения, что выразилось в нескольких симптомах: растущем цинизме, секуляризации, ослаблении инновационного потенциала, ненасытной жажде власти и доминирования над миром. В будущем предстоит расцвет русско-славянской цивилизации. Таков финал несколько этноцентричной историософии Данилевского.

Еще одна, заслуживающая внимания теория истории человечества принадлежит Освальду Шпенглеру (1880—1936). Его наиболее известная работа «*Закат Европы*» вышла в свет в 1918 г. С точки зрения Шпенглера, в истории нет линейного процесса, есть, скорее, ряд отдельных, уникальных «высших культур», «процветающих на фоне определенного ландшафта, к которому они привязаны как растения». Реализовав «всю сумму возможностей в форме людей, языков, догм, искусств, государств, наук, они умирают» (374; 106). История является «коллективной биографией таких культур».

Каждая индивидуальная культура переживает циклы детства, юношества, зрелости и старости: она возникает, растет и, выполнив свое предназначение, умирает. Фаза упадка именуется «цивилизацией». Агонизируя, культура проявляет определенные характерные качества: космополитизм вместо местной перспективы, городские связи вместо кровных уз, научный и абстрактный подход вместо естественной религиозной чувственности, массовые ценности вместо народных, деньги вместо истинных ценностей, секс вместо материнства,

политика грубой силы вместо консенсуса. Такое состояние упадка или агонии может длиться долго, но когда-то она обрекается на распад и исчезает.

Шпенглер выделил восемь «высших культур»: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, классическую (греко-римскую), арабскую, мексиканскую и западную (возникшую примерно в 1000 г. н.э.). Каждая из них имела свою доминантную тему, или «первичный символ», который воплощался во всех ее компонентах, придавая специфический оттенок образу мышления и действий, определяя характер науки, искусства, обычаев, привычек и т.д. Например, «первичный символ» греко-римской культуры — культ чувственного, тема Аполлона. В китайской культуре — это «дао», неопределенный, блуждающий, многолинейный «путь» жизни (369; 191). Для западной культуры «первичным символом» является «безграничное пространство» и концепция времени, простирающегося в бесконечность, как предназначение, Фаустовская тема. По словам Брюса Мазлиша, «очевидно, что Шпенглер ищет «дух» культуры для данного периода. Естественно, каждый дух проникает во все ее сферы. Поскольку он оживляет все компоненты культуры, постольку любой факт и событие

[192]

служат символом ее духа» (281; 328). Таков был культурный релятивизм *по преимуществу*. «Истины истинны лишь по отношению к конкретному человечеству» (цит. по: 281; 332).

Жизненный путь «высших культур» нельзя объяснить с точки зрения причинности. Скорее, это «предопределенный цикл», проявление внутренней необходимости, или судьбы, которую можно лишь угадать интуитивно. «Быстрые и глубокие изменения в истории великих культур происходят без каких-либо значительных причин, воздействий или целей» (цит. по: 369; 192). Точно так же не существует причины, по которой культуры рождаются. Возникая по вердикту судьбы, они избирают те или иные общества в качестве своих носителей или агентов.

Диагноз и предсказания Шпенглера относительно будущего западной культуры, которая уже вошла в стадию разложения, были весьма мрачны. Он считал, что основу современного ему общества составляет «мегаполис», мировой город, окруженный провинциями. «Внутри этого мира-города проживают новые кочевники, паразитирующие городские жители, без корней, без традиций, без прошлого. Городская популяция — это масса, а не люди или раса» (281; 342). Не удивительно, что в ближайшее время этот мир «будет лежать в обломках, наши железные дороги и пароходы будут мертвы, как римские дороги и Китайская стена, наши гигантские города и небоскребы окажутся в руинах, как древний Мемфис и Вавилон. История созданного технологией мегаполиса быстро движется к неизбежному концу» (цит. по: 369; 194).

Наиболее обстоятельная и исторически обоснованная теория цивилизаций и их жизненных циклов представлена трудами Арнольда Тойнби (1889—1975). В 20-томном труде «*Постижение истории*», публиковавшемся в течение 27 лет (1934—1961), он предпринял попытку обобщить весьма обширный материал, охватывающий всю писаную историю.

По мнению Тойнби, подходящей для исторического изучения единицей является не человечество в целом и не национальные государства, а промежуточные образования, которые имеют большее пространственное и временное протяжение, чем отдельные общества, и меньшее, чем все человечество. Это цивилизации, таковых в истории можно выделить двадцать одну. Список Тойнби перекликается со списком, представленным Данилевским или Шпенглером, хотя и более внушительен. Тем не менее, идея специфической, доминирующей темы в каждой цивилизации появляется вновь. Например, в цивилизации эллинов — это эстетика, хинди — религия, в западной цивилизации — наука и механическая технология.

[193]

Цивилизации возникают благодаря сочетанию двух факторов: присутствия творческого меньшинства и окружающих условий, которые и не слишком благоприятны, и не слишком неблагоприятны. Механизм рождения, равно как и дальнейшей динамики цивилизаций, воплощен в идее «вызов — ответ». Окружение (первоначально природное, а затем и социальное) постоянно бросает вызов обществу, которое усилиями творческого меньшинства изыскивает средства справиться с ним. Как только найден ответ, следует новый вызов, а на него, в свою очередь, дается новый ответ. На стадии роста цивилизации ответы успешны, так как люди предпринимают беспрецедентные усилия, чтобы решить градиозные задачи, и таким образом сотрясают «привычные устои». Однако в фазе дезинтеграции и распада творчество иссякает. Цивилизации разваливаются изнутри. «Упадок цивилизаций происходит по причине совокупного действия трех обстоятельств: недостатка творческой мощи у меньшинства, ответного ослабления подражательного инстинкта у части большинства (которое отказывается слепо копировать преуспевающую элиту) и вытекающего отсюда ослабления и утраты социального единства в обществе как целом» (цит. по: 369; 200). Дополнительный фактор — восстание «внешнего пролетариата», т. е. варваров. Как только цивилизация начинает рассыпаться, они поднимают бунт, не желая и дальше быть в подчинении. Судьба большинства цивилизаций — это всегда окончательный распад, даже если они и способны протянуть в застывшем состоянии в течение продолжительного периода. Не менее 16 великих цивилизаций уже «мертвы и похоронены».

В завершение своего анализа, не оставляя идею циклов внутри каждой цивилизации, Тойнби утверждает, что существует общая единая логика, которая проявляется на длительном отрезке времени и охватывает все их вместе взятые, — это прогресс духовности и религии. Цивилизации есть «дело рук религии». «Историческая функция цивилизации состоит в том, чтобы способствовать прогрессивному процессу все более глубокого религиозного прозрения и действовать в соответствии с этим прозрением» (427; 236).

Социологические теории циклических изменений

Циклические схемы чаще всего предлагались философами, историками или философами истории, а не социологами. Но в самой социологии также можно найти примеры циклического мышления. Два из них заслуживают особого внимания.

[194]

Вильфредо Парето: циркуляция элиты

Классический анализ социальных циклов в более узких пределах отдельных обществ дал Вильфредо Парето (1848—1923) в монументальном «Трактате всеобщей социологии» (1916).

Парето представил образ общества в виде социальной системы, которая проходит через повторяющиеся циклы — равновесие, дестабилизация, потеря равновесия и новое равновесие. Это относится к обществу в целом, ИНО то же происходили с составляющими его сегментами — политикой, экономикой и идеологией. Соответственно существуют всеобщий социальный цикл и специфические циклы: военно-политический, экономико-индустриальный и идеологически-религиозный, причем каждый из них следует одинаковой модели. Чтобы понять суть этих циклов, необходимо ознакомиться со взглядами Парето на анатомию социальной системы.]

С его точки зрения, она состоит из трех типов взаимосвязанных компонентов (переменных): «остатков», т. е. имманентно присущих человеку чувств; «интересов», т. е. объективных условий, служащих человеческим потребностям; и «производных», т. е. предписаний и рациональных объяснений/изобретаемых людьми для легитимации первых двух типов компонентов.

«Остатки» играют определяющую роль в социальной жизни. Наиболее важные из них

— хитрость и сила, представляют две альтернативные стратегии, которые люди применяют для достижения своих целей. «Остатки» «комбинаций», относящиеся к классу 1, характеризуются способностью к открытиям, предпринимательским духом, готовностью к риску, активностью, экспансивностью, стремлением к новизне и оригинальности. Противоположными им являются «остатки» постоянства агрегатов (класс 2), для которых характерны осмотрительность, осторожность, традиционализм, предпочтение ценности безопасности, стремление к стабильности и преемственности, проявление личной преданности, законопослушание и патриотизм.

| Общество неоднородно, в нем всегда есть элиты, куда входят преуспевшие в отдельных видах деятельности: политическая (правящая) элита, экономическая элита, идеологическая (интеллектуальная) элита. Характер элиты обуславливается распределением «остатков» между ее членами, в частности, соотношением «остатков» класса 1 и класса 2. Идеи и действия элиты зависят от того, какие члены в ней доминируют — с инновационными «остатками» инстинкта комбинаций или с консервативными «остатками» постоянства агрегатов.

[195]

Социальные и исторические изменения рассматриваются как циклические смены элит: их восхождение, упадок и замена. По выражению Парето, «история — это могила аристократии» (т. е. элиты всех типов). Механизм данного процесса заключается в чередовании «остатков», которые завоевывают и теряют свою главенствующую роль внутри элиты. Проследим три типичных цикла таких изменений.

В военно-политическом цикле основными действующими лицами являются сильные правители («львы») и хитрые администраторы («лисы»). Возьмем в качестве начальной точки цикла правление «львов»: оно держится на завоеваниях, войнах, территориальной экспансии, подавлении других обществ. Военные способности, лояльность, преданность сообществу и традициям ценятся превыше всего. Правящая элита насыщена «остатками» постоянства. Однако рано или поздно этого оказывается недостаточно. В мирный период для успешного управления, администрирования и организации требуются иные таланты. Люди, представляющие «остатки» комбинации («лисы»), объединяются, медленно проникают в элиту, вытесняя господство «львов», и в конце концов полностью отбирают у них власть. Так начинается вторая фаза цикла. «Лисы» отрицают «внешнюю политику», подрывают военную мощь общества, пренебрегают традиционными ценностями. Это провоцирует консервативный заговор «львов», которые объединяются и сбрасывают «лис» силой, своим самым эффективным оружием. И цикл начинается заново. «Элита, полагающаяся на силу, смелость, подавление, сменяется буржуазной, плутократической элитой, зависящей от хитрости, интриг, идеологии, и наоборот» (262; 51).

В экономической сфере наблюдается аналогичная ситуация. Индустриальный цикл вовлекает в свою орбиту «рантье» и «спекулянтов». Предположим, что первые доминируют в экономической элите. Они представляют «остатки» постоянства, ориентируясь на надежную собственность, минимизацию риска, накопление, а не на вложение прибылей, стабильный доход. Общим эффектом их политики будет стагнация или даже откат. Социальное недовольство и возмущение создают предпосылки для улучшений и реформ. «Спекулянты» — инноваторы, менеджеры, объединяются, медленно проникают в экономическую элиту и подрывают доминирование «рантье». Во второй фазе цикла растет неуверенность в будущем, хаос и аномия, неизбежно сопровождающие реформы, провоцируется консервативный заговор под предводительством «рантье», чье социальное значение усиливается и доминирование в конце концов восстанавливается.

[196]

В идеологически-религиозном цикле главными действующими лицами являются

«священники», охраняющие веру, и «скептики» — критически настроенные интеллектуалы, защищающие разум. Предположим, что в социальном сознании доминируют вера, догматизм и традиционализм, а среди идеологической элиты превалируют «остатки» постоянства. Однако рано или поздно ищущая и скептическая человеческая натура дает о себе знать: возникают новые концепции, идеи, образы, которые завоевывают все больше сторонников. Идеологический монолит ослабевает, формируется альтернативное мышление, которое медленно подрывает верховенство веры. Разум и его представители, «скептики»-интеллектуалы, одерживают победу. Эпоха науки, технологий, инструментального мышления и расчета эффективности завершает первую фазу цикла. Но затем стремление понять смысл бытия, постичь конечную истину вновь обретает былую силу. Возрождение мифического и магического мышления открывает новые возможности для «священников», а «скептики» становятся маргиналами общества. Возвращаются фундаментализм и догматизм.

Питириум Сорокин: ритмы культурных изменений

В центре циклической теории Питириума Сорокина, изложенной в четырех томах под названием «Социальная и культурная динамика» (367), находится культура, которую автор определяет как «тотальную сумму всего, что создается или модифицируется сознательной или бессознательной деятельностью двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или определяющих условия поведения друг друга» (367; 1,3). Огромное разнообразие культурных тем, попадающих под эту категорию, составляет не просто «свалку» (свободную агломерацию), а, скорее, интегрированную систему. Она достигает высшей формы интеграции, когда «каждая часть занимает предназначенную для нее позицию и уже не воспринимается как часть, а все вместе они образуют ткань, лишенную швов» (367; I, 19). В основе такого единства лежит общий «центральный принцип» («разум»), который «проникает во все компоненты, придает смысл и значение каждому из них и таким образом создает космос из хаоса разъединенных фрагментов» (367; I, 32). Центральный принцип культуры можно понимать как «культурный менталитет».

Тщательно проанализировав различные аспекты человеческой культуры — искусство, образование, этику, законодательство,

[197]

военное дело, Сорокин предложил разделить ее на два противоположных, взаимно несовместимых типа.

Каждый тип культуры имеет свою собственную ментальность; собственную систему знаний; философию и мировоззрение; свою религию и стандарты «святости»; собственные представления о том, что правильно и неправильно; форму искусства и литературы; собственные мораль, законы, нормы поведения; доминирующие формы социальных отношений; собственную экономическую и политическую организацию; и наконец, свой собственный тип человеческой личности с особым менталитетом и поведением (367; I, 67).

Два противоположных культурных типа — «умозрительный» и «чувственный». Это идеальные типы, которых не найти в чистом виде ни в одну эпоху. Промежуточная форма между первым и вторым обозначается как «идеалистическая».

Умозрительная культура характеризуется следующими признаками: 1) реальность по своей природе духовна, нематериальна, скрыта за чувственными проявлениями (например, Бог, нирвана, дао, Брахма). Она вечна и неизменна; 2) потребности и цели людей в основном духовны (спасение души, служение Господу, исполнение священного долга, моральные обязанности); 3) для удовлетворения этих целей предпринимаются усилия по освобождению личности от чувственных соблазнов, повседневных земных забот. Отсюда вытекают по меньшей мере два вывода: истина постигается лишь посредством внутреннего опыта (откровения, медитации, экстаза, божественного вдохновения), и потому она абсолютна и вечна; идея добра коренится в нематериальном, внутреннем, духовном, в сверхчувственных ценностях (вечная жизнь, Град Господень, слияние с Брахмой).

Посылки второго типа («чувственной культуры») прямо противоположны: 1) реальность по своей природе материальна, доступна чувствам, она перемещается и постоянно изменяется: «Становление, процесс, изменение, поток, эволюция, прогресс, трансформация» (367; I, 73); 2) потребности и цели людей чисто плотские, или чувственные (голод и жажда, секс, убежище, комфорт); 3) для удовлетворения этих целей необходимо использовать внешнее окружение. Отсюда также вытекают два вывода: истина может быть найдена лишь в чувственном опыте, и потому она имеет временный и относительный характер. Добро коренится в чувственных, эмпирических, материальных ценностях (удовольствие, наслаждение, счастье, полезность), и потому моральные принципы гибки, относительны и зависят от обстоятельств.

Промежуточная, «идеалистическая культура» представляет собой сбалансированное сочетание умозрительных и чувствен-

[198]

ных элементов. Она признает, что реальность и материальна, и сверхъестественна; потребности и цели людей и телесны, и духовны; удовлетворение целей требует как улучшения самого себя, так и трансформации окружения. Короче, «признавая идеальный мир высшим, она не объявляет чувственный мир простой иллюзией или негативной ценностью; напротив, поскольку чувства находятся в гармонии с идеальным, они обладают позитивной ценностью» (367; I, 75).

Сорокин применил свою аналитическую типологию к историческому процессу, рассматривая основную модель исторических изменений в циклических терминах. «Социокультурные флуктуации, т. е. повторяющиеся процессы в социальной и культурной жизни и в человеческой истории, — это основной объект настоящего исследования» (367; I, 153). «Большинство социокультурных изменений имеют характер постоянно изменяющихся, периодически повторяющихся процессов» (367; ГУ, 73). Процессы часто меняют свое направление и повторяют сами себя. «На короткое или длительное время, в одной и той же или в нескольких социальных системах процесс движется в определенном количественном, качественном или пространственном направлении, или во всех этих направлениях, достигает «точки насыщения», а затем зачастую идет в обратном направлении» (367; I, 170). Подобные флуктуации наблюдаются на самой широкой шкале истории, которая как бы разделена на эпохи, эры, периоды. Наиболее важным принципом такой периодизации является смена доминирующих типов культурного менталитета и культурных систем: повторяющаяся последовательность умозрительной, идеалистической и чувственной культур.

Автор реконструировал исторические «волны» и «флуктуации» внутри греко-римской и западной культуры, охватывая своим исследованием диапазон в более чем 2500 лет. Оказывается, циклы означают не полное повторение, а скорее новое воплощение лежащих в их основе принципов. Кроме того, они не следуют постоянному ритму и не имеют равной длительности. «История повторяется, но ее темы выступают во все новых вариациях, когда изменяются не только содержание, но ритм и темп» (367; I, 201—202). В результате мы получаем периодизацию западной истории, представленную в табл. 10.1.

Причинный механизм, лежащий в основе «суперритма умозрительной — идеалистической — чувственной фаз в греко-римской и западной системах культуры» (367; IV, 737), состоит в исчерпании возможностей, истощении творческого потенциала каждой последующей системы. «Исчерпав свой творческий фонд по-

[199]

Таблица 10.1 Периодизация истории по Сорокину

Греция, VIII—VI века до н.э.

Умозрительная

Греция, V век до н.э.

Идеалистическая

Рим, IV век до н.э. — IV век н.э.

Чувственная

Европа, IV—VI века н.э.
Европа, VI—XII века н.э.
Европа, XII—XIV века н.э.

Идеалистическая
Умозрительная
Идеалистическая

Европа, XIV век н.э. — по настоящее время

Чувственная

знавательных, моральных, эстетических, политических и других ценностей, система продолжает доминировать уже не благодаря творческому дару, а просто по инерции, обманом, принуждением, трюками и псевдоценностями. Она должна прийти в упадок, будучи выхолощенной, часто вредной и бесполезной для ее членов и человечества в целом» (368; 435). Это открывает возможности для возникновения альтернативных систем, которые используют собственные потенциалы до того момента, пока они также не будут исчерпаны, и весь процесс повторится. Раскрытие потенциалов каждой системы зависит в первую очередь от действий ее членов, она трансформируется изнутри силой человеческой деятельности. Сорокин выдвинул принцип имманентной причинности. Но внешние факторы также могут играть определенную роль, ускоряя или замедляя, облегчая или затрудняя внутреннее развитие культурных систем.

Диагноз, поставленный Сорокиным западной цивилизации, весьма неблагоприятен. С его точки зрения, чувственная фаза, в которой она пребывала в течение нескольких столетий, достигла крайней степени насыщения, что вызывает множество негативных, патологических явлений и приводит к общему культурному упадку. Человечество прошло путь от красоты средневековой церковной музыки до «какофонии джаза», от готических соборов до современных трущоб, от скульптур Микеланджело до порнографических журналов, от поэзии Байрона до шпионских триллеров. Сорокин в отчаянии от того, что в современном искусстве «проститутки, уголовники, бродяги, психи, лицемеры, жулики и другие асоциальные типы стали излюбленными «героями» (цит. по: 45; 337). Его прогноз на ближайшее будущее весьма пессимистичен.

1. Наступит моральная и эстетическая анархия.
2. Люди будут овеществлены, к ним начнут относиться как к механизмам.

[200]

3. Утратится моральный и интеллектуальный консенсус, воцарится хаос мнений и верований.

4. Социальный порядок будет поддерживаться лишь принуждением, а политическое право будет легитимировано силой.

5. Свобода выродится в пустые лозунги, направленные на то, чтобы сбивать с толку и поработать массы.

6. Продолжится распад семьи.

7. На смену высокому искусству придет массовая культура самого низкого пошиба.

8. Качество жизни и общие жизненные стандарты будут снижаться.

9. Возрастет социальная патология.

10. В политической жизни будут доминировать апатия, мелочный эгоизм, уход в частную сферу.

Действительно, неприглядная картина. Тем не менее, в более отдаленной перспективе логика исторического процесса, о которой говорил Сорокин, дает основания к оптимизму. Новая умозрительная фаза неизбежна. «Произошел сдвиг от увядающей умозрительной к расцветающей чувственной фазе, но такой же сдвиг может произойти от нашей выродившейся чувственности к новой и сильной умозрительности» (367; I, xiii). Циклическая теория в равной степени может питать как крайний пессимизм, так и предельный оптимизм, поскольку, согласно логике цикла, рано или поздно неизбежно появятся высшая и низшая точки человеческих достижений.

11. Исторический материализм

Эволюционистские и гегельянские корни

В настоящей главе мы обратимся к другому видению истории, которое, несмотря на его тесную связь с эволюционизмом, должно рассматриваться отдельно. Речь идет об историческом материализме, представленном в работах Карла Маркса, Фридриха Энгельса и их многочисленных последователей.

Теория Маркса уходит корнями в интеллектуальную атмосферу XIX в. Маркс разделял все фундаментальные научно-теоретические догадки своей эпохи, согласно которым человеческая история есть «естественный», т. е. регулярный и познаваемый процесс, и в качестве такового, подобно всем другим областям реальности, должна быть предметом теоретического анализа с целью выяснения ее законов. Научный подход позволит выявить тенденции в исторических событиях даже на самой широкой исторической шкале, и это, в свою очередь, позволит людям управлять своей судьбой. Конечная цель Маркса состояла в определении «железных законов» человеческой истории для того, чтобы формировать ее в прогрессивном направлении. Свое жизненное кредо он выразил в одиннадцати *«Тезисах о Фейербахе»* (1845): «Философы лишь различным образом *объясняй* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (278; 30).

Некоторые основные положения Маркса относительно истории просто повторяют эволюционистское кредо. Так, (1) он твердо верил в прогресс как общее направление исторического процесса и разделял оптимизм эволюционистов, подчеркивая постоянное улучшение общества. (2) Маркс считал, что движущие силы истории имеют имманентный, обусловленный внутренними причинами характер, и рассматривал ее как последовательное прохождение вполне определенных стадий по единому пути (хотя признавал некоторые исключения и отклонения от общей траектории, скажем, то, что он называл «азиатским способом производства»). Наконец, (4) Маркс рассматривал в качестве важнейшей черты истории растущую сложность и дифференциацию обществ,

особо выделяя разделение труда. Таким образом, некоторые работы основоположников марксизма полностью соответствуют идеям классического эволюционизма. Например, *«Происхождение семьи, частной собственности и государства»* Энгельса (1884) представляет собой просто расширенный комментарий и дальнейшую разработку эволюционной теории Льюиса Моргана.

Истинная специфика исторического материализма по сравнению с эволюционизмом выявляется лишь тогда, когда Маркс обращается к учению Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770—1831), в частности, к его концепции диалектики. В крайне запутанной интерпретации истории, излагаемой Гегелем в *«Феноменологии духа»* (1807) и *«Лекциях по философии истории»* (1832). можно выделить два аспекта. Во-первых, форму, модель или логику исторического процесса, иначе говоря, то, что в изначальном смысле подразумевается под диалектикой. Во-вторых, субстанцию, указывающую на силы и деятелей (агентов), движущих историю вперед. Гегель вводит для обозначения этой субстанции идеалистическое понятие «Geist» («Дух»)*. Маркс подходит к Гегелю избирательно: воспринимает его идею диалектики, но отвергает идеалистическое содержание теории. Следуя другому немецкому философу того времени Людвигу Фейербаху (1804—1872), он «разработал свою собственную материалистическую философию как инверсию гегельянства, поставив философию Гегеля с головы на ноги» (29; 12)**.

Идея Гегеля о диалектическом пути (форме, модели) истории включает следующие положения, каждое из которых можно также найти в работах Маркса.

1. Развитие истории имеет направленный, восходящий, прогрессивный характер. «По

утверждению Гегеля, если взять мировую историческую перспективу, то мы увидим, что в кажущемся хаотическом множестве событий существует внутренний логос, который принимает телеологическую форму. Повествование, или «история», должна быть открыта в истории» (43; 18). История оптимистична: Дух ведет ее к истинной и конечной цели — полной реализации свободы (43; 18).

2. Историческое развитие представляет собой не линейный, прямой и непрерывный путь, а процесс, сопровождающийся провалами, отступлениями, переворотами, обретая свою прогрессивную суть лишь в конечном счете. «Самореализация и самоис-

* У Гегеля: Абсолютный Дух. (Ред.)

** Эта мысль в действительности принадлежит В.И. Ленину. (Ред.)

[203]

полнение Духа возможны только через самоуничтожение... История разворачивается по сценарию постоянной борьбы и самоуничтожения, в котором все социальные институты уничтожаются и конструктивно преодолеваются» (43; 21). Метафора расширяющейся спирали объясняет идею истории: процесс движется вперед и назад, но когда, вроде бы, возвращается в прежнее состояние, то на самом деле оказывается на более высоком уровне. Революции, происходящие в рамках каждого цикла, подвигают общество на следующие ступени прогресса, даже если имеет место временный регресс.

3. Историческое развитие — это не постепенный, гладкий и кумулятивный процесс. Оно характеризуется специфическими прорывами, благодаря которым основное качество движения радикально и быстро изменяется. Такие прорывы, или качественные переломы, делят историю на естественные стадии, или фазы.

4. Применительно к различным историческим горизонтам действует тройная модель стадий. На всеобщей мировой шкале Дух проходит предысторию первобытного существования, затем через фазу зависимости и рабства, сопровождаемую борьбой за освобождение (все это, по Гегелю, является началом основания государств), к конечной фазе, в которой достигает полной свободы, самореализации и самопознания. Эта логика триады напоминает библейскую триаду Эдема, земного проклятия и искупления, конечного спасения на Небесах. На более короткой временной шкале, внутри каждой из эпох, отмечающих стадии этого эпического цикла, также можно различить три подфазы: восхождение, реализацию и упадок, подготавливающий почву для открытия следующего цикла на более высоком уровне.

5. Исторический процесс протекает под действием имманентных, эндогенных сил. «Дух является принципом самоактивности» (43; 21). Другими словами, он создает причины для собственной трансформации.

6. Эти имманентные силы обнаруживаются в принципе отрицания: противоречий, напряженности, конфликтов и их разрешения. Дух отягощен постоянной борьбой, это «война с самим собой». «Самореализация и самонасыщение Духа имеет место лишь через саморазрушение... Но энергия отрицания выражается не в бессмысленном разрушении: это средство, с помощью которого реализуется прогрессивное развитие к конкретной свободе» (43; 21).

7. Исторический процесс протекает на разных уровнях. Актуальные исторические события направляются «хитростью разума», что непреднамеренно создает всеобщую прогрессивную тенденцию на всемирно-историческом уровне Духа. Здесь истинная ис-

[204]

торическая тенденция проявляет себя как постоянная и необходимая, несмотря на многочисленные конкретные исторические случайности.

Таков диалектический каркас, на котором «крепится» история. В оригинальной версии Гегеля автономная история Духа, разворачивающаяся на своем собственном

метафизическом уровне, попросту отражала действительные исторические факты. Знаменитая реплика Гегеля о Наполеоне на поле битвы во время победы под Веной — «Дух на коне» — как нельзя лучше иллюстрирует эту точку зрения. «Когда ему случалось ссылаться на исторические события, он делал это только для иллюстрации. Факты истории лишь обеспечивают комментарии к «Феноменологии». Конечно, поскольку процесс необходим, в действительности он раскрывается в мировой истории, но может быть объяснен, полагает Гегель, безотносительно к тому, что происходит в реальности» (330; II, 148).

Маркс считал этот подход неприемлемым и предпринял попытку перефразировать его в материалистических терминах, т. е. применительно к миру как объективно существующему, включая природу, общество и человека. Для него история — это не самораскрытие или самовоплощение Духа, а лишь последовательность изменений человеческого общества. Ее движущий принцип надо искать в «человеческой чувственной деятельности, практике» (278; 28). Диалектика была «спущена на землю» и приспособлена в качестве инструмента для объяснения реального, человеческого мира.

Образ истории по Марксу: трехуровневая реконструкция

Образ истории, как и остальная часть наследия Маркса, претерпел существенные трансформации в результате деятельности поколений его интерпретаторов и последователей. Марксисты по-разному использовали проделанную им реконструкцию исторического процесса. Многочисленные версии исторического материализма, составляющие широкий спектр от «догматического марксизма» Сталина (1879—1953) до «активной интерпретации» Грамши (1891 — 1937), всегда обращались к авторитету Маркса в качестве первоисточника, даже если их версии резко отличались друг от друга, были взаимно несовместимы, а иногда и прямо противоположны. По словам Стивена Лукеса, «марксистская традиция является не монолитным единством, а сферой соревнования» (250; 2).

[205]

Метатеоретический взгляд на непростую судьбу теории Маркса позволяет проследить ее в двух ответвлениях.

Большинство исследователей (особенно критики или противники) Маркса утверждают, что его теория исторического материализма внутренне несостоятельна. Отмечаются противоречия между работами «молодого» и «зрелого» Маркса, между отдельными положениями теории, подчеркивается двойственность подходов, применяемых им к анализу социальной жизни и истории. Такую интерпретацию можно назвать «враждебной».

Но существует также альтернативное, «симпатизирующее объяснение». Девизом для него можно взять ироническое высказывание Р. Арона: «Если бы не было миллионов марксистов, не возникло бы и вопроса о том, каковы были главные идеи Маркса» (25; I, 145). Такая интерпретация ставит под сомнение многие упреки, адресованные Марксу. Действительно, разве нельзя предположить, что часть из тех ошибок, которые приписывают Марксу, на самом деле принадлежит не ему, а его последователям? Может быть, это именно они однобоко освещали проблему, а сам Маркс был приверженцем синтетического, многомерного взгляда на общество? И разве не выхватывали из его учения позднейшие теоретики, в угоду собственным представлениям о реальности, одну из его сторон, касающуюся либо процессов и структур, либо индивидуальных действий, тогда как Маркс рассматривал их не как взаимоисключающие альтернативы, а как дополняющие друг друга факторы? То, что сторонники «враждебного объяснения» называют противоречиями и трактуют как недостаток, авторы «симпатизирующей интерпретации» называют многомерностью и считают это главным достижением Маркса, сумевшего предвидеть гораздо более позднюю эволюцию социологической теории к единому многогранному образу социального мира.

Реконструкция исторического материализма, которую я собираюсь представить в

этой главе, будет лишь одной из многих интерпретаций Маркса в русле «симпатизирующего подхода».

Я исхожу из того, что в итоге своей многолетней работы Маркс предложил органически целостный взгляд на историю, создал грандиозное интеллектуальное поле для исследований в самых разных направлениях, причем содержательный «вес» его вклада не имеет себе равных и потенциально адресован самым разным аудиториям.

Мое основное положение заключается в том, что исторический материализм является многомерной теорией, разработанной на трех различных уровнях: всемирно-историческом, социально-структурном и индивидуальном. Иначе говоря, исторический

[206]

материализм включает три взаимосвязанных частных теории: теорию общественно-экономических формаций на высшем уровне; теорию классовую борьбу на среднем уровне; и теорию человеческого индивида-личности («человеческого бытия»), если использовать выражение Маркса) на нижнем уровне. Они не только имеют дело с разными материальными субъектами, не только размещаются в разных местах его сочинений, но и сформулированы на разных языках. В одних случаях (таковы, например, фрагменты теории классов и теории личности) используется конкретно-эмпирический язык, с помощью которого Маркс описывает феномены, наблюдаемые более или менее непосредственно: людей, их активность, формируемые ими группы, продукты их труда и т.д. Примеры подобных конкретно-эмпирических рассуждений можно найти в работах *«Классовая борьба во Франции»* (1850), *«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»* (1852), *«Гражданская война во Франции»* (1871) и в некоторых других. Но вскоре, опираясь на эмпирическую реальность, он отваживается искать ее механизмы или «законы движения», причем место эмпирического языка занимают абстрактно-теоретические рассуждения. Основное содержание его работ (например, теория общественно-экономических формаций, большие фрагменты теории классов и некоторые части теории «бытия человека» и отчуждения) включает рассуждения подобного рода, где главные концепции не имеют непосредственных, прямых ссылок на эмпирию, но являются конструкциями, моделями, идеализациями, полезными для организующего опыта. На этом уровне речь идет не о людях или группах, а о «прибавочном продукте», «производственных отношениях», «экономическом базисе», «надстройке», «классовом сознании», «объективном классовом интересе», «классе для себя», «отчуждении», «материализации» и т.д. *«Капитал»* (1867), *«Немецкая идеология»* (1846), *«Критике политической экономии»* (1859) — примеры именно такого стиля мышления.

Три теории, которые мы выделили, составляют прочно сколоченное, иерархическое здание. Они связаны отношениями интерпретации (сверху вниз) и отношениями агрегации (снизу вверх). Если спускаться по ступенькам этого здания, то можно обнаружить, что теории нижнего уровня объясняют механизмы процессов, протекающих на верхних уровнях, — они дают более конкретную эмпирическую интерпретацию требований, выдвигаемых там. Поднимаясь по ступеням, можно заметить, что теории верхнего уровня описывают объединяющие эффекты процессов, идущих на нижних уровнях, обобщая их ненамеренные и зачастую неосознанные результаты.

[207]

Объяснением механизма изменений общественно-экономических формаций служит теория социальных классов. Например, общее положение о неизбежном самоуничтожении капитализма наполняется «эмпирической плотью» путем введения механизма обнищания и мобилизации рабочего класса, которые заканчиваются его выступлением в антикапиталистической революции. Раймон Арон так комментирует эту мысль: «Механизм

самоуничтожения капитализма является социологическим и действует через поведение социальных групп» (25; I, 174). Но, в свою очередь, причины, по которым классы возникают и борются друг с другом, могут быть найдены лишь на нижнем уровне, в теории индивидуальностей и их действий. Именно эта теория приписывает человеческим существам определенные свойства, «энергию», надежды и объясняет, почему, сталкиваясь с отчуждением и лишениями, они с готовностью поднимаются на революционные действия. Если мы пойдем мысленно снизу вверх, то снова станут видимыми три ступени: освободительные усилия отчужденных индивидов подталкивают их к объединению на основе сходства их экономических интересов, в результате чего возникают классы. Высшей точкой нарастающей, усиливающейся борьбы между классами является социальная революция, которая приводит к смене всей общественно-экономической формации.

Давайте проследим применение такой тройственной теоретической конструкции ко всем основным областям социальной динамики. Во-первых, существуют три видения будущего, к которому движутся общества, три финальных состояния, которые берутся в качестве критерия прогресса. На всемирно-историческом уровне Маркс прогнозировал возникновение коммунизма, т. е. полного изобилия экономических товаров, поддерживаемого взрывным развитием «производительных сил» (технологий), уничтожением частной собственности и отмиранием государства. На социально-структурном уровне он предсказывал установление бесклассового общества, реализующего принцип «каждому по потребностям». На уровне индивидуальных действий он надеялся на ликвидацию полного отчуждения членов общества, т. е. на достижение полной свободы: негативной («свобода от...»), освобождающей от всех структурных сдерживающих связей, и позитивной («свобода для...»), позволяющей формировать социальную организацию и институты в соответствии с собственной волей.

Аналогично этому существуют три курса, которым следуют социальные изменения, три направления, по которым расширяющаяся спираль как модель движения общества реализует себя в истории. На всемирно-историческом уровне движение идет от

[208]

общественной (общинной) собственности и примитивных форм самоуправления через частную собственность и политическое правление к коммунистической экономике и политическому равенству, «свободной ассоциации свободных производителей». На социально-структурном уровне — от доклассового сообщества через разделенное на классы общество к бесклассовому обществу. На уровне индивидуальных действий — от примитивной спонтанности через отчуждение и овеществление к неотчужденности, эмансипации и свободе.

Кроме того, существуют три понятия революции, отражающие кардинальные качественные изменения в ходе истории. На всемирно-историческом уровне — это фундаментальные преобразования всей общественно-экономической формации; на социокультурном — замена правящего класса противостоящим ему, и бесправным классом; на уровне индивидуальных действий — массовые коллективные акции, в которых интересы (в первую очередь экономические) одних преобладают над интересами других ;

Понятие «интерес» также имеет три значения. На всемирно-историческом уровне системные интересы имеют объективную природу и зависят от их места в общественно-экономической формации, в системе производства. На социокультурном уровне классовые интересы начинают восприниматься как субъективные, и их осознание преобразуется в классовое сознание. На уровне индивидуальных действий интересы означают намерения, мотивации, личные цели (среди них высшие цели — экономические).

Существует также триединый диалектический механизм изменений, коренящийся во внутренне присущих напряженности, давлении и возможности революции. На всемирно-историческом уровне — это объективные противоречия между компонентами

(«сегментами») общественно-экономической формации; на социокультурном уровне — это конфликт классов, развивающийся по схеме: от объективных классовых противоречий через осознание классового антагонизма и классовой ненависти к открытой классовой борьбе и революционному взрыву; на уровне индивидуальных действий — творческий порыв (толчок), сковываемый естественными или социальными обстоятельствами, постоянными попытками противостоять таким порывам, которые в конце концов приводят к усилению контроля человека над природной и социальной средой.

Наконец, существуют три типа (модели) причинной детерминации, действующие на разных уровнях. Ответ на важный вопрос, являются социальные изменения необходимыми или случайными, полностью обусловленными или отчасти стихийными,

[209]

законченными или открытыми, зависит от теоретического уровня, на котором он ставится. Так, на всемирно-историческом уровне Маркс признавал наличие устойчивого детерминизма. Всемирно-исторический процесс рассматривался им как необратимый, проходящий определенные, в принципе одни и те же стадии и неизбежно ведущий к утверждению коммунизма. На социокультурном уровне детерминизм значительно ослабевает. Классы предпринимают коллективные действия, руководствуясь своими экономическими интересами, стремясь утвердить или защитить себя. Они могут недостаточно осознавать свои интересы, могут ошибаться в их определении. Иногда их вводят в заблуждение и обманом подталкивают к действиям безответственные лидеры, демагоги, *провокаторы*. Во всех этих случаях классы действуют вопреки собственным экономическим интересам. На уровне индивидуальных действий всегда имеет место изрядная доля волюнтаризма, свободы выбора, спонтанности решений, обусловленности и случайности. Действия непредопределены. В принципе каждая личность может действовать против своих экономических интересов. Некоторые так и делают, принимая во внимание другие соображения (например, эмоциональные, традиционалистские, идеологические). Однако в целом люди рациональны, и их экономические расчеты обеспечивают базовые предпосылки формирования их намерений, мотиваций и целей. Таким образом, несмотря на то, что каждая личность в отдельности может недостаточно четко осознавать смысл своих действий, все же в массе, в коллективных действиях экономический детерминизм преобладает. Каждый свободен выбирать, но можно точно предсказать, какой выбор предпочтет большинство.

Итак, Маркс считал, что исторические изменения постепенно распространяются на все три уровня. Этот процесс начинается на самом нижнем уровне — там, где сосредоточена движущая сила всех социальных и исторических сдвигов. Каждая личность есть свободный субъект, принимающий собственные решения. Но в своих действиях люди должны учитывать структурные условия, в которых они находятся. Чаще всего в расчет принимаются экономические интересы, которые объединяют индивидов в социальные классы. Для защиты своих экономических интересов они начинают классовую борьбу. Прогрессивные классы, чьи интересы направлены на развитие «производительных сил» (современных технологий), побеждают и устанавливают новые формы производства. Так завершается фундаментальная трансформация всего общества, т. е. социальная революция. Затем вся история повторяется.

[210]

Такова упрощенная картина, и ее надо теперь наполнить деталями, реконструируя основные идеи Маркса применительно ко всем трем уровням.

Уровень индивидуальных действий: теория «бытия человека»

Базовым онтологическим основанием общества являются индивиды. Это общее

положение роднит Маркса с большинством социальных мыслителей, рассматривающих индивидов в качестве отправной точки социальной теории. «Предпосылки, с которых мы начинаем, — писал он, — это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем» (цит. по: 258; 127— 128).

Здесь рассуждения на уровне «здравого смысла» заканчиваются и предлагается в высшей степени оригинальная концепция индивида. Главное в ней заключается в том, что человеческая природа характеризуется не постоянным набором универсальных свойств, а отношениями людей к окружающему их природному и социальному миру, т. е., иначе говоря, она производна от данных отношений. Сугубо человеческие способы включения в окружающий мир универсальны и постоянны, но их форма может варьировать, благодаря чему достигается историческое и культурное разнообразие. Относительность человеческой природы универсальна, субстантивна, исторична и идиосинкразична. На мой взгляд, знаменитый шестой тезис о Фейербахе в данном случае вполне уместен, «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»* (278; 29). Современный комментатор понимает этот тезис следующим образом: «Суть в том, что, конечно, человеческая природа не то свойство, которое сродни эгоизму «экономического человека», она кроется в отношениях между людьми» (378; 95).

Маркс определял человеческую природу с помощью двух типов отношений. (Для облегчения дальнейшего обсуждения я буду называть их «участие» и «творчество».) Характеризуя первый, он сконцентрировал внимание на отношениях человека с другими

* Марксово «Ensemble» современные переводчики чаще переводят не «совокупность», а «ансамбль». (Ред.)

[211]

людьми («социальные отношения» в прямом смысле). Но они могут быть расширены за счет гармоничного включения в мир природы. На это Маркс обращал особое внимание, характеризуя второй тип. Но опять-таки и данный аспект может быть расширен за счет личностного отношения к другим людям* и социальным объектам, что выражается, например, в стремлении к изменениям, согласию с другими, в реформировании социальных организаций, создании новых групп и т.д. Так участие и творчество обнаруживаются в двух контекстах человеческой жизни: социальном (другие люди) и естественном (объекты).

Ввиду того, что Маркс особо подчеркивал отношения участия, его концепция является не психологической, а социологической. Вообще существует всеобщее заблуждение относительно того, что сосредоточение внимания на индивиде составляет исключительную прерогативу психологии, поэтому было бы ошибкой считать, будто Маркс пренебрегал изучением индивида. Дело в том, что индивид может рассматриваться с разных точек зрения. Для психолога индивид как таковой — главный предмет исследования, и в центре внимания оказывается личность в ее когнитивном, эмоциональном, волевом, мотивационном аспектах. Для социолога предметной областью служат специфические надындивидуальные или межиндивидуальные проявления: взаимодействие, социальные отношения, социальные коллективы, сообщества, группы и т.д. Таким образом, для социологии индивид является предметом анализа только в контексте его вплетенности в более широкую социальную ткань. С социологической точки зрения индивидуальная воля рассматривается как абстрактный, одномерный «срез» личности: участник социальных действий и отношений; партнер в социальном взаимодействии; член социального коллектива или группы; носитель определенной социальной позиции; исполнитель социальной роли. Следовательно, для социологии человеческая природа ограничивается способностями деятеля, партнера, участника, члена коллектива, облеченного обязанностями, или исполнителя.

Прямые доказательства социологического подхода Маркса к изучению индивидов можно найти в его многочисленных высказываниях о том, что люди (капиталисты, крестьяне, пролетарии) интересуют его лишь как представители социальных классов (члены определенных специфических групп), или как воплощение экономических категорий (как лица, занимающие определенные

* Автор использует здесь понятие «Attitude», т. е. психологическая установка, что существенно для понимания этого фрагмента. (Ред.)

[212]

позиции в системе производства и распределения) или исторических тенденций (носители более широкого исторического процесса). Маркс неоднократно подчеркивал равную ценность и человека, и общества. Не существует личности вне общества; каждый индивид бесчисленными связями и взаимозависимостями связан с другими людьми, иными словами, социальные связи произрастают из человеческой природы. «Человек..., — писал Маркс, — не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться. Производство обособленного одиночки вне общества... — такая же бессмыслица, как развитие языка *совместно* живущих и разговаривающих между собой индивидов» (276; 17—18).

Социологический подход в еще большей степени предполагает изучение различных видов человеческой деятельности. Специально направляемая активность формирует социальную деятельность; взаимно ориентированная и координированная активность составляет взаимодействие; постоянная, регулярная активность *vis-a-vis* двух персон вовлекает личности в социальные отношения; активность, при помощи которой устанавливаются связи с другими людьми (в том числе дистанция или враждебность), делает индивида членом социальной группы; уникальный набор деятельностей, видов активности определяет социальную позицию (например, род занятий) или ограничивает социальную роль. Для реализации этих типов активности индивиды должны обладать специфическими способностями, умениями, мастерством, талантами. «Анализ социальных действий может начаться с модели, а затем с вопроса, какой вид деятелей для этого нужен» (194). Другими словами, свойства того или иного действия вытекают из свойств чисто человеческой активности — активности участия. Это положение очень четко подметил Грамши: «Можно сказать, что человек в сущности своей является «политическим», поскольку благодаря активности по преобразованию и постоянному побуждению других людей он реализует свою «человечность», свою «человеческую природу» (161; 360).

Второй тип чисто человеческого отношения к окружающему («творчество»), как не трудно заметить, также формируется благодаря специфической активности. В творчестве индивиды выражают свою внутреннюю «мощь», способности, таланты, производя объекты, в которых утверждают себя, раскрывают свой потенциал. Человек воспроизводит себя не только интеллектуально, в сознании, но и деятельностно, в реальности. Тем самым у него появляется возможность взглянуть на свой образ в мире, который он сам создал (258; 142).

[213]

Маркс отчетливо сознавал, что именно свойства человеческой деятельности могут быть ключом к разгадке природы человека; он рассматривал людей как прекрасных актеров (344; 139). Маркс четко заявил, что сущность индивидов заключается в том, как они выражают свою жизнь (279; 64). Он развивал эту мысль далее, подчеркивая, что характер человеческого вида определяет свободная сознательная деятельность (277; I, 553). И здесь он снова явно перефразировал Гегеля, для которого «Разум, или Дух, — нечто отдельное от его деятельности, его природа проявляется только в ней и существует до тех пор, пока проявляется таким образом» (329; 63). Как замечает современный комментатор, «по

Марксу, человеческое существо выражает себя в деятельности такого вида, т. е. качества и объема, который присущ лишь человеческой деятельности» (320; 84).

То, что деятельность — это первичное измерение человеческого существования, в еще большей степени подчеркивали представители «деятельностного марксизма». На вопрос: «Что есть человек?», Грамши отвечал: «Мы подразумеваем под этим то, чем стал человек, т. е. может ли он управлять своей судьбой, может ли «сделать себя», создать собственную жизнь? Мы, таким образом, уверены, что человек есть процесс, точнее, процесс своих действий» (161; 351).

Рассмотрим, какое содержание вкладывал Маркс в понятие «деятельность».

1. Деятельность имеет осознанный и целенаправленный характер. Она описывается в понятиях «средства — цели». Энгельс развивал это положение так: «... в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели» (278; 622).

2. Деятельность человека включают в себя, если использовать выражение Рома Харре, «рефлексивный мониторинг» (181). Маркс утверждал, что животное непосредственно идентифицируется со своей жизнедеятельностью, не отделяя себя от нее, тогда как деятельность человека является объектом его воли и сознания. Сознательная жизнедеятельность человека принципиально отличается от активной деятельности животного» (277; I, 533).

3. Прежде чем действовать, человек обдумывает, планирует то, как и что он будет делать. «... самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове» (274; I, 174).

[214]

4. Согласно Марксу, человек отличается от животного «не только тем, что изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» (274; I, 174).

5. Деятельность человека активна, она направлена на то, чтобы изменить мир природы или других людей, создать нечто новое. Для Маркса труд есть творческая активность *par excellence* (по преимуществу).

6. Деятельность коллективна, всегда связана с другими людьми, ориентирована на них, зависит от них, координируется и сталкивается с ними и т.д. «Всякое производство, — писал Маркс, — есть присвоение индивидом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее» (275; 230). Данная характеристика может быть распространена на всю человеческую деятельность.

Для того чтобы действовать подобным образом, человек-деятель (действующий индивид) должен обладать рядом способностей, умений, навыков. Одним удается контролировать действия, другие ограничиваются сохранением некоторой самостоятельности перед лицом внешнего давления, т. е. давления со стороны окружающих. И здесь решающее значение имеют такие качества, как стремление к новшествам, ориентация на социум, вполне совмещающиеся с целостностью личности, определенным уровнем ее независимости, непоследовательности, спонтанности, т.е. «способности действовать иным образом» (147). Все эти свойства и составляют Марксову модель (образ) «природы человека» как прирожденных задатков (потенциальных способностей) к типично человеческому действию.

Актуализация потенциальных способностей в действии влияет на сами эти способности.

Создавая «очеловеченный мир» из естественного окружения и формируя образцы социальной организации, исходя из случайных контактов с другими, люди также меняются, обогащают и совершенствуют самих себя: свои знания, способности, умения, возможности.

Творчество становится в определенном смысле самосозиданием. Джон Пламенац рассматривает Маркса как образец ученого, который разделял

ту идею, что человек творит себя сам, т. е. развивает способности, присущие его виду, в процессе жизни и работы вместе с другими людьми, формирует представления о мире и самом себе. «Человеческое» в человеке — это, скорее, достигаемое, нежели естественное условие (279; III, 34).

[215]

Такая интерпретация подтверждается многочисленными высказываниями Маркса, например, таким: «Воздействуя... на внешнюю природу и изменяя ее», человек «в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» (274; I, 173).

Все эти черты человеческой деятельности и человеческой природы наиболее сильно проявляются в процессе труда. Таков лейтмотив рассуждений Дьердя Лукача, который рассматривает труд как «модель всей социальной практики, всего человеческого поведения» (247; 11-1', 67). Маркс определял труд как фундаментальную, специфически человеческую деятельность, «жизненную активность», необходимую для выживания, воспроизводства и эволюции человеческого общества и направленную на покорение и присвоение природы, как сумму усилий, посредством которых люди модифицируют, преобразуют природу, адаптируя ее к своим потребностям.

Маркс рассматривал труд как процесс, совершающийся между человеком и природой. Человек по своему усмотрению, «своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы» (цит. по: 258; 148).

Лукач отмечает, что труд не следует относить непосредственно к природе человека; он сам может влиять на других людей (т. е. научая их, организуя и создавая цель), производя «полезные ценности» только в виде конечного опосредованного результата (247; П-1; 67).

Но какова бы ни была специфическая форма труда, он четко включает в себя две взаимосвязанные характеристики: творчество и участие. С одной стороны, труд есть объективация в продукте человеческой «мощи» и способностей, с другой стороны, он всегда имеет место в определенном социальном контексте — кооперативном, конкурентном или авторитарном. Для Лукача решающим компонентом труда являются «телеологические предположения», а в комплексной форме производства — протяженная цепь подобных «предположений». Он имеет в виду соподчиненность или последовательность предусматриваемых заранее действий, необходимых для достижения цели или осуществления проекта. Отсюда берут свое происхождение языковые понятия,

[216]

символы, поскольку они являются проекциями действий в сжатой форме, — действий, которые актуализируют определенные потенциалы человеческой ориентации в отношении природы и социального окружения (трансформирование, преобразование, завоевание, управление и т.д.) Труд, в свою очередь, влияет на работника, улучшая его способности и «мощь» для дальнейшей деятельности, направленной на его самосозидание. Такой труд, считает Пламенац, есть «деятельность, которая помогает сформировать агента так же, как и предмет, над которым он работает. Лишь через работу человек приходит к пониманию себя и управлению собой, получает образ самого себя» (329; 118). Или, если выразить то же

самое философским языком, «субъект, по мнению Маркса, формирует объект, но истинно и обратное — объект формирует субъект» (374; 169).

Не случайно, Маркс в теории отчуждения, рассматривая разрушение человеческой природы, начинал с отчуждения человека от процесса труда и лишь затем, обобщая картину, распространил это отчуждение на все проявления «Розовой природы человека». В классовом обществе «рабочий становится отчужденным от собственной деятельности и от продукта, который производит. Его собственная деятельность не воспринимается более как принадлежащая ему, и продукт его труда более не принадлежит ему» (202; 43). Это свойство труда охватывает все сферы человеческой жизни. Рисуя картину классового общества, Маркс представил ее как в искаженном зеркале, поскольку это общество, с точки зрения человеческой природы, имеет исключительно патологический характер, даже если в действительности человеческая природа все еще доминирует.

Отчуждение извращает отношения, связывающие человека с природой и с социальным окружением, разрушает творчество и участие. Человек утрачивает свое творческое начало, поскольку производительная жизнь превращается просто в средство поддержки индивидуального существования рабочего (277; I, 553). Работник не утверждает себя в процессе труда; он отрицает себя, чувствует себя несчастным, а не счастливым, не проявляет свободной игры физических и интеллектуальных сил, но умерщвляет свою плоть и разрушает сознание. Он больше не участвует в свободной кооперированной ассоциации, напротив, становится изолированным, отстраненным от других людей и враждебным им — отчужденным от своих товарищей. Так отчуждение приводит к усилению социоцентрических импульсов (тема эгоизма, атомизации), недостатку творчества (тема монотонности) и, как следствие, к отказу от управления деятельностью (тема пассив-

[217]

ности), отречению от автономии (тема овеществления, фетишизации удобств и т.д.)- Короче, налицо упадок потенций человеческого Рода. Человеческая природа становится бесчеловечной. Как полагает Эрих Фромм, Маркс считал, что человеку свойствен «принцип движения». Этот принцип не следует понимать механически, речь идет о движущей силе человека — его творческой энергии. Человеческая страсть, для Маркса, — это «сущностная мощь человека, энергично стремящегося к своему объекту» (137; 30). Дж. Макмэтри рассуждает аналогичным образом. По его мнению,

больше всего в концепции Маркса поражает генерирующая сила, которую он вкладывает в человека. Собственная природа постоянно побуждает человека к активности, подталкивает к живому материальному выражению, подлинно человеческой формой которого является неотчужденный труд, или производительная деятельность, что сродни творческому искусству (260; 35—36).

Я бы назвал этот фундаментальный механизм «человеческой тенденцией к трансценденции и самотрансценденции»: к преодолению ограничений, противостоянию давлению, борьбе с врагами, к пересечению границ, прорыву барьеров (как внешних, так и внутренних, накладываемых ограниченными человеческими свойствами) посредством интенсивной деятельности. Благо даря этому механизму начинается человеческая история, и именно он заставляет ее продолжаться далее.

Социоструктурный уровень: теория классов

Люди живут и действуют не в вакууме, а в контексте широких социальных целостностей. Крупные социальные целостности возникают с появлением сетей социальных отношений (социальных структур), связывающих отдельных индивидов. Можно утверждать, что Маркс рассматривал социальные целостности не в овеществленной форме, а, скорее, в современной манере их описания как отношений. В «Набросках к критике политической экономии» читаем: «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу» (273; 176).

Современные комментаторы считают это наиболее характерной чертой Марксовой онтологии. Например, Бертелл Оллман пишет: «В своем исследовании капитализма Маркс рассматривает каждый фактор как «определенное социальное отношение».

[218]

Это действительно камень преткновения в понимании марксизма, предметом которого является не просто «общество в целом», а «общество в его отношениях» (320; 14—15). Аналогичное замечание принадлежит Свингервуду: «Ударение делается на изучении общества как определенной структуры, внутри которой осуществляются человеческие намерения и совершаются человеческие действия» (378; 287-323).

Структурализм Маркса проявляется и на макро-, и на микроуровнях социальной реальности, т. е. в подходах как ко множествам — к социальным совокупностям, так и к индивидуальностям (382; 287-323).

Индивиды объединяются в коллективы, группы, ассоциации и т.д., когда между ними существует какое-то сходство (и, соответственно, какое-то отличие, выделяющее их среди остальных людей). Возможны различные основания для формирования социальных связей. Для Маркса самым важным основанием служила собственность, что равнозначно обладанию товарами, правда, не всеми. Есть категория товара, которая наиболее привлекательна и к которой люди стремятся из-за ее уникальной особенности: расходуясь в процессе потребления, этот товар не только не исчезает, но, наоборот, способен возрасти, расширяться, умножаться. Это и есть «средства производства»: земля, сырье, здания, инструменты, машины, капитал. Обладание ими гарантирует удовлетворение других потребностей владельцев и позволяет последовательно повышать уровень их удовлетворения. Владение собственностью или ее отсутствие становятся, таким образом, наиболее важным аспектом жизни человека, определяют положение, занимаемое им в обществе, его объективные интересы, которые осознаются как достижение определенного общественного положения, гарантирующего максимальное удовлетворение потребностей. Факт владения собственностью и вытекающая отсюда заинтересованность в сохранении или улучшении своих социальных условий объединяют собственников; отсутствие собственности обуславливает иные интересы, ориентированные на радикальное изменение своих социальных условий, формирует связи между теми, кто не владеет ничем. Так возникают социальные классы — наиболее важные для Маркса типы социальных групп. Гидденс суммирует почти общепринятое сегодня определение класса у Маркса: «Классы образуются на основе отношения групп индивидов к обладанию частной собственностью на средства производства» (146; 37).

Возникает особое социальное отношение, которое логически разделяет общество на два противоположных, полярных класса:

[219]

тех, кто имеет средства производства, и тех, кто их не имеет и потому вынужден продавать свой труд (единственную рыночную ценность, которой они обладают), чтобы выжить. Возникает полярная модель общества с собственниками, богатством и изобилием на одном полюсе и наемным трудом, нищетой и лишениями на другом: мир делится на «имущих» и «неимущих», богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу...» (278; 35—36).

Эта модель общества полна внутреннего динамизма. Маркс вычленяет по крайней мере два вида постоянных трансформаций, происходящих в модели. Одна связана со всей поляризованной структурой, другая — с ее компонентами, т. е. с оппозиционными классами. Первая имеет историческую тенденцию стирать все группировки или во всяком случае

уничтожать их стратегическое значение за исключением тех, которые основаны на различном отношении к собственности. Такая растущая поляризация достигает своего апогея в капиталистическом обществе: «... эпоха буржуазии, — писал Маркс, — отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат» (278; 36).

Помимо тенденции к поляризации существует еще одна — тенденция к росту внутренней кристаллизации классов. Маркс обозначил ее смысл как различие между «классом в себе» и «классом для себя». Общность положения, а именно положения собственника, еще не достаточна для реальных действий в качестве окончательно сформировавшегося класса. Только тогда, когда люди начинают осознавать эту общность (и, соответственно, свое отличие от других классов), возникают их объединение и взаимодействие, образуются некоторые более постоянные формы внутренней организации (например, лидерство, политическое представительство). В результате это приводит к окончательному оформлению «класса для себя», способного выражать и защищать свои интересы.

Конечный источник, стимул для постоянных процессов поляризации и кристаллизации заключается в противоречиях, внутренне присущих классовой структуре. Модель общества является отражением саморазвивающейся, самотрансформирующейся социальной реальности. Маркс описывал типичные взаимоотношения между классами как взаимную оппозицию. Можно выделить

[220]

по меньшей мере три типа такой оппозиции. Во-первых, существует объективное противоречие интересов между теми, кто имеет, и теми, кто не имеет: чем шире и полнее реализуются интересы собственников, удовлетворяются их потребности, тем труднее несобственникам реализовывать свои интересы и удовлетворять свои потребности. Это можно назвать «классовым противоречием». Во-вторых, объективное противоречие воспринимается членами соответствующих классов субъективно, что сопровождается чувством враждебности, неудовольствия, ненависти с обеих сторон. Данный тип отношений можно назвать «классовым антагонизмом». Наконец, противоречие, антагонизм проявляется в экономической, политической, культурной сферах; он способен преобразовываться в более или менее организованное коллективное действие представителей класса, направленное против противоположного класса. Классы «вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» (278; 36). В данном случае наиболее приемлем термин «классовая борьба». Именно через классовые противоречия, антагонизмы и борьбу, а также постоянные поиски их разрешения общество реализует присущую ему тенденцию к самопреобразованию.

Всемирно-исторический уровень: теория общественно-экономических формаций

Подход Маркса к социальной реальности с использованием категории «отношения» обнаруживается и на самом высоком уровне его теоретической конструкции, где он рассматривает общество в наиболее абстрактном виде. «Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным, отличительным характером» (278; 81).

Основные положения теории общественно-экономических формаций, наиболее подробно разработанные в «Капитале» (1867), Маркс часто цитировал и в предисловии к работе «К критике политической экономии» (1859):

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые

соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений

[221]

составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» (278; 182).

Данная модель социального целого (в современной терминологии «социальной системы») представлена на рис. 11.1.

Присущая Марксу динамическая ориентация в полной мере проявилась в предложенной им модели, которая предполагает непрерывные изменения, вызываемые специфическими внутренними силами и в конечном счете ведущие к полной самотрансформации общества.

«На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» (278; 183).

Большую роль в этом процессе Маркс отводил внутренним противоречиям структуры. Они возникают в трех точках: во-первых, между обществом и его природным окружением, т. е. между любым данным уровнем технологии и задачами, которые накладывают внесоциальные условия, а также биологическая конституция человека; это противоречие дает импульс постоянному развитию производительных сил; во-вторых, между достигнутым уровнем технологии и существующей социальной организацией производственных процессов, не приспособленных для максимально эффективного использования доступных производительных сил; данное противоречие стимулирует прогрессивные изменения производственных отношений; в-третьих, между вновь установленным типом производственных отношений и традиционной системой политических, правовых и идеологических институтов (надстройкой), которые перестают соответствовать экономическому базису; это противоречие ведет к изменению политического режима и правовой организации общества. Как уже отмечалось, благодаря внутренним противоречиям и постоянным поискам их разрешения общество проявляет тенденцию к саморазвитию.

«Загадка истории» заключается в том, как отдельные фазы связываются в непрерывную последовательность, в рамках которой регулярно осуществляются направленные преобразования (6; 7). Проблема «созидания (творения) истории» состоит в том, как люди влияют не только на функционирование, но и на длительное раз-

[222]

Рис. 11.1. Общественно-экономическая формация.

витие общества. Предложенная Марксом модель человеческой истории объясняет, каким образом действуют внутренние механизмы саморазвития, производя прогрессивные сдвиги в обществе, смену одной общественно-экономической формации другой (171).

Существует пять общественно-экономических формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая. По более простой схеме их можно уложить в три основные эпохи человеческой истории: доклассовые, неотчужденные общества (примитивные общности); классовые общества, в которых присутствует отчуждение (рабовладельческое, феодальное и капиталистическое общества); и бесклассовое неотчужденное общество (коммунистическое).

Маркс считал, что современное капиталистическое общество неизбежно сменится коммунистическим, и этот исторический прорыв будет означать переход из «царства необходимости» в «царство свободы», он завершит «предысторию» человеческого общества и откроет эпоху истинной, гуманистической, свободной «истории».

Движущей силой смены эпох в новое время является совре-

[223]

менный пролетариат, класс эксплуатируемых и обездоленных, чьи объективные интересы могут быть удовлетворены лишь благодаря полному уничтожению классового деления и классового права. В результате коммунистической революции возникнет «свободная ассоциация свободных производителей», закончится долгий период неравенства, эксплуатации и нищеты. Этот окончательный прогресс будет достигнут дорогой ценой — люди оплачивают его в течение всей эпохи классовых обществ. Здесь круг замыкается, и мы вновь возвращаемся к мечте Гегеля об окончательной победе свободы.

Многомерная теория творения истории

По теории Маркса, история создается благодаря сложному взаимовлиянию человеческих действий и структурных условий (классового деления и общественно-экономических формаций). Подобная взаимная связь выражается категорией «практика». Выделенное Марксом, это понятие становится центральным для одного из направлений марксизма, известного как «гуманистическая», или «деятельностная», школа. Среди ее представителей — Антонио Грамши, Дьердь Лукач (1885—1971) и Эрих Фромм.

Маркс отчетливо осознавал взаимозависимость различных уровней. «...

обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» (цит. по: 258; 129). О том же говорится и в третьем тезисе о Фейербахе (1845): «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и изменённого воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан» (цит. по: 258; 204).

Именно в этом контексте Маркс вводит понятие «практика», определяя ее как сферу, в которой человеческие действия и структурные условия (классы, формации) взаимопроникают друг в друга. «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и «быть рационально понято только как *революционная практика*» (цит. по: 258; 204). В другом месте он подчеркивал: «В революционной деятельности изменения самого себя совпадают с изменением обстоятельств» (цит. по: 258; 199).

Некоторые комментаторы полагают, что Марксова теория практики «дает ключ к пониманию развития его основных взглядов — от ранних рассуждений к зрелым идеям» (43; xi). По их мнению, в данной концепции он стремился достичь синтетичес-

[224]

кой, многомерной модели общества. «Маркс искал преодоления крайней односторонности идеалистической и материалистической доктрин в новом собственном диалектическом синтезе» (460; 2). Идея практики, перекидывающей мостик между индивидами и социальными обстоятельствами, была воспринята сторонниками «деятельностного марксизма», в частности Грамши и Лукачем. Первый относился ко всей теории Маркса как к «философской практике» (161) и посвятил большинство своих работ демонстрации того, что «эффективная человеческая деятельность не зависит ни от чистой воли, ни от внешних сил, но зависит от особого вида взаимодействия объективных условий и творческого духа человека» (128; 121). Второй расценивал практику как «центральную концепцию» Маркса (246; xviii), в которой главное — диалектическое слияние субъекта и объекта.

Что является той конечной причиной, той силой, которая мобилизует социально-историческую практику, обеспечивает сложный, многоуровневый процесс созидания истории? На каком уровне теоретического знания она постигается? «Деятельност-ная интерпретация» отрицает любые фаталистические и финалистические предположения, равно как и механические модели, и провозглашает активную роль социального субъекта (масс, классов, социальных движений, лидеров и т.д.), влияющего на ход истории. В работах Маркса имеется несколько хороших текстуальных подтверждений такого деятельного образа исторического процесса. «Первая предпосылка всякой человеческой истории, писал Маркс, — это, конечно, существование живых человеческих индивидов» (цит. по: 258; 127). Он считал также, что история есть не что иное, как создание человека человеческим трудом и возникновение природы для человека; он таким образом имеет очевидное доказательство своего самотворчества, созидания самого себя (см.: 137; 26). Маркс цитирует Вико, явно соглашаясь с ним: «Человеческая история тем отличается от естественной истории, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами» (цит. по: 137; 15). Итак, идея творческой конструктивной природы исторического процесса четко прослеживается как в ранних, юношеских работах Маркса, так и в его зрелых произведениях.

Оба лидера «деятельностной интерпретации» подхватили эту мысль. Для Грамши «история есть воля людей, которые действуют на природу, чтобы изменить свой мир, достичь своих целей, Удовлетворить свои нужды» (162; 64), или: «история — это продолжительная борьба индивидов и групп за изменение того, что существует в любой данный момент» (162; 99). Он обращается к Цитатам из Маркса, согласно которым

решающим фактором истории являются не голые экономические факты, а люди как члены общества, люди, взаимодействующие друг с другом и развивающие благодаря этим контактам (цивилизация) коллективную социальную волю; люди, которые приходят к осознанию, пониманию экономических фактов, подчиняют их собственной воле, так что они становятся движущей силой экономики, творцами объективной реальности (цит. по: 128; 90).

Как отмечает современный автор, «акцент переносится с рассуждений о структурных детерминантах на человека как творца собственной истории» (128; 64). Лукач подчеркивает ту же мысль:

«История уже не является загадочным потоком, которому подчиняются люди и вещи, предметом, который объясняется вмешательством трансцендентных сил и осмысливается ссылкой на трансцендентные ценности. История — продукт (хотя и бессознательный) собственной активности человека... Все, из чего она состоит, ведет в конечном счете обратно к человеку и отношениям между людьми» (246; 186).

Очевидно, что человеческие действия происходят не в вакууме, их нельзя считать ни случайными, ни абсолютно свободными. Маркс выдвинул идею, согласно которой историю творят люди. и обозначил две границы, два параметра, ограничивающих поле их творчества. Первый связан с возможностями людей — с тем, что они собой представляют и, следовательно, что в состоянии совершить. То есть в этом смысле можно сказать, что творение истории обуславливается «снизу». Согласно знаменитому утверждению Маркса и Энгельса,

история не делает ничего; она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не «история», а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (цит. по: 258; 125).

Второе ограничение связано с обстоятельствами, в которых люди живут и действуют. Эти обстоятельства определяются характером структур и фазой трансформации. То есть в данном случае можно сказать, что творение истории обуславливается «сверху». По словам Маркса, люди делают свою собственную историю не так, как им хотелось бы. Они не выбирают обстоятельства, а вынуждены действовать в тех условиях, которые они застают, которые существуют или унаследованы из прошлого (278; 97).

Какова природа этих обстоятельств? В ответе на данный вопрос в максимальной степени проявляется понимание Марксом «деятельности». Он убежден, что структуры, ограничивающие реальные действия, полностью созданы предыдущими поколениями.

«...люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений» (цит. по: 258; 130).

Накопление последовательных действий, осуществляющихся внутри существующих структур, приводит к образованию новых структур, которые, в свою очередь, накладывают свои ограничения. Маркс считал, что история есть не что иное, как результат деятельности отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему предшествующими поколениями. С одной стороны, продолжается традиционная активность по полному изменению обстоятельств, а с другой —

трансформируются старые обстоятельства вместе с полностью измененной деятельностью (см.: 137; 211).

В итоге деятельностный потенциал субъектов постепенно обогащается, и структуры подвергаются постепенному развитию. Маркс писал об этом так:

«Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше развились производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения» (цит. по: 258; 130).

Итак, каждая фаза процесса изменяет начальные условия и поле возможностей, которые открываются для следующей фазы созидания истории. Практические действия осуществляются в обстоятельствах, унаследованных от более ранней фазы. Но конечной причинной силой, приводящей всю эту сложную последовательность в движение, является человек, наделенный способностью к преобразованию и самопреобразованию.

[227]

Исторический материализм — наиболее сложная теория социальных и исторических изменений, которая попыталась спасти эволюционалистскую веру во всеобщий прогресс человеческой истории и показать, что этот прогресс является результатом совокупных человеческих действий. Другими словами, Маркс все еще полагал, что существует историческая судьба, но считал, что ее вершат не боги, Дух или Провидение, а сами люди. В этом смысле исторический материализм обеспечивает связь между традиционной и современной теориями социальных изменений. Одной ногой Маркс прочно стоит в XIX в., но другую уже перенес далеко в XX в. Марксистский исторический материализм подготовил концептуальную почву для двух получивших широкое распространение подходов к историческим изменениям, которые доминируют в конце XX в.: исторической социологии и теории деятельности. Они-то и будут предметом нашего обсуждения в следующих главах.

[228]

Часть III Альтернативное видение: создание истории

12. Против теории развития: современная критика.

Опровержение «историцизма»: Карл Р. Поппер

Как мы уже убедились, в основе эволюционизма и исторического материализма лежат определенные фундаментальные предположения. И тот, и другой являются разновидностями теории развития, согласно которой историческому процессу имманентно присущи определенные качества и регулярность, он обладает внутренней логикой, смыслом и направлением. Идея о том, что история самостоятельно идет по некоторому предопределенному пути к некой заранее установленной цели, вызвала сомнения и подвергалась критике почти с самого момента ее зарождения, но лишь во второй половине XX в. этот подход был постепенно замещен альтернативным взглядом на социальные изменения и исторический процесс. Рассмотрим четыре фундаментальные критические концепции теории развития Карла Р. Поппера, Роберта Нисбета, Чарльза Тилли и Иммануэля Уоллерстайна в хронологическом порядке. Это подготовит почву для позитивного восприятия данного направления, которое, как мы полагаем, обеспечивает более адекватный анализ социальной и исторической динамики.

Карл Р. Поппер сформулировал свою классическую критику того, что он называл «историцизмом», в 1957 г., в небольшой книжке, озаглавленной *«Нищета историцизма»*, а затем в статье «Послесловие: двадцать лет спустя» и в капитальном труде *«Логика научного открытия»* (1968). Под неудавшимся «историцизмом» (отличным от значимого «историзма») Поппер понимал социальную доктрину, для которой характерен ряд онтологических, эпистемологических и методологических утверждений.

Во-первых, это онтологический взгляд на историю, на то, что «общество меняется лишь в установленном направлении и проходит через стадии, predetermined неизбежной необходимостью» (332; 51). Здесь мы находим типичную триаду онтологических предпосылок, которые, как было показано в нашем предыдущем обсуждении, лежат в основании всех эволюционистских и историко-материалистических расчетов: детерминизма («предус-

[231]

тановленный путь»), фатализма («неизбежная необходимость») и финализма («предetermined стадии», ведущие к конечной стадии, к «концу истории»).

Во-вторых, Поппер приписывал «историцизму» сильный эпистемологический уклон, а именно уверенность в том, что законы истории познаваемы, что они могут быть открыты при помощи исследования. «Я понимаю под «историцизмом», — писал он, — подход к социальным наукам, который предполагает, что их целью являются исторические предсказания и что эта цель может быть достигнута благодаря открытию «ритмов», «моделей», «законов» или «склонностей», лежащих в основе эволюции истории» (332; 3). И далее: «...вера в то, что задачей социальных наук является обнаружение законов эволюции общества для того, чтобы предсказывать будущее, ... можно считать центральной доктриной историцизма» (332; 106).

В-третьих, согласно методологическому постулату социологических исследований, «историцизм» называет конечной целью социальных наук «предсказание будущего».

По мнению Поппера, все эти ошибочные положения вредно влияют как на социологические исследования, так и на социальную политику. Он утверждал: «Вера в историческое предназначение есть простое суеверие. Курс человеческой истории нельзя предсказать ни научными, ни какими бы то ни было иными рациональными методами» (332; v). Отсюда следует, что «холистическая социальная инженерия», т. е. попытки использовать знания необходимых тенденций для формирования социальных институтов (противопоставляемая «частичной социальной инженерии», т. е. усилиям по улучшению в небольших масштабах) иррациональна, утопична и обречена на неудачу. «Историцизм» приводит к фатализму, пассивности, подстрекает к «социальному акушерству» — ограниченному политическому вмешательству с целью ускорения неизбежных событий и утверждает «моральный футуризм», представляющий собой веру в то, что все, удовлетворяющее условиям будущего развития, — хорошо. Последнее утверждение представляет собой разновидность сомнительного в моральном отношении заявления «цель оправдывает средства» и может быть легко использовано легитимной тиранией, деспотизмом или даже тоталитаризмом.

Поппер выдвинул несколько доводов, пытаясь опровергнуть «историцизм» и подкрепить свои критические заявления. 1. Универсальной истории человечества не существует, есть лишь отдельные варьируемые истории различных частей человеческого общества. 2. Существует множество случайных и разнообразных условий, в которых проявляются социальные закономерности, при

[232]

этом каждое историческое событие — «результат мгновенного столкновения

соперничающих сил» (332; 47). «Историцизм», полагал Поппер, есть «недостаток воображения, поскольку он не может представить изменение в условиях изменения» (332; 130). 3. В истории существует случайный, иррациональный и неустойчивый личностный фактор. 4. Человеческая история — уникальный, неповторимый процесс. 5. Наверное, самое важное: знание — это решающее изменение человеческого общества и его уровень существенно влияет на все другие изменения.

Основной вывод сводится к тому, что значимы лишь научные прогнозы, учитывающие разнообразные местные обстоятельства и специфические начальные условия, исторические же пророчества относительно всеобщей истории, идущей по предустановленному пути, в принципе невозможны. «В этом — главная ошибка «историцизма». Его «законы развития» оказались абсолютно тенденциозными» (332; 128).

Еще один важный вывод — невозможность универсальных законов эволюции и необходимость либо ограничивать социальные научные результаты, либо рассчитывать на случайные тенденции. Закона эволюции не существует, поскольку эволюция обществ есть уникальный исторический случай, не имеющий аналогов.

«Мы не можем ни проверить универсальные гипотезы, ни обнаружить естественные законы, приемлемые для науки, поскольку мы навсегда ограничены наблюдением единственного процесса. По этой же причине нам не дано предвидеть его дальнейшее развитие. Самое тщательное наблюдение за развитием гусеницы не позволяет прогнозировать ее трансформацию в бабочку» (332; 109).

Если что-то и можно обнаружить, так это в лучшем случае исторические тенденции, которые не дают оснований для предсказаний будущего. «Утверждение, удостоверяющее существование какой-либо тенденции в определенное время и в определенном месте, не является универсальным законом» (332; 115); тенденции не могут подкреплять предсказаний.

Окончательный приговор «историцизму» Поппер вынес по следующим направлениям.

История находится под сильным влиянием роста человеческих знаний, но мы не способны — ни с помощью рациональных, ни с помощью научных методов — определить будущее развитие наших научных знаний. Это самоочевидно, поскольку сегодня мы не можем сказать, что будем знать завтра. Следовательно, мы не можем подсказывать человеческой истории направление ее движения, так как не можем знать сейчас то, что будет известно (открыто, изобретено) в будущем.

[233]

Все эти аргументы приводят к одному-единственному выводу: научная теория исторического развития, служащая основанием для исторических предсказаний, должна быть отвергнута (332; vi—vij). Вместо «историцизма» Поппер выдвинул собственное кредо. Вот как излагает его современный комментатор.

«Будучи сторонником неопределенности, он полагает, что изменения есть результат наших попыток решить наши проблемы и что в этих попытках мы привлекаем себе на помощь, среди прочих непредсказуемых вещей, воображение, выбор и удачу. Мы ответственны за выбор, и потому, выбирая направление, именно мы движем историю вперед. Любые ее цели — любые значения, которые она имеет, это значения, которые мы ей придаем» (261; 97).

Ошибочная метафора роста: Роберт Нисбет

Дальнейшую серьезную критику теории развития более чем десятилетие спустя предпринял Роберт Нисбет в работе «Социальные изменения и история» (1969), а также в ряде статей (312).

Отправной точкой для Нисбета послужило противопоставление биологической и социальной эволюции. Он считал, что наследие Дарвина и Менделя полностью отлично от наследия Спенсера и Конта. 1. Биологический эволюционизм пытается найти механизм изменения и таким способом строит свои объяснения, допуская и предсказания. Социальный

эволюционизм стремится уловить курс, направление и стадии исторического процесса и, стало быть, представляет собой лишь описательный анализ. 2. У биологических эволюционистов в качестве субъекта-материи выступают различные объединения, популяции, виды, тогда как для социальных эволюционистов им являются общество, общность, группа, социальный класс, институт (например, семья, закон или религия). Ъ. Биологи рассматривают механизм изменений в популяции как стохастический, действующий в огромном количестве частично случайных индивидуальных событий и допускающий лишь вероятностные обобщения или законы. Что же касается социологов, то они прослеживают предположительно неизбежные, необходимые и необратимые тенденции, стараясь обнаружить причинно обусловленные законы направления и последовательности изменений. «В то время как биологическая теория становится (весьма существенно — в ее дарвиновских положениях и полностью — после слияния с великими исследованиями Менделя) популяционной и статистической, теория социальной эволюции была и остается по сей день типологической конструк-

[234]

цией» (311; 162). 4. Поразительно отличаются субстантивные объясняющие механизмы. В биологии центральными являются процессы естественного отбора (Дарвин), генетической вариации (Мендель) и выживания наиболее приспособленных особей. В социологии в качестве основного механизма эволюции рассматривается структурная и функциональная дифференциация.

Секрет такой специфики социального эволюционизма заключается в некоем особом образе, который, несмотря на свое биологическое происхождение, совершенно не относится к биологическому эволюционизму. Дело в том, что в основе социологической идеи эволюции, или развития, лежит «метафора роста» — модель естественного раскрытия единичного индивидуального организма (а не видов) от зачаточного состояния до зрелости. «Такой рост не является моделью дарвиновского естественного отбора или постдарвиновской теории в биологии» (311; 164). Это изобретение классиков социологии XIX в. обнаружило изумительную живучесть — оно сохраняется до наших дней в различных неэволюционистских, неомодернистских и неомарксистских вариантах.

Нисбет определяет широко используемые «метафоры роста» как «изменения в обществе, аналогичные изменениям, которые наблюдаются в процессе роста индивидуального организма» (311; 166).

1. Изменения имеют естественный, нормальный характер, это типичный жизненный процесс, который не может быть остановлен до тех пор, пока организм живет (или пока общество существует).

2. Изменения имеют направление, они проходят через определенную последовательность стадий, где прошлое, настоящее и будущее связаны в единый ряд.

3. Направление изменения задается конечной целью, т. е. завершением зрелости. Применительно к обществу под этим чаще всего понимается современность западного типа, включающая в себя такие параметры, как индустриализация, урбанизация, массовая культура, демократия и т.д.

4. Изменения имеют внутренние причину и источник и по сути дела являются функцией системы, которая раскрывается изнутри, по заранее predetermined еще в зародыше модели («настоящее беременно будущим», гласит пословица).

5. Изменения имеют непрерывный, постепенный, кумулятивный характер, проходят одни и те же стадии в одной и той же последовательности («природа не терпит пустоты», — писал Лейбниц, и эти слова справедливы по отношению к обществу).

6. Необходимость изменений обусловлена самой природой

[235]

системы, постоянно стремящейся выразить свои потенциальные возможности. «Для социальных эволюционистов это главный элемент научной теории изменения» (311; 181).

7. Причины изменений единообразны, их движущие силы остаются неизменными в прошлом, настоящем и будущем (например, тенденции сознания у Конта, противоречия у Гегеля, социальные конфликты у Маркса и т.д.).

Все эти положения могут быть отвергнуты. Так:

1. Фиксированность, стабильность и постоянство так же естественны и нормальны, как и изменения. Человеческому обществу свойственны инерция, склонность к консерватизму, сопротивление изменению устоявшихся правил поведения, привычек и обычаев.

2. Изменения не имеют не только простой, линейной направленности, но и конечной цели.

3. Социальные изменения часто имеют внешнее происхождение, так как стимулируются внешними по отношению к обществу событиями, которые играют решающую роль в преодолении им инерции, стабильности и постоянства. «Значительные изменения нередко являются результатом факторов, не отделимых от внешних событий и вмешательств» (311; 280).

4. Изменения часто прерывисты, они обычно включают в себя кризисы, продолжающиеся до тех пор, пока не будут найдены и реализованы определенные формы адаптации.

5. Нет оснований говорить о необходимости или необратимости социальных изменений — история знает немало отступлений и провалов.

6. Причины социальных изменений многочисленны, разнообразны и зависят от культурного и исторического контекста.

По мнению Нисбета, ни эволюционизм, ни исторический материализм не имеют ничего общего с историографией. «Это «абстрактные теории», которые отделяют историю от всех частных событий, действий, персонажей, мест и конкретных периодов» (311; 165). Сторонники теории развития игнорируют исторические источники, выстраивая историю по своим схемам. «Они считают изменения естественными, коренящимися внутри общества или культуры и не зависящими от миллиардов случайных событий и действий, записанных в истории» (311; 234). Затем, попав в ловушку конкретности, они рассматривают свои рационально выведенные абстрактные схемы и интерпретации как ис-

[236]

торические реальности, более того, стараются на их основе дать конкретные исторические предсказания исторических событий.

«При изучении социальных изменений любая попытка игнорировать временной фактор и другие частные обстоятельства приводит к ошибкам или банальности» (311; 252). «Чем более конкретен, доступен чувственному восприятию и оценке с точки зрения поведения предмет исследования, тем менее применима к нему теория развития и ее многочисленные концептуальные элементы» (311; 267). «Метафора роста» не находит подтверждения ни в одном более или менее серьезном историческом исследовании. «Когда мы анализируем действительное социальное поведение в какой-либо сфере, то мы видим не рост, а историю — историю, которая не укладывается в прокрустово ложе теории развития» (311; 285).

Непрерывность, конкретность, внешняя причинность — вот главное в картине исторических изменений, которую рисует Нисбет. Аналогичные идеи вновь возрождаются в современных модернизированных теориях развития социальных изменений, которые будут рассмотрены в гл. 13, 14 и 15.

«Пагубные постулаты»: Чарльз Тилли

Прошло еще 15 лет, прежде чем Чарльз Тилли предпринял следующую серьезную

атаку на теорию развития. Он заявил, что социология попала в ловушку гипотез XIX в., причем наиболее очевидно это проявляется в теории социальных изменений. «Продолжая изучение проблем XIX столетия, мы должны отказаться от использовавшегося в то время интеллектуального аппарата» (403; 59).

Следующие восемь «пагубных постулатов», унаследованных от XIX в., следует отвергнуть, поскольку «все они ошибочны» (403; 12).

1. Общество как специфическое образование существует объективно и представляет собой некую целостность (социальный организм, социальную систему), которая подразделяется на меньшие целостности — на определенные отдельные общества.

2. Социальное поведение должно объясняться влиянием извне — со стороны общества (социальной структуры) — на взгляды, желания, намерения отдельных личностей.

3. Социальное изменение — это единый, внутренне сцепленный феномен, который может быть изучен и объяснен как целое.

4. Существует восходящая последовательность стадий, каждая из которых более развита (прогрессивна), чем предыдущая.

[237]

5. Дифференциация (т.е. разделение труда, специализация органов или функций) составляет основную логику и доминантную тенденцию исторического процесса.

6. Социальный порядок зависит от баланса между дифференциацией и интеграцией.

7. Социальная патология, отклонения и т.д. происходят в результате склонности к чрезмерно быстрым социальным преобразованиям.

8. Нелегитимные формы конфликта и принуждения способствуют беспорядку, а легитимные — интеграции и контролю.

Исторический опыт свидетельствует, что эти постулаты несостоятельны.

1. Общество следует рассматривать не как некую сущность или отличную от всего другого целостность, а как находящуюся в постоянном движении, сложную, с частично совпадающими, пересекающимися и накладывающимися друг на друга ячейками, узелками сеть «многочисленных социальных отношений, из которых одни четко локализованы, а другие охватывают весь мир» (403; 25). Отдельные сцепления, узлы в этой сети вычленяются для исторического или социологического изучения и затем фигурируют под названием национальных государств, социальных организаций, социальных групп и т.д.

2. Определяющими факторами в социальной жизни являются не превратившиеся в нечто конкретное внешние социальные целостности, а взаимодействия, отношения между членами общества, создающие межличностные структуры.

3. Вместо единого, главного процесса социальных изменений в реальности существуют многочисленные фрагментарные процессы различных уровней сложности, которые протекают параллельно или в противоположных направлениях, отдельно или накладываясь друг на друга, а «социальные изменения» — это лишь абстрактный термин для обозначения их всеобщих, суммарных, собранных в единое целое результатов.

4. Исторические факты опровергают утверждения о существовании каких-либо различимых стадий в историческом процессе и, более того, ставят под сомнение любые описания прогресса.

5. Дифференциация не должна рассматриваться как главный процесс в социальном изменении, ибо столь же часто мы наблюдаем процессы, противоположные дифференциации (дезорганизация, регрессия, коллапс структур и т.д.).

6. Социальный порядок не обязан своим происхождением интегративным механизмам, поскольку многочисленные случаи

[238]

столкновений, коллективного насилия, протестов и т.д. при определенных

обстоятельствах являются лишь рациональными формами достижения коллективных интересов и охраны более приемлемого порядка.

7. Социальные изменения не приводят с непреклонностью к общей структурной напряженности и социальной патологии.

8. Принуждение во имя «закона и порядка», если оно используется государством и его официальными представителями, иногда трудно отличить от преступления и разбоя, подрывающих социальный порядок.

Как видим, выступая против «пагубных постулатов» XIX в., Тилли, подобно Нисбету, обращается к глубокому, конкретному историческому исследованию, основанному на фактах. Сферой его научных интересов были социальные движения и революции, и здесь он как историк продемонстрировал высокую компетентность (405; 399; 400).

«Переосмыслить XIX-е столетие»: Иммануэль Уоллерстайн

Автор «теории мировой системы» (обсуждавшейся в гл. 6) разделяет скептицизм Нисбета и Тилли относительно парадигмы XIX в. Иммануэль Уоллерстайн весьма радикален в своей критике и требует не только переработки и пересмотра наших взглядов на наследие, оставленное нам социологическими мэтрами, но и, более того, полного отрицания идей, типичных для мышления XIX столетия. В книге с примечательным названием «Переосмысление социальных наук» (1991) он объясняет свою цель следующим образом.

«Наряду с переосмыслением того, что является «нормальным», на мой взгляд, нам необходимо «переосмыслить» социальную науку XIX века, поскольку ее многочисленные предпосылки (которые, по моему мнению, ошибочны и умо-; зрительны) до сих пор еще слишком глубоко коренятся в наших умонастроениях. Когда-то считалось, что они освобождают дух, сегодня же они служат главным интеллектуальным барьером для объективного анализа социального мира» (440; 1).

Среди всех, вводящих в заблуждение концепций, унаследованных от XIX в., он выбирает концепцию «развития» как самое большое зло.

«Ключевой и наиболее сомнительной концепцией социальной науки XIX века я считаю концепцию «развития». Именно эта идея ввела в заблуждение и породила ложные интеллектуальные и политические ожидания» (440; 2).

[239]

Понятие «развитие» оказывается неприемлемым в первую очередь потому, что его невозможно согласовать с преобладающей исторической тенденцией современного мира, с процессом глобализации. Это несоответствие имеет два аспекта.

1. Концепция развития постулирует имманентный, эндогенный характер изменений, происходящих в обществе (группе, классе, сообществе, «социальной системе»). Между тем, заявляет Уоллерстайн, реальный социальный мир представляет собой нечто иное: он претерпевает в основном экзогенные изменения, которые имеют внешние источники. Главную роль в исторической динамике играют наднациональные, глобальные факторы. Толчок к изменениям дают контакты между различными социальными образованиями, конкуренция, столкновения, конфликты и тому подобные события, а не необходимость реализации присущих обществу потенциальных возможностей.

2. Другой аспект связан с образом каждого общества (национального государства) как изолированного, суверенного, до некоторой степени автономного или автократического, эволюционирующего по собственным, специфическим законам и направлениям. Эта идея фрагментации человеческого общества, которая коренится в мышлении, ориентированном на теорию «развития», явно непригодна для глобального мира. «Бесполезно анализировать процесс социального развития наших множественных (национальных) «обществ» так, словно это автономные, внутренне эволюционирующие структуры, поскольку на самом деле они представляют собой первичные структуры, созданные процессами мирового масштаба и принимающие конкретную форму в соответствии с этими процессами» (440; 77).

Уоллерстайн выделяет две причины, по которым необходимо отказаться от концепции развития.

1. Существует тесная связь между понятием «развитие» и сомнительным понятием «прогресс». Последнее, по мнению Уоллерстайна, имеет два основных изъяна. Во-первых, оно предполагает постоянную направленность изменений, тогда как исторические факты свидетельствуют, что социальные процессы поворачивают вспять, замедляются, приостанавливаются и даже останавливаются вовсе. Их направление нельзя предугадать, в большинстве своем это случайная возможность, возникающая при определенных обстоятельствах. Во-вторых, столь же далеко от истины оптимистическое предположение о том, что процессы развития непременно приводят к последующим улучшениям. Во

[240]

многих отношениях более поздние стадии развития человеческой истории вряд ли могут считаться лучшими, чем более ранние. Таким образом, ценностный аспект прогресса также следует рассматривать как случайный и исторически относительный.

Анализ мировой системы должен избавить концепцию прогресса от убеждения, будто он имеет вид траектории, и ориентировать на трактовку его как аналитической переменной. Могут существовать лучшие и худшие исторические системы (и мы можем обсуждать, по какому критерию их оценивать), но уверенности в том, что была линейная тенденция — вверх, вниз или вперед, — вовсе нет. Возможно, линия уклона нелинейна или неопределенна (440; 254).

2. Понятие развития принадлежит к числу тех, которые увековечивают «первородный грех» социальных дисциплин XIX в. — искусственное и необоснованное разделение на три подобласти: экономическую, политическую и социальную (культурную). Чаще всего процессы экономического, политического и социального (или культурного) развития обсуждаются и изучаются различными исследователями автономно, при этом создается иллюзия, будто существуют три отдельных траектории изменения. «Нам было завещано ужасное наследие социальных наук XIX века — уверенность в том, что социальная реальность размещается в трех различных и не связанных между собою областях: политической, экономической и социокультурной... Зная, как действительно «трудится» современный мир, мы должны признать, что это нонсенс» (440; 264). «Святая троица» — политика, экономика, социокультура — сегодня не имеет ни интеллектуальной, ни эвристической ценности» (440; 265). Наука глобального общества должна стать междисциплинарной, и это главная причина, по которой ей следует отвергнуть идею развития.

Постоянная критика теории развития на протяжении нескольких десятилетий привела к медленному размыванию ее и в конечном счете — к полному отрицанию. В настоящее время обе ее основные версии — эволюционизм и исторический материализм, похоже, уже принадлежат истории социального мышления. На их место, обогащая социологическое воображение, приходит альтернативный взгляд на социальные изменения, который заменяет собой теорию развития. Это и будет предметом обсуждения в следующих трех главах.

[241]

13. История как человеческий продукт: развитие теории действия.

В поисках субъекта деятельности

Возможно, уже тогда, когда человек только еще начал осознавать себя, он стал задумываться над тем, что является движущей силой процессов, происходящих в обществе, кто в конечном счете ответствен за судьбу людей. В течение длительного времени эти вопросы были одной из главных тем социальной мысли. Значительно позднее социологическая наука определила данную тему как поиск пружин, лежащих в основе социальной динамики, управления и преобразования общества. На протяжении долгой

эволюции человеческой мысли «агент- постепенно был секуляризован, гуманизирован и социализирован.

Первоначально он помещался вне человеческого и социального мира, в область сверхъестественного. Под видом сил природы, персонифицированных духов, богов или метафизического провидения субъект всегда действовал извне, формируя и контролируя индивидуальную и коллективную жизнь, человеческие биографии и социальные истории.

На следующей стадии он был спущен на землю. Человеческое общество, его функционирование и изменение квалифицировались как прямой продукт, определяемый естественными силами — физическими, биологическими, климатическими, географическими и даже астрологическими. Субъект деятельности был секуляризован. Он еще находился вне общества и человечества, но уже придвинулся поближе.

Прошло время, и энергию субъекта действия начали приписывать человеческим существам, хотя и не всем. Речь шла исключительно о великих людях: пророках, героях, лидерах, изобретателях, гениях. Они считались двигателями общества, но их харизматические характеристики не связывались с ним, а полагались врожденными, генетически наследуемыми и индивидуально развиваемыми. Субъект стал более гуманизирован, но еще не социализирован. Интересный вариант этой темы можно найти в современном структурном функционализме, где ответственность за изменения общества (противопоставляемые изменениям в обще-

[242]

стве) возлагается на девиантов — тех, кто подрывает установленный образ жизни. Но отклонение «происходит по неизвестным для социологов, а тем самым и для структуралистов, непознаваемым причинам. Это бацилла, которая атакует систему из темных глубин индивидуальной души или небесных сфер внешнего мира» (88; 116).

С появлением социологии произошел удивительный поворот: субъект деятельности социализировался, но вновь дегуманизировался. Он помещался строго в пределы общества, которое рассматривалось в организмических терминах как саморегулирующаяся и самотрансформирующаяся целостность. «Метафора организма», использовавшаяся для описания функционирования общества, и «метафора роста», применявшаяся к его развитию, имели то же приложение: субъект действия рассматривался как сила социального организма, его специфическая, принимаемая на веру *elan vital*, проявляющаяся в социальной жизни и в направленном, необратимом социальном изменении. Эта «социологическая несостоятельность» (312; 203), этот «первородный грех» преследовал социологию в течение долгого времени. Он лежал в основе всех вариантов эволюционизма и теории развития, с точки зрения которых история вершится где-то над человеческими головами; он стал одной из наиболее очевидных слабостей ортодоксального функционализма, представляющего нам странные модели общества без людей. Критики требуют: «Позвольте вернуть людей обратно и влить в них немного крови» (196; 113). Эти призывы были услышаны, и субъект деятельности занял, наконец, должное место. Он был гуманизирован и социализирован одновременно.

Великим Мужам (а позже и Великим Женщинам) была возвращена роль «агентов», но их исключительная власть рассматривалась как результат мистического истечения творческой энергии общества, а не как их врожденное качество. В них видели средоточие, воплощение структурных напряжений, социальных настроений, исторических традиций. Они были лидерами, но, как это ни парадоксально, лишь потому, что знали, как поддерживать тех, кого вели за собой. Их поведение принимало форму «репрезентативной активности, предпринимаемой в интересах людей с тем, чтобы раскрыть им их будущее» (90; 18), или, иначе говоря, оно было проявлением «мета-власти», которая формирует социальный контекст для других: «власти для структурирования социальных отношений, изменения «типа игры», в которую играют актеры, манипулирования ресурсами либо изменения способов их

распределения, изменения условий взаимодействия или обмена» (37; 225).

[243]

Следующий шаг в социологическом мышлении по поводу «агента» привел к тому, что его из личного владения переместили в область социальных ролей, особенно тех, которые обладают неотъемлемой прерогативой осуществлять изменения и даже принуждать к ним. На передний план выдвинулась проблема легитимности служб и их привилегий.

Но, пожалуй, наиболее важное значение имело распространение идеи «агента» «вниз» — на всех людей, а не только на избранное меньшинство, на все роли, а не только на могущественные службы. Появилось осознание того, что, хотя каждому индивиду принадлежит лишь маленький голосок в общем хоре социальных изменений, последние являются совокупным результатом деятельности всех. На каждого распределена лишь небольшая, практически невидимая часть власти «агента», но вместе они всемогущи. «Метафора рынка», заимствованная из экономики, помогла понять, как из многочисленных и распыленных решений, принимаемых бесчисленными производителями и потребителями, покупателями и продавцами, возникает «невидимая рука», а метафора, заимствованная из лингвистики, помогла понять, что в повседневной практике люди создают, воссоздают и преобразуют свое собственное общество точно так же, как в повседневной речи они производят, воспроизводят и изменяют свой язык. Понятие непреднамеренных, скрытых последствий человеческих действий (291) становится решающим, поскольку социальные изменения видятся как совокупный, исторически аккумулированный результат того, что делают все члены общества по своим частным причинам и в эгоистических целях.

Однако не все социальные изменения можно отнести к непреднамеренным, не все люди действуют изолированно. Понятие преднамеренного, планируемого изменения и концепция коллективного, группового действия дополняют образ спонтанных изменений, производимых индивидами. Тем самым движущие силы находят свое окончательное воплощение в коллективных, или корпоративных, субъектах действия. Одни действуют «сверху», давая указания, — это правительства, законодательные и административные органы, корпорации и т.д. Другие действуют «снизу», постепенно производя изменения, — это ассоциации, группы давления, лобби, социальные движения. Их комплексное взаимодействие составляет политическую арену современных обществ, и преднамеренный результат их действий пересекается с распыленной повседневной активностью индивидуальных деятелей. Так индивиды и коллективы сообща формируют извилистый курс человеческой истории.

[244]

Мы проследили одиссею идеи, прошедшей через лабиринт социальной и социологической мысли. На входе она была полностью гуманизированной и социализированной в двух образах — индивидуальных и коллективных деятелей. Последние социологические теории концентрируют внимание на тех и других, пытаются обнаружить секрет их действия и механизмы, с помощью которых они производят и воспроизводят социальную реальность.

Современные теории деятельности

Уолтер Бакли и концепция морфогенеза

Генеалогию современной теории деятельности можно проследить вплоть до 1967 г. и работы Уолтера Бакли «Социология и теория современных систем». Исходя из традиций структурного функционализма и общей теории систем, Уолтер Бакли хотел пересмотреть их, используя взгляды представителей других теоретических направлений: теории обмена, символического взаимодействия, теории игр, моделей коллективного поведения. Основой для такой интеграции служила все та же системная модель. По мнению Бакли, она пригодна

«для синтеза моделей взаимодействия в последовательную концептуальную схему — базовую теорию социокультурного процесса» (62; 81). Структурно-функциональную модель саморегулирующейся, гомеостатической (или, как он называет ее, «морфостатической») системы, пронизанной отрицательными, компенсаторными обратными связями, Бакли дополнил моделью «морфогенетической системы» с положительными, усиливающими обратными связями, в которых структуры постоянно строятся и трансформируются. «Модель предполагает работающую систему взаимодействующих компонентов с внутренним источником напряжения, — систему, полностью вовлеченную в непрестанную деятельность с различным внешним и внутренним окружением, так что последнее имеет тенденцию выборочно оказываться «нанесенным на карту» структуры» (62; 128). Бакли определил центральное, стратегическое понятие так: «Морфогенез относится к тем процессам, которые имеют склонность вырабатывать либо изменять данную форму, структуру или состояние системы» (62; 58). Акцент на активную, конструктивную сторону социального функционирования явился значительным прорывом в теоретических взглядах, пусть даже Бакли все еще оставался в ловушке отдельных предпосылок той системы, которую он сам намеренно отрицал, а именно организмической

[245]

и механистической моделей. Его морфогенетическая система «возникает», «становится встроенной», «генерирует, вырабатывает и переструктурирует себя». Во всем этом просматривается некоторый автоматизм, а также жесткое качество самой системы. Деятельность еще не полностью освобождена из системной клетки.

Амитай Этциони и активное общество

Спустя год, Амитай Этциони выдвинул оригинальную теорию «активного общества» (118), названную позднее «теорией самонаправленности» (59). Ключевым здесь является понятие «мобилизация», или «социальная активизация».

«Теория социальной направленности отличается от других теорий современной социальной науки тем, что рассматривает мобилизационные силы коллективов и обществ в качестве основного источника их собственных преобразований и трансформаций их отношений с другими социальными единицами. Когда социальная единица мобилизуется, она имеет тенденцию изменять свою собственную структуру и границы, а также структуру той более высокой единицы, членом которой она является» (118; 393).

Человеческое общество — это «макроскопическое и непрерывное социальное движение», включенное в «интенсивное и постоянное самопреобразование» (118; viii). Конечный двигатель обнаруживается в «самозапускаемой преобразовательности» (118; 121) и «творческой респонсивности», т. е. способности творчески отзываться на воздействия (118; 504); местом средоточия этой способности являются коллективы, группы и социальные организации; механизм идентифицируется с коллективным действием, причем в основном в рамках политического процесса.

Теория социальной направленности задается вопросом: как данный деятель направляет процесс и изменяет структуру или границы социального целого?.. Теория социальной направленности кроме того ставит вопрос о том, как моделировалась данная структура, как она поддерживалась, как она может быть изменена, где расположены источники движущих сил, кто концентрирует знание и кто способен к исполнению (118; 78).

Хотя Этциони также выводил свои идеи из теории систем или кибернетики, ему удалось избежать автоматизма — он нашел истинных субъектов действия социальной самотрансформации в различных типах коллективов. «Охота» за ускользающим действием стала гораздо более конкретной.

[246]

Алан Турен, Мишель Крозье и Эрхард Фридберг: вклад французов

Во второй половине 70-х годов свой вклад в теорию действия внесли французы. «Начался быстрый разрыв с материалистическим воззрением на общество, весьма типичным для французской версии структурализма» (75; 197). Наверное, самым видным представителем этого направления является Алан Турен. С того времени, как он вывел образ «самопроизводящегося общества» (422; 1977), его основная работа приобрела осязаемый критический оттенок. Она была направлена и против теории развития, и против структурализма, которые «подчиняют чувство коллективного действия неизбежным законам или требованиям исторической реальности» (425; 81). Следовательно, они выводят субъект из социологической перспективы, рассматривают его как простую эманацию системы.

«Эволюционистская, или историческая, концепция апеллирует к сравнительной истории или даже к философии истории. Она стремится показать, что общества следуют друг за другом по пути прогресса, рациональности и укрепления национального государства. Она не относится к изучению самих социальных деятелей: достаточно анализировать их действия, являющиеся выражением либо положительных тенденций, либо внутренних противоречий данной системы» (425; 91).

«Возвращение деятеля» необходимо (424); «мы должны вернуть идею о том, что люди сами делают свою историю» (425; 88). Это возможно лишь в том случае, если рассматривать общество в качестве непрерывного, находящегося в постоянном движении продукта человеческих усилий: «общество есть не что иное, как нестабильный и, вероятнее всего, несогласованный результат социальных отношений и социальных конфликтов» (425; 85).

Общество и история создаются благодаря коллективным действиям, главными носителями которых, по Турену, являются социальные движения (425). Они трактуются как формы коллективной мобилизации, непосредственно разрушающие культурные основания общества. «Социальное движение — решающий агент истории, поскольку историческая реальность формируется посредством конфликтов, а также требований, выдвигаемых социальными Движениями и придающих специфическую социальную форму культурным ориентациям» (425; 87). Отрицание эволюционизма и приписывание социальным движениям роли основных мобилизационных сил Турен связывал с возникновением «постиндустриального общества», в котором существенно увеличились «способнос-

[247]

ти к самодеятельности» и расширился диапазон возможностей и вариантов выбора. Таким образом, «эти общества являются продуктом своих собственных действий, а не частью процесса исторической эволюции» (425; 84). Способность общества мобилизовать, преобразовывать себя, создавать структуры — уже подмеченная предыдущими авторами — Турен выявил гораздо более конкретно и соотнес ее с определенными историческими фазами.

Два других французских социолога, Мишель Крозье и Эрхард Фридберг, раскрыли взаимозависимость деятелей и систем (85). Подобно Турену, они начали с отрицания «законов истории». С их точки зрения, неправомерно рассматривать формы организации людей как полностью обусловленные внешним контекстом — социальным окружением.

Социальные изменения, считают они, — это непрерывная структурализация и переструктуризация той арены, на которой люди выполняют те или иные действия, стремясь найти решения встающих перед ними проблем и задач.

Коллективная деятельность подобного рода характеризуется свойственным ей творчеством, поскольку существует механизм «коллективного обучения», благодаря которому индивидуальные открытия и новации внедряются в социальную практику и встраиваются в систему. В результате не только меняются черты последней, но и трансформируется сам механизм преобразований. Не существует необходимых, неизбежных или «естественных» изменений, все они — продукт человеческой изобретательности, творчества и поиска. Осознание этого факта позволяет провозгласить «организационную

свободу», т. е. реальную возможность противостоять структурным условиям. Авторы ввели понятие «обучающее общество», подразумевая под ним один из фундаментальных механизмов социальной самотрансформации — коллективное обучение. В этом заключается их главный вклад в развитие теории деятельности.

Энтони Гидденс и идея структуризации

Участие в дискуссии британцев выразилось прежде всего в разработанной Энтони Гидденсом «теории структуризации»* (147; 148; 149). Он отмежевался от всех теорий, типичных для «орто-

* Э. Гидденс использует понятие «структуризация» (structuration), которое, в отличие от известного термина «структурирование», означает «самоструктурирование». (Ред.)

[248]

доксального консенсуса», предполагающего материализацию социальных целостностей и социальный детерминизм деятелей (рассматривая их как «структурных и культурных болванов»). Сочетая подобную критику функционализма и структурализма с вдохновением, почерпнутым из различных отраслей «понимающей, или интерпретативной, социологии», Гидденс дошел до отрицания понятия самой структуры. Делая ударение на постоянно меняющейся природе социальной реальности, чей истинный онтологический субстрат лежит в действиях и взаимодействиях субъектов — людей, он предложил преобразовать статическое понятие «структура» в динамическую категорию «структуризация», означающую описание коллективного поведения людей. «Наша жизнь проходит в трансформации» (147; 3), а ее основное содержание есть постоянное производство и воспроизводство общества. Таким образом, «изучать структурирование социальной системы означает изучать те пути, которыми эта система — в рамках применения общих правил и ресурсов и в контексте непреднамеренных результатов — производится и воспроизводится во взаимодействии» (147; 6). «Структурные свойства систем являются одновременно и средством, и результатом практики, в процессе которой формируются данные системы» (147; 69). Это — теорема «двойственной, или дуальной, структуры».

Конечным двигателем «структурирования» являются люди — деятели (или «агенты»), множество индивидов в их повседневном поведении. При этом «все социальные деятели знают очень много об условиях и последствиях того, что они делают в своей повседневной жизни» (149; 281). Скрупулезный анализ «практического» и «дискурсивного» сознания выходит далеко за пределы ранней «интерпретативной социологии», но не ведет к односторонней абсолютизации. Некоторые условия признаются непознаваемыми, а некоторые следствия — непреднамеренными. Отсюда вытекает, что если даже рассматривать историю как непрерывный продукт деятельности, как созданную из «событий, двигателем которых является индивид» (149; 9), то это вовсе не означает, что продукт совпадает с намерениями: «Человеческая история создается целенаправленной деятельностью, но не является преднамеренным проектом, она постоянно срывает попытки сознательно вести ее в определенном направлении» (149; 27).

Другой характерной чертой людей-агентов является их материальная (телесная, биологическая) конституция и, следовательно, неизбежная подчиненность времени и пространству. «Телесность человека накладывает строгие ограничения на его способность к передвижению и восприятию» (149; 111). Эта весьма про-

[249]

стая констатация оказывается невероятно сложной, и социологи редко отваживаются принять ее.

Благодаря Гидденсу, деятельность окончательно признается как воплощение индивидуальных человеческих существ. Теперь никто уже не подвергает сомнению тот факт,

что человеческое общество формирует не какая-то тенденция системы или ориентированные на изменения коллективы, классы, движения, а повседневное поведение обычных людей, часто далеких от каких-либо реформистских намерений. Несомненно, по богатству и глубине детального анализа индивидуальных деятелей Гидденс идет гораздо дальше любого другого автора в разгадке тайны деятельности.

*Том Берне и группа из Уппсалы: теория систем правил **

Другая часть уравнения «деятельность — структура» выведена Томом Р. Бернсом и Еленой Флэм в «теории систем правил» (70). Хотя авторы и заявляют, что преследуют цель «навести мосты между уровнями структур и деятелей» (70; 9), тем не менее они сосредоточивают внимание не на деятелях, которые формируют, а на структурах, которые формируются. Последние они рассматривают в нормативных терминах как комплексные сети правил. «Человеческая деятельность — при всем ее необычайном разнообразии и при всей оригинальности — организуется и управляется в основном социально определенными правилами, а также системами правил» (70; viii). Поскольку авторы работают в Уппсале (Швеция), невольно возникает вопрос: не есть ли это бессознательный отголосок или сознательное продолжение важного направления шведской социологии, известного под названием «школы Уппсалы», а именно нормативной онтологии социального мира, разработанной Торгни Сегерштедтом (352). «Каждый вид взаимодействия и кооперации должен предполагать некоторые общие нормы. Лишь имея общие нормы и общезначимые символы, мы можем предсказывать» (352; 12).

Основным направлением упомянутой теории является сложный анализ социальных правил, которые составляют «глубинные

* Теорию Т. Бернса П. Штомпка называет «Rule-systems theory», т. е. буквально теорией систем-правил. Из дальнейшего изложения видно, что Берне различает систему правил и систему режимов применения этих правил как целостности. Соответственно смыслу в тексте настоящего перевода встречается и выражение «социальные правила систем». В любой данной системе есть множество систем правил, относящихся к разным сферам деятельности (экономике, управлению и т. д.). (Ред.)

[250]

структуры человеческой истории» (70; ix). Они делятся на три типа «модулей»: система правил, режим правил и грамматику. Системы правил включают в себя правила, «зависящие от контекста и обладающие временной спецификой, — правила, применяемые для структурирования и регулирования социальных взаимодействий, выполнения определенной деятельности, специфических заданий или взаимодействия в социально обусловленных формах» (70; 13). Режимы правил поддерживаются социальными санкциями, сетями власти и контроля и, следовательно, приобретают объективный, внешний характер в человеческом восприятии. Они близки к тому, что обычно называется инструкциями (в нормативном смысле этой общей категории). На индивидуальном уровне системы обращаются в «грамматику социальных действий», используемую для структурирования и регулирования взаимодействий друг с другом в определенных ситуациях или сферах деятельности (70; 14).

Столь сложная и многомерная нормативная сеть рассматривается не как данность, в традиционном дюркгеймовском смысле, а как продукт человеческой деятельности. «Социальные системы правил являются человеческими конструкциями» (70; 30). «Люди постоянно формируют и изменяют социальные системы правил» (70; 206) тремя способами: создавая, интерпретируя и применяя их. Вся эта деятельность является областью социальных конфликтов и борьбы, специфической «политикой» формирования правил. Возникая в человеческих действиях, правила систем, в свою очередь, влияют на них. В полном соответствии с Гидденсом, авторы говорят о «дуализме отношений». С одной стороны, социальные правила систем организуют и регулируют такие социальные взаимодействия, как обмен или политическое соревнование, определяют, кто допускается к

участию, какие взаимодействия считаются законными, где и как они могут выполняться, и т.д. С другой стороны, процессы взаимодействий служат основой для формирования и изменения систем правил, равно как и для их интерпретации и применения (70; 10—11).

Так, «люди своими действиями преобразуют условия этих действий» (70; 3). Ключ к такому «дуализму» можно обнаружить в историческом измерении человеческой реальности: «Системы, которым следуют люди в наши дни, выработывались в течение Длительного времени. Благодаря взаимодействию социальные группы и сообщества поддерживают и распространяют системы правил на будущее» (70; 29). Берне и Флэм добавляют к теории деятельности богатый анализ нормативных структур, который подкрепляют детальным разбором эмпирических случаев, наиболее

[251]

характерных для современного общества. К ним относятся экономические рынки, бюрократия и технологические комплексы.

Маргарет Арчер и теория морфогенеза

Еще один британский участник дискуссии, Маргарет С. Арчер, включилась в споры о деятельности в 1982 г. несколько деструктивным образом, резко критикуя «теорию структуризации» Гид-денса (19). Но вскоре она перешла к конструктивной стадии своей работы, предложив собственную версию — «теорию морфогенеза»; кульминацией этой стадии стала работа «*Культура и деятельность*» (1988). Основное достоинство морфогенетической перспективы заключается в осознании того, что «уникальной чертой, отличающей социальные системы от органических или механических систем, является их способность подвергаться радикальному переструктурированию» (21; ххii), чем они в конечном счете обязаны человеку (19; 59).

Центральное понятие морфогенеза относится «к сложному взаимовлиянию структур и действий, которое происходит в данной форме, структуре или при данном состоянии системы» (19; ххii). При изучении подобных взаимовлияний необходимо руководствоваться принципом «аналитической», а не «концептуальной дуальности». Согласно первому, в ходе анализа действия и структуры разделяются, поскольку «эмерджентные* свойства социокультурных систем предполагают прерывность между начальным взаимодействием и их конечным продуктом» (19; 61). В противоположность этому, принцип дуальности чреват потерей «центральной конфляции» — элизии (соединения) двух элементов, утрачивающих автономию друг от друга или независимость от одного из них или обоих сразу** (21; ххii).

* Эмерджентный — букв., возникающий самопроизвольно. В социологическом смысле «эмерджентный» означает «отвечающий на данную ситуацию, или активно реагирующий на воздействия (изнутри системы или извне) в каждый данный момент». Эмерджентные свойства — это способность социокультурных систем быть активными, реагирующими на события данного момента. (Ред.)

** Здесь М. Арчер использует термин «конфляция» (conflation), заимствованный из лингвистики и означающий образование нового слова из двух автономных корней (например, «взаимодействие» есть соединение «взаимный» и «действие». Соединение этих слов и обозначается лингвистическим термином (elision) «элизия»). В данном случае имеется в виду следующее. Принцип концептуальной дуальности структуры агента, в отличие от принципа гносеологической дуальности, не позволяет, с точки зрения М. Арчер, рассматривать процесс совмещения структуры и агента в нечто целое при сохранении их автономности друг от друга и даже от этого новообразования. (Ред.)

[252]

В пользу аналитической дуальности можно выдвинуть два аргумента. Один — методологический. Представление о действии и структуре как о составляющих друг друга

элементах препятствует «изучению их взаимной игры» и, следовательно, не позволяет обнаружить «их взаимовлияние» (21; 13—14). Другой, более явный, аргумент имеет онтологический характер: в данном случае действие и структура в самом деле различны, поскольку «структурное обусловливание», «социальное взаимодействие» и последующая «разработка структуры» происходят в различные временные моменты (19; 61). «Структура логически питается действиями, которые ее трансформируют; и «разработка структуры» логически отстает по времени от этих действий» (19; 72). Что касается культуры, то ее будущее формируется в настоящем из наследия прошлого благодаря текущим инновациям» (21; xxiv). Так принцип дуальности подводит ко второму предположению, типичному для теории морфогенеза, а именно о циклической природе взаимоотношений действия-структуры.

В последней работе Арчер выдвигает еще один тезис: «Деятельность не только способствует структурным и культурным изменениям, но и сама изменяется в ходе этого процесса» (22; 2). Данный тезис открывает новые возможности для исследования «морфогенеза деятельности». В таком контексте проявляются и важнейшие черты деятельности — способность к размышлению, целенаправленность, стремление к продвижению и новациям, сопряженные с возможностью реализации человеческой «способности к познанию» или всезнанию (22; 5). Два типа субъектов — «корпоративные агенты» и «первичные агенты» — тоже обладают различными характеристиками с точки зрения их морфогенеза. Таким образом, к теории морфогенеза добавляется третий принцип. Арчер называет его «двойным морфогенезом» и описывает как процесс, «в котором формирование и структуры, и деятельности является результатом их взаимодействия. Структура есть совместно вырабатываемый результат взаимодействия: деятельность формируется и изменяет структуру в процессе собственного изменения» (22; 33). Наверное, наиболее важным положением теории Арчер является привязка диалектики к историческому времени.

Деятельностный коэффициент

От Бакли до Арчер споры по поводу деятельности описали Полный круг, и теория действия значительно обогатилась. Социальная реальность стала восприниматься в виде некоторого ко-

[253]

эффициента деятельности. Суммируя наследие теории деятельности, я предлагаю описать эту концепцию как комплекс шести онтологических положений: 1) общество есть процесс и постоянно подвергается изменениям; 2) изменения имеют в основном внутреннее происхождение и принимают форму самотрансформации; 3) в качестве конечного двигателя изменений выступают индивиды и социальные коллективы; 4) направление, цели и скорость изменений являются предметом соревнования между многими деятелями и становятся областью конфликтов и борьбы; 5) действие происходит в контексте данных структур, которые оно в свою очередь формирует, в результате чего структуры выступают в качестве и производителя, и продукта; 6) взаимообмен действиями и структурами происходит благодаря смене фаз творчества деятелей и структурной детерминации.

Развитие теории действия начинает осознаваться как центральная проблема социологического теоретизирования. Это признают не только ее основатели, которые заявляют, что «проблема структуры и действия справедливо рассматривается как основная тема современной социальной теории» (21; ix), но и другие авторы, полагающие, что «через некоторое время она обещает стать той теоретической областью, в которой можно ожидать значительного продвижения» (81; 1350).

[254]

14. Новая историческая социология: конкретность и случайность.

Подъем исторической социологии

История постепенного подъема исторической социологии длинна и запутанна (387). Широко бытует мнение, что социология была рождена историей, и потому недавнее оживление интереса к истории среди социологов трактуется как возвращение к корням науки. Однако такое мнение весьма далеко от истины. Историческая социология должна рассматриваться как критическая реакция на традиционное, крайне специфическое использование истории, типичное для основателей социологической науки. Одно дело говорить, что социология возникла благодаря интересу к историческим событиям или процессам, и совсем другое — утверждать, что причиной тому явилось научное изучение истории. Первое, несомненно, верно; как мы уже не раз подчеркивали, европейская социология XIX в. возникла в ответ на попытку понять и объяснить великий переход от традиционного общества к современному со всеми сопровождавшими его сложными процессами урбанизации, накопления капитала, обнищания, пролетаризации, возникновения новых государств и наций, подъема новых классов и т.д. В этом смысле европейская история XIX в. обеспечила естественную проблематику для ранней социологической мысли, и формула Конта «Savoir, pour prévoir, pour prévenir» («чтобы уметь и предвидеть») указывает ее цели и методы.

Но к субъекту-материи историки подходили не с позиций истинно исторического метода, с помощью которого реконструируются конкретные события, затем полученные знания тщательно обобщаются и создается не более чем строго ограниченная «история законов» (263). Они поступали как раз наоборот: универсальные, всеохватывающие и предположительно все объясняющие «законы истории» постулировали априори и по большей части иллюстрировали случайными историческими свидетельствами при помощи того, что Конт именовал «сравнительным методом» (что опять-таки не очень похоже на конкретно-исторический, системно-сравнительный анализ обществ). Конт, Спен-

[255]

сер, Теннис или ранний Дюркгейм не выводили эволюционистские схемы и схемы теории развития из истории и не основывали на истории, а, скорее, налагали на историю (311; 164—165). Они также рассматривали историю механистически, как автономную область, «своеобразную реальность», из которой люди-деятели странным образом исчезли, квалифицировали ход истории как predetermined, фаталистический, независимый от человеческих усилий. Такая абстрактная формулировка была порождением «историософии», а не историографии. Эволюционизм и теории развития ничего не сделали для формирования истинно исторического взгляда, наоборот, вместо того, чтобы подвести социологию к истории как можно ближе, они по сути дела представляли собой раннюю форму внеисторизма, которую можно назвать несколько парадоксально «историософским внеисторизмом».

Однако даже доминируя, данная тенденция не была единственной. XIX век может гордиться рядом теорий, явивших собой истинно историческую социологию, прочно основанную на богатом историческом материале и осознающую роль субъектов человеческой деятельности — индивидуальных и коллективных — как конечных творцов изменяющегося социального мира. Такие теории отрицали механистические и фаталистические предположения, овеществление социального процесса и восстанавливали человека как реального исторического субъекта. Три имени представляют этот ранний, аутентичный историзм: Карл Маркс (по крайней мере в ранний период его творчества, когда он занимался изучением истории), Алексис де Токвилль (в той мере, в которой он может считаться социологом, а не только историком), а более всего — Макс Вебер.

Именно с последним связано «взросление» исторической социологии. Вся необъятная научная деятельность Вебера основывалась на богатейших исторических знаниях — от древних цивилизаций до зарождения индустриального капитализма. Видение исторической перспективы привело Вебера к отрицанию внеисторических, механистических «законов истории», а также схем, составленных в рамках теории развития, и заставило обратиться к конкретным историческим изменениям, переходам от одних эпох и периодов к другим и особенно — к зарождению капитализма в Западной Европе. Это привело также к отрицанию механистической или фаталистической интерпретации исторического процесса и придало субъектам человеческой деятельности, их мотивациям, намерениям и действиям решающую роль в производстве социальных, экономических и политических структур в самом широком смысле. Современный комментатор имеет пол-

[256]

ное право считать Вебера «наиболее исторически мыслящим из всех великих социологов» (65; 20). Недавнее возрождение исторической социологии нужно связывать с наследием Маркса, Токвиля и особенно Вебера, с их собственно историческими работами, а не с философскими, априори ориентированными на теорию развития схемами Конта, Спенсера, Тенниса или Дюркгейма.

До того, как произошло такое возрождение, социология переживала длительный период утраты исторической перспективы. Отчасти это объясняется тем, что на рубеже XIX и XX вв. социологическая мысль пережила второе рождение в Соединенных Штатах, а корни американской социологии радикально отличаются от европейских. Прежде всего она возникла в обществе, более бедном историческими традициями. Ведь оно с самого начала представляло собой единую социально-экономическую систему индустриального капитализма и понятия не имело о родовых муках, свойственных периоду перехода традиционного общества в современное. В то же время американское общество — крайне сложно по своему расовому, этническому и классовому составу; его изначально раздирали многочисленные противоречия, расколы и конфликты. Оно было буквально нашпиговано всякого рода отклонениями и социальной патологией. Поэтому для него важнее всего было очистить, улучшить существующий порядок, а не установить новую социальную формацию. Американские социологи сосредоточили свое внимание на сохранении стабильности, бесперебойной деятельности социальной системы, на уничтожении преступности и социальных беспорядков, на интеграции местных сообществ, на повышении эффективности социальных институтов, производительности труда и управления. Поиски решения этих проблем велись и на уровне конкретного эмпирического анализа, но главным образом — на микросоциологическом уровне (16; 1—2).

Заботы об оздоровлении ситуации требовали сиюминутных, эмпирически выверенных рекомендаций и вместе с тем с необходимостью подталкивали к микросоциологическим исследованиям. Все это стимулировало обращение американских социологов к другим интеллектуальным источникам, к традициям психологии, а не историософии. Типичная для американской социологии теоретическая направленность — прагматизм, социальный бихевиоризм, символический интеракционизм, а позднее и теория обмена — явно обуславливалась ее психологической ориентацией. Если вставляли вопросы, связанные с деятельностью всего общества (на макроуровне), то американцы охотно адаптировали традиции британской функциональной антропологии Малинов-

[257]

ского и Радклиффа-Брауна, которые рассматривали общество как саморегулирующуюся, уравновешенную, внутренне гармоничную систему (281). Уже в 40-х годах возникла школа структурного функционализма, которая стала доминирующей в американской социологии, и такое свое положение она сохраняла в течение тридцати

последующих лет. Таким образом, и на микро-, и на макротеоретическом уровнях традиции, характерные для американской социологии, отличались тем, что были абстрагированы от исторического измерения социальной реальности. Некритически настроенные исследователи ответственны не только за узкий эмпиризм и прагматический подход, но и за черты внеисторизма, свойственные американской социологии. Я буду называть эту ветвь внеисторизма, рожденного и выпестованного в Соединенных Штатах, а затем распространившегося по всему миру, «сиюминутным внеисторизмом».

Так в результате двойственности генеалогии социологической науки, европейской и американской, внеисторическая ориентация господствовала в этой дисциплине на протяжении большей части XX в. Наследие первого (европейского) источника обнаруживается в историософском внеисторизме социологии, которую ставят выше исторической науки. В результате такой ситуации появились различные направления эволюционизма, неозволюционизма, теории экономического роста, модели модернизации, а также фаталистические и детерминистские версии неомарксизма. Наследие второго (американского) источника происхождения сказывается в «сиюминутном внеисторизме» социологии, которая никак не соприкасается с исторической наукой. Вследствие этого американской социологии свойственны узкий эмпиризм, а также внеисторизм теорий, которые без тени смущения игнорируют историческое время как измерение.

В эпоху господства внеисторизма историческая точка зрения, будучи вытесненной на обочину, тем не менее полностью не исчезла. Два мостика связывают традиции Маркса, Токвилля и Вебера с современной социологией. Один — мощный поток «дея-тельностьного марксизма»: работы Грамши, Лукача, Франкфуртской школы, новых левых и т.д. Правда, в основном данное направление было весьма влиятельным в философии и не оказывало непосредственного воздействия на социологическую практику, которая тогда еще была запрограммирована на отрицательное отношение к философии. Поэтому более важным представляется другой интеллектуальный феномен, когда «чужаковатые, хотя и вполне заслуженные великие мэтры науки» (358; 357) время от времени брали на себя роль историков и изучали некоторые ог-

[258]

раниченные, конкретные фрагменты прошлого. Однако, имея социологическую выучку, они были готовы подвести под подобные исследования свою концептуальную основу. Вот несколько примеров: Р.К. Мертон прослеживал возникновение экспериментальной науки в XVII в. в Англии (288); Н.Дж. Смелзер описывал возникновение хлопковой индустрии в Британии в преддверии современной эпохи (359); Ш.Н. Айзенштадт анализировал политические системы древних, централизованных империй (102); С.М. Липсет реконструировал историческую генеалогию американской нации (242). Подобные (хотя и единичные) работы стали известны широкой аудитории и подготовили почву для полного возрождения исторической перспективы в социологии, которое началось лишь в 70-х — 80-х годах.

В конце 50-х годов узкий эмпиризм и сиюминутность подверглись сильной критике. Это можно назвать первым этапом кризиса послевоенной социологии. Доказывая необходимость теории, некоторые авторы решительно требовали восстановить историческую перспективу. К. Райт Миллз, например, видел в этом предпосылку истинно «социологического воображения»: «Каждая социальная наука — или лучше, каждое хорошо продуманное социальное исследование — требует концепций с широким историческим диапазоном и полного использования исторического материала» (297; 145).

В 60-х и 70-х годах функциональную «великую теорию» критиковали в первую очередь за то, что она приводит к утопическому, неадекватному видению истории. Так наступил второй этап кризиса социологии. Модель интеграции, консенсуса и стабильности теоретики конфликта переработали в модель конфликта, напряженности и изменения (86; 337). Акцент сместился с механистической саморегуляции системы к целенаправленным действиям

индивидов, групп, коллективов, социальных движений, социальных масс, которых стали рассматривать в качестве «причинных агентов» или по меньшей мере носителей социальных изменений. Формула «социология без истории» (или «сиюминутный внеисторизм») все больше утрачивала былую популярность. Критика дошла и до формулы «социология над социологией», или «историософского внеисторизма».

В главе 12 мы проанализировали, как фаталистическая, механистическая, пророческая интерпретации марксизма были оспорены Поппером (331; 332), а также как метафора роста, лежащая в основе всех эволюционистских и неозволюционистских теорий, подверглась уничтожающей критике со стороны Нисбета (311; 312) и Тилли (403).

[259]

Новый историзм

На основе этих глубоких изменений возникает «новый историзм», или «историческая социология», как особое теоретико-методологическое направление. И хотя она еще очень молода, ее вклад — как в плане конкретики, так и в плане обобщений — уже весьма значителен. Что касается первого, то можно указать на работы тех авторов, которые, следуя Марксу, Токвиллю, Веберу, а позднее Мертону, Смелзеру, Айзенштадту и другим, поднимали конкретные исторические проблемы с тем, чтобы подвергнуть их социологическому анализу. В качестве иллюстрации второго можно назвать индуктивное сравнительное исследование тех или иных исторических случаев в поисках общего механизма социальных процессов. Например, Баррингтон Мур (302) прослеживал механизмы крестьянских восстаний и буржуазных революций во Франции, Соединенных Штатах, Китае и Японии с целью поиска тех факторов, которые определяют различные сценарии политического развития в постфеодальную, демократическую, фашистскую и коммунистическую эпохи. Чарльз Тилли изучал социальные движения и коллективные протесты в «бунтарский век» 1830— 1930-х годов, в частности во Франции, Англии и Италии, выстраивая на их основе оригинальную теорию коллективного действия (405; 399). Теда Скокпол (357) проводила сравнительное исследование французской, китайской, русской революций и описывала политический механизм, действовавший во всех этих случаях. Михаэл Манн (265) исследовал источники и происхождение власти в человеческом обществе, начиная с неолитических времен через цивилизации древнего Востока, классический век средиземноморских цивилизаций, средневековую Европу, индустриальную революцию в Англии и кончая современной эпохой. На основе столь обширного исторического материала он выстроил обобщенную модель и теорию власти. Для нас же важно сосредоточиться на другой стороне наследия исторической социологии, а именно на общефилософской, метатеоретической и теоретической мысли, которая по-новому освещает природу социальной реальности. Я буду обсуждать только то новое, что вносят социологи сегодня. Тенденция к слиянию или интеграции социологии и истории коренится и в самой теоретической истории, прежде всего — во французской школе Анналов (напр., 58) и в различных отраслях «социальной истории». Историки этой ориентации нередко достигают такого же уровня представлений об обществе, близкого исторической социологии. Акцент на тот факт, что по своей природе общество есть процесс, что оно созидательно и

[260]

имеет собственную историю, характерен и для некоторых современных философов (напр., 44).

Норберт Элиас и фигуративная социология

Появление современной исторической социологии связано с игнорировавшимися долгое время работами Норберта Элиаса. Он одним из первых исторических социологов

начал упорную атаку на социологов за их «отступление в настоящее» (116, 223), что было столь типично для «ортодоксального консенсуса» на уровне теории, а также за некритичную подборку фактов на уровне эмпирического исследования. Этому недостатку, выражающемуся в абстрагировании от временных и динамических параметров организации человеческого общества, Элиас противопоставил «процессуальную перспективу». Она означает осознание того, что «непосредственное настоящее, к которому обращаются социологи, составляет лишь ничтожно малую мимолетную фазу в необъятном потоке человеческого развития, и что этот поток, исходя из прошлого, пересекает настоящее и устремляется к возможному будущему» (116; 224). Общества рассматриваются в историческом времени: «Каждое современное общество выросло из более ранних обществ и выходит за свои собственные пределы, превращаясь в разнообразные возможные будущие общества» (116; 226). Этот процесс в основном незапланирован, хотя и включает в себя более короткие или более длинные эпизоды спланированного, намеренного социального изменения. Изменения не имеют автоматического или неизбежного характера; процесс полностью обусловлен людьми в их сложном взаимодействии, взаимозависимости, которые Элиас назвал «образами» (*figurations**). Их узловыми точками могут быть индивидуальные деятели, но могут быть и группы, и даже государства. Образы формируют «гибкую решетчатую конструкцию напряженностей» (ИЗ; 130), «неустойчивое напряженное равновесие, баланс сил, движущихся туда и обратно, перевешивая сначала в одну сторону, затем в другую» (113; 31). Такие паутины, или сети, межчеловеческих отношений с властью как основной связью (соединяющей людей, но также и противопоставляющей их; порождающей не только их кооперацию, но и конфликты) внутренне текучи, нестабильны, подвергаются всем видам изменений. Это и есть модели движения большей или мень-

* Элиас использует в качестве ключевого понятия термин «Figurations», т. е. создаваемые людьми образы, конструкции социальной реальности. (*Ред.*)

[261]

шей продолжительности. В таких своих «образах» люди и сосредотачивают собственную деятельность по изменению истории.

Планы и действия, эмоциональные и рациональные побуждения людей постоянно переплетаются, а переплетения бывают дружественными или враждебными. Эта основная ткань, состоящая из многих единичных планов и действий, порождает изменения, которые не планировала и не создавала ни одна отдельная личность. Из такой взаимозависимости возникает своеобразный порядок, причем порядок более сильный, чем воля и разум составляющих его индивидов. Это именно тот социальный порядок, который создается переплетением человеческих побуждений и стремлений и определяет направление исторического изменения (114; 230—231).

С другой стороны, по принципу обратной связи «образы» сами влияют на человеческие действия: «индивиды формируют исторические образы и сами исторически формируются ими» (2; 250). Тем самым разрешается дилемма непрерывности и трансформации в этом «имманентном порядке изменения» (23; 193). Как побочный продукт понятие образа служит мостиком между структурой и действием. По замечанию одного современного комментатора, «Элиас стремится выйти за пределы привычных полярностей мышления и избежать любой позиции, идентифицируемой с этими полярностями» (160; 332). В этом смысле проект исторической социологии Элиаса является по преимуществу синтетическим.

Филип Абраме и его проект «исторической социологии»

В 1982 г. Филип Абраме заявил о необходимости полной интеграции социологии и истории. С его точки зрения, единственный серьезный способ создания социологии — исторический. Для этого существуют и онтологические причины, поскольку и социологи, и историки имеют дело с одной и той же «безумной немеханической машиной» (2; xiii), —

человеческим обществом. Как статический, так и традиционный динамический подходы, предлагая «законы и стадии эволюции и развития, где постулируется необходимость самих законов» (2; 8), оказались совершенно неадекватными. «В моем понимании истории и социологии, — пишет Абраме, — между ними не может не быть взаимосвязи, потому что у них один и тот же основной предмет изучения. И та и другая стараются понять загадку человеческого действия, и та и другая стремятся сделать это в терминах процессов социального структурирования» (2; x).

[262]

Идея процесса помогает перекинуть мост между традиционно противопоставляемыми статикой и динамикой, равно как между структурой и действием: «Разделение на диахронию и синхронию абсурдно. Социологи должны быть заняты событийностью, потому что именно так происходит структурирование» (2; x). «Социология процесса» обеспечивает «альтернативу нашим исчерпавшим себя и социологическим теориям действия и системы» (2; xv), «потому что процесс есть связь между действием и структурой» (2; 3). Таким образом, «общество нужно понимать как процесс, исторически творимый индивидами, которых исторически творит общество» (2; 227). Это процесс бесконечный, последовательный и кумулятивный; на каждой его стадии действия предпринимаются в условиях, которые сложились в прошлом, и, в свою очередь, эти действия подготавливают обстоятельства для будущего. Данный «продолжительный процесс конструирования является центральным предметом социологического анализа» (2; 16).

Процесс строится из исторических событий: «Событие есть момент становления, в котором «встречаются» действие и структура» (2; 192). Главные повороты процесса происходят под влиянием великих событий (2; 199).

Конечной движущей силой истории является, таким образом, диалектика человеческой деятельности. Ход истории определяется диалектикой структурирования.

«Проблема действия является проблемой поиска такого способа, с помощью которого можно объяснить человеческий опыт. Это требует того, чтобы, одновременно и в равной мере, история и общества создавались постоянными и более или менее целенаправленными действиями, причем какими бы целенаправленными они ни были, их создают история и общество. Как мы, будучи активными субъектами, создаем мир объектов, которые затем, в свою очередь, становятся субъектами для того, чтобы сделать нас своими объектами!» (2; xiii).

Такова основная загадка, определяющая исследовательскую программу и социологии, и истории, и порожденной ими исторической социологии.

Чарльз Тилли: соединение социологии и истории

Некоторого синтеза социологии и истории сумел достичь Чарльз Тилли, который является одновременно специалистом и по социальной истории, и по исторической социологии. Он выдвинул несколько общих программных положений относительно

[263]

исторической природы социальной реальности и значения исторического аспекта в социологических исследованиях, тем самым подчеркнув кумулятивность процесса. «Как феномен история представляет собой кумулятивное влияние прошедших событий на события настоящего» (402; 12). Любая текущая ситуация не является необходимой фазой некоей предопределенной последовательности развития, она есть «результат длительного, медленного, исторически специфического процесса» (402; 39). Вместе с тем она обеспечивает возможность для его непрерывности. «Каждая структура или процесс состоит из ряда точек выбора. Результат в данной временной точке содержит потенциальные результаты более поздних точек» (403; 14). Актуальный исторический процесс плюралистичен и

дифференцирован, в нем сочетаются различные перекрещивающиеся, конфликтные, дополняющие друг друга и параллельные процессы. «Социальных изменений вообще» не существует. Есть множество крупномасштабных процессов: урбанизация, индустриализация, пролетаризация, рост населения, капитализация, бюрократизация. Все они происходят в определенной последовательности, а социальные изменения — нет» (403; 33). Конечно, в конкретные периоды истории одни процессы могут быть более важными, затеняя влияние других. «На протяжении нескольких последних сот лет среди всех изменений в мире доминировали рост числа национальных государств и развитие капитализма» (403; 49). Но все это зависит от обстоятельств и вовсе не неизбежно.

Тилли рассматривает социальную реальность не как систему, а как трансформирующуюся сеть «многообразных социальных взаимоотношений, одни из которых полностью локализованы, а другие охватывают весь мир» (403; 25). Так, устройство общества и ход истории в конечном счете зависят от конкретных человеческих действий. Тилли предпочитает сосредоточить внимание на повседневном поведении обычных людей («популистская история»), в частности, на «способах их коллективных действий, которые они предпринимают для реализации своих интересов» (399; 5). Помимо прочего он относит к ним деятельность «групп по интересам», коллективное насилие, социальные движения и революции.

Смысл работы Тилли ясен: социология должна получить «историческое обоснование» (402; 12, 46), т. е. «необходимо, преодолев субстанциальные рамки пространства и времени, взглянуть на общество и увидеть, к чему мы пришли, куда направляемся и каковы реальные альтернативы нашему сегодняшнему состоянию» (403; 11). Подобные исследования должны «учитывать, что время и место, в которых оказываются структура или процесс, привно-

[264]

сят различия в их характер, что последовательность, в которой происходят аналогичные события, существенно влияют на их результат» (403; 79).

Кристофер Ллойд и «структурализм»

Хорошее объяснение позиции, именуемой «структурализмом», дал Кристофер Ллойд (243). «Проблема состоит в наведении мостов между субъективным и объективным, а также между свободой и детерминизмом. Это необходимо для того, чтобы показать, как люди в действительности создают свою собственную историю, а также как частные обстоятельства, которые являются результатами действий людей, созидавших историю в прошлом, обуславливают творение ими истории сегодня». Ключ к этой загадке лежит в процессуальном характере общества: «Проводить водораздел между прошлым и настоящим бессмысленно. «Настоящее» всегда становится «прошлым», и процессы непрерывно текут в обоих направлениях» (243; 20). Следовательно, «главная цель социальной науки должна состоять в объяснении социальной трансформации» (243; 10). Это требует знания исторической перспективы. «Поскольку структуры всегда меняются, они должны изучаться под историческим углом зрения» (243; 164).

Внутри процесса происходит взаимная, диалектическая игра структур и действий: «Действия объясняются их структурными и психологическими императивами и напряженностями, а структура и ее история объясняются как намеренные и ненамеренные последствия индивидуальных действий и копирующего их массового поведения во времени» (243; 10). Движущей силой этой диалектики и вытекающего отсюда исторического процесса являются действия людей в рамках их социального, культурного и географического окружения (243; 192). «Индивидуальные и коллективные человеческие действия — фундаментальная движущая сила истории» (243; 37). «Личности агентов» (т. е. субъектов действия. — *Ред.*) свободны в пределах определенных границ, они обладают способностью влиять на некоторые ограниченные изменения в мире и делают это как намеренно, так и — чаще всего — непреднамеренно, что приводит к непреднамеренным и даже неосозанным

структурным результатам.

Итак, согласно концепции структурализма, общество представляет собой упорядоченную, независимую, но свободно интегрирующуюся, постоянно меняющуюся «конфигурацию» отношений, правил и ролей, которые скрепляют колл-

[265]

лектив индивидуальных личностей. Оно существует независимо от любого отдельного индивида, но не всех (или значительной части) индивидов... Чтобы оно продолжало существовать, оно должно ими воспроизводиться и преобразовываться под влиянием их собственных действий (243; 16—17).

Исторический коэффициент

Благодаря возросшему вниманию к историческому измерению социальная реальность все чаще рассматривается с определенным «историческим коэффициентом». На мой взгляд, это понятие можно использовать применительно к шести онтологическим положениям, составляющим основу исторической социологии.

1. Социальная реальность — это не статическое состояние, а динамический процесс. Она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов. Время является внутренним, внутренне присущим социальной жизни фактором. Что происходит, как, почему, к какому результату приводит — все это в значительной степени зависит от времени. Не только свойства, черты феномена, но и его «законы» диктуются временем; в различных фазах процесса действуют различные механизмы событий.

2. Социальные изменения представляют собой слияние множественных процессов с различными векторами, частично перекрещивающимися, частично сближающимися и частично расходящимися, поддерживающими или уничтожающими друг друга. Наличное состояние общества всегда является конкретной точкой пересечения этих дифференцированных, разнородных и раз-нонаправленных процессов.

3. Общество, подвергающееся изменениям, не воспринимается как сущность, объект или система, а представляет собой сеть отношений, пронизанную напряжением и гармонией, конфликтами и сплоченностью.

4. Последовательность событий в пределах каждого социального процесса имеет кумулятивный характер. Каждая фаза есть аккумулированный результат, эффект, кристаллизация, «пункт прибытия» всех предыдущих фаз и в то же время — семя, «встроенный» потенциал, отправная точка для следующего процесса. В каждый исторический момент открывается определенное поле возможностей, выборов будущего курса, которое в значительной мере ограничено предыдущим развитием процесса.

5. Социальный процесс является конструированным, созданным действиями людей. За каждой фазой социального процесса стоят коллективы, группы, социальные движения, ассоциации и

[266]

т.д., и каждая фаза обеспечивает определенное количество возможностей, ресурсов, способностей — можно сказать «сырья» — для людей, которые занимаются конструированием социальной реальности.

6. Люди конструируют общество не «как вздумается», а лишь в данных структурных условиях, унаследованных от прошлого, т. е. созданных для них предшественниками, которые, в свою очередь, были тоже структурно ограничены. Таким образом, существует диалектика действий и структур: последующие структуры формируются благодаря предыдущим действиям.

В плюралистической панораме современной социологии историческая ориентация явно находится на подъеме. Размах и скорость этого сдвига парадигмы можно оценить,

сравнив мнения некоторых исследователей. В 1968 г. Эриксон воскликнул в отчаянии: «Социологии в Соединенных Штатах по-прежнему не хватает исторического фокуса» (117; 61). 12 лет спустя К. Бурк возвестил: «Историческая социология является сейчас течением» (65; 28). Годом позже Тилли констатировал: «Ряд лучших, талантливых американских социологов обращается к историческим исследованиям» (402; 43), а в 1984 г. Т. Стокпол объявил о наступлении «золотого века исторической социологии» и пришел к выводу, что «сегодня поток исторической социологии превратился в реку и выплеснулся в водовороты, которые кружатся по всем частям социологического знания» (403; xii, 356).

В исследованиях социальной реальности благодаря «историческому коэффициенту» наконец преодолеваются старые дихотомии непрерывности и изменений, статики и динамики, синхронии и диахронии. Исторический процесс квалифицируется теперь как десятилетний продукт, аккумулированный эффект продуктивных и репродуктивных усилий, предпринимаемых в ходе человеческой деятельности субъектами этой деятельности в структурах, созданных предыдущими поколениями. Как мы видели, в работах исторических социологов явственно просматривается мысль о том, что движущей силой процесса является человек. И хотя главным для них остается загадка стабильности и трансформации, фактически их работы также способствуют наведению мостов между действием и структурой.

«Исторический коэффициент» и «коэффициент действия» указывают на наличие двух взаимодополняющих и даже соизмеримых характеристик социальной реальности. Наследие теории деятельности соединяется с наследием исторической социологии, позволяя очертить контуры нового видения социального мира.

[267]

15. Социальное становление: сущность исторических изменений

Уровни социальной реальности

В этой главе я хотел бы объяснить собственный теоретический подход, который более детально я развиваю в других своих работах (393).

Начнем с различения двух уровней социальной реальности: уровня индивидуальностей и уровня общностей. Первый представляют отдельные люди или члены конкретных коллективов (групп, ассоциаций, общностей, движений и т.д.) второй — абстрактные социальные целостности надиндивидуального типа, представляющие своеобразную, специфическую социальную реальность (общества, культуры, цивилизации, общественно-экономические формации, социальные системы и т.д.)- Социальные целостности интерпретируются не как простые совокупности или метафизические сущности, а как структуры; социальные индивиды также рассматриваются не как пассивные объекты или полностью автономные субъекты, а как деятели, ограниченные в своей деятельности. Это — первое различие.

Теперь можно добавить второе различие, связанное с двумя способами существования социальной реальности — в качестве потенциальной возможности и в действительности. Под первым мы имеем в виду внутренние тенденции, семена или зародыши будущего, способности, возможности, «силы» и т.д.; под вторым — процессы, трансформации, развитие, поведение, деятельность и т.д.

Каждый из названных способов может быть обнаружен в основных компонентах социального мира. Структуры могут рассматриваться как потенциальные возможности, раскрывающиеся в деятельности; деятели (агенты, субъекты) — как потенциальные возможности, реализующиеся в действии. Таким образом, соединяя («скрещивая») обе дихотомии (уровней и способов), мы получаем четыре категории, составляющие четыре краеугольных камня в нашей модели: структуры, деятели (агенты), деятельность, действия.

Рассмотрим связь между ячейками этой четырехзвенной струк-

Таблица 15.1

Потенциальность , Актуальность
(действительность)

Тотальность Структура Оперирование

Индивидуальность Агент Действие

туры (табл. 15.1). По вертикали мы обозначаем взаимодополняющие друг друга отношения возникновения и автономии. Структуры рассматриваются как эмерджентные (неожиданно возникающие) по отношению к субъектам; даже включая последних, они обладают своими особыми свойствами и регулярностью (повторяемостью). Они представляют собой межсубъектные сети, не сводимые к сумме деятелей-субъектов. Но и субъекты также не сводятся к их структурному местоположению; они обладают некоторой автономией, целостностью, относительной свободой выбора и решения. Это самодостаточные сущности, со своими особыми свойствами и собственной регулярностью, а не просто узловые точки структур.

Точно так же оперирование структур (функционирование общества) должно рассматриваться как эмерджентное по отношению к действиям, предпринимаемым агентами. Пусть даже эти действия создают (подготавливают) конечный продукт социеталь-ного (общесоциального. — *Ред.*) уровня, — этот продукт не сводим к действию, сочетая в себе многочисленные взаимосвязанные действия, его возникновение требует собственного, специфического момента, своего способа или логики следования. Это

— более чем сумма действий. Мы определили структуры как статические эмерджентности по отношению к субъектам, даже если бы без их действий не было структур. Соответственно, операции

— это также динамические эмерджентности по отношению к действиям, пусть даже без действий не было бы операций. Как писал Блау, «хотя в основе комплексных социальных систем лежат более простые, они имеют свою собственную динамику с эмерджентными (неожиданно возникающими) свойствами» (48; 20). Эти свойства можно проанализировать на их собственном уровне, абстрагируясь от того факта, что конечный субстрат социетальных операций произведен социальными действиями.

Я предложил бы три формы такой независимой динамики структур. Так, первую можно обозначить как «принцип инерции»: обычно предпочтительнее, чтобы функционирование продолжалось в том же режиме, без радикальных поворотов (например, в

странах «реального социализма» в течение долгого времени типичной реакцией на экономические трудности было скорее повышение цен и налогов, нежели переход от планируемой к рыночно-ориентированной экономике; смена лидеров воспринимается как нечто гораздо более привычное, чем замена тоталитаризма демократией; а открытие еще одной угольной шахты считалось более приемлемым и стандартным инвестиционным решением, чем использование ядерной энергии). Вторую форму независимой динамики можно обозначить как «принцип момента» (или континуальности): за определенной стадией или фазой чаще всего наступает следующая, т. е. процесс не останавливается и не поворачивает вспять. Если достигается стадия А, то скорее всего за ней последует стадия В (например, если принята определенная политика, то она будет проводиться хотя бы некоторое время; если сделаны инвестиции в ту или иную сферу экономики, то это влечет за собой вложение инвестиций и в ряд новых сфер, связанных с первой; если в какой-то области социальной жизни наблюдается дезорганизация, то она чаще всего начинает расширяться и захватывать другие сферы; если потребительские запросы людей уже до некоторой степени

удовлетворены, то снизить уровень запросов достаточно сложно. Наконец, мы выделили бы «принцип последовательности», суть которого заключается в том, что следующие одна за другой фазы зачастую не могут быть пропущены (например, экономику нельзя модернизировать без предварительного обучения рабочей силы; модели потребления нельзя изменить, не начав производить или импортировать новые, оригинальные продукты). Это — только гипотетические иллюстрации, имеющие целью показать, что эмерджентные структуры могут рассматриваться как раскрывающие себя эмерджентным (неожиданным) образом согласно их собственным принципам (требованиям).

Действия же, напротив, не являются простым воплощением функционирования всего общества, целиком встроенными в момент операции структур. Они обладают определенной самостоятельностью, относительной независимостью от динамики социального контекста, в который они и сами входят как его составляющая, они могут «осуществляться против течения», быть анахроничными или нацеленными в будущее.

Если мы обратимся к горизонтальному измерению нашей четырехзвенной таблицы, то увидим, что отношение между деятелями и действиями весьма интуитивно. Оно может быть объяснено с помощью концепции «мобилизации»: деятели мобилизуют свои потенциальные способности, возможности, потребности, отно-

[270]

щения, склонности для того, чтобы предпринять действия различного типа. Они едят, когда голодны; ссорятся, когда сердиты; составляют симфонии, если талантливы; совершают революции, когда испытывают лишения; развязывают войны, когда вооружены, и т.д. Конечно, существует множество факторов, которые определяют, будут ли все это делать или воздержатся от действий, сохраняя свои потенциальные возможности нераскрытыми. Гораздо менее очевидным является горизонтальное отношение на верхнем уровне — между структурой и ее функционированием (оперированием). Это отношение может быть «схвачено» с помощью такого понятия, как «раскрытие». Структуры раскрываются в операциях, обнаруживая внутренние потенциалы, тенденции, диспозиции (предрасположенности. — *Ред.*) в процессе функционирования. Например, они могут разрушиться и измениться, если их пронизывают противоречия, и, наоборот, будут спокойно оперировать, если внутренне однородны и гармоничны. Если же они недифференцированы и централизованы, то вероятнее всего их ожидает застой. Конечно, существуют несколько взаимосвязанных переменных, которые определяют, будут ли потенциалы структур раскрываться или нет.

Средний уровень: деятельность и практика

Разграничив уровень структур в их оперировании и уровень субъектов (агентов, деятелей) в их действиях, мы должны теперь попытаться соединить их и осмыслить связь между ними. Это принципиальный шаг в разработке нашей модели. Именно здесь, в «интерфейсе»* (21; xiii) между структурами и агентами, операциями и действиями кроется загадка социального становления.

Многие авторы в своих исследованиях шли именно в этом направлении, подчеркивая «дуализм структур» (и его логическое завершение — «дуализм агентов»), или в более общей форме «аналитический дуализм» социальной реальности. С точки зрения Гидденса, «дуализм структур ... выражает взаимную зависимость структуры и деятельности» (147; 69). Таким образом, «агенты и структуры не являются двумя независимыми комплексами явлений и не составляют онтологического дуализма, но представляют собой двойственное целое. В соответствии с «дуальным» пониманием структуры, структурные свойства социальных систем рас-

* Напомним, что интерфейс — это состояние совместимости различных систем (или программ оперирования) на языке компьютерной грамоты. (*Ред.*)

смаатриваются одновременно и как средство, и как результат практики, которую они организуют, попеременно опираясь друг на друга» (149; 25). «Двойственность (дуализм) агентов» можно рассматривать по принципу комплиментарности, имея в виду, что свойства агентов являются и продуктами структур, и ресурсами для их построения. Сходное предположение высказывает и Рой Бхаскар: «Если общество — это условие нашей способности действовать, то и человеческая способность действовать точно так же является условием для общества, которое эту способность воспроизводит и трансформирует. Согласно такой модели, общество — одновременно всегда наличествующее условие и постоянно воспроизводимый результат человеческой деятельности. В этом заключается дуализм структуры» (44; 123).

Маргарет Арчер отвергает «двойственность (дуализм) структуры» и выбирает принцип «аналитического дуализма» — «попытку концептуально представить то, как определенные свойства «частей» и определенные свойства «людей» реально смыкаются в интерфейс» (21; xviii). Она предлагает исследовать их во взаимодействии, взаимовлиянии, а не сливать воедино, считая, что они «конституируют», организуют друг друга» (21; xiii), потому что «вся суть аналитического дуализма заключается в способности исследовать именно отношения между ними» (21; 141). Я не буду вступать в дискуссию по этому поводу, но, используя взгляды обеих сторон, хочу предложить несколько отличную концепцию, своего рода «третье решение».

В теории «социального становления» уровни структуры в состоянии операций и агентов в их действиях не будут ни аналитически разделяться, ни взаимно сводиться друг к другу. Вместо этого будет постулирован третий, промежуточный уровень, который отражает подлинную сущность социальной реальности, специфическую социальную ткань. Возьмем любое эмпирическое событие или явление в обществе, что-нибудь такое, что в действительности происходит. Мы не найдем ни одного примера в общественной жизни, в котором не было бы слияния структур и агентов, операций и действия. Покажите мне агента, который не встроен в какую-нибудь структуру, или структуру, которая существует отдельно от индивидов, или действие, которое не включено в социальные операции, или, наконец, социальное оперирование, которое не распадается на действия. Нет бесструктурных агентов, и нет безагентных структур. Но в то же время структуры не растворяются в агентах, и агенты не поглощаются структурами.

Меня всегда поражала мудрость следующей сентенции, приписываемой Чарлзу Х. Кули: «Личность и общество — близнецы-

братья» (цит. по: 130; II, 486), и более раннего заявления Маркса о том, что обстоятельства создают людей в той же мере, в которой люди создают обстоятельства (см.: 258; 129). Почему бы нам всерьез не задуматься над смыслом этих прозрений? А смысл состоит в том, что не существует ни реальности агентов, ни реальности структур *самих по себе*. И не существует никакой приемлемой модели действительного взаимодействия этих двух реальностей — агентов и структур, рассматриваемых отдельно. Потому что в действительности они слиты вместе в единый мир — социальный мир человека, в его единую агентно-структурную фабрику*. Это не тот случай, когда отдельные агенты и структуры взаимодействуют, производя определенный эффект. Скорее агентно-структурная реальность в ее внутреннем, внутренне присущем ей единстве существует в различных перестановках, разнообразных «смесях» агентных и структурных составляющих и организует, конституирует социальные события. Исходный продукт, реальные компоненты, из которых «строится» общество, — это события, т.е. не индивидуальные действия или «социальные факты», а их тесное, конкретное слияние. Следуя нашей аналогии, сходное

решение можно предложить и для проблемы «тело-сознание»: сознание и тело полностью слиты в каждой личности и в действиях, предпринимаемых человеческими индивидами. Человеческая индивидуальная реальность состоит из личных событий (действий), в которых заявляют о себе и различные «добавки» этих неразделимых ингредиентов.

Давайте поразмышляем о предложенном нами среднем, третьем уровне, размещающемся между уровнями тотальностей и уровнем индивидуальностей, в терминах нашего разделения на две модели существования: потенциальной возможности и действительности. Заимствуя термин у Маркса, Грамши и Лукача, мы можем назвать действительные проявления социальной фабрики, текущие социальные события термином «практика». Практика есть «место встречи» операций и действий; диалектический синтез того, что происходит в обществе, и того, что делают люди. В практике сливаются оперирующие структуры и действующие агенты, практика — это комбинированный продукт момента оперирования (на уровне тотальностей) и направления действий, предпринятых членами общества (на уровне индивидуальностей). Другими словами, практика обусловлена «сверху», т. е. фазой

* Здесь Штомпка использует образ социальных институтов как фабрик по воспроизводству социальных отношений, как формулировал этот образ Э. Дюркгейм (Ред.)

[273]

функционирования, достигнутой обществом в широком смысле; и «снизу», т. е. поведением индивидов и их групп. Но она не сводима ни к тому, ни к другому; по отношению к обоим уровням (как индивидуальностей, так и всеобщностей, тотальностей), это — новое, возникающее качество. Таким образом, категория практики закреплена вертикально в двух основных понятиях нашей модели, относящихся к действительности: «операции» и «действия».

Теперь, оставаясь на этом промежуточном уровне, попробуем рассуждать в обратном порядке. Если практика есть действительность, проявление социальной фабрики, то должно быть нечто актуализированное, или «проявившееся»; внутренне присущая потенциальная возможность для практики, или, более точно, ряд способностей, диспозиций, тенденций, внутренне присущих социальной фабрике и позволяющих возникнуть практике. Понятие деятельности предлагается как коррелят по отношению к практике, размещающийся на том же уровне, что и практика, но относящийся к другому модусу существования, а именно «вынашиванию» потенциальных возможностей для практики. Эта фаза представлена на схеме (рис. 15.1).

«Действие», рассматриваемое таким образом, является атрибутивным понятием; оно суммирует определенные свойства социальной фабрики, эту «действительно действительную действительность» социального мира. Оно представляет собой то место, где сходятся структуры (способности к операциям) и агенты (способности к действию); это синтетический продукт, слияние структурных обстоятельств и способностей деятелей. В таком виде действие обусловлено двояко: «сверху» — балансом напряженностей и ограничений, а также ресурсами и возможностями, обеспечиваемыми существующими структурами; и «снизу» — умениями, талантами, мастерством, знаниями, субъективными отношениями членов общества и организационными формами, в которых они соединяются в коллективы, группы, социальные движения и пр. Но действие не сводимо ни к тому, ни к другому; по отношению к обоим уровням (тотальностей и индивидуальностей) оно составляет новое, возникающее качество.

До сих пор мы располагали и обосновывали категорию деятельности по вертикали, встраивая ее в две другие основные категории нашей модели, относящиеся к потенциальным возможностям: структур и деятелей. Но деятельность должна располагаться и горизонтально, как категория практики; проявляющейся в социальных событиях. Эта горизонтальная связь между деятельностью и практикой будет обозначена

термином «эвентуация» (событийность), отражающим слияние действительностей, имею-

[274]

Рис. 15.1. Измерения и уровни социальных процессов.

щих место на других уровнях: слияния, раскрытия структур и мобилизации субъектов действия. Итак, событийность обусловлена «сверху» и «снизу», но не сводима ни к одному из процессов и представляет вновь возникающее качество. Подобно этим составляющим процессам, эвентуация тоже обусловлена; она лишь возможна, иногда вероятна, но никогда не необходима. Действие может быть в различной мере актуализировано; оно может также оставаться скрытым или «дремлющим».

Три последовательности, связывающие потенциальную возможность и действительность, а именно структуры-раскрывающиеся-в-оперировании, агенты-мобилизуемые-в-действии, и синтетический процесс «деятельности-эвентуализирующейся-в-практике», рассматривались как линейные, «работающие» лишь в одном направлении. Мы должны скорректировать это, вспомнив идеи «дуализма структур» и «дуализма агентов». Пиаже сосредоточил внимание на уровне тотальностей, описывая «постоянную двойственность, или биполярность, которая всегда одновременно и структурируется, и структурирует» (327; 10). Пламенац сконцентрировался на уровне индивидуальностей, говоря об агенте: «Он есть продукт собственной активности... то, что он сделал, в свою очередь влияет на него» (329; 76). Насколько я понимаю, эти формулировки содержат важное прозрение относительно обратных связей, которые непременно должны быть включены в модель. Первая формулировка касается склонности структур к самоизменению; они преобразуются в процессах собственного оперирования. Мы можем говорить о процессе «построения структур». Вторая относится к склонности агентов (деятели) к самоизменению; они преобразуются в ходе собственных действий. Мы можем говорить о процессе «формирования агентов». Я указывал на этот процесс

[275]

Рис. 15.2. Деятельность и практика в функционировании общества.

более конкретно как на «двойной морфогенез» (390; 127). Маргарет Арчер (22) называет его «морфогенезом действия».

Применяя ту же идею, с необходимыми поправками, к опосредующему, третьему уровню деятельностно-структурной реальности, мы можем сказать, что деятельность значительно преобразуется практикой. Мы можем говорить о «деятельности-конструировании». Чтобы лучше понять данное положение, я включаю в модель три обратные связи, указывая их обратными стрелками. Но здесь должны подразумеваться вопросы: «Как могут потенциальные возможности оказаться под влиянием своих собственных актуализаций?», «Как в реальности оперирует самогенерирующий механизм?» Однако с ними мы должны подождать до момента, когда в модель будет введено временное измерение. Тогда вводящий в заблуждение образ причинности, «работающей» в обратном направлении, исчезнет.

Новые категории деятельности и практики, как и включение связующих процессов и обратных связей на всех уровнях, значительно обогатили модель социального становления. Мы можем подытожить настоящую стадию разработки концепции расширенной диаграммой (рис. 15.2).

Среда: природа и сознание

Модель социального становления в том виде, как она до сего момента представлена, повисает в вакууме, поэтому наш следую-

[276]

щий шаг должен состоять в обеспечении ей более широкого контекста. Социальное становление должно быть помещено в среду, на мой взгляд, двух видов: первый — природа, второй — сознание. Оба вида, если рассматривать их относительно человеческих действий и социетальных операций, очень близки. Поскольку люди живут в определенных пространстве и времени, используют естественные ресурсы, влияют на природные условия и т.д., постольку природа есть неизбежный «контейнер», в котором «помещается» социальная жизнь. Люди не могут существовать вне природы. Следовательно, природа является первым необходимым окружением социального мира. Но люди — мыслящие существа, использующие символы, общающиеся друг с другом, формирующие верования и т.д. Они всегда погружены в мир идей — как собственных, так и своих современников, и даже предшественников, и их невозможно представить вне этого окружения. Следовательно, сознание — вторая необходимая среда человеческого общества. Столь неизбежная двойственность человеческой конституции (люди одновременно являются и естественными объектами, и сознательными субъектами) влечет за собой двойственность той среды, в которой осуществляется человеческая практика.

Начнем с наиболее очевидной стороны, с естественной среды. Она существует в двух

видах: как внешние природные условия, в которых действуют люди и оперируют структуры, и как внутренние черты индивидов, которые являются конечным субстратом общества. К внешним природным условиям могут быть отнесены климат; рельеф местности; животные, растения, микроорганизмы в их взаимодействии с природной средой; состав и строение земной коры и т.д. Все это имеет непосредственное отношение к человеческим действиям и к оперированию структур, находится с ними во взаимосвязях. Одни сети взаимосвязей поощряются, даже усиливаются, другие сдерживаются естественными условиями. Представим себе пути миграций и торговли, сети коммуникаций или типов поселений в горных районах и, напротив, на равнинах, в долинах, вдоль рек, на побережье или на островах. Вспомним также об иерархиях неравенства, богатства или власти, типичных для районов с бедными ресурсами, и о тех, что возникают в условиях природного изобилия. Это лишь случайные иллюстрации, которые приходят на ум. Природа влияет на общество не только извне, но и изнутри — через биологическую конституцию и генетический багаж популяции. Большая часть того, что происходит в обществе, зависит от умственных способностей, прирожденных талантов, физической силы, выносливости, здоровья и приспособленности каждого члена общества, рав-

[277]

но как и от периодической повторяемости и распределения этих биологических черт по различным сегментам популяции.

В обеих формах — внешнего и внутреннего — влияния природная среда может выступать как негативный ограничитель (барьеры, ограничения) или позитивный поощритель (удобства, ресурсы). Чтобы выйти на еще более сложный уровень, необходимо рассматривать отношение природы и общества как двустороннее, взаимное. Природа производит периодически изменяющиеся условия, но в то же время это — условия взаимодействия для человеческой деятельности и практики. Она создает поле для возможной актуализации деятельности, но благодаря практике это поле может быть модифицировано. С одной стороны, оно может быть расширено за счет всей технологии, цивилизации и в целом «очеловеченной природы». Заметим, что «внутренняя среда», т. е. наследуемое (биологические или психологические задатки), также может расширяться в процессе деятельности. К этому «внутреннему окружению» относятся тренировки, умственные упражнения, самосовершенствование и выработка навыков. С другой стороны, обратное воздействие практики на естественную среду не обязательно положительно или выгодно, оно может быть неблагоприятным и даже разрушительным. Об этом свидетельствуют истощение ресурсов, недостаток энергии, экологические катастрофы и т.д. Вместе с тем так называемые болезни цивилизации, ухудшение здоровья, снижение выносливости людей показывают, что внутренняя, наследственная организация (природа) индивидов также подвергается неблагоприятному влиянию их собственных действий.

Обратимся теперь к социальному сознанию, или «идеологической среде». Погруженность в сознание — один из отличительных признаков социальных систем. Как считает Ян С. Яви, «социальный мир отличается тем, что его сущности, процессы и отношения возникают и формируются из действий его членов, а те, в свою очередь, опираются на теории и картины мира, которые они периодически создают» (205; 10). Другая формулировка принадлежит Кеннету Болдингу. «Социальные системы — это «направляемые образцы». Знание о самих системах является существенной частью их собственной динамики, т. е. такое знание о системе изменяет саму систему» (55; 7).

Сознание заявляет о себе на разных уровнях нашей модели. В первую очередь, сознание — это, конечно, свойства индивидуальных деятелей. Вслед за Гидденсом я придаю большое значение тому, что он называет «человеческой способностью к познанию». «Быть человеком, — пишет Гидденс, — значит действовать

[278]

целенаправленно, иметь разумные причины для своей активности и быть способным, если потребуются, разумно объяснить эти причины (включая ложные объяснения)» (149; 3). Разрабатывая некоторые идеи Альфреда Шюца, Гидденс различает две формы сознания: практическую и дискурсивную. «Люди способны не только контролировать собственную повседневную деятельность и деятельность других, но и контролировать сам этот контроль в своем сознании» (149; 29). Данный, несомненно фундаментальный онтологический факт необходимо учитывать в любой картине социальной реальности. Он позволяет говорить о сознании как индивидуальных, так и коллективных агентов, поэтому можно вести речь и о том, что называют «групповой культурой», «идио-культурой», «групповой идеологией» (338; 252). т. е. о характерном распределении идей в группе, типичных, доминантных, широко распространенных верований среди членов группы.

Поднимаясь с нижнего уровня нашей модели к верхнему, мы можем рассматривать сознание в менее индивидуалистических понятиях, уже не как содержание умов отдельных людей, но как надындивидуальные сети взаимосвязей, содержащие идеи, предписания, концепции, традиции, наподобие «коллективных представлений», своеобразных «социальных фактов» Дюркгейма или «третьего мира» Поппера (334; 180).

С обеих сторон сознание сталкивается с центральным онтологическим уровнем деятельности и практики. Потенциальные возможности агентов в значительной степени зависят от того, что люди в данном обществе действительно думают и во что верят (на уровне индивидуального и коллективного сознания), и от того, что их заставляют думать и во что верить идеологические структуры (идеологии, предписания, традиции, «встроенные» в социальное сознание). Первое может рассматриваться как внутренняя среда, поскольку оно размещается в человеческих головах, второе — как внешняя, поскольку это нечто надындивидуальное, существующее вне индивидуального человеческого разума. И то, и другое определяет возможные и невозможные виды практики, доступные и недоступные средства, достижимые или утопические цели. Ограничения, накладываемые природой, — жесткие, материальные. Ограничения, накладываемые сознанием, — мягкие, идеологические. Это не означает, однако, что последние не могут быть крайне сильными. История тоталитарных режимов, религиозного фундаментализма и т.д. показывает, до какой степени люди могут быть поработаны господствующими Доктринами и идеологиями. Феномен, называемый по-разному, ^B в одном случае — как «подчиненный разум» (298), в другом —

[279]

как «управление мыслью» (219), в третьем — как «власть в третьем измерении» (249), относится именно к этому виду запретов. Практика, в свою очередь, благодаря обратной связи, решающим образом влияет на сознание. Через практику люди обретают убеждения и проверяют их, получают подтверждение истинности или ложности тех или иных заявлений и собственных идей. Именно в практике и через практику, доказывая свою никчемность, неэффективность или антигуманность, разваливаются идеологические структуры, дискредитируются утопии и рушатся догмы, хотя нередко на это уходят века, поскольку принцип инерции действует здесь особенно сильно.

Тот факт, что операции деятельности и практики «погружены в море сознания» — внешнюю и внутреннюю среду, в среду мыслей, верований, идей, — имеет еще более важное значение. Сознание не только воздействует на практику, но является посредником в том влиянии, которое оказывает среда. Люди не просто «реагируют» на ситуацию, они интерпретируют, отбирают те или иные факторы и действуют на основе своих ощущений и выработанных методов. По утверждению Мертон, «мы реагируем не только на объективные черты ситуации, но и на тот смысл, который она для нас имеет» (293; 249). Сознание — индивидуальное, коллективное и социальное — служит вместилищем ресурсов

(концепций, символов, правил и т.д.) для таких интерпретаций. Оно может держать людей в неведении относительно каких-либо ограничений или возможностей или открывать им глаза на них; может обманывать их, предоставляя неадекватные интеллектуальные инструменты для понимания реальности; но может развенчивать иллюзии, предлагая критические доводы. Таким образом, естественные условия, ограничивающие или стимулирующие практику, в значительной степени опосредованы «идеологической средой». Деятельность должна быть «разбужена» осознанием угроз или преимуществ, к которым она приведет. Вспомним, например, об «экологическом сознании», которое возникло недавно и побудило широкие массы к действиям против загрязнения среды, хотя на самом деле мир был загрязнен гораздо раньше, по крайней мере еще с начала индустриальной эры. Или возьмем «аэробiku», настоящую манию тренировки тела, охватившую людей, когда они уяснили пользу физических упражнений, хотя сидячий образ жизни отрицательно сказывался на их здоровье еще в самом начале урбанизации.

На сознание влияют не только естественная среда, но и социальные структуры. Речь в данном случае идет не о сдерживании или поощрении людей прямым, непосредственным образом. Как

[280]

давно заметил Токвиль, люди могут терпеть эксплуатацию и лишения веками и восстают лишь с появлением эгалитарной идеологии, провозглашающей свободу, равенство и т.д. (414). Словом, революционная практика возможна тогда, когда пробуждается «революционное сознание». То же можно сказать и о выступлении женщин за свои права. В течение тысячелетий они сносили господство мужчин и стали протестовать против такого подчинения только с формированием «феминистского сознания». Экономические структуры рынка или политические структуры демократии доказали свою ценность во многих частях мира, но их полное принятие в Восточной Европе стало возможным лишь после того, как была достигнута высокая степень «демократического консенсуса» по вопросу о необходимости инициативы, конкуренции, плюрализма и т.д. Для того чтобы действительно полностью использовать возможности демократии, их сначала нужно осознать.

Говоря о решающей роли сознания в функционировании общества, необходимо избегать его односторонней абсолютизации. Было бы иллюзией думать, будто все, что происходит в обществе, осознается его членами. Существуют структуры, окружающие условия и даже собственные ресурсы, о которых люди и не подозревают. Зачастую они не способны предвидеть результаты, особенно долговременные, а также побочные эффекты. К. Поппер сформулировал это с помощью понятия «ситуативная логика» (334; 117). Р. Мертон рассматривает подобные непреднамеренные и неосознанные последствия целенаправленных действий как центральную тему социологии. «Интеллектуальная задача социологов состоит в первую очередь в анализе непреднамеренных последствий (среди которых есть и скрытые функции) социальной практики, равно как и в изучении осознанных последствий (среди которых есть явные функции)» (287; 120). В сходном ключе трактует этот вопрос Э. Гидденс: «Человеческая способность к познанию всегда ограничена. Поток действий постоянно приводит к неожиданным последствиям, которые, в свою очередь, могут формировать условия для непреднамеренных действий по типу обратной связи» (149; 27). Эти ограничения агентов и действий отражены на среднем уровне нашей модели, где возможные характеристики деятельности и практики иногда можно рассматривать в качестве изолированных как от внешней, так и от внутренней среды, создаваемой сознанием. Таким образом, можно постулировать спектр ситуаций от «слепого действия» и «спонтанной практики» на одном полюсе до «осознанного действия» и «рационально управляемой практики» на другом. Вдоль этой

[281]

шкалы располагаются все степени влияния, которое сознание оказывает на функционирование общества.

Вступая в мир времени и истории

В модели социального становления с самого начала неизбежно присутствует фактор времени. Когда мы говорим о раскрытии структур в операциях, или о мобилизации агентов для действия, или о реализации деятельности в практике, — во всем этом присутствует временное измерение. Но представление о времени в нашей модели отличается двумя недостатками. Во-первых, оно лишь подразумевается. Временное измерение процессов рассматривается в качестве самоочевидного и принимается как должное. Систематический анализ внутреннего содержания времени все еще не сделан. Во-вторых, этот анализ ограничен тем, что может быть названо «внутренним временем» в противоположность «внешнему времени», т. е. имеется в виду время функционирования, а не преобразования. Сами действия агентов, операции структур и их синтетическое слияние, т. е. практика деятельности, пока рассматриваются не как источник чего-либо нового, а, скорее, как воспроизводящие одно и то же. Функционирование общества остается по сути статическим, а не динамическим, охватывающим лишь изменения «в объекте» и игнорирующим изменения «самого объекта». Таким образом, модель синхронна, а не диа-хронна. Она не статична только в самом тривиальном смысле: учитывает некоторое движение внутри социальной реальности. Это не воспринимает всерьез ни один исследователь общества, независимо от теоретической ориентации. Признание движения еще не делает модель динамической. Требуется нечто большее. Мы должны преодолеть оба недостатка, включив в нашу модель время как более четкий и менее ограниченный феномен.

Следуя этим путем, мы можем найти хорошие примеры. Фактор времени особо акцентируется в двух ранних теоретических традициях — теории социального действия и исторической социологии, которые я пытаюсь синтезировать в теории социального становления. Их объединяет принципиальное убеждение в том, что взаимосвязь индивидуальностей и тотальностей можно обосновать только в историческом контексте. Гидденс высказывается за «включение временного аспекта в понимание человеческого действия» (147; 54) и с этой целью вводит понятия «рекурсивность» («воспроизводство») («посредством своей деятельности люди воспроизводят условия, которые делают ее возможной») (149; 2) и

[282]

«структурация» («производство»), т.е. «способ с помощью которого социальная система, используя правила и ресурсы производства и взятая в контексте непреднамеренных результатов действий, производит и воспроизводит себя во взаимодействии» (147; 66). Такой подход неизбежно приводит теорию социального действия к исторической социологии: «С восстановлением временного аспекта как внутренне присущего социальной теории история и социология становятся методологически неразличимыми» (147; 8).

Не удивительно, что сразу же, как только историческая социология впервые открыто заявила о себе, она полностью поддержала тезис о «необходимости воссоздать противоречия действия и структуры с точки зрения протекания этого процесса во времени, реорганизовать исследования в терминах диалектики структурирования» (2; xvi). Абраме заявляет, что «социальный мир в сущности своей историчен» (2; 3), и определяет историческую социологию как «попытку понять отношение, с одной стороны, личной активности и опыта, а, с другой — социальной организации, как то, что непрерывно организуется во времени» (2; 16). Ллойд утверждает, что «человеческая деятельность и социальное действие диалектически соотносятся с социальными структурами во времени» (243; 11). Он предлагает «сохранять временное измерение как внутренне присущее любому

исследованию общества, поскольку структура, действие и поведение динамически взаимосвязаны и подвержены изменению» (243; 314). Ллойд определяет последовательность, в которой проявляются эти три аспекта: «1) обстоятельства, способствующие действиям или затрудняющие их; 2) сознательное, т. е. исторически значимое, действие; 3) преднамеренные и непреднамеренные следствия действия, которые становятся объективными и, казалось бы, неизменными условиями действия и мышления» (243; 283).

Приблизительно те же фазы, составляющие бесконечные циклы морфогенеза, анализирует Арчер, называя их «структурным обусловливанием», «структурным взаимодействием» и «выработкой структуры» (21; xxii). Уже в 1986 г. она употребила время в качестве связующей нити между структурой и действием (20), потому что «без соответствующего включения времени в анализ проблемы вопрос о структуре и деятельности никогда не будет решен удовлетворительно» (20; 2). Затем она делает решающий шаг, который кажется самоочевидным, но такое ощущение самоочевидности появилось лишь после того, как он был сделан: «структура и действие предполагают включение в анализ различных временных периодов... Структура логически предшествует

[283]

действию, которое видоизменяет ее, а совершенствование структуры логически отстает по времени от этих действий» (20; 22). То же самое выражено в более поэтической форме: «Будущее замышляется в настоящем, выковывается из прошлого наследия нынешними новациями» (20; xxiv).

Итак, все концептуальные компоненты, необходимые для включения времени, уже присутствуют в нашем анализе. Нам осталось только выразить их в категориях нашей модели. Если мы осознаем, что разработанная модель описывает лишь один-единственный цикл социального становления, то мы можем подойти еще ближе к познанию исторической реальности, разместив несколько вариантов модели последовательно по оси времени. Каждый вариант рассматривается как действующий автономно (самовоспроизводящийся во «внутреннем времени»), а кроме того, как распространяющий свое влияние на последующий вариант (производя его во «внешнем времени»). Функционирование предшествующих моделей видится как причинно связанное с функционированием последующих, существенно преобразующее их.

Как «работает» такая причинная цепь? Это происходит довольно просто: в определенное время практика оформляет действие, которое проявляет себя позже; данное действие актуализируется в уже измененной практике, и весь этот процесс повторяется бесконечно. Если конкретизировать проблему, то можно разделить последовательность на некоторое число фаз. Так, происходящие сегодня социальные события, соединяющие в себе деятельность структур и действие субъекта (или просто практику) в любой данный момент времени, воздействуют как на структуры (модифицируя или создавая новые сети отношений), так и на субъектов (модифицируя или формируя их внутренние способности) в следующий момент времени. В результате возникает модифицированный или новый вид деятельности. Социальные условия для осуществления практических действий меняются. Если в результате деятельности происходят какие-то события, то она находит выражение в новой практике, которая, в свою очередь, соединяет деятельность новых структур и действия новых субъектов. Затем новая практика начинает аналогичный цикл, который, изменяя структуры и субъектов, модифицирует деятельность и способы ее реализации, что приводит к появлению следующего, модифицированного вида практики. Эта последовательность продолжается бесконечно, воспроизводя постоянно накапливающиеся изменения общества. Это и есть то, что мы подразумеваем под человеческой историей в противоположность внутреннему функционированию общества.

[284]

Рис. 15.3. Ход исторического процесса.

Таким образом, любое конкретное состояние общества есть лишь одна из фаз исторической последовательности, продукт осуществившейся деятельности (аккумулированной исторической традиции) и предпосылка для последующей деятельности. Аналогично этому, любое социальное событие (как компонент практики) является в определенном смысле отражением всей предыдущей истории и зародышем будущей истории. Оно «размещается» в потоке исторического времени. Социальное становление, рассматриваемое в измерении «внешнего времени» или простирающимся «в дурную бесконечность», может быть названо «деланием истории». Представим это наиболее сложное историческое измерение социальной жизни схематически (рис. 15.3).

Этот рисунок требует некоторого комментария. Ради упрощения картины, в рассматриваемую версию нашей модели мы включили лишь главные причинные связи, отмеченные стрелками, и опустили внутренние, имеющие значение лишь для функционирования общества, но не для его преобразования. Но один элемент модели был опущен не только из дидактических соображений. Сейчас мы можем пренебречь обратными связями, введенными ранее с целью подчеркнуть, что структуры изменяются в процессе воздействия на них, а агенты меняются в ходе осуществления своих действий, и в конечном счете деятельность агентов преобразуется в процессе практики. Стрелки, обозначающие обратные связи в предыдущей схеме, теперь могут быть обращены вперед, поскольку мы уже поняли, что структуры, субъекты деятельности и сама деятельность, претерпевающие обратное воздействие, являются иными структурами, субъектами и деятельностью, а именно: они существуют в более позднее время. Действительно, деятельность оказывает обратное влияние на действующую-

[285]

Рис. 15.4. Различные временные точки самопреобразования общества.

щие структуры, действия влияют на действующих субъектов, практика влияет на деятельность. Здесь нет никакого целеполагания потому, что мы имеем в виду структуры, субъекты и деятельность, обращенные в будущее и причинно обусловленные предшествующими операциями, действиями и практикой.

Нас также не должна вводить в заблуждение дидактическая необходимость изображения моделей, представляющих социальное функционирование в различные моменты времени как рядо-положенное; т. е. это не означает, что мы говорим о разных обществах, взаимодействующих между собой, или об одном обществе, влияющем на другое. В действительности речь идет не о разных обществах, а о различных состояниях, фазах функционирования одного и того же общества. Таким образом, последовательность есть самопреобразование общества в промежутке между различными моментами времени, в рамках и посредством его функционирования в любой данный момент времени.

Последовательность подобных самопреобразований непрерывна и бесконечна, поэтому только из-за практических соображений в схему включены лишь две следующие одна за другой фазы; наша схема может быть расширена в обоих направлениях — и в будущее, и в прошлое. Изменяя масштаб и отбрасывая все внутренние детали социальной анатомии и физиологии, можно очертить картину социального самопреобразования во времени (рис. 15.4).

Как видим, теперь модель позволяет точно определить три понятия, имеющие решающее значение для понимания социальной динамики: понятие «функционирование» охватывает все, что происходит в обществе в некоторый момент времени; категория «социальное изменение» описывает отдельно взятое изменение (преобразование) общества от одной, более ранней стадии к

[286]

следующей, более поздней; понятие «исторический процесс» относится к последовательности самопреобразований, которые претерпевает общество на протяжении большого отрезка времени. Соответственно мы можем усложнить введенное выше разделение понятий «внутреннее» и «внешнее время», указав на две важные разновидности последнего: краткосрочное время социальных изменений и подлинно историческое, уходящее в бесконечность время («дурная бесконечность»).

Общество существует не в вакууме, а в двуединой среде, которую образуют природа и сознание. Учитывая это обстоятельство, мы можем обнаружить еще один важный механизм, благодаря которому осуществляется исторический процесс. И природа, и сознание вступают во взаимоотношения с обществом, которое формирует и формируется одновременно. Обогащенные пониманием времени, мы можем теперь разобраться и в этой диалектике.

Начнем с природы. Практика воздействует на природу, изменяя среду (уничтожаются леса, регулируется течение рек, распахиваются земли, загрязняется воздух и т.д.), кроме того, она создает и целый мир преобразованной природы («очеловеченной природы», «естественной природы»), состоящей из продуктов деятельности и артефактов культуры, технологий и образцов цивилизации (дома, дороги, мосты, фабрики, механизмы, мебель и т.д.), т. е. из того, что сохраняется от предыдущей практики, которая обеспечивает условия для осуществления последующих действий. Все это вместе взятое определяет как способности субъектов действия (то, какие действия могут быть ими предприняты), так и потенциальные возможности структур (то, какие способы оперирования структурами считаются допустимыми) и в результате влияет на общее качество деятельности субъектов. Деятельность субъектов выражается в событиях и в измененной практике, что в свою очередь преобразует природное окружение, — и цикл продолжается. Можно сказать, следы предшествующего функционирования общества закодированы в природном окружении и передаются в следующие фазы его функционирования.

Теперь обратимся к другому виду среды общества — социальному сознанию, здесь также появляется весьма сходный механизм непрерывности (длительности). Практика в любой данный момент отражается как в идеях, верованиях, убеждениях, характерных для субъектов деятельности (индивидов или групп), так и в идеологиях, кредо, доктринах, обладающих более объективным, надындивидуальным существованием. Измененное

[287]

(каждый раз устанавливая заново то, какие их действия возможны) и на возможности структур (определяя то, какие структурные перемены допустимы). Деятельность существенно преобразуется, реализуясь, актуализируясь, она ведет к изменению практики, а в будущем, в свою очередь, вызывает изменения и в сознании. Вновь цикл повторяется, продолжается процесс постепенного изменения сознания. Таким образом, наследие прошлых фаз социального функционирования закодировано в социальном сознании и передается в будущее.

Этот механизм, где исторический процесс вызывает все новое и новое непрерывное изменение среды (природы и сознания), дополняет главный механизм, который действует посредством преобразования структур и субъектов (и в сущности ведет к их слиянию, деятельности).

Итак, существуют четыре типа причинных узлов, которые можно обнаружить в процессе исторического развития: 1) через структурные воздействия; 2) через способности субъектов; 3) через «очеловеченную природу» и 4) через видоизменяющееся сознание. Во всех четырех случаях практика в определенный период времени порождает следствия (воздействия), которые существуют достаточно долго и становятся силой, активно влияющей на последующую практику. Все их в совокупности можно рассматривать как историческую традицию в самом широком смысле этого слова (355). В ходе многостадийного, последовательного процесса историческая традиция обнаруживает тенденцию к накоплению. Но накопление подобных воздействий (влияний), конечно, избирательно: одни следы предыдущих периодов сохраняются, другие исчезают. Структуры могут распадаться, субъекты могут утрачивать приобретенные способности, артефакты культуры могут исчезать или устаревать, идеи забываться. Это зависит от большого числа переменных, часть которых будет рассмотрена в следующей главе. Однако всегда существует основная традиция, которая передается из поколения в поколение в течение очень долгих периодов времени. В результате исторический процесс оказывается по существу непрерывным и кумулятивным, и мы являемся свидетелями возникновения сменяющих друг друга исторических типов.

Очень часто, хотя и не всегда, длительное влияние практики и накопление этого влияния в наследуемой традиции происходит неосознанно; оно действует непреднамеренно, без цели или даже осознания самого факта существования. Влияние не осознается членами общества, даже если сама практика целенаправленна, мотивирована и, как правило, рациональна. Как пишет Гидденс,

[288]

«человеческая история создается целенаправленной деятельностью, но не является заранее продуманным проектом; она постоянно уклоняется от попыток направить ее в нужное русло» (149; 27). Более метафорически выражается Холлис: «Действия имеют много последствий, которые систематизируются, но с самого начала они остаются никем не замеченными. Их можно расценивать как проявление Коварства Разума, если, давая о себе знать, они оказываются итогом рациональных индивидуальных решений, принятых исполнителями ролей в ходе игры» (194; 205). В таком случае любой, появляющийся в истории тип может рассматриваться как результат действия «невидимой руки». Однако нельзя отрицать, что иногда в истории действуют видимые, и даже слишком видимые «руки» — диктаторы, тираны, реформаторы, законодатели, революционеры, пророки и т.д., которые стремятся направить исторический процесс на предлагаемый ими путь с помощью планируемых преобразований. Какими оказываются эти попытки, успешными или нет, в

данном случае не столь важно, но они означают, что история имеет множество альтернативных путей развития.

Тем не менее, в обоих случаях исторический процесс непрерывен, ничем не предопределен и не необходим. Наследие предыдущей практики создает поле возможностей (для субъекта, структуры, среды), в котором разворачивается последующая практика. Оно всегда ограничено, но никогда не лишено возможностей выбора. Всегда существует возможность предпочесть альтернативный путь, и эта возможность обнаруживается в каждой фазе процесса. Некоторые варианты развития реализуются в практике, некоторые отвергаются; следовательно, одни исторически возникшие возможности используются, другие нет. В конце концов это зависит от принимаемых решений и выбора, осуществляемого субъектами, которые всегда «могли бы действовать по-другому». Если и существует какая-либо необходимость в истории, то она чисто условна: решив действовать, люди начинают думать, как это делать. Впечатление о необходимости возникает лишь после того, как событие произошло, когда выбор уже сделан и предприняты определенные действия. Но до того времени неизвестно, каков будет исход процесса. Как пишет Тилли, «процесс состоит из серии моментов выбора. Результат в данный момент времени ограничивает возможные результаты в более поздние моменты времени» (403; 14). На протяжении длительного периода времени этот непрерывный механизм производит все виды поворотов по различным траекториям, по которым движется история. Описанный механизм показывает, «как в действительное-

[289]

ти люди создают свою собственную историю и как частные обстоятельства, которые являются результатом создания истории людьми в прошлом, обуславливают историческое творчество людей» (243; 301).

Становление социального становления

До сих пор в нашей дискуссии речь шла о многоуровневой модели социальной реальности, которую мы создали и «оснастили» двойной динамикой — внутренним функционированием и самопреобразованием. В соответствии с этой моделью общество не только строится особым образом, но и обладает особым механизмом самодвижения, благодаря которому оно постоянно изменяется. Ну а сам механизм изменяется или он неизменен; является он постоянным и исторически универсальным? Или исторический релятивизм касается не только параметров и переменных модели, но и принципов ее динамики?

По сути дела это вариант давнего вопроса: затрагивают исторические изменения исключительно факты (состояния общества) или и социальные законы (145)? Я склоняюсь к последнему (такую позицию можно назвать «радикальным историзмом») и отрицаю идею внеисторических, универсальных социальных законов (386). В терминах нашей модели это означает, что исторические изменения, преобразования охватывают не только субъектов, структуры и деятельность, не только действия и практику, не только природу и сознание, но и связи между всеми ними, способы, которыми они объединяются и своими действиями порождают социальную динамику. Короче говоря, я заявляю, что со временем сами принципы деятельности человеческого общества, способы его функционирования и изменения подвергаются значительным трансформациям. И теперь к моей модели добавляется самый последний, наиболее сложный узел обратной связи: дело не только в том, что деятельность агентов (субъектов) изменяется в процессе их собственной практики, но и в том, что само социальное становление изменяет свой облик в ходе истории. И здесь мы уже вступаем в область метадинамики. Образно говоря, речь идет о становлении самого механизма становления.

Некоторые намеки в литературе свидетельствуют о том, что ученые смутно осознавали эту особенность социального мира. Маркс и Энгельс отмечали разделение

между «царством необходимости» и «истинной историей» человеческого общества, подразумевая под этим фундаментальный переход классовых обществ

[290]

прошлого в бесклассовое общество будущего. Современные марксисты противопоставляют «естественную» и «очеловеченную» историю, имея в виду усиление роли человека, рационального вмешательства в современную эпоху (419). Можно также вспомнить возражение У орда против генезиса и телезиса как двух различных принципов эволюции (130; I, 479). Об этом же свидетельствуют и другие противоположные пары: рынок и план, спонтанность и взвешенность, «невидимая рука» и рациональный контроль, «Коварство Разума» и реализация проектов. За всем этим стоит не только изменение общества, но и наиболее фундаментальные типы изменений.

Опираясь на высказывания других авторов, я прихожу к выводу, что способы социального становления эволюционируют в соответствии со способами взаимоотношений, связывающих общество с его средой (природой и сознанием). Общий знаменатель исторической тенденции, охватывающей механизм социального становления, может быть найден в растущем контроле над средой, а именно в управлении ею и в обособлении от нее. По отношению к природе эта тенденция достаточно очевидна. История человеческой цивилизации и технологии представляет собой постепенное подчинение природных ресурсов потребностям людей и постоянную защиту общества от негативного воздействия со стороны природы. Что касается сознания, то рост знаний человека означает, среди прочего, и эволюцию самосознания социального феномена, закономерностей, механизмов социального функционирования и изменения, а также развенчание всякого рода мифов, иллюзий и других продуктов «ложного сознания». Это позволяет точнее предвидеть, планировать и целенаправленно изменять социальную жизнь. По мере того, как участники социального становления познают его механизм, их вмешательство неизбежно усиливается.

Однако, как хорошо известно, обе тенденции не только оказывают позитивное влияние, не только делают социальное становление успешным, но и порождают серьезные побочные результаты, которые блокируют, а порой даже ставят под угрозу функционирование общества и его изменение. Неограниченное, бесконтрольное господство над природой привело к экологическим бедствиям, загрязнению, истощению природных ресурсов и т.д. Чрезмерная вера в разум, знание и планирование социальной Жизни стала одной из причин человеческого порабощения, нищеты и даже истребления людей в различных «научно обоснованных» тоталитарных режимах. Таким образом, историческая тенденция, похоже, эволюционирует к управлению более высо-

[291]

кого уровня, к осознанию необходимости его ограничения или, другими словами, к самоконтролю в своих стремлениях к управлению.

Осознание потерь, дисфункций, побочных опасных последствий управления обоими видами среды — природы и сознания — ощущается в современном обществе все более отчетливо. Вспомним об экологическом сознании, провозгласившем гармонию с природой и призвавшем обуздать чрезмерные амбиции в надежде на ее покорение; или о волне антитоталитарного, демократического сознания с его идеей плюрализма, терпимости, участия, отказа от любых попыток навязать человеческой истории какие бы то ни было догматические схемы.

В терминах нашей модели все это может служить показателем того, что постепенно возникают новые способы социального становления, которые дают человеческому обществу больше самостоятельности, а также наделяют его более развитым самосознанием, обеспечивают его критический и реалистический контроль над собственной судьбой.

Путь исторического освобождения — это путь от полностью объективированного, безысходного существования примитивных людей через наивное преувеличение человеческой мощи и разума к всецело творческому обществу будущего, — обществу, находящемуся в гармонии с природой и не абсолютизирующему возможности человеческого разума.

Наша модель социального становления теперь представляется полной. Мы проанализировали ее сложный внутренний состав, ввели ее в рамки исторического времени, оснастили механизмом самопреобразования и даже неким высшим механизмом (метамеханизмом), благодаря которому историческим изменениям подвергаются сами принципы ее функционирования и преобразования.

Так была применена концепция наиболее радикальной динамической перспективы; общество предстает теперь как непрестанное, вечное движение. Мы можем взять любой компонент модели и увидим, как она действует во времени: в ней любой факт оказывается событием; любой агент — субъектом действий; любое состояние — лишь фазой текущего процесса.

[292]

Часть IV Аспекты социального становления

16. Идеи как историческая сила

Идейно-побудительные факторы в истории

Полное осознание роли идейно-побудительных факторов — верований, ценностей, мотиваций, надежд, отношений — в процессе социального изменения стало возможным лишь с поворотом социологии от исторической перспективы, или перспективы развития, к ориентации на человека, с возвращением его в основание социологической теории. Такой поворот, позднее описанный как методологический индивидуализм, был предпринят Максом Вебером.

В «гуманистической социологии» Вебера социальные организмы, или системы, утратили свое центральное положение в социологическом теоретизировании, и центр внимания был перенесен на деятелей (агентов) и их действия, т. е. для Вебера социология — это исследование социальных действий, т. е. осмысленного поведения, направленного на других и ориентированного на их действительные или ожидаемые реакции. Все сложные социальные сущности (экономический порядок, политические системы, социальные организации) представляют собой аккумулярованный результат множества социальных действий, совершающихся в ходе человеческой истории. Объяснить их — значит проследить человеческие действия до самых их корней, а это, в свою очередь, означает, что объяснить (понять) можно лишь тогда, когда будет выделен (установлен) смысл, психологические мотивы действий, равно как и культурные ценности, нормы и правила, придающие человеческим действиям определенную форму. Таким образом, конечные объяснительные аргументы находятся в царстве идей, обобщенных верований и нормативных предписаний, коими руководствуются люди. Как писал Вебер, «наиболее важное формирующее влияние на поведение всегда имели магические и религиозные силы и основанные на них идеи долга» (443).

Если с точки зрения типично эволюционистского подхода или в рамках теории развития идеям придавался статус некоего «остатка», то теперь они рассматриваются как центральные, незави-

[295]

симые факторы. Вебер квалифицирует собственную теорию как «позитивную критику»

исторического материализма Маркса в том смысле, что считает «надстройку», а не «базис» (если использовать марксистскую терминологию), или просто «мягкие» системы верований, а не «жесткую» экономику или технологию, активными и эффективными силами истории. С точки зрения некоторых современных комментаторов, главной темой всей научной деятельности Вебера, основным «тезисом Вебера» было осознание «функции идеологии как независимой переменной в социальном движении» (46; 125).

Наиболее отчетливо такой подход проявился в интерпретации Вебером происхождения капитализма. Это сложное доказательство, выдвинутое в 1904 г. в классической работе «*Протестантская этика и дух капитализма*», требует тщательного анализа.

Дух капитализма

Для Вебера, как и для большинства его предшественников, живших в XIX в., основная цель состояла в том, чтобы понять современность, новый, радикально изменившийся мир, который в Западной Европе и США в XIX столетии достиг зрелости и распространился на другие регионы земного шара. Центральным организующим принципом этой современной системы был капитализм — рационализированное, эффективное производство товаров, сопровождаемое погоней за прибылью и основанное на частной собственности и индивидуальных предпринимательских усилиях. Говоря словами Вебера, «капитализм идентифицируется с погоней за прибылью, и причем постоянно растущей прибылью, получаемой за счет непрерывной, рациональной, капиталистической предприимчивости, ... рациональной капиталистической организации (формально) свободного труда» (443; 17, 21). Как утверждает современный исследователь Вебера, «характеристиками рационального капитализма являются предпринимательская организация капитала, рациональная технология, свободный труд, неограниченный рынок и надежные законы» (80; 930).

Главные вопросы, на которые пытается ответить Вебер: как зародился капитализм и как ему удалось выжить? Другими словами, он ищет объяснения перехода от традиционного к капиталистическому обществу и причины дальнейшего распространения последнего.

Если капитализм, рассуждает Вебер, как и все другие струк-

[296]

турные целостности, есть результат человеческих действий, то должен быть некоторый особый тип действий, исполняемый некоторым особым классом деятелей, движимых особым типом мотиваций. Так возникает первый вопрос: кто является основателем капитализма? Вебер отвечает: новый тип предпринимателей и новый тип рабочих одновременно. Именно они служат фундаментальной предпосылкой зарождения капитализма. Отсюда следует второй вопрос: что отличает этот новый тип предпринимателей и рабочих? Ответ таков: специфическая ментальность, или «этос», «дух капитализма». Эта уникальная смесь мотиваций и ценностей включает:

1) мотивы прибыли. Добывание денег становится целью жизни. В результате происходит явное смещение целей, поскольку деньги из инструмента или средства преиращаются в самостоятельную конечную цель;

2) аскетизм, т. е. стремление избегать «случайных» радостей и гедонистического потребления (т. е. потребления ради лишь удовольствия потреблять);

3) чувство долга, что прежде всего подразумевает дисциплинированную, ответственную, рациональную деятельность. Это относится и к предпринимателям, для которых организационные усилия становятся целью, и для рабочих, которые начинают рассматривать труд как цель саму по себе.

Если «дух капитализма», пронизывающий главных действующих лиц капиталистического общества (предпринимателей и рабочих) и вызывающий капиталистические действия (организацию и труд), является предпосылкой зарождения капитализма, то каков же источник происхождения самого этого «духа»? Таков третий

вопрос, который ставит Вебер. Объяснение не может остановиться на уровне «этоса», оно должно добраться до глубинных истоков (корней) самого «этоса». В этом именно и заключается оригинальный (и наиболее оспариваемый) вклад Вебера.

Протестантский «этос»

Отправная точка протестантского «этоса» — эмпирическая. Существует удивительная корреляция: в период раннего капитализма большинство представителей деловых и коммерческих кругов, хорошо обученный технический персонал, квалифицированные рабочие, т. е. все те, чья роль на данном этапе развития общества очень велика, исповедуют протестантизм. Чтобы исключить случайное совпадение, Вебер выдвигает несколько гипотез. Во-первых, он допускает возможность того, что и протестантизм, и «дух капитализма» обусловлены высоким уровнем культурного развития. Однако, судя по сравнительным данным, упо-

[297]

мянутое совпадение четко прослеживается не только в высокоразвитых странах. Во-вторых, он не исключает, что в некоторых регионах экономические ресурсы уже были накоплены в период, предшествующий Реформации, и это обеспечило развитие капитализма независимо от религиозной принадлежности. И вновь эмпирические данные свидетельствуют о том, что уровень благосостояния в той или иной стране может существенно различаться, и тем не менее среди служащих и квалифицированных рабочих большинство составляют протестанты. В-третьих, Вебер проверяет гипотезу, согласно которой движущей силой предпринимательства и эффективного труда может быть фактор меньшинства, или маргинального статуса, в обществе, а не особая религиозная принадлежность. Но, как показывают данные, занятия, связанные с бизнесом, наиболее распространены среди протестантов, независимо от их статуса в конкретной стране. Убедившись в несостоятельности выдвинутых им предположений, Вебер приходит к выводу, что решающим подтверждением особой роли протестантов в возникновении капитализма является «характер их религиозных верований, а не их временная, внешняя историко-политическая ситуация» (443; 40).

Что же есть такое в протестантской вере, что мотивирует про-капиталистическую активность? Как замечает Вебер, в протестантизме существует несколько ветвей, степень влияния которых на формирование «капиталистического духа» различна. Аскетические ветви (кальвинизм, методизм, баптизм) ориентированы на «этот мир», обеспечивая сочетание деловой хватки с религиозной набожностью. Первое выражается в идее призванности: исполнение долга в делах мирских как высшая форма моральной активности; второе — в идее предопределенности: достижение блаженства и спасения в ином мире есть результат, полностью зависящий от свободной воли Господа. В этой уникальной смеси и кроется идеологический источник капитализма.

Какие мотивации проистекают из этих идей? Вебер подчеркивает, что всем верующим присущи озабоченность и экзистенциальная неуверенность. Если вердикты Господа полностью свободны и, следовательно, непредсказуемы, то как может индивид узнать, принадлежит он к числу избранных или проклятых? Нет таких земных средств, чтобы повлиять на выбор Господа, потому что он полностью независим. С другой стороны, Господь приходит в этот мир и использует избранных для исполнения своих замыслов и планов. Таким образом, если некто преуспевает в интенсивной, постоянной мирской деятельности, которой он себя посвящает, то это лучший из всех возможных знаков — знак его

[298]

избранности, благодати и грядущего спасения. Следуя той же логике, можно утверждать, что если кто-то ленив, бездарно тратит время, отдается удовольствиям, то на

нем явно лежит знак проклятия. Хорошая, прилежная работа не означает, что ею можно завоевать спасение, но она служит земным знаком Божественной милости. Успех, достижения в деятельности, особенно измеряемые в объективных денежных единицах, устраняют беспокойство, восстанавливают уважение и через механизм, который современные социологи называют самоисполняющимся пророчеством, приносят еще больший успех. (Как говорит пословица, «нет ничего успешнее успеха».) Таков «первотолчок» от традиционной экономики к современной капиталистической системе.

Когда это происходит, структура социальных отношений изменяется. Вначале изменения имеют негативный характер. Уничтожаются старые структуры. Одиночество перед лицом Господа и его вердиктами и сугубо индивидуальное испытание на благодать в мирской деятельности приводят к социальной раздробленности, изоляции людей, ослаблению всех традиционных связей и отношений.

Индивидуализм, уверенность в себе, умение противостоять конкуренции, столь типичные для капиталистической системы, обнаруживаются в некоторых глубинных ориентациях протестантизма в отличие от католичества, которое более склонно к коллективизму, солидарности. Вебер цитирует в доказательство другого современного ему автора: «Католик спокойнее, жизни с риском и шансами на богатство и почет он предпочитает безопасность и меньший доход» (443; 40).

Позитивный характер изменений выражается в создании новых структур. Будучи мобилизованными для деятельности и успеха, которые призваны служить знаками спасения, люди начинают сравнивать свои достижения. Конкуренция становится образом жизни. Не потребление, а накопление капитала, не использование прибыли, а ее вложение в развитие, — такова единственно рациональная стратегия для того, чтобы гарантировать успех в конкуренции на рынке предпринимательства. Аналогично этому упорная, эффективная работа становится единственной стратегией для гарантии успеха в конкуренции на рынке труда. Система разрабатывает санкции, которые стимулируют конформизм. Если предприниматель не подчиняется этому принципу, то предприятие прекращает свое существование. Если не подчиняется рабочий, то он теряет работу. Тенденцией системы становится максимизация эффективности, что придает ей динамизм и силу для дальнейшего распространения вширь.

[299]

В этот момент система начинает действовать сама по себе, воспроизводится без поддержки со стороны религии. Более того, временами она может выступать против религии как таковой. Это происходит, когда в обществе распространяются сильные мирские (секуляризирующие) тенденции. «Новая личность, сформированная протестантской этикой, создает новый социальный порядок, который, в свою очередь, преобразует, обучает и отбирает новые типы деятелей из светских (мирских) лиц» (188; 156). Система, которая появилась как историческая случайность на северо-западе Европы, набирает силу для того, чтобы охватить большую часть земного шара.

«Тезис Вебера» написан в полемическом ключе. Он направлен главным образом против марксистского исторического материализма с его отрицанием идеальной сферы, которую марксисты рассматривали как вторичную, или «надстройку». «Говорить ... об отражении материальных условий в идеальной надстройке просто глупо» (443; 75). Но сам он мог легко попасть в собственную ловушку односторонности. Вебер сознавал эту опасность. Он понимал предвзятость и неполноту предложенного им объяснения и поспешил объявить, что не собирался «ратовать за одностороннюю материалистическую, равно как одностороннюю идеалистическую интерпретацию культуры и истории» (443; 183).

В последующих работах Вебер внес некоторые коррективы в свой «Тезис». Во-первых, в исследованиях древних религий (444) он показал, что в зависимости от местных исторических условий религия может по-разному влиять на общественную жизнь. Религия —

вообще многофункциональный феномен. Например, религиозные системы Кигая и Индии не только не облегчают капиталистическое развитие, но, напротив, блокируют его. Во-вторых, в «Теории социальной и экономической организации» (441) Вебер расширил предложенную им объяснительную схему за пределы религии, включив в число независимых переменных другие институциональные и политические факторы: развитие централизованных, бюрократизированных государств, появление современных законов, идеи гражданства и прав человека и т.д. Наконец, в-третьих, он признал, что протестантизм следует рассматривать не как единственную причину, а как фактор, который на определенном витке развития к капитализму был способен освободить массовые мотивации для мирской активности (перевести ее из «монашества» в иной мир) и мобилизовать предпринимателей и рабочих на интенсивное приложение усилий.

[300]

Инновационная (новаторская) личность

Центральная идея «Тезиса Вебера» — искать важные детерминанты макроисторического процесса в микросфере человеческих мотиваций, отношений и ценностей — оказалась очень влиятельной. Ряд современных теоретиков попытался применить эту идею к условиям высокоразвитого капитализма. Остановимся на двух, уже ставших классическими, примерах данного теоретического направления.

Эверетт Хаген ввел понятие инновационной личности как предпосылки усиления экономического роста, распространения предпринимательства и накопления капитала. Он считает, что существуют различные, и даже противоположные, личностные синдромы, которые типичны для традиционного и современного обществ. В первом это авторитарная личность, во втором — прямо противоположная ей во всех отношениях инновационная личность. Противоположность может быть представлена в виде другой полярной дихотомии (табл. 16.1) (175).

Авторитарная личность, будучи сформирована условиями застоя, простого производства, самоподдерживаемого равновесия, способствует упрочению этих условий. Инновационная личность сформирована условиями современности и, в свою очередь, помогает рождению самоподдерживаемых изменений, которые постоянно революционизируют жизнь — ее стандарты, ценности и т.д.

Подобно Веберу, Хаген обращается к наиболее трудному вопросу — вопросу о происхождении: как впервые появляется современная новаторская личность. Роль первотолчка от традиций к современности была возложена на некий внешний фактор. У Вебера это протестантская (кальвинистская) церковь, у Хагена — специфические исторические обстоятельства, которые он именуется «выходом за пределы статуса». Такая ситуация возникает тогда, когда установленные, предопределенные статусы, типичные для традиционного «закрытого» общества, подрываются социальной мобильностью и «открытием» классовых и стратификационных иерархий. Массовый характер эти процессы принимают после великих революций, которые дают стимул развитию урбанистического, индустриального общества. Существуют четыре типичных случая выхода из статуса.

1. Когда целая группа (сообщество, профессиональная группа, аристократическая элита и т.д.) теряет свой прежний статус, и, следовательно, то же происходит с каждым из ее членов (например, ремесленники заменяются фабричными рабочими, прежняя элита — выборными представителями). Возникает разрыв между прошлым и новым статусом.

[301]

Таблица 16.1

Авторитарная личность — инновационная личность

Важнейшая

Авторитарная

Инновационная

характеристика	личность	личность
Отношение к действительности	Согласие с образцами (моделями, стилями) жизни, диктуемыми традицией и авторитетами, обосновываемыми их предположительно вечной природой и сверхъестественным происхождением	Отношение к миру и стремлением управлять им, («манипулировать») что выражается в упорном потоке основных регуляторов с целью воздействовать на различные явления и контролировать их
Понимание индивида в мире	роли Покорность, послушание, стремление избежать ответственности потребности зависимости	Принятие на себя ответственности за плохие стороны мира и (жизни), сопряженное с лучшим решением и попытками внести изменения
Стиль лидерства	Твердость (жесткость, непреклонность), возвышенные надежды строгие требования подчиненным	Откровенность и терпимость к подчиненным, и одобрительное отношение к их оригинальности и стремлению к новациям
Степень склонности к и новациям	Отсутствие (недостаток) стремления к созиданию и новациям	Творчество, стимулирующее самобытность и стремление к новизне, неукротимая любознательность

2. Когда, по мнению членов группы, к ней относятся не так, как она того заслуживает (это могут быть, например, представители этнических групп, корпораций, фирм, спортивных команд и т.д., которые считают, что их сообщество несправедливо недооценивается остальными). Появляется разрыв между предполагаемым статусом и тем, который человек действительно занимает.

3. Когда существует несоответствие, нестыковка между различными измерениями статуса (например, престиж определенной работы, скажем университетского профессора, не соответствует уровню его дохода, либо большая власть или доход не приносят высокого престижа и т.д.). Появляется разрыв между статусом личности (родом занятий), который она занимает на шкале стратификации, и статусом, измеряемым по другой шкале.

4. Когда группа еще не заняла более высокий статус (например, этнические меньшинства, недавние иммигранты, рабочие-эмигранты и т.д.). Появляется разрыв между желаемым статусом и тем, который она занимает на самом деле.

Все четыре ситуации напоминают классическую дискуссию об аномии Роберта К. Мертона (282), и потому не удивительно, что Хаген делает выводы, аналогичные мертоновским. Он утверждает, что проявлением структурных противоречий служит «выход из статуса», который приводит к определенным типичным «адаптациям»: от ухода через ритуальную приверженность устоявшимся моделям до новаций и бунта против ситуации, которая воспринимается как неприемлемая. Любая адаптация происходит в конкретных специфических условиях. Для Хагена новация и бунт представляют наибольший интерес, поскольку они объясняют возникновение новаторской личности. Здесь он выдвигает гипотезу, которая оказалась, пожалуй, самой сомнительной в его рассуждениях. С его точки зрения, решающим фактором является характер социализации, особенно в период раннего детства. Ситуацию статусного ухода мужчины переживают гораздо тяжелее, чем женщины, они быстрее сдаются или отчаиваются. У женщин такая реакция вызывает негодование, и в надежде вырастить детей более подготовленными к подобным ситуациям они стремятся найти новые, оригинальные методы воспитания.

Мотивации достижения

Еще одна, широко известная теория, в центре внимания которой находится психологический аспект капитализма, принадлежит Дэвиду Мак-Клелланду (257). Он сосредоточился на вопросе: существует ли некий универсальный личностный синдром, предшествующий тому или иному скачку интенсивного экономического развития в истории человеческого общества. Ответ Мак-Клелланда утвердителен: любой такой скачок предваряется распространением *«мотивации достижения»*, которая особенно незаменима для предпринимательской деятельности. «В обществе, где высок уровень стремления к успеху, всегда много энергичных предпринимателей, способствующих, в свою очередь, более быстрому экономическому росту» (257; 205).

Альтернативные личностные синдромы «присоединения» и «власти» имеют противоположные следствия. Первый препятствует конкуренции, творчеству, оригинальности, выдвижению новых идей, тормозя тем самым экономическое развитие. В сочетании со вторым синдромом это ведет к распространению тоталитарных тенденций.

Мотивации достижения, универсальные условия для эконо-

[303]

мического роста возникают в различные исторические эпохи и, следовательно, должны быть определены в соотносимых терминах. Это достигается тем, что стандарты, меры и шкалы достижения рассматриваются как исторически специфичные и разнообразные, а необходимость в достижении того или иного стандарта — как универсальная и постоянная черта. По словам Мак-Клелланда, применительно к конкретной исторической ситуации распространения капитализма «успех» означает стремление к конкуренции за более высокий стандарт превосходства, выраженный в деньгах, а также к неуклонному, восходящему накоплению прибыли.

В поведенческом аспекте мотивация достижения связана с мобильностью, направленной вверх: частыми поездками, долгими часами работы, желанием накопить капитал, надеждой на образование детей, предпринимательской активностью. В области социальных установок наблюдаются стремление к новшествам, высокое чувство ответственности, планирование действий, рациональный расчет, готовность к риску.

Как рождается и развивается этот крайне важный синдром личности? Ключ предлагается искать в области социализации, в соответствующих предъявляемым требованиям воспитанию и обучении детей. С ранних лет им необходимо прививать уверенность в себе, настойчивость в достижении цели, уважение к напряженному труду. Как говорит Мак-Клелланд, посеяв мотивации достижения, пожнешь урожай экономического роста.

Конечно, как и в любой социологической теории, некоторые рассуждения Мак-Клелланда вызывают сомнения. Так, неясно, «кто обучает учителей», или, другими словами, почему родители и учителя нацеливают своих детей и учеников на достижения, а не ориентируют их на присоединение или власть. Далее, достаточно ли постулируемого «успеха» для объяснения экономического роста? Быть может, это необходимое, но не достаточное условие, ведь существуют кроме того определенные исторические обстоятельства или, скажем, ресурсы, которые имеют более осязаемый (материальный, технический, политический) характер? По меткому замечанию Ходака, «как расчлнить ситуацию, когда желание достичь успеха огромно, но средства для того, чтобы реализовать это желание в предпринимательстве, либо отсутствуют, либо недоступны?» (77; 180) Скорее всего, подобные ситуации вызовут глубокий кризис надежд и ожиданий, что может привести к пассивности, апатии или, при определенных условиях, к взрыву революционной активности.

[304]

Трудности, обусловленные «социалистической ментальностью»

До сих пор мы вели речь о позитивной роли идей, идеологий, психологических свойств или, по крайней мере, об их вкладе в экономическое развитие и прогресс. Но при специфических обстоятельствах те же самые факторы могут оказывать обратное воздействие — тормозить или блокировать перемены. Подобная их роль в процессах социальных изменений отчетливо проявилась в недавних событиях в Восточной Европе.

Многие исследователи подчеркивают, что одним из главных барьеров, или «трений» (120), препятствующих переходу от «реального социализма» к демократическому рынку, является широко распространенный синдром личности, который именуется «социалистической ментальностью», «социалистическим духом», «гомо советикус» или «плененным разумом» (298) и представляет собой продукт нескольких десятилетий тоталитарного или полутоталитарного правления, оставившего глубокий отпечаток на мотивациях и социальных установках населения. «Реальный социализм» формировал личность двумя способами. Во-первых, путем длительного давления, «контроля над мыслями» (219) со стороны социалистических институтов и идеологических структур, внедрения фальшивой «идеологической реальности» в человеческие мозги до такого состояния, когда она достигает области мотивации на уровне безусловных рефлексов, подсознания, глубоко заложенных психологических кодов. Во-вторых, существовал, пожалуй, еще более сильный ненаправленный механизм формирования «адаптивных реакций» (защитные механизмы), которые люди развивали в себе, чтобы преодолеть «социалистические» условия. Такие защитные механизмы, оказавшиеся весьма эффективными, глубоко укоренились в массовом сознании.

Сфера массовой психологии проявляет удивительное сопротивление изменениям, и, похоже, это сопротивление длится дольше существования организационных и институциональных форм «реального социализма», которые были уничтожены демократическими движениями 80-х годов. На мой взгляд, именно здесь сохраняется главный механизм, посредством которого коммунизм пытается реанимировать посткоммунистические общества. Кто-то из журналистов выразил эту мысль весьма образно: берлинская стена может рухнуть, но остается «стена в нашем сознании».

Проанализируем анатомию «социалистической ментальности» на примере Польши. Аналогичная картина, за исключением некоторых национальных различий, характерна и для других стран бывшего социалистического лагеря.

[305]

Современный исследователь отмечает: «Сорокапятилетний период «построения социализма» изменил польское общество гораздо глубже, чем можно было ожидать,

наблюдая за постоянным сопротивлением поляков коммунистическому режиму» (300; 3). И далее: «В Польше, несмотря на экономический крах и тяжелое психологическое состояние общества, дорога к демократии заблокирована в некотором смысле самим обществом, его глубинной, внутренней архитектурой» (300; 13). Другой польский социолог предостерегает: «Основная проблема, которую должны осознать реформаторы, связана с тем, что повседневные действия людей будут моделироваться привычками, сформированными в ходе социального опыта, радикально отличного от того, который должен составить сущность наших новых институтов» (269; 167).

Эмпирическое изучение ценностей, предпочтений, вкусов, моделей потребления и т.д. было главной заботой и чем-то вроде торговой марки польской социологии. В течение сорока лет она осуществляла сбор информации, позволяющей достаточно надежно описать состояние «польского сознания» в период коммунистического правления. Пожалуй, самое разительное из всех многочисленных открытий заключается в том, что социальное сознание поляков раскалывается по принципу дихотомии «общественный — частный». К этим двум сферам люди обнаруживают различное отношение. Из длинного списка таких антиномий (267; 268) рассмотрим лишь некоторые.

1. Люди по-разному относятся к работе. Небрежность, недостаточное усердие, расхлябанность, типичные для работы на государственных предприятиях, разительно контрастируют с дисциплинированностью, аккуратностью и полной отдачей тех, кто трудится в частном секторе, работает на себя или за границей.

2. Беспомощность, неспособность принимать решения, желание снять с себя ответственность, стремление к безопасности и эгоистической выгоде, доминирующие в общественных институтах, предприятиях, административных конторах и т.д., уступают место уверенности в себе, инициативности, стремлению к новациям, готовности к риску и альтруизму, проявляемым в отношениях с семьей дома.

3. Пренебрежение к государственной или общественной собственности резко контрастирует с заботой и охраной частной собственности. Во дворах и на лестничных площадках царят грязь, беспорядок и вандализм, а внутри квартир — уют, чистота, тщательно продуманный интерьер. Стоит только взглянуть на фасад здания и окружающую территорию, чтобы отличить государст-

[306]

венное предприятие от личной мастерской, государственный магазин от частной лавочки. Особенно грустное впечатление производит такой шизоидный раскол в отношении к собственности: кража запчастей, материалов или оборудования на государственных предприятиях широко распространена и не порицается, тогда как кража частных товаров сурово осуждается.

4. Пассивность, конформизм, подчиненность и посредственность в общественных ролях явно не совпадают со стремлением к успеху, самореализации, личным достижениям в частной жизни. Первое ведет к фатализму, чувству безнадежности в общественных делах, формированию отношения типа «поживем-увидим» и синдрома «свободного наездника». Люди отказываются участвовать в общественной жизни, потому что не видят реальных путей что-нибудь изменить и вместе с тем отчетливо осознают риск и цену активности. «Фаталистическая ориентация представляет собой отклик на отдалившуюся, непредсказуемую и безответственную власть, которая оказывает постоянное давление» (398; гл. 12; 3—4). Известный польский социолог Станислав Оссовски называет это «синдромом лилипута».

5. Люди не доверяют официальным заявлениям, критикуют средства массовой информации и в то же время наивно готовы верить сплетням, слухам, всяческим пророчествам, доходящим до них по неофициальным каналам. Те, кто убежден, что «ТВ лжет» и «в прессе лишь некрологи — правда», могут соглашаться с самыми дикими мифами,

распространяемыми друзьями, соседями или родственниками.

6. Официальные авторитеты как в высших эшелонах власти, так и на местном уровне отрицаются. Действия правительства расцениваются как тайный сговор, ложь и цинизм или, в лучшем случае, как глупость и некомпетентность. Что же касается частных связей и отношений, то они явно идеализируются.

Если представленный психоанализ «социалистического сознания» верен (а каждое его положение может быть подтверждено весомыми социологическими свидетельствами, не говоря об обычных наблюдениях), то складывается неприглядная картина. Естественно, что патологический раскол в социальном сознании отражается на реальном поведении. Приведу опять-таки лишь некоторые примеры из обширной социологической литературы, посвященной этой проблеме.

1. Наверное, чаще всего отмечается разница между тем, что люди говорят, и тем, что они действительно делают, глубочайший разрыв между словом и делом, декларациями и поведением.

[307]

Наиболее характерна в этом смысле ситуация в политической сфере с ее тотальным всеотрицанием, лицемерием и цинизмом. Многие, вероятно, не осознают, что двойные стандарты слова и дела присущи не только простым людям, но и в значительной степени власть предержащим. Но поскольку «наверху» тоже не верили в то, что провозглашали в качестве идеологически мотивированных законов, постольку в итоге это давало большую самостоятельность и свободу, чем можно было предположить, воспринимая те или иные политические заявления буквально. Не случайно, введенное в Польше в 1981 г. военное положение, несмотря на все страшные угрозы, оказалось самым безобидным за всю недавнюю историю страны.

2. Польские социологи выделили особые случаи двойных стандартов. Одни из них можно объединить под знаком фальшивых, либо имитационных, действий (251). Имеется в виду загадочная ритуальная активность, лишенная какого-либо внутреннего значения и смысла. Классический пример — отчеты о выполнении планов, практически всегда фальсифицированные. Проходя по различным уровням централизованной экономики, такая отчетность создает совершенно нереальную статистику, которая принимается затем за основу для следующих планов. Еще один характерный пример — дорогостоящие и утомительные выборы, хотя о том, кто должен быть избран, было известно заранее. Тот факт, что при этом все делают вид, будто верят в происходящее, объясняется лишь «внешними функциями», которые призваны подтвердить участие в игре с ее странными, но жесткими правилами и принципами.

3. Еще один вариант двойного стандарта связан, скорее, не с действиями, а с речью. Иногда его называют «двойной речью», или, более жестко, «структурами организованной лжи» (27; 18). Эш описывает различие между публичными высказываниями и частными разговорами. В первом случае люди используют специфический синтаксис, фразеологию, символы (то, что Джордж Оруэлл называл «новоязом»), во втором случае они способны даже отстраниться от собственного поведения, занять критическую позицию и высмеять свои же слова. Создается впечатление, будто есть две различные игры, в которые играют по противоположным правилам.

4. Противоположность общественной и частной сфер порождает такой феномен, как постоянное стремление «обдурить систему». Социологи называют это «паразитической новацией» (269). Помимо простого обмана, она может принимать и другие формы. Например, человек ищет лазейки, учитывая законодатель-

[308]

ный хаос, противоречивость, несостоятельность и чрезмерно казуистический,

детализированный характер «социалистических законов», или пытается защититься от повышения цен, налогов и т.д. с помощью того, что делает запасы, обращается к импорту или экспорту товаров, открывает дело с расчетом на быструю прибыль, а не на долговременные вложения. Преобладание такого отношения, которое можно охарактеризовать выражением «хапнул — и бежать», показывает, что большинство стараются достичь своих личных целей «вопреки», а не «благодаря» системе. Примечательно, что подобное поведение воспринимается обычно с одобрением, более того, те, кому удается перехитрить систему, пользуются уважением, им завидуют. В основе оправдания такого поведения лежит убежденность, что это своего рода месть властям, которые обманывают своих граждан, и своеобразная компенсация за понесенные потери.

5. Следующая характерная поведенческая модель заключается в том, что люди либо вообще отказываются принимать ответственные решения, либо стремятся ограничить их теми способами, которые не поддаются учету (по телефону, устно, без протокола и т.д.). С одной стороны, широкое распространение получает тенденция перекладывать ответственность (бесконечная «передача эстафетной палочки»), а с другой — требовать от властей заботы, социальной защиты и других гарантий. Такой синдром обычно присущ детям, поэтому у взрослых его можно назвать «пролонгированным инфантилизмом». Как замечает Стефан Новак, «уверенность в том, что наша система должна удовлетворять по меньшей мере минимальные нужды всех граждан, вытекает из сорока лет социалистического режима. Любое отклонение от этого правила создает серьезную угрозу общественной легитимности системы» (315; 11).

6. Многие авторы обращают внимание на так называемую «незаинтересованную зависть». Социалистическая идеология с ее основной идеей примитивного равноправия, что хорошо отражает лозунг «у всех людей — одинаковые желудки», порождает своего рода инстинкт против любого необычного достижения, слишком большой выгоды, исключительного успеха, неприязнь к какой бы то ни было элитарности. Отсюда вытекают разнообразные действия, направленные на то, чтобы не дать другим достичь более высокого положения, даже если это происходит не в процессе соревнования и чей-либо успех не уменьшает шансов остальных. Известная шутка описывает «польский ад»: грешники всех национальностей варятся в больших котлах на открытом огне, причем каждый котел охраняется вооруженными чертями. Только котел

[309]

с надписью «поляки» не охраняется. Почему? Да если даже кому и удастся добраться до верху, его друзья назад за ноги стянут.

Можно было ожидать, что со свержением институциональных структур «реального социализма» исчезнет и «социалистический разум». К несчастью, этого не произошло. «Что более всего поражает, когда мы анализируем политические отношения 1990-х годов, так это их удивительная структурная схожесть с прежними отношениями» (269; 166). По злой иронии истории, противоположность частной и общественной сфер как в психологии, так и в поведении пережила коммунистическую систему и преграждает путь посткоммунистическим реформам. Позволю себе перечислить некоторые наиболее очевидные симптомы этой удивительной живучести.

Несмотря на постоянные напоминания, что «вот мы, наконец, и дома», люди отказываются принимать участие в общественной жизни. Продолжающаяся пассивность и политическая апатия удивительны: на первых за несколько десятков лет демократических выборах предпочли не голосовать 38% населения, а в местных выборах (т. е. еще ближе к «дому») — 58%. Почти каждый второй поляк не счел нужным отдать свой голос за первого демократического президента, а при всем плюралистическом спектре ассоциаций и политических партий, растущих в течение года как грибы, более 90% населения решили не принадлежать ни к одной из них (газета «Выборча», 25 апреля 1991 г.).

Правительство все еще воспринимается как противостоящее обществу, как «они» против «нас». В свободных президентских выборах Тадеуш Мазовецки, человек безупречной честности и неоспоримых достоинств, был «замаран» тем, что являлся первым премьер-министром посткоммунистической Польши, и набрал меньше голосов, чем абсолютно никому не известный Станислав Тимински, популист и демагог, прибывший из Канады. Любая связь с властями по-прежнему считается подозрительной.

Люди продолжают свою игру, цель которой — «перехитрить систему», словно ничего не изменилось, будто система все еще остается чужой, навязываемой, отрицаемой. «Паразитическая новация» расцветает в новых формах, которые стали возможными в условиях приватизации, возникновения капиталистического рынка и шаткости временных законов. Массы людей вовлечены во все виды незаконной торговли, контрабанды, уклонения от налогов и обязанностей. И просто удивительно, как много среди сегодняшних предпринимателей тех, кто не уверен в будущем и действует согласно традиционному принципу «хапнул — и бежать».

[310]

До сих пор еще весьма сильна и «незаинтересованная зависть», более того, сейчас число мишеней увеличилось, ведь достигших высокого политического положения, быстро разбогатевших, открывших выгодное дело или приобретших известность день ото дня становится все больше. Неприязнь к таким людям выражается в старой уравнилельской риторике. Как замечает проницательный наблюдатель, «в большинстве восточноевропейских стран до сих пор широко распространена поддержка уравнилельного распределения» (27; 21). Негативное отношение испытывают на себе все виды элит, включая интеллектуалов (которых, конечно, называют «яйцеголовами»).

Тех же, кто не только не улучшил своего положения, но и многое потерял в водовороте революционных изменений (например, большая часть рабочего класса и крестьянства, не говоря о безработных — феномене, которого не было в социалистические времена), охватывает ностальгия. Они требуют от правительства бесплатного медицинского обслуживания и образования, работы, пенсии, социальной защиты. Наверное, не многие люди хотели бы вернуться к коммунизму, но многие мечтают о некоем «третьем пути», гуманном капитализме, или, перефразируя старые лозунги о социализме, «капитализме с человеческим лицом», «польском пути» к капитализму. Таким образом, наследие «реального социализма» существует, и если его не преодолеть (что может потребовать целого поколения), полный успех посткоммунистических реформ вряд ли реален. Это доказывает еще раз, каким сильным фактором социальных изменений могут быть идеи, которые исповедуют люди.

[311]

17. Возникновение нормативов: отклонения и новации

Нормативная основа социальной структуры

Социальная жизнь регулируется правилами. Многие ученые считают нормы, ценности, институты, регулирующие поведение людей, центральным аспектом общества. В своем классическом определении Эмиль Дюркгейм рассматривал «социальные факты» именно в нормативных терминах.

«Когда я выполняю свои обязанности как брат, муж или гражданин, я выполняю обязанности, которые установлены по отношению ко мне и моим действиям законом и обычаем. Даже если они согласуются с моими собственными ощущениями и я чувствую их реальность субъективно, то все равно эта реальность объективна, потому что не я их создал, я просто получил их в своем образовании... Здесь — те способы действия, мышления и ощущения, которые представляют замечательное свойство существования вне индивидуального сознания. Эти типы поведения или мышления не только внешни по отношению к индивиду, но, более того, обладают повелительной и сдерживающей силой,

которая позволяет навязывать их индивиду независимо от его воли» (100; 63—64).

Аналогичное нормативное выражение идеи «аксионормативного порядка» разработал Флориан Знанецки. По его словам, «социальный порядок с этой точки зрения обозначает лишь аксио-нормативный порядок среди феноменов, называемых социальными... Социальная организация основывается на коллективно признаваемых и поддерживаемых нормах, которые регулируют не только действия, но также опыт и представления ее членов... Культурные феномены являются социальными, поскольку все они подчинены коллективно санкционируемым правилам» (463; 651 — 652). Интерес к нормативным основаниям общественного согласия и равновесия системы проявляют в своих работах представители структурного функционализма (321). «Драматургическая школа» и особенно Эрвин Гофман обеспечили тонкий анализ имплицитной нормативной основы социальной драмы (154—156). Этнометодологи проникают еще глубже в хитросплетения принимаемых как должное нормативных предположений, лежащих в

[312]

основании социальной жизни (70). Они предложили теорию «систем правил» и «правил режимов». Это лишь несколько примеров, но они доказывают, что «важность социальных норм и их ключевая позиция в социальной жизни были широко признаны социологами» (352; 105). Наверное, не будет большим преувеличением сказать вместе с Гарри Джонсоном, что «концепция нормы является центральной в социологии» (210).

В данной главе мы вкратце рассмотрим два способа, благодаря которым этот важный аспект может подвергаться изменениям: процесс институционализации отклонения и нормативные новации.

Институционализация отклонений от правил

Под нормативными изменениями я понимаю возникновение, замену или преобразование компонентов нормативных структур: норм, ценностей, ролей, институтов, институциональных комплексов. Для простоты я буду говорить об изменении норм, но все, что будет сказано, применимо к другим, более сложным группам правил и норм. Я сосредоточусь главным образом на способе, при помощи которого нормы (или измененные нормы) возникают из действий, предпринимаемых различными социальными агентами.

Изменение норм предполагает в качестве своего рода прелюдии нормативные отклонения. Как замечает Роберт Бершtedт, «некоторые отклонения от старой структуры являются частью процесса создания новой структуры» (45; 461). Эта важная категория «отклонение» требует точного определения, и здесь уместно обратиться к Роберту Мертону. Он предлагает следующую концепцию отклонения. «Адаптация описывается как отклоняющаяся (но не обязательно болезненная), когда поведение отдалается от того, что требуют культурные цели, институциональные нормы, либо те и другие» (282; 178). Мертон предостерегает от того, чтобы смешивать отклонения со своеобразием поведения; надо «различать новые формы поведения, которые еще находятся в рамках институционально предписываемых или допускаемых, и новые формы, которые выходят за эти рамки. По терминологии Флоренс Клакхон, первые представляют собой «вариантное» поведение, вторые — «девиантное» (282; 181).

В свою очередь, «толерантность» вариантного поведения (т. е. диапазон допускаемых конкретных применений общей нормы) должна отличаться от «фактической терпимости» (т. е. пассивно-

[313]

го отношения общества к поведению, расцениваемому как девиантное), а также от того, что можно назвать «институциональной терпимостью», т. е. запретами на негативные санкции девиантных действий. Якобсен определяет терпимость как

«институционализи-рованный социальный климат, когда личность может публично нарушать принятые нормы, не подвергаясь санкциям» (203; 223). Мертон выделяет нонконформистское поведение (принципиальное отклонение) и аберрантное поведение (целесообразное отклонение). Они отличаются по нескольким важным параметрам.

1. «Нонконформисты объявляют о своем несогласии с социальными нормами публично и не стараются скрыть этого. Политические или религиозные раскольники настаивают на том, чтобы об их расхождениях с социальными нормами узнали все; аберрантные преступники стремятся избежать публичного осуждения» (293; II; 72).

2. «Нонконформисты бросают вызов законности социальным нормам, которые они отрицают, или по крайней мере противостоят их применению в определенных ситуациях. Аберранты, напротив, осознают законность норм, которые они нарушают, но считают такое нарушение приемлемым для себя» (293; II; 73).

3. Нонконформистское поведение позитивно, конструктивно; аберрантное — негативно: «Нонконформисты стремятся заменить морально подозрительные, с их точки зрения, нормы теми, которые кажутся им морально обоснованными. Аберранты стараются в первую очередь избежать наказующего воздействия существующих норм, не предлагая им замены» (293; II; 73).

Нонконформистское и аберрантное поведение иницируют два пути *нормативного морфогенеза*, посредством нормативных новаций и нормативного отклонения, причем и тот, и другой являются формой социального становления. Рассмотрим их подробнее, начиная со второго.

Морфогенез путем нормативного отклонения начинается с отдельных случаев аберрантного поведения тех, кто находит нормы чересчур строгими, хотя в целом вполне законными. Как определяет Якобсен, «нормативное отклонение... есть особый подвид нарушения норм, суть которого заключается в том, что оно совершается умышленно и скрытно» (203; 220). Например, вор не ставит под сомнение законность пятой заповеди, он наверняка будет разъярен, если у него самого что-нибудь украдут, и не будет удивлен, если его поймут и накажут. По словам Мертона,

[314]

происходит «постепенное ослабление законности как бесплодной борьбы и расширение использования незаконных, но более или менее эффективных отклонений» (287; 200). Несомненно, мы избегаем одних норм все время, а других — время от времени.

В ряде случаев избежание норм целиком остается в частной сфере и не имеет социальных последствий. Но когда отклонения распространяются все шире, когда их начинает разделять большинство людей, тогда пробуждается общественное сознание. Нарушение тех или иных правил, которые ранее рассматривались как законные, подхватывается окружением, особенно если нарушители преуспели. По замечанию Мертона, «эти удачливые жулики становятся образцом для подражания» (285; 235). Наглядный пример — частные предприниматели в странах «реального социализма», чьи действия воспринимаются многими, особенно молодым поколением, как «ролевые модели», хотя все знают, что они достигли своего положения, нарушив законы, регулирующие плановую экономику.

Всеобщее отклонение от норм в сочетании с широко бытующим мнением «все так делают» приводит к тому, что такое отклонение принимает регулярный, повторяющийся характер. Роберт Уильямс описывает данную ситуацию следующим образом. «Социальные нормы скрыто нарушаются в широких масштабах, с молчаливого согласия и даже одобрения обществом или группой до тех пор, пока такое нарушение не станет явным» (450; 419— 420). Уклонения от налогов, обманы на экзаменах, мелкие кражи на фирмах, игнорирование таможенных обязанностей, ослабление контроля за валютой — известные всем примеры. В бывших социалистических странах широкое распространение получила кража товаров,

сырья, инструментов и т.д. с государственных предприятий. Здесь традиционные моральные запреты, действующие применительно к частной собственности, явно не срабатывали потому, что для многих «государственный» означало «ничей».

Это следующий шаг на пути нормативного морфогенеза (но, заметим, нормы до сих пор находятся в соответствии с законностью). Наиболее важная фаза, полагает Мертон. наступает тогда, когда «принимаящее все больший размах аберрантное, но «удачливое поведение» стремится ослабить или даже уничтожить законность институциональных норм, действующих в системе» (287; 234).

Институционализация отклонений включает в себя четыре момента: во-первых, они имеют определенный, регулярный характер; во-вторых, принимаются большинством, т. е. из частной сферы переходят в общественную; в-тре-

[315]

тых, организованы в виде хорошо отработанной «социальной механики»; и, в-четвертых, редко наказываются, а если и подвергаются санкциям, то обычно в символической форме, чтобы подтвердить священность правил (293; 76).

Такая ситуация складывается тогда, «когда официальные законы и предписания отстают от изменения интересов, ценностей и потребностей значительной части населения. В течение какого-то времени закон терпим к отклонениям» (284; ix).

Существуют три более специализированных варианта институционализованного отклонения. Первый — «нормативная эрозия». Лучше всего он иллюстрируется медленной либерализацией сексуальных нравов или постепенным ослаблением легальных стандартов относительно порнографии (смещение линии между «мягкой» и «крутой» порнографией, все более терпимое отношение к нудизму и т.д.).

Второй вариант — «сопротивление нормам»: новые нормы вводятся указом «сверху» и отличаются от традиционных образцов поведения (287; 372). Это можно наблюдать, например, при проведении реформ, направленных против общепринятых обычаев, стереотипов, предрассудков или моральных обязательств (попытки изменить правила женитьбы в африканских колониях, коллективизация собственности крестьян в социалистических странах и т.д.).

Третий вариант — «замещение норм». Старые нормы остаются в силе, но широко распространившиеся отклонения как бы приобретают законность благодаря масштабам и длительной традиции их применения. Как объясняет Якобсен, «отклонение может стать отчасти законным просто за счет длительного существования» (203; 226). Так, запрет на курение в общественных местах игнорируется потому, что «до сих пор, кажется, никто не возражал против этого» (203; 226). Однако нормы начинают действовать, если у общественности возникают возражения.

Подобные формы институционализованного отклонения ведут к конечной фазе морфогенеза — установлению властями новых норм или приобретению последними статуса санкционированных, полностью легитимных и встроенных в новую нормативную структуру. Так, ссылаясь на повсеместно распространенные отклонения от устаревшего закона о разводе, Мертон утверждает, что «если общественная поддержка данному институционализованному отклонению будет продлена, благодаря чему разрыв между принципами закона и частотой обманной практики станет очевидным, то это может способствовать изменению соответствующего закона» (284; ix). Вспомним также о пресловутых отклонениях от различных предписаний, навязанных странам Восточной Европы относительно собственности и валюты (о чем свидетельствует широкое распространение черного рынка), которые постепенно привели к уходу от устаревших и нереалистичных законов и законодательному введению новых правил, оказавшихся даже более либеральными, чем в некоторых странах Запада (например, устранение ограничений на поток валюты через границу Польши).

В результате ситуация полностью меняется: следование старым нормам квалифицируется как девиация (или по меньшей мере анахронизм, традиционное, необычное поведение), а то, что раньше считалось отклонением, воспринимается как конформизм.

Так заканчивается цикл морфогенеза, который неизбежно будет повторяться вновь и вновь.

Нормативные новации

Альтернативный механизм нормативного морфогенеза — накопление новаций. В этом случае ставится под сомнение действительность самих норм, отрицаются те или иные привычки, традиции, обычаи, законы, причем делается это открыто, а иногда даже с вызовом, демонстративно. По терминологии Мертсона, такое поведение можно назвать «бунтом».

Люди выходят за рамки окружающей их социальной структуры в поисках способов создания новой, радикально измененной. Это предполагает отчуждение от господствующих целей и стандартов. Противостоящие нормы таковы, что их нельзя принять за незаконные, но и законными также считать невозможно, и наоборот. Бунт ведет к полной переоценке всего и вся, когда прямой или заимствованный опыт фрустраций влечет за собой полнейшую дискредитацию ранее принятых ценностей (287; 209—210).

Понятие нормативных новаций имеет широкое приложение. Его можно отнести к ученым, выдвигающим новые научные парадигмы, оригинальные технологические решения; религиозным деятелям, предлагающим собственные трактовки добра и справедливости; художникам или писателям, изобретающим новый творческий стиль; предпринимателям, реорганизуя производство или торговлю; политикам или правителям, вводящим новый кодекс законов, и т. д. В каждом случае ниспровержение прежних норм и правил начинается с проявления творчества, оригинальности, с отхода от существующих общепринятых традиций. Естественно, что такими способностями обладают избранные члены общества, или, как говорят Лумисы, «меньшинство» (244; 316).

Между тем моментом, когда выдвигается какая-то новация, и временем, когда она становится наконец общепринятой, замещая господствовавшие прежде предписания, представления и нормы (79), лежит значительная дистанция. Процесс может быть разбит на четыре стадии, как показано на рис. 17.1.

Каждая стадия полна случайностей: процесс может про-

[317]

Рис. 17.1. Последовательные стадии появления и распространения новаций.

должаться, а может и застопориться, достичь конечной фазы морфогенеза или остановиться на полпути. Есть некоторое сходство этой модели с понятием «ценностно-дополняемого» процесса, которое выдвинул Смелзер, изучая коллективное поведение.

Каждая стадия в ценностно-дополняемом процессе является необходимым условием эффективного приумножения ценностей на следующей стадии. По мере продвижения вперед, диапазон возможностей, предусматривающих варианты получения конечного продукта,

сужается (361; 14).

Таким образом, на первой стадии новация может оставаться частной, полностью характерной для этой стадии, и попытки сделать ее достоянием общественности могут долгое время терпеть неудачу. Рукописи, оставшиеся в набросках, модели новых машин, пылящиеся в ящиках, идеи, о которых мечтают в одиночку, не делаясь с другими, — все это примеры, свидетельствующие о том, что новация не получила широкого распространения и известности и, следовательно, в дальнейшем не даст никакого социального эффекта.

Не случайно, одно из фундаментальных требований научной этики предписывает делать научные открытия достоянием гласности. Мертон называет это нормой «коммунизма» или, может быть, лучше «коммунализма» научных результатов (289; 273). Без такой нормы ценность науки была бы утрачена.

Но даже если новации становятся известными, то это еще не означает немедленной социальной отдачи от них. Блокирование нововведений может осуществляться людьми, которые взяли на себя такую функцию как некую побочную активность (консервативный учитель, подавляющий все проявления индивидуальности учеников; традиционно ориентированные соседи, распростра-

[318]

дающие сплетни об экстравагантных манерах нового жильца; негибкий менеджер, запрещающий любые эксперименты с новой производственной техникой). Кроме того, в современном обществе подобные функции (их можно назвать «сторожевыми») выполняют те, для кого это — специальность, главное предназначение деятельности. К ним относятся цензоры, референты статей или книг, сотрудники редакторских отделов и патентных бюро, квалификационных комитетов и т.д. Если обратиться к прошлому, то нельзя в данной связи не вспомнить об инквизиции и охоте на ведьм в средние века, что представляло собой гораздо более жестокую идеологическую охрану, нежели большинство современных фильтрующих механизмов. Средствами подавления, строгого социального контроля, цензуры, запретов, законодательной обструкции и т.д., нормативные новации могут быть не допущены к осознанию или начальному принятию их более широким сообществом.

Основной вопрос, конечно, касается природы критериев отбора («селекторов»), которые одним новациям не дают распространяться, а другим позволяют прорываться. Правомерно предположить, что очень важным критерием отбора, действующим на большом временном интервале, являются объективно выраженные интересы членов общества. По словам Мертона, «некоторая степень отклонения от действующих норм, наверное, функциональна для базовых целей всех групп. Определенная степень «новаторства» может вылиться в формирование новых институциональных моделей поведения, которые более адаптивны, чем старые, в создании или реализации первичных целей» (287; 236). На коротком отрезке времени, прежде чем конечный критерий утвердит себя, селекция происходит либо благодаря искаженным интересам, разделяемым людьми (ложное сознание, идеология), либо — что встречается чаще — благодаря навязанным интересам тех, кто обладает властью, имеет достаточно средств для поддержания норм и ценностей, отвечающих их благополучию, и способен подавить любую угрозу со стороны альтернативных норм и ценностей.

Если новации успешно прорываются сквозь все фильтрующие механизмы и достигают широкой общественности, начинается фаза их распространения. Здесь наблюдаются различные варианты.

1. Может произойти компенсация, когда начальные изменения вызывают отрицательные обратные связи, которые стремятся уменьшить значение нормативных новаций, а то и вовсе уничтожить их средствами контрреформы.

[319]

2. Может произойти чрезмерная компенсация, когда сопротивление нормативной новации столь велико, что компенсаторный механизм реагирует слишком сильно и «переполняется», т. е. не только сохраняя существующее положение вещей (status quo), но и окончательно изменяя структуру в направлении, противоположном тому, что предполагалось. Этот ответный удар, или «эффект бумеранга», нередко имеет место при проведении политических реформ, у многих из которых есть свой «термидор». Попытки укрепить данную институциональную структуру способны привести к противоположным результатам (37; 216).

3. Изменения, вызванные введением новых норм, могут ограничиться областью нормативной структуры без дальнейших последствий для других сфер общества. Таковы, например, местные или региональные привычки, не выходящие за рамки изолированных сообществ.

4. Встречаются ситуации, когда начальные изменения ведут к случайной трансформации определенного ограниченного количества других компонентов нормативной структуры (некоторых единичных норм и ценностей, институтов, ролей и т.д.). Это придает существующей нормативной структуре хаотический оттенок, модифицируя ее в различных точках, но в конечном счете сохраняя в прежнем виде. Выражаясь метафорически, она становится похожей на лоскутное одеяло. В качестве примера можно привести многочисленные частные реформы, которые проводились для того, чтобы отреагировать на кризис в экономических системах восточноевропейских социалистических стран, но не затрагивали основных принципов; или принятие законов, стремящихся угнаться за возникающими социальными проблемами бессистемно, по принципу «от противного».

5. Наконец, наиболее важный вариант заключается в усилении изменений благодаря действию положительных обратных связей, или «второй кибернетики» (271). Здесь начальные изменения влекут за собой цепь последовательных сдвигов в других компонентах нормативной структуры, что приумножает нормативные нововведения вплоть до полной трансформации структуры. Это часто случается в сфере технологии. Например, с изобретением автомобиля, аэроплана и компьютера изменился образ жизни людей. Что касается политики, то вспомним, какую роль сыграл независимый профсоюз «Солидарность» в трансформации польской политической системы или какое значение имели относительно свободные и открытые средства массовой информации («гласность») для Советского Союза.

[320]

Итак, нормативные изменения могут быть остановлены в ситуации простой или чрезмерной компенсации. Но если новации удастся выстоять, то решающее значение приобретает ее легитимация — в противном случае существование новых норм, ценностей и институтов ненадежно. Когда только что установленные нормативные структуры приобретают более широкое законное основание и сдерживаются лишь сопротивлением со стороны правящей элиты или доминирующих групп давления, тогда в них накапливается потенциал для раскола, разногласий, оппозиции и бунта. Такие новации не могут сохраняться долго, их неизбежное отрицание будет порождать новый цикл нормативных изменений.

[321]

18. Великие личности как агенты изменений

История как человеческий продукт

Социальные изменения, включая широкомасштабные исторические преобразования, являются результатом действий людей. В социальной истории нет ничего, что не могло бы быть расценено как преднамеренный либо непреднамеренный результат человеческих усилий. «То, что история делается мужчинами и женщинами, более не отрицается никем, за исключением некоторых теологов и мистических метафизиков» (197; xi).

Сказать, что люди делают историю, еще не значит ответить на вопрос: кто в действительности делает ее, все ли мужчины и женщины или лишь некоторые; все ли делают в равной мере, или их вклад различен; все ли участвуют в созидании в одной и той же области или в разных сферах, одинаковым образом или разными путями. Короче, мы спрашиваем:

Кто делает историю? Какая часть истории ими делается? Что за историю они делают? Как они делают ее?

Спрашивая, кто делает историю, мы должны иметь в виду основные отличия между индивидуальными деятелями (людьми) и коллективными (группами, выполняющими определенные задачи, социальными движениями, ассоциациями, политическими партиями, армиями, правительствами и т.д.). О коллективных деятелях речь пойдет в гл. 19, а сейчас наше внимание сосредоточится на индивидах. Среди них можно выделить три различных типа. Первый составляют обычные люди, занятые нормальной, повседневной деятельностью. Они работают и отдыхают, едят и спят, путешествуют и гуляют, разговаривают и едят, смеются и ссорятся. Но существуют и исключительные люди, составляющие тип индивидов, которые благодаря особым личным качествам (знаниям, компетенции, таланту, мастерству, силе, хитрости

[322]

и даже «харизме») действуют во имя или в интересах других (89), либо манипулируют другими, подавляют их. Это лидеры, пророки, идеологи, государственные деятели, диктаторы, тираны и т.д. К третьему типу относятся те, кто занимает позиции, обеспечивающие особые полномочия (при этом вовсе не обязательно, чтобы они обладали исключительными личными качествами). Роль таких людей требует действий, определяющих судьбу других. Мы имеем в виду правителей, законодателей, менеджеров, администраторов, полицейских и т.д.

Можно предложить еще одну типологию — по формам действий. (1) Если мы будем рассматривать способ действий, то получим некоторый континуум. На одном полюсе окажется повседневная деятельность, движимая чисто эгоистическими, частными мотивами и намерениями. Каждое такое действие может влиять на жизнь других людей, а в совокупности они способны вызвать весьма ощутимый социальный отклик (например, в случае отклонения от нормы или изобретения новых орудий). (2) Продвигаясь по континууму, мы обнаружим действия, предпринимаемые в более широком контексте коллективного поведения. Они все еще плохо скоординированы, не объединены общими намерениями, но вследствие своей масштабности могут иметь прямые и важные социальные последствия. Проявлениями такого типа действий могут служить поведение толпы, паника, взрывы ненависти, восстания. (3) Далее идут коллективные действия, имеющие преднамеренный, целенаправленный, координированный характер. Они преследуют некую общую цель. Таковы, например, митинги, манифестации, кампании и т.д. (4) Отдельную категорию образует предпринимательская деятельность, направленная на мобилизацию и вовлечение в свою орбиту других. (5) И, наконец, существуют разного рода политические действия в борьбе за достижение власти или за ее упрочение, издание распоряжений, манипулирование, установление законов, правил (а также тайные переговоры, проведение кампаний за отмену выборов и т. п.).

Что касается целей действий отдельных индивидов, то здесь тоже можно выделить несколько вариантов. Одни действия направлены непосредственно на структуры. Они создают их, изменяют или поддерживают. В ходе таких действий вводятся новые нормы, выдвигаются оригинальные идеи, возникают новые отношения, формируются новые иерархии. Другие действия направлены не на структуры, а на людей. Речь идет о воспитании, обучении, координации и т.д. Косвенно они также способны оказывать влияние на структуры, внося тем самым свой вклад в социальные изменения. Наконец, действия третьего вида нацелива-

ются на объекты — как природные, так и те, что созданы человеком.

Таким образом, люди «делают историю» по-разному. Второй вопрос: какую часть истории они делают? Одинакова ли их роль в этом процессе? Очевидно, что, в отличие от обычных людей, вклад каждого из которых ничтожен, но в совокупности они могут дать мощный импульс социальным изменениям, выдающиеся личности оказывают на ход истории значительное влияние. Не случайно, именно великие люди привлекали внимание исследователей с самого начала изучения социальных изменений. Последуем этой традиции.

Прежде всего попытаемся определить, кто составляет категорию «великие люди». Даже если избегать моральных оценок и принимать в расчет лишь степень объективного влияния, то и тогда данная категория будет очень разнородной. Возьмем фактор времени. На одном полюсе окажутся те, кто оставил — хороший или плохой — но в любом случае долгий след в человеческой истории: Иисус, Будда, Цезарь, Наполеон, Сталин, Гитлер, Коперник, Эдисон. К другому могут быть отнесены люди, диктующие вкусы, стили, моду, увлечения и т.д. Они могут иметь огромное число последователей, и в некоторых областях их воздействие может быть очень сильным и массовым, но лишь временным, поскольку на смену им скоро приходят другие. Вспомним Элвиса Пресли и «Битлз», Мадонну и Принца, Пьера Кардена и Джанни Версачи.

Существенно варьируют и пространственные масштабы влияния: у кого-то они локально ограничены (либо отдельными сообществами, либо территориями), а у кого-то распространяются на весь земной шар. Сравните Пол Пота и Ленина, Пиночета и Гитлера. Наконец, влияние варьирует по своему содержанию. И здесь встает третий вопрос: что за историю они делают? На одном полюсе — «лидеры действия»: полководцы, политики, диктаторы, на другом — «лидеры мысли»: пророки, философы, ученые, мыслители. И, наконец, по всем трем осям существует огромное разнообразие конкретных случаев, различающихся по временной протяженности, пространственным масштабам и сфере влияния.

Наконец, мы подошли к последнему вопросу: как делается история? Люди могут оставить свой след в истории как непреднамеренно, так и намеренно, при этом объективные последствия и субъективные цели и задачи вовсе не обязательно совпадают. Коперник, скорее всего, не представлял, что его открытия в астрономии вызовут поистине революционные изменения в науч-

ном, религиозном и даже обыденном мышлении. Джеймс Уатт вряд ли предполагал, как каким последствиям для человеческой цивилизации приведет изобретение им парового двигателя. Нильс Бор не мог предусмотреть, что его опыты дадут толчок к созданию ядерного оружия, драматически изменят военный баланс и политическую историю после Второй мировой войны. Все эти «лидеры мысли» не считали себя «творцами истории», хотя их идеи и привели к широкомасштабным историческим изменениям. Сказанное относится и к «лидерам действия». Александр Македонский не догадывался, что победа над персами спасет западную цивилизацию на целое грядущее тысячелетие, как и Христофор Колумб не подозревал, что он открыл территорию, где в будущем возникнет сверхдержава. Они просто делали свое дело, не зная, что запускают процессы всемирно-исторического значения. Иногда в основе подобных действий лежали эмоциональные или моральные импульсы. Роза Парке, негритянка из Монтгомери штата Алабама, отказавшаяся занять в автобусе «место для черных», не преследовала цель начать мощное движение за гражданские права негров, впоследствии изменившее лицо Америки.

С другой стороны, многие деятели, конечно, сознательно пытаются играть великую роль, преобразовать мир. Наполеон и Маркс, Робеспьер и Ленин, Горбачев и Рейган — вот

лишь некоторые примеры. В данном случае субъективные намерения и объективные последствия зачастую не совпадают. По иронии истории, амбициозные реформаторы и революционеры нередко действительно добиваются исторических сдвигов, но вовсе не тех, на которые они рассчитывали. Как замечает Карл Поппер, большинство революций приводит к последствиям, противоположным тем, о которых мечтали революционеры. По его словам, «даже те институты и традиции, которые возникают в результате сознательных человеческих действий, являются, как правило, косвенным, непреднамеренным и нежелательным побочным продуктом таких действий» (331; 286). Глубоко моральное, романтическое и гуманное учение Карла Маркса выродилось в одну из наиболее бесчеловечных политических систем в мировой истории.

Бывают и противоположные ситуации. Так, Михаил Горбачев, начиная политику гласности и перестройки, старался спасти агонизирующую коммунистическую систему, а не подтолкнуть ее к полному краху. Его намерения, далекие от революционных, вылились, наверное, в наиболее глубокие исторические преобразования современности. Этот политический деятель оставил след в истории не благодаря тому, чего он хотел достичь, а благодаря объективной роли, которую сыграл. Лишь очень немногие вели-

[325]

кие лидеры или политики способны достигать тех исторических целей, которые они перед собой поставили. Если им это удается, то чаще всего в сравнительно ограниченных социальных реформах, а не в глобальных проектах реконструкции (332).

Конкурирующие теории

В постоянных размышлениях философов и социологов о роли личности в истории наряду с двумя противоположными позициями — героическим и социальным детерминизмом, неизбежно возникает и срединная, старающаяся сочетать в себе все наиболее ценное из обеих доктрин. Мы будем называть ее эволюцион-но-адаптивным подходом.

Концепция героического детерминизма опирается на общие положения об индивидуализме и волюнтаризме. Как считают ее сторонники, история полностью поддается влиянию индивидуальных действий, и большая часть исторических изменений является заслугой великих личностей.

Классическая формулировка дана в работах шотландского историка и философа Томаса Карлейля (1795—1881). «В каждой эпохе мировой истории мы обнаруживаем Великого Человека, которого можно назвать ее спасителем, той искрой, из которой разгорается пламя. История мира была биографией великих людей» (74; 17).

Это — лидеры, создатели новых парадигм, моделей и в широком смысле слова творцы. Все, что реализовано в человеческом мире, есть воплощение мыслей Великих людей; душа всей мировой истории справедливо может рассматриваться как история Великих людей (74; 1).

Особый признак величия заключается в способности понимать реальность и адекватным образом действовать. Исключительные личности «интуитивно видят Божественную Идею за внешними обстоятельствами и проникают в суть всеобщих процессов, которая скрывается за будничным существованием» (455; 81).

Многочисленные последователи относятся к таким личностям с почтением. «Мы все любим великих людей; любим, благоговеем и склоняемся перед ними» (74; 19). Это обеспечивает наиболее сильные социальные связи. «Что есть дыхание жизни всего общества, как не источник почитания Героя, смиренное восхищение истинно великим? Общество основано на почитании Героя» (74; 15). Карлейль проводит скрупулезный анализ несколь-

[326]

ких категорий героев. Среди них и те, кого уподобляют богам, кого рассматривают как заместителей богов (пророки и священники), и поэты, писатели, правители. Таковы Магомет, Данте, Шекспир, Лютер, Кромвель, Наполеон.

Аналогичную позицию занимает один из ранних последователей Карлейля историк Фредерик Адаме Вуд. Он сосредоточивается лишь на одной категории — монархах и доказывает их важную роль в европейской истории. Изучение правления 386 суверенных монархов привело Вуда к заключению, что сильные, средние и слабые монархи правили соответственно в сильные, средние и слабые периоды истории наций примерно в 70% случаев. Такая корреляция свидетельствует о том, что «работа мира начиналась и направлялась немногими великими людьми» (452, цит. по: 197; 1). Доктрина героического детерминизма стала канонем учебников по историографии, где в центре внимания находятся Цезарь и Александр, Наполеон и Кромвель, Робеспьер, Гитлер, Сталин и другие иконописные фигуры.

Основная задача и трудность для сторонников доктрины — ссылка на исторический контекст, социальные обстоятельства, конкретные ситуации, в которых действовали великие люди, поскольку очевидно, что даже воля героев сталкивается с препятствиями. Поэтому в анализ хода истории необходимо вводить подобные сдерживающие факторы. До сих пор догматические защитники героического детерминизма заявляют, что условия, которые ограничивают возможности героев, есть лишь наследие великих личностей, живших ранее. С этой поправкой исключительная роль великих людей остается неоспоримой. Однако такой «генетический героический детерминизм» близок к утверждению бесконечного регресса и тавтологии.

Социальный детерминизм основан на противоположной идее о predetermined курсе истории, движимой внутренними побудительными силами и заблокированной от воздействия людей, в том числе великих героев. Сторонники этой концепции провозглашают фатализм и рассматривают индивидов в качестве частиц, которых влекут за собой волны истории. В лучшем случае они являются носителями исторического процесса, воплощением истории, ее закономерностей, направлений и целей.

Люди по-разному воспринимают происходящее вокруг и по-разному представляют себе будущее. Те, кто правильно оценивает реальные, объективные тенденции и закономерности, лучше адаптируются и действуют более эффективно. Именно эти свойства делают людей великими.

Подобные рассуждения выражаются в двух вариантах. Пер-

[327]

вый, идеалистический вариант представлен Гегелем, для которого «мировая история есть развитие Идеи Свободы» (185; 456). Великие люди способны лучше воплощать Дух, идти в ногу с историческими событиями. Они — «мыслящие люди, проникшиеся требованиями времени» (цит. по: 197; 63).

Другой вариант — материалистический. Он представлен так называемым «историческим материализмом», который был предложен Марксом, а позднее разработан ортодоксальными марксистами (Каутский, Плеханов, Сталин). Для них, как мы показали в гл. 11, «железные» закономерности исторического развития коренятся в экономике и возникновении классов с их конфликтными интересами. Великие личности наиболее адекватно воспринимают и выражают классовые интересы. Они могут стать «служанками» истории, беря на себя роль лидеров в массовых движениях, воплощающих эти классовые интересы.

Основная трудность для защитников социального детерминизма — в объяснении того факта, что некоторые великие личности, несомненно, изменили течение и скорость истории. Что случилось бы, не окажись они на исторической сцене? Как сложилась бы история, если бы шальная пуля попала в Наполеона на мосту в Лоди в начале его карьеры или если бы

Ленин был арестован по пути из Швейцарии в Россию и не возглавил бы Октябрьскую революцию? Произошел бы коллапс коммунизма в судьбоносном 1989 г., если бы не Горбачев? Таких вопросов множество, и в большинстве случаев ответ на них отрицательный. История без этих людей была бы иной.

Приверженцы социального детерминизма могут прибегнуть к защитной стратегии, суть которой заключается в том, что великие личности — это продукт исторических времен, что они просто отвечают требованиям эпохи. Такие требования закономерны, обязательны, и на них непременно должен кто-то откликнуться. Дело не в какой-то конкретной личности, на ее месте может оказаться другая, которая в любом случае выполнит необходимую историческую роль.

Этот довод высмеял Карлейль. «Время зовет? Увы, мы знали времена, которые достаточно громко звали великого человека, но никто не отозвался на призыв! Провидение его не послало. Время звало изо всех сил, но вынуждено было отступить и потерпеть крах, потому что тот, кого звали, не пришел» (74; 16).

Наиболее разумна срединная позиция, которую можно назвать «адаптивно-эволюционной». Лучше всего этот подход разработан Альфредом Кребером (223) и Робертом Мертоном (289; 366—370). Они изучали роль гениев в науке, но выдвинутые ими

[328]

гипотезы приложимы и к другим областям социальной жизни. Суть данной концепции в том, что она признает значение и великих людей, и социального контекста. Их доказательство основывается на двух принципах. Принцип вариации утверждает случайный фактор выдвижения (талант, мастерство, энергичность, гениальность), что в каждой популяции существует в определенной пропорции. Как отмечал Пуанкаре (1854—1912), «рождение великого человека — величайшая случайность» (цит. по: 197; 288). Даже Карлейль понимал случайность появления гения. «Наиболее ценный дар, который Небо может дать Земле, это «гениальный» человек. Душа Человека спускается к нам с небес с посланием Бога» (74; 56).

Затем начинает действовать принцип отбора. Выдающиеся люди должны найти «благодатную почву» для своих идей, открытий. Если это им удастся, то они становятся способными вести за собой других и таким образом влиять на социальные процессы, изменять курс истории. Но если их идеи не соответствуют требованиям времени, не отвечают нуждам и чаяниям масс, то никакие уговоры или принуждение не помогут. Иными словами, никто не сможет сыграть исторической роли, если социальные обстоятельства этому не благоприятствуют. Великие исторические события в обществе обязаны счастливому совпадению социального и индивидуального факторов.

Согласившись с данным выводом, мы должны будем рассмотреть две специфические проблемы. Во-первых, как происходит взаимодействие социального и индивидуального факторов в процессе становления героя, и, во-вторых, как это взаимодействие проявляется в герое и в процессе социальных изменений, на которые он влияет как великая личность.

Становление героя

Многие рождаются с тем или иным талантом, и некоторым из них социальные обстоятельства позволяют раскрыть и развить его. Однако решающий момент наступает позднее, когда общество признает такую заявку на исключительность или, напротив, отвергает ее. Чтобы стать лидером, надо иметь последователей. Чтобы сделаться пророком, нужно, чтобы были верующие. Чтобы прослыть знаменитым писателем, надо, чтобы были читатели. Чтобы иметь вес в обществе, достоинства человека Должны быть признаны общественностью. Именно здесь действуют социальные механизмы отбора, поднимающие отдельных

индивидов до статуса героев и отказывающие в таком статусе большинству других.

Существуют четыре доказательства важности социального аспекта феномена великой личности.

1. Многие выдающиеся люди (изобретатели, деятели искусства, ученые, писатели) получили признание лишь после смерти. Более того, случается и так, что их достижения приписываются тем, кто жил позже. Такие люди явно предвосхищали будущую эпоху, и потому современники не были в состоянии понять и оценить их по достоинству. Вспомним ученых Галилея, Кавендиша, Гаусса, Галуа, Флека, композиторов Мусоргского и Бартока, художников Ван Гога, Тулуз-Лотрека и Модильяни, которые умерли в нищете и безвестности и получили всемирное признание лишь десятки лет спустя.

2. Второе доказательство в некотором смысле противоположно первому. Речь идет о том, что благоприятный социальный контекст не только способствует признанию достижений, но и подталкивает к ним. Хорошо известны, например, многочисленные независимые научные открытия (289; 343—382), сделанные тогда, когда научные сообщества были подготовлены к этому. Таковы открытия Ньютона и Лейбница; Резерфорда и Шилля; Генри Морзе, Стенли, Уинстона и Кука; Дагерра, Нипси и Таль-бота; Адамса и Леверьера; Кроса и Эдисона. Похоже, число примеров растет по мере вступления науки в современную эпоху. Не так давно о крупном успехе в физике сверхпроводников сообщили почти одновременно более двадцати независимо работавших ученых. Комментируя подобные ситуации, Г. и Дж. Лен-ски пишут: «Хотя мы не отрицаем способностей этих личностей, но все же предполагаем, что немногие из тех, кто внес свой вклад в развитие знаний, были незаменимыми» (237; 93). Скорее, таково было общее состояние фундаментальной науки в целом, что делало возможным определенные типы открытий или изобретений.

3. Существуют целые эпохи, которые иногда называют «золотым веком»: Греция в V в. до н.э., цивилизация майя, итальянский Ренессанс в XV в., французский Ренессанс в XVI в. Почему так много гениальных людей родилось именно в это время и именно в этих странах? Единственным объяснением является социальный контекст, оказавшийся благоприятным для расцвета творческих возможностей человека.

4. Последнее доказательство важности социального аспекта следует искать в неравном представительстве великих личностей

среди мужчин и женщин, различных рас и этнических сообществ. Подавляющее большинство политических лидеров, монархов, президентов, военных героев — мужчины. Та же картина среди достигших вершины славы в науке и искусстве. Нобелевские премии по литературе получили 86 мужчин и лишь 7 женщин, по химии — 97 мужчин и лишь 4 женщины. Нет никаких оснований говорить о врожденном генетическом превосходстве мужчин с точки зрения склонности к творчеству, новациям. Единственное объяснение — укоренившиеся социальные предрассудки и дискриминация, неодинаковое распределение ресурсов (обучение, свободное время и т.д.) и внимания к действительному успеху (доступ к публикациям, средствам формирования мнений, общественной известности и т.д.). Аналогичные примеры можно привести и по поводу недавнего представительства расовых и этнических меньшинств. Здесь явно имеет место негативный социальный отбор, блокирующий определенным категориям возможность равного признания их достижений.

В процессе социального отбора принимаются в расчет различные критерии исключительности. Они обеспечивают подтверждение уникальной, экстраординарной социальной позиции, другими словами, законность величия. Такие факторы институционализируются, обращаются в нормы и правила, определяющие решения о том, кто заслуживает признания. Основы легитимации сильно варьируют в зависимости от сферы

деятельности и достижений.

В религии, политике и военном деле, которые взрастили большую часть исторических героев, наиболее ранним и общим критерием была персональная харизма.

Согласно Шилзу, «харизма есть качество, которое приписывается личности, действиям, ролям, институтам, символам и материальным объектам из-за предполагаемой их связи с «конечными», «фундаментальными», «жизненными», определяющими порядок силами. Эта предполагаемая связь с конечными «серьезными» элементами во Вселенной и в человеческой жизни рассматривается как качество или состояние бытия, проявляемое в носителе и действиях индивидуальных личностей и присущее определенным ролям и коллективам» (354; 386).

Такому качеству приписывается сверхъестественное свойство, знак божественной милости, избранности, необычного таланта. Харизма может субъективно ощущаться ее носителями, создавая ощущение необычной мощи, упорства и призванности, и может восприниматься окружением. Одно ощущение усиливает другое, и лишь вместе они рожают истинно харизматическую личность. По словам Шилза, «личности, которые обладают интенсивным

[331]

субъективным ощущением собственного харизматического качества, и те, кому это качество приписывается другими, мы называем харизматическими» (354; 386). Если последнее отсутствует, то это означает узурпацию харизмы без всяких социальных последствий. Если отсутствует первое, то следует говорить о ложной, придуманной обществом харизме, поднимающей посредственность к славе и влиянию.

Понятие харизмы, со времен античности присутствующее в религиозном контексте, теоретически разработал Макс Вебер. Он рассматривал его как одно из трех оснований легитимной власти и влияния, которое одни люди оказывают на других в политической, военной, религиозной и интеллектуальной сферах (альтернативными основаниями для легитимности являются легально-рациональное и традиционное). Харизматическим авторитетом обладают творческие, инициативные, энергичные личности — лидеры, пророки, воины, признанные таковыми своими последователями или подданными. Считается, что они обладают сильнейшим динамическим потенциалом, необходимым для осуществления социальных изменений. Для Вебера «харизматический авторитет всегда революционен» (354; 387). В то время как традиционные и легально-рациональные авторитеты склонны к рутинному или конформистскому поведению (выполняя установленные порядки или следуя нормативным принципам, в которых они могут найти подтверждение своему статусу), харизматические авторитеты черпают свою законность свыше, независимо от социальных институтов. Они готовы уничтожить существующий порядок и создать на его месте новый. «Харизматические личности, и те, кто верит в них, стремятся к кардинальным преобразованиям. Они хотят сломать структуры рутинных действий и заменить их структурами, «наполненными» качествами или состояниями сознания, которые порождаются непосредственным и интенсивным контактом с «конечным» — с силами, направляющими и определяющими человеческую жизнь» (354; 387).

Харизматические личности развивают в себе определенные черты, помогающие им усиливать свой образ посланцев Бога, воплощения судьбы, предвестников истории, вождей и т.д.

Они очень требовательны и автократичны, диктуют, как должны вести себя их последователи, и наказывают тех, кто не соблюдает субординацию. Они сохраняют дистанцию между собой и своими учениками, прибегая к различным средствам, носят парадные костюмы или униформу, предпочитают особые формы общения, произносят речи с высоких трибун, устраивают собрания в огромных залах и т.д.

[332]

Они предпринимают экстраординарные действия с тем, чтобы продемонстрировать свою особую власть, сверхъестественные возможности (Мао, например, переплывал Янцзы). Они чрезвычайно догматичны, фанатически отдаются реализации собственных проектов и не терпят критики.

Они эффективно отгораживаются от неблагоприятных поворотов в общественном мнении, сплывая вокруг себя фанатичных сторонников, почитателей и обожателей, которые создают феномен «групповой мысли» (убежденности в непогрешимости, всемогуществе, проницательности и правоте).

Значение харизматической легитимации усиливается в периоды социальных кризисов, когда рушатся привычные нормы, правила и законы, дискредитируется правящая элита и отвергаются традиции. В таких ситуациях люди обычно верят только тем, кто не причастен к существующему порядку. А поскольку происхождение харизматической личности по определению кроется в сверхъестественных источниках, постольку она лучше всего отвечает этому требованию. Нужда в харизматическом лидере у широких масс населения в условиях кризиса определяется по меньшей мере тремя психологическими факторами.

Во-первых, людям необходимо обрести чувство безопасности, которое может обеспечить фигура, берущая дело в свои руки. Как отмечает Карлейль, наиболее важная функция монархов заключается в том, чтобы «командовать, управлять, говорить нам ежедневно и ежечасно, что мы должны делать» (74; 257). Во-вторых, люди пытаются компенсировать собственные неудачи, неприспособленность и нищету эмоциональной идентификацией с великим героем, обретая гордость за его деяния. Современные социальные психологи называют это «героизацией *per procura*» («для исполнения своей функции». — *Ред.*) (268; 92). В-третьих, массы стремятся избежать ответственности, переложить ее на более сильного лидера. Эрих Фромм считал данное обстоятельство одной из психологических причин фашизма (135).

В более стабильных условиях на передний план выступают иные качества, и значение харизматических личностей ослабевает. Следует также подчеркнуть, что в разных сферах социальной жизни действуют собственные критерии исключительности. В науке, например, это знания, эрудиция, способность к творчеству; в искусстве — совершенство исполнения, подлинная оригинальность формы и содержания; в технике — эффективность, рациональность.

Быть героем

Независимо от способов получения статуса героя и критерия, по которому определяется этот статус, перед личностью, полу-

[333]

чившей социальное признание, открываются широкие возможности влияния на исторический процесс. Однако реализация таких возможностей требует следующих условий.

1. Должна сложиться социальная, политическая, экономическая ситуация, в которой отдельные решения обретают вес. «Существование в исторической ситуации возможных альтернатив развития есть предварительное условие значимых героических действий» (197; 114). В таких «бифуркационных точках» (т. е. в пунктах, обнаруживающих вероятности альтернатив. — *Ред.*), казалось бы, незначительные факторы могут повлечь за собой неожиданно серьезные последствия. История всего мира начинает зависеть от мельчайших деталей, в том числе от решений, принятых одним человеком. Как правило, это происходит в периоды социальной дестабилизации, дезорганизации, предреволюционных беспорядков, послевоенных разрух и т.д. Похоже, что «во время войн и революций судьба людей зависит от того, что решат одна или несколько личностей» (197; 3). Для того чтобы иметь шанс сыграть подлинно историческую роль, великая личность должна жить в исключительное время. В этом смысле героев формирует героическое время.

2. Выдающаяся личность должна обладать прерогативами власти или влияния. Величайший полководец вряд ли сумеет что-то сделать, если будет арестован; видный политик немногого добьется, если его сместят. Иначе говоря, для того чтобы сыграть историческую роль, великая личность должна не только жить в нужное время, но и оказаться в нужном месте. В этом смысле герои формируются в героической обстановке.

3. Подлинно исторические изменения возможны только тогда, когда в них включены большие массы людей. Никто в одиночку, лишь собственными руками, не в состоянии изменить историю. Великая личность должна быть способна подвигнуть к действию других людей, мобилизовать их или сопротивляться им, вести за собой, устрашать силой или характером, соблазнять идеями, увлекать эмоциями — короче, вытаскивать из рутины и застоя. Когда принимаются исторически важные решения, массы должны быть «под рукой». Командиру необходима армия, революционному лидеру — озлобленная толпа, пророку — верующие, ожидающие благой вести, президенту — законопослушные граждане. Таким образом, последняя предпосылка для выполнения героической роли, для осуществления значительных социальных изменений состоит в наличии богатых человеческих ресурсов, поддающихся мобилизации.

[334]

Влияние на историю

Историческая роль великих личностей принимает две формы, соответственно которым Сидней Хук различает два типа личностей — «событийные личности» и «личности, создающие события». Величие первых не зависит от того, что они совершили в действительности. Им вовсе не нужно проявлять невероятную мудрость, фантазию или высокие моральные качества, они просто «натываются на величие», оказавшись в нужное время в нужном месте и принимая верные решения, правильно используя открывшиеся возможности. Вытекающие отсюда исторические последствия справедливо приписываются именно им. «Событийный человек творит события при том счастливом или несчастливом стечении обстоятельств, когда его действия, равно как и уклонение от них, являются решающими и имеют глобальные масштабы» (197; 163). Зачастую такие люди изначально даже не подозревают об историческом значении своих поступков.

Что касается второй категории, то это действительно великие личности, обладающие уникальными свойствами — умом, талантом, проницательностью, настойчивостью, упорством в достижении целей. Из их числа рекрутируются харизматические лидеры; они сами чувствуют свою избранность, и другие признают их харизму. Уникальная особенность действий таких людей заключается не только в использовании возникающих возможностей, но и в создании последних. «Создающий события человек... находит развилки исторических путей и помогает создать их. Он увеличивает шансы добиться успеха при выборе тех или иных альтернатив благодаря своим экстраординарным качествам» (197; 157).

На пути к историческому величию немало ловушек. Попытки изменить историю нередко терпят неудачу, даже если они исходят от действительно выдающихся личностей. Существует множество разнообразных барьеров, которые препятствуют успеху потенциального героя или ведут к провалу тех, кто завоевал признание ранее. Во-первых, чаще всего люди не в состоянии адекватно оценить свои возможности, правильно определить наличие исторических альтернатив, принимают желаемое за действительное. Во-вторых, существует общая тенденция думать дихотомически «или-или», игнорируя комплексный характер социальных ситуаций, а также вариантность их возможного развития. В-третьих, большинству людей не свойственно умение правильно определять затраты, необходимые для достижения цели

[335]

с минимальными потерями. В-четвертых, многие пренебрегают вероятными побочными непреднамеренными последствиями, особенно если они кажутся далекими по времени. В-пятых, как правило, не учитываются массовые реакции на принимаемые решения, переоценивается потенциал социальной мобилизации, неправильно определяется общественное настроение и ошибочно интерпретируются популярные среди широких масс цели и надежды. Наконец, последняя ловушка — самая опасная: речь идет об игнорировании того факта, что возможности человека управлять социальными и историческими обстоятельствами ограничены; в таких случаях чаще всего возникают попытки изображать из себя всемогущего Господа.

Люди, которым удалось избежать этих ловушек, полностью заслуживают того, чтобы их называли «великими личностями».

[336]

19. Социальные движения как фактор социальных изменений **Социальные движения в ряду других агентов изменений**

Воплощения человеческой деятельности многообразны. Социальные изменения осуществляются различными деятелями, но один из них становится в современную эпоху особенно важным. Этот деятель (агент) появляется на экранах телевизора всякий раз, когда мы включаем его, чтобы посмотреть новости. Толпы в городских скверах, протестующие против политики правительства; мрачные лица бастующих британских шахтеров; американские юнцы, пикетирующие атомные станции; студенты, сражающиеся с отрядами полиции на улицах Сеула; мусульмане, атакующие христиан, и наоборот; сербы, воюющие с боснийцами, и боснийцы, воюющие с сербами; черные африканцы, протестующие против апартеида; женщины, пикетирующие клиники, где делаются аборты; французские крестьяне, блокирующие дороги. Социальные движения — это, пожалуй, наиболее мощные силы, вызывающие социальные изменения.

Многие авторы отмечают важнейшую роль социальных движений, рассматривая их в качестве «одного из главных способов, которым переделываются современные общества» (49; 154); в качестве «создателей социальных преобразований» (215; 426) и «исторических деятелей» (422; 298), «трансформирующих агентов политической жизни» или «носителей исторических проектов» (5; 12).

Какое место занимают социальные движения среди других субъектов социальных изменений? Давайте подойдем к решению этого вопроса с точки зрения разделения различных способов, благодаря которым могут возникать социальные трансформации. Некоторые из них идут «снизу», вызываются активностью со стороны широких масс обычных людей; другие — «сверху», под натиском властных элит (правителей, менеджеров, администраторов, и т.д.), способных навязать свои предпочтения остальным членам общества. Одни изменения представляют собой результат преднамеренных действий, заранее продуманных проектов; дру-

[337]

гие — непредумышленные побочные эффекты, побочный продукт действий, совершаемых во имя иных целей.

Сочетание этих двух критериев (место размещения и намерения деятеля) дает четырехчленную типологию.

1. Латентные (скрытые, невыявленные) изменения, возникающие «снизу» (например, благодаря людям, живущим повседневной жизнью, делающим тот или иной выбор, принимающим решения по поводу своих частных целей, ненамеренно производящим сдвиги в экономике, демографии, в области жизненных стилей, привычек и т.д.). Аккумулированные и комбинированные результаты разрозненных индивидуальных поступков приводят к

зарождению долговременных тенденций. Их можно увидеть на макрошкале, абстрагируясь от массы производных действий. Иногда к подобным долговременным тенденциям относятся как к социальным движениям (или «общим социальным движениям» в противоположность «частным»). Мы не согласны с таким подходом, поскольку существуют более приемлемые термины — «наклонности», «тенденции», «течения», «макропроцессы», которыми обозначается рассматриваемый феномен. Мы намерены использовать термин «социальные движения» в особых случаях.

2. Латентные изменения, осуществляемые «сверху» (например, благодаря действиям правительства, приводящим к неожиданным побочным результатам или даже вызывающим «эффект бумеранга», т. е. к изменениям, противоположным тем, которые предполагались).

3. Явные изменения, происходящие «сверху» (например, успешное выполнение планов, приведение в действие реформ правительством, административным или управленческим аппаратом).

4. Явные изменения, производимые «снизу» (например, когда правительство приступает к политическим реформам под давлением масс). Рассмотренная типология представлена в табл. 19.1.

Типология изменений

		Локус деятельности (начальная «точка»)	
		«Снизу»	«Сверху»
Намерения деятелей (агентов)	Латентные (невывявленные)	1	2
	Явные	4	3

[338]

Последняя категория описывает ситуацию, в которой люди спланируются и организуются для того, чтобы произвести изменения в обществе. По степени организованности спектр участников может включать в себя как стихийно возникающие, расплывчатые толпы и собрания, так и социальные движения и, наконец, группы по интересам, лобби и высоко бюрократизированные политические партии, сражающиеся за власть (партии, уже стоящие у власти, принадлежат к другой категории в нашей типологии. Наряду с правителями и правительствами они вводят изменения «сверху»).

Определение социальных движений

Адекватное определение социального движения должно отличать это явление от остальных категорий субъектов (деятелей) (1, 2, 3), а также от других представителей той же категории (4).

Итак, выделим следующие основные компоненты социальных движений.

1. Коллективность людей, действующих совместно.
2. Единство в отношении цели коллективных действий, а именно — изменения в обществе, причем цель должна восприниматься участниками однозначно.
3. Коллективность относительно диффузна, с низким уровнем формальной организации.
4. Действия имеют относительно высокую степень стихийности и не принимают институционализированные, застывшие формы.

Суммируем сказанное. Под социальными движениями мы подразумеваем свободно организованные коллективы, действующие совместно в неинституционализированной форме для того, чтобы произвести изменения в обществе. Некоторые классические дефиниции социальных движений выглядят так.

«Коллективные предприятия для установления нового порядка жизни» (49; 199).

«Коллективные предприятия для преобразования социального порядка» (228; 507).

«Коллективные усилия по изменению норм и ценностей» (360; 3).

«Коллективность, действующая в течение некоторого времени для того, чтобы обеспечить изменения в обществе (в груп-

[339]

пе), частью которого она является, или не допустить изменений» (433; 246).

«Коллективные усилия по контролю над изменениями или корректировке их направления» (232; xiv).

Современные авторы дают более пространные характеристики социальных движений.

«Коллективные попытки выражения недовольства, возмущения, поддержки или сопротивления изменениям» (458; 828, 841).

«Группы индивидов, объединяющихся ради выражения недовольства общественным порядком и изменения социальных и политических основ, вызывающих такое недовольство» (124; 43-44).

«Нетрадиционные группы, обладающие различной степенью формальной организации, пытающиеся произвести радикальные изменения или препятствовать им» (453; 3).

По мнению некоторых исследователей, социальные движения «существуют дольше, чем толпы, массы и сборища, и более интегрированы. Тем не менее, они не организованы так, как обычно организованы политические клубы и другие ассоциации» (цит. по: 33; 8).

Другое определение: движение — «это устойчивая поддержка связей между влиятельными национальными деятелями, успешно выступающими от имени тех, чьи интересы формально не имеют представительства в существующих структурах. В этом процессе такие деятели публично выставляют требование изменить распределение власти, что в свою очередь демонстрирует публичную поддержку самого требования» (401; 12).

Во всех определениях подчеркивается тесная связь между социальными движениями и социальными изменениями. Как отмечают Вуд и Джексон, «изменения являются основной характеристикой социальных движений... Социальные движения тесно связаны с социальными изменениями» (453; 6). Данное обстоятельство, казалось бы, очевидное, тем не менее требует разъяснения.

[340]

1. Цель может быть поддерживающей, утверждающей, когда предполагается ввести в общественную жизнь какие-то новые элементы, будь то новое правительство или политический режим, новые привычки, законы или институты, либо отрицающей, когда планируется остановить, предотвратить или повернуть вспять различные процессы (например, ухудшение экологической обстановки, снижение урожайности, рост преступности, распространение абортов и т.д.).

2. Социальные движения имеют различные причинные связи с изменениями. С одной стороны, они могут рассматриваться как конечная причина последних, т. е. как условия, необходимые и достаточные для их совершения. Проблема в том, что обычно для достижения своей цели общественные движения должны разворачиваться в благоприятных социальных условиях, при наличии благоприятной «структуры возможностей», или, если воспользоваться образным сравнением, должны «подняться на гребень волны» других

социальных сил. Они эффективны лишь тогда, когда дополняются другими факторами, и вряд ли служат единственной причиной изменений. Обычно это необходимое, но не достаточное условие социальных преобразований.

Но социальные движения могут рассматриваться и просто как симптомы, эпифеномены, сопровождающие процессы, которые раскрываются по своим собственным законам (например, сопровождение прогресса модернизации, урбанизации неожиданными экономическими кризисами). В этом смысле они похожи на лихорадку, отражающую более глубокие изменения в социальном организме. Проблема здесь в том, что многие социальные движения способствуют социальным преобразованиям, влияют на их направление и скорость, не говоря уже о тех, которые действительно инициируют социальные сдвиги.

Наиболее разумным является подход, согласно которому движения — это средства в причинной цепи социальной практики, продукты более ранних изменений и вместе с тем производители (или по крайней мере сопроизводители) дальнейших преобразований. Движения возникают не на пустом месте, они объединяют социальный процесс и попытки повлиять на его ход. По словам Тома Бернса, «они являются носителями, равно как и создателями, и реформаторами нормативных систем» (66; iv).

Аналогичное замечание делает и Дитер Рухт. «Социальные движения являются одновременно продуктом и производителем социальных процессов. Действуя в пределах исторически созданной и относительно стабильной основы, они также активно уча-

[341]

ствуют в изменении политических взглядов, властных структур и культурных символов» (345; 306).

Воспользуемся простой диаграммой:

Предшествующие социальные процессы => социальные движения =* последующие социальные процессы

Поток социальных изменений

3. Третье соображение касается области, в которой действительно происходят изменения, вызываемые социальными движениями. Дело в том, что любое социальное движение составляет часть того самого общества, в котором происходят изменения, охватывающие некоторые (иногда достаточно обширные) области его функционирования, иначе говоря, действует на общество изнутри. Это случай, когда «общество преобразует общество». Значительная часть изменений, производимых движениями, представляет собой изменения в самом движении (его составе, идеологии, правилах, предписаниях, организациях и т.д.) и даже внешние сдвиги в более широком контексте (законодательной системе, политических режимах, культуре), вызванные движением, по принципу обратной связи влияют на его собственных членов и структуры, изменяя их мотивацию, установки, идеи и т.д. Социальные движения, изменяя общество, изменяют в этом процессе себя (они мобилизуются, организуются) для того, чтобы влиять на общество более эффективно. Изменения в самом движении и изменения, которые производит движение, идут рука об руку, создавая взаимосвязанные, конкурирующие процессы. Эта уникальная черта социальных движений делает справедливым заявление Гари Маркса и Джеймса Вуда о том, что «социальные движения более динамичны, чем большинство других социальных форм» (272; 394). Они являются социальными движениями *par excellence* (по преимуществу).

Социальные движения и современность

Социальные движения представляют собой исторически универсальный феномен. Люди всегда имели причины для объединения и борьбы за свои коллективные цели против тех, кто стоит на пути к их достижению. Историки описывают восстания, бунты, взрывы недовольства еще в античности, религиозные походы в средние века, мощные крестьянские восстания в 1381 и 1525 гг.,

Реформацию, культурные, этнические и национальные движения Ренессанса. Социальные движения внесли свой вклад в рождение современности в периоды великих буржуазных революций — английской, французской, американской. Стратегии и тактики этих выступлений, их «содержательный репертуар» (400) менялись, но большинство исследователей единодушны в том, что лишь в зрелых современных обществах началась действительно «эра социальных движений». Только в XIX и XX столетиях они стали многочисленны, приобрели массовый характер и повлекли за собой важные социальные изменения. «Высоко модернизированные общества имеют тенденцию превращаться в общества движений» (309; 449). «Социальные движения составляют суть того, что мы называем современностью. Они определяют современную политику и современное общество» (124; 53). «Социальные движения связаны со структурными сдвигами, сопоставимыми с модернизационными прорывами в сферах «систем» и «образа жизни» (345; 324).

Классики XIX столетия выделили несколько причин, обуславливающих особую важность и значение социальных движений в современный период.

1. Первую можно назвать «темой Дюркгейма». Речь идет о простом физическом соединении больших масс людей в ограниченном районе, что происходит при индустриализации и урбанизации, приводящим к высокой «моральной плотности» населения. Это создает возможности для контактов и взаимодействия, выработки единой точки зрения, общей идеологии и сплочения единомышленников. Короче говоря, шансы для мобилизации социальных движений существенно увеличиваются. Могло ли возникнуть социалистическое движение без фабричной системы, где тысячи рабочих находятся в непосредственном личном контакте? Случайно ли, что университетские городки, где сконцентрировано большое количество студентов, являются питательной средой для разного рода возмущений?

2. Следующая типичная черта современности, которую можно назвать «темой Тенниса», — это изоляция индивидов в депер-сонифицированном обществе (*Gesellschaft*), или «одиночество в толпе» (339). Опыт отчуждения, одиночества и оторванности вызывает стремление к общности, солидарности и «сплоченности». Участие в социальном движении позволяет удовлетворить эти всеобщие человеческие потребности.

3. «Тема Маркса» отмечает беспрецедентный рост социального неравенства, ступенчатую иерархию богатства, власти и пре-

стажа, что характерно для современной капиталистической экономики. Эксплуатация, угнетение, несправедливость, лишения объединяют людей. Те, чьи общие интересы находятся под угрозой, готовы бороться с теми, кто угрожает их интересам. В данном случае наиболее четко проявляется «структурная готовность» (360) к возникновению социальных движений.

4. «Тема Вебера» рассматривает демократические преобразования политической системы, открывающие поле для коллективных действий большим массам людей. Выражение различных мнений, выявление и объединение скрытых интересов и активная деятельность в их защиту становятся законным правом, более того, долгом ответственного гражданина. «Структура политических возможностей» (396) для появления социальных движений радикально преобразована.

5. «Тема Сен-Симона и Конта» акцентирует внимание на завоевании, контроле, господстве над реальностью и манипулировании ею — вначале природой, а постепенно и человеческим обществом. Вера в то, что социальные изменения и прогресс зависят от действий людей, что общество может быть сформировано его членами к их собственной

выгоде, — важная идеологическая предпосылка активности и, следовательно, мобилизации социальных движений. Волонтаризм питает их, а фатализм убивает.

6. Современное общество переживает культурный и образовательный подъем. Участие в социальных движениях требует известной степени сознательности, воображения, душевного отклика и равнодушия к общественным проблемам, а также способности к обобщениям личного или местного опыта. Все это связано с уровнем образования, рост которого, сопровождая распространение капитализма и демократии, увеличивает резерв потенциальных участников социальных движений.

7. Последняя черта современного общества, способствующая формированию социальных движений, — возникновение и распространение средств массовой информации (301). Это мощный инструмент для «выковыивания» общественного мнения, которое раздвигает горизонты граждан, позволяя им выйти за пределы личного мира, обратиться к опыту других, социально или географически удаленных групп, классов, наций. В результате наступает «демонстрационный эффект», т. е. открывается возможность сравнить собственную жизнь с жизнью других. Обнаруживая, что они лишены многих благ, люди приобретают психологическую готовность к участию в социальных движениях. Кроме того, именно через средства массовой информации граждане узнают о политических кредо, взглядах и желаниях других, благодаря чему

[344]

формируется солидарность, выходящая за узкие локальные рамки и являющаяся еще одним социально-психологическим условием для возникновения социальных движений.

Типы социальных движений

1. Социальные движения отличаются друг от друга по масштабам предполагаемых изменений. Некоторые из них относительно ограничены по своим целям и не ориентированы на преобразования основных институциональных структур. Они хотят преобразований внутри структуры, а не ее самой. Мы называем их реформистскими. Таковы, например, движения за и против аборт, которые требуют соответствующих изменений в законодательстве; движения за права животных, которые призывают запретить эксперименты над ними; движения, которые выступают за ограничения скорости на германских автострадах. Другие движения стремятся к более глубоким преобразованиям, пытаются затронуть основы социальной организации. Вследствие того, что под их прицелом оказываются институты, занимающие центральное, стратегическое положение, изменения имеют гораздо более далеко идущие последствия, чем предполагалось изначально. В результате происходит преобразование самого общества, а не внутри него. Такие движения мы называем радикальными. К ним относятся, например, движения за гражданские права в США, против апартеида в Южной Африке, за национальное освобождение в колониальных странах. Когда предполагаемые изменения охватывают все ключевые аспекты социальной структуры (политический, экономический, культурный) и направлены на тотальное изменение общества, построение вместо него «альтернативного» общества, тогда мы говорим о революционных движениях. К ним, в частности, относятся фашистское и коммунистическое движения.

Другую формулировку той же типологии дал Нейл Смелзер, который различал движения, «ориентированные на нормы» и «ориентированные на ценности». Первые нацелены на утверждение разделяемой всеми идеологии, которая предполагает пересмотр норм; вторые — на пересмотр ценностей (360; 9). Ценности, по Смелзеру, включают в себя общечеловеческие стремления к справедливости, знаниям, демократии, свободе, а нормы представляют собой средства достижения этих целей. Таковы, например, дисциплина, образование, труд. «Нормы имеют более специфический характер, чем общие ценности, поскольку они уточняют

определенные регулирующие принципы, необходимые для реализации ценностей» (360; 27).

2. Социальные движения различаются по качеству предполагаемых изменений. Некоторые стремятся создать новые институты, ввести новые законы, внедрить новый образ жизни, новые верования. Короче говоря, они хотят сформировать общество, которое раньше не существовало. Такие движения ориентированы на будущее. Их можно назвать прогрессивными. К ним можно отнести, например, движения республиканцев, социалистов, движения за освобождение женщин. Другие движения обращены в прошлое, стремясь восстановить институты, законы, образ жизни и верования, которые когда-то существовали, но забылись или были отброшены в ходе истории. Предлагаемые ими изменения направлены в прошлое, и основное внимание уделяется возрождению традиции. Мы можем назвать их «консервативными», или «ретро-активными». Это и экологическое движение; и фундаменталистские религиозные движения, и движение «Морального большинства» в США, призывающее вернуться к семейным ценностям; и монархические движения, выступающие за восстановление монархического строя; и движение за этническое возрождение в Восточной и Центральной Европе, которое возникло после краха коммунизма. Различие между прогрессивными и консервативными движениями аналогично общему политическому разделению на левых и правых. Левые чаще прогрессивно ориентированы, правые обычно консервативны.

3. Социальные движения различаются по отношению к целям предполагаемых изменений. Одни сосредоточиваются на изменении социальных структур, другие — на изменении личности. Первые принимают две формы. Социополитические движения (или, как их называет Чарльз Тилли, «национальные социальные движения») пытаются добиться изменений в политике, экономике, вызвать сдвиги в классовых и стратификационных структурах. «Под национальным социальным движением я понимаю настойчивый вызов властям от имени населения, которое не обладает властными полномочиями в государстве» (404; 1). «Социо-культурные движения» стремятся изменить убеждения, кредо, ценности, нормы, символы (вспомним, например, битников, хиппи, панков).

Движения, нацеленные на изменения личности, также принимают две формы. Первая — мистические или религиозные движения, которые борются за спасение своих членов и общее оживление религиозного духа (религиозные движения в средние века,

исламские фундаменталистские движения, евангелическое движение, объявленное папой Иоанном Павлом II) и призывающие к самосовершенствованию, душевному и физическому комфорту. Движения, направленные на изменения структуры, предполагают, что достижение этой цели повлияет и на личность. И наоборот, движения второго типа предполагают, что люди, изменившиеся к лучшему, будут постепенно формировать более совершенные социальные порядки. И все же одни движения ключевым считают изменение структур, а другие — людей.

Сочетая критерий цели с критерием диапазона, Давид Аберль предложил четырехзвенную классификацию социальных движений: преобразовательные, направленные на полное изменение структур; реформаторские, направленные на их частичные изменения; движения спасения, преследующие цель полностью изменить членов общества; альтернативные, предполагающие их частичное изменение (1).

4. Социальные движения различаются «вектором» изменений. Как я уже упоминал, у большинства движений «вектор» позитивен. Но может сложиться и противоположная ситуация, когда люди объединяются не для того, чтобы ввести в свою жизнь что-то новое, а для того, чтобы воспрепятствовать развитию тех или иных социальных тенденций. В таких

случаях мы говорим об отрицательном «векторе». К данной категории принадлежат многочисленные движения, выступающие против современности, например, те, что защищают местные культуры, борются с глобализацией, пытаются возродить этнические или национальные особенности, укрепить фундаменталистские религиозные предписания. Сюда же можно отнести экологические движения, поскольку они протестуют против явлений (загрязнения окружающей среды, истощения ресурсов), вызванных индустриализацией. Существуют движения, цель которых — приостановить действие конкретных законов или решений правительства, например, движение в США против введенных методов расового объединения в школах (434), движение «самозащиты» польских крестьян против высоких налогов. Еще одна, особая категория — альтернативные движения. Иногда имеют место симметричные пары: левые и правые, антисемиты и сионисты, атеисты и фундаменталисты, демократы-реформаторы и сторонники жесткой линии.

5. Социальные движения отличаются по лежащей в их основе стратегии, или «логике» их действия (345). Одни следуют «инструментальной» логике, стремясь достичь политической власти и ее средствами усилить предполагаемые изменения в законах, [347]

институтах и организации общества. Их первичная цель — политический контроль. Если это удастся, то такие движения превращаются в группы давления или политические партии, входят в парламенты и правительства. Примеры недавнего времени — партия зеленых в Германии и победоносная «Солидарность» в Польше.

Другие следуют «экспрессивной» логике, стремясь достичь автономии, добиться равных прав, культурной или политической эмансипации для своих членов или более широких общностей. Таковы движения за гражданские права, этнические, феминистские, за права гомосексуалистов/Случайно ли, что одно из самых мощных движений последних десятилетий — за освобождение женщин — так и не получило статуса политической партии или парламентского представительства? «Я полагаю, что движение женщин следует в первую очередь экспрессивной логике, в то время как экологическое движение склоняется к инструментальной логике» (345; 319).

6. Различные типы движений действуют в разные исторические эпохи. Для современной истории наиболее характерны два типа. Движения, характерные главным образом для раннего периода современной эпохи (так называемые «старые социальные движения»), были ориентированы на экономические интересы, причем их члены рекрутировались из отдельных социальных классов жестким, централизованным образом. Примеры — тред-юнионы, рабочие и фермерские движения. Со временем они постепенно устаревают.

В последние десятилетия наиболее развитые капиталистические общества, вступившие в стадию постмодернизма, становятся свидетелями возникновения другого типа, называемого «новыми социальными движениями» (423; 319). В их числе экологическое и феминистское движения, движение за мир. Им свойственны три черты.

Во-первых, они сосредоточиваются на новых темах, новых интересах, новых участках социальных конфликтов. Свою реакцию на вторжение политики, экономики, технологии и бюрократии во все сферы человеческого существования они выражают в обеспокоенности по поводу качества жизни, расширения жизненного пространства, победы «гражданского общества». «В противоположность старому рабочему движению новые социальные движения не выдвигают на первое место явно выраженных экономических требований. Их гораздо больше волнуют культурные проблемы, вопросы самостоятельности, прав личности, а также

[348]

темы, связанные с новыми, невиданными ситуациями риска, которому подвергаются люди, независимо от их социального положения» (222; 1079).

Во-вторых, члены таких движений не являются представителями какого-то одного определенного класса. Можно говорить лишь о преобладании людей образованных, а также тех, кто относится к среднему классу, что объясняется, скорее всего, более высоким уровнем сознательности представителей этих слоев и тем, что у них больше свободного времени, денег и энергии (222; 1085-1089).

В-третьих, новые социальные движения обычно децентрализованы и не принимают формы жесткой, иерархической организации.

7. В конкретном обществе в конкретный исторический момент всегда существует сложная, неоднородная система социальных движений, включающая различные типы, представленные выше. При этом наблюдается ряд явлений. Во-первых, наряду с движениями возникают «контрдвижения». Они объединяются в «свободно связанном конфликте», взаимно стимулируя и усиливая качество (459; 1). Точнее говоря, «движения любой степени видимости и плотности создают условия для возникновения контрдвижений. Ратуя за те или иные изменения, выступая против утвердившихся, господствующих интересов, предлагая одни символы и усиливая значение других, они вызывают недовольство и создают условия для организационного оформления контрдвижения, для выработки его целей и формулирования спорных вопросов» (459; 1). «Тактика контрдвижения является реакцией на структуру и тактику движения» (459; 2).

Кроме того, Маккарти и Залд вводят понятие «индустрия социальных движений» (ИСД), содержание которого составляют движения, имеющие сходные или идентичные цели и защищающие общие интересы (255; 1219). Например, движение рабочего класса включает стихийные выступления (типа луддитов), тред-юнионы, социалистические организации и т.д.

Наконец, картина деятельности социальных движений меняется от одного общества к другому. Гарнер и Залд определяют целостность, в пределах которой они действуют, как «сектор социального движения» (ССД). «Это структура антагонистических, конкурирующих и кооперирующихся движений; она, в свою очередь, является частью более широкой структуры, включающей в себя партии, государственно-административный аппарат, средства информации, группы давления, церкви и т.д.» (143; 1—2).

[349]

Уникальный характер ССД обуславливает особую специфику и задает общий тон деятельности каждого составляющего его движения, а также определяет уровень активности в данном обществе. Общество, которое хочет использовать весь свой творческий потенциал и стремится изменить себя к выгоде всех его членов, должно не только допускать, но и поощрять социальные движения, что приведет к возникновению богатого и разнообразного ССД. Это — «активное общество» (118). Общество, которое подавляет, блокирует или уничтожает социальные движения, уничтожает собственный механизм самоулучшения и самотрансценденции, т. е. выхода за свои собственные пределы (термин Гид-денса. — *Ред.*). Если ССД узок или его просто нет, то общество становится «пассивным», а его члены — невежественными, безразличными и бессильными людьми, тогда единственной исторической перспективой являются застой и упадок.

Внутренняя динамика социальных движений

Социальные движения возникают в определенный момент, развиваются, проходят различные фазы, угасают и исчезают. По словам классика в этой области Герберта Блумера, «движение должно сформироваться и «сделать карьеру» в том мире, который почти всегда противостоит, сопротивляется или по меньшей мере просто безразличен к нему» (50; 147). Такая «карьер» может быть короткой или продолжительной. Внутри движения — с момента его возникновения и до исчезновения — идут постоянные процессы. Они охватывают не только участников движения, но и его организации, институты и нормативные системы. Сначала рассмотрим внутреннюю динамику социальных движений, а затем обратимся к внешней динамике, т. е. к влиянию социальных движений на более широкое социальное

целое, в рамках которого они действуют. Это две стороны процесса, который можно назвать «двойным морфогенезом» социальных движений (388).

Во внутренней динамике движения мы предлагаем различать четыре главные стадии: возникновение, мобилизацию, совершенствование структуры и завершение.

1. Все социальные движения возникают в определенных исторических условиях, в пределах исторически заданной структуры. Эта последняя создает запас ресурсов и возможностей, служит сокровищницей идей, на основе которых движение формулирует собственные кредо, идеологию, цели, выявляет своих вра-

[350]

гов и сторонников, обосновывает свое видение будущего. Движение осмысляет существующие взгляды, производит их отбор, меняет акценты, соединяет во взаимосвязанную систему и, естественно, добавляет к этой основе нечто новое. Кажущаяся новизна никогда не бывает абсолютной. Так, революционные движения не изобретают свои лозунги, боевые призывы, представления о лучшем мире, а заимствуют их. Скажем, некоторые свои мысли Маркс позднее развил в целостную теорию революционного прошлого. Польский марксист К. Келлес-Крауз писал: «Социальные нормы всегда похожи на нормы более или менее отдаленного прошлого; источник идеала будущего, как источник любой идеи, следует искать в прошлом — в определенной социальной форме, которая уже устарела» (213). А, например, символическую и идеологическую подоплеку движения «Солидарность» в Польше нельзя понять, если не знать особенности господствовавшей долгое время традиции польского католицизма.

Что касается прежней нормативной структуры, то она часто служит как бы негативной основой движения, тем, что противопоставляется или отрицается. Правила, ценности, институты, роли установленного нормативного порядка критикуются, высмеиваются, им бросают вызов. Одни движения концентрируют свое внимание на нормах, квалифицируя их как недостаточные, неадекватные или несоответствующие средства для достижения новых целей. Другие сосредотачиваются на ценностях, которые также рассматриваются как неправильные. По мнению Смелзе-ра, когда у движений, «ориентированных на нормы», появляется сильная оппозиция в виде контр движений, если эти движения подавляются или блокируются властями, то происходит постепенное расширение целей и качественное изменение требований, что ведет к возникновению «ценностно-ориентированных» движений (360; 330—335). «Солидарность» в Польше и другие освободительные движения в Восточной Европе отлично иллюстрируют данный феномен. Постоянная радикализация требований в значительной мере явилась результатом тупого сопротивления окопавшейся политической элиты. Самые жестокие, кровавые и трагические революционные взрывы произошли в Румынии, где тирания, репрессии и правительственный контроль отличались наибольшей жестокостью.

Прежняя организационная структура взаимодействия выполняет другие функции. Она образует поле, которое в равной степени сдерживает и облегчает движение. Сеть коммуникаций, существующая в обществе, имеет решающее значение для вовлечения в движение новых субъектов. Обсуждая «ключевую роль ком-

[351]

муникационной сети как благодатной почвы, из которой может произрасти новое движение» (132; 134), Фриман приводит в качестве примера женское освободительное («феминистское») движение.

Ассоциации или сообщества, объединяющие людей по религиозному либо этническому принципу (клубы, церкви, этнические группы, патриотические общества и т.д.), ускоряют мобилизацию и вовлечение новых индивидов и групп в социальные движения. Так,

организационная структура движения за гражданские права в США была заимствована у сети сегрегационных колледжей, женских клубов, газет, местных объединений и мелкого бизнеса. «Черная церковь обеспечила движение музыкой и риторикой, она укрепляла дух его участников» (5; 129). Аналогичную роль играли католическая церковь, неформальные кружки и ассоциации оппозиционного характера (например, Комитет защиты рабочих в самом начале зарождения «Солидарности» в Польше в 80-х годах). Большое значение имеет и так называемая «структура политических возможностей» (ассоциации, местные административные центры, сотрудничающая политическая элита и т.д.). На это указывают Залд и У сим (459; 15).

Наконец, мы подходим к последней теме — структуре социальных неравенств, иерархий богатства, власти и престижа. Вытекающие отсюда противоречия и конфликты между классами, стратами и т.д. часто оказываются фактором первичной мотивации. Иерархическая дифференциация насущных интересов приводит к напряженности, усилению недовольства, что побуждает людей присоединяться к движениям протеста или реформаторским движениям. Те, у кого нет никакой надежды на успех, кто лишен доступа к ресурсам, составляют «человеческий материал» социальных движений; они быстро отзываются на призывы и легко включаются в действия, нацеленные на структурное перераспределение привилегий и поощрений (86; 316).

Условия и напряжения (360), существующие в рамках структуры, необходимы, но не достаточны для возникновения движения. В следующей фазе процесс должен переместиться в область социального сознания. «Успешные коллективные действия зависят от существенных изменений в коллективном сознании вовлеченных в них людей (254; 713). Они должны не только хорошо понимать, в каком бедственном положении находятся, но и иметь какие-то планы относительно того, как улучшить ситуацию, должны разделять идеологию, или, по выражению Смелзера, «обобщенные верования» (360; 79). Все это недавно было названо той «структурой процесса объединения», посредством которой раз-

[352]

нообразные взгляды на мир, представленные в обществе, используются активистами для узаконения целей движения и его действий (366). Когда социальная напряженность соединяется с ее общим идеологическим осознанием, тогда ситуацию можно считать созревшей для возникновения движения.¹

В подобных ситуациях роль инициирующего фактора чаще всего играет незначительное событие, с которого начинается «карьера» движения. Такое событие поднимает уровень осознания, создает прецедент героического противодействия, провоцирует открытое выражение поддержки и раскрывает широкий диапазон оппозиционного консенсуса (прорывая «плюралистическое незнание», когда никто не представляет, сколько еще людей разделяют это недовольство и сколько действительно готовы присоединиться к действию). Оно также служит проверкой решительности властей или ее отсутствия. В случае с Розой Парке, которая отказалась занять место в той части автобуса, что предназначалась для чернокожих пассажиров, конфликт, выросший из маленького инцидента, разросся в одно из наиболее мощных социальных движений в американской истории — движение за гражданские права негров. В другом случае, когда пожилая рабочая Анна Валентинович была уволена с верфи имени Ленина в Гданьске в 1980 г. по политическим мотивам, рабочие встали на ее защиту, и в течение нескольких дней набрало силу самое мощное политическое движение в современной европейской истории — «Солидарность».

2. Иницирующее событие закрывает начальную стадию «карьеры» движения, т. е. фазу возникновения. Далее следует фаза мобилизации. Первая волна рекрутирования включает тех, кто наиболее подвержен влиянию условий, против которых направлено движение, кто лучше всех воспринимает его центральную идею, наиболее точно понимает и

оценивает (интеллектуально, эмоционально, морально и политически) его причины. Такие люди присоединяются к движению по убеждению, считая, что оно и есть тот инструмент, который необходим для осуществления общественных преобразований. По мере того как движение растет и набирает силу, к нему подключаются те, кто просто ищет смысла в жизни. Нельзя сбрасывать со счетов и кучки циничных критиканов, которые присоединяются к движению в надежде на материальные выгоды в случае его победы. На этой, второй, волне люди вступают в движение скорее из сочувствия, а не по убеждению.

Не удивительно, что различные мотивы включения в деятель-

[353]

ность движения служат причиной появления и разных видов связей, удерживающих людей в его структуре. Среди них есть и активисты, и последователи, и просто попутчики, и даже «свободные наездники», отдаленно симпатизирующие ему, надеющиеся, что победа принесет выгоды и им. Такая, подобная луковице, структура становится особенно очевидной, когда движение сталкивается с неприятностями, подавляется или терпит поражение. В этих случаях внешние слои отпадают первыми. Активисты остаются и иногда позднее возрождают движение.

Однако простого привлечения в собственные ряды новых «рекрутов» недостаточно, необходимо мобилизовать людей на коллективные действия. Изучение социальных движений доказывает, что здесь огромное значение имеют харизматические лидеры: Иисус Христос, Будда, Магомет, Мартин Лютер Кинг, Лех Ва-ленса, Вацлав Гавел и многие другие. Они сплачивают своих сторонников, заражают их своим энтузиазмом и вдохновляют на героические поступки. Руководя действиями людей, лидеры укрепляют и собственное положение. Таким образом, делается первый шаг к возникновению внутренней дифференциации и иерархической структуры движения. В 70-х годах возникла влиятельная школа под названием «перспектива мобилизации структуры, которая фазу «рекрутирования» и мобилизации рассматривает в качестве одной из основных (255; 316; 141; 399). Под мобилизацией сторонники этой школы понимают «процессы, с помощью которых недовольная группа собирает ресурсы и использует их для достижения групповых целей» (316; 28). В данном процессе особую роль играют те, кто мобилизует людей, или «предприниматели движения», организаторы и лидеры, которые иногда становятся своего рода профессионалами (255; 1215).

3. Это открывает следующую стадию в развитии движения: структурное совершенствование, которое проходит долгий путь от простого объединения людей до полностью сформировавшейся организации.

Различаются четыре подпроцесса внутреннего морфогенеза.

(А) Сначала наблюдается постепенное возникновение новых идей, верований, кредо, «общего словаря надежды и протеста» (346; 75). Со временем некоторые движения развивают свое собственное, особое *мировосприятие*.

(Б) Затем наступает институционализация новых норм и ценностей, регулирующих функционирование движения и обеспечивающих критерии для критики внешних условий. Такова главная

[354]

идея теории Тёрнера о «возникающих нормах» (433). Следует заметить, что внутренние нормы и ценности могут также регулировать отношения с оппонентами, определяя «репертуар точек зрения» (404) или тактику борьбы, которая предписывает, что дозволено, а что запрещено в обращении с оппонентами и противниками движения. Таким образом, во внутренней нормативной структуре движения различаются «этика солидарности» и «этика борьбы».

(В) Следующий подпроцесс — возникновение новой внутренней организационной структуры: новых взаимодействий, отношений, соединений, обязательств. То, что Цюрхер и Сноу называют обязательствами, применимо *mutatis mutandis* (с некоторыми изменениями) к любым другим межличностным связям в движении: «Этот феномен возникновения и взаимодействия должен быть развит самим движением» (465; 463). «Конечный эффект построения внутренней структуры заключается в появлении полностью оформленной организации социального движения» (ОСД), определяемой как «формальная организация, которая идентифицирует свои цели и предпочтения социального движения, или контр движения, и пытается достичь их» (255; 1218). Например, движение за гражданские права негров в США породило несколько организационных форм: Конгресс расового равенства, Национальная ассоциация за прогресс цветных, Южная христианская конференция лидерства, Студенческий координационный ненасильственный комитет и т.д. «Солидарность» включает в себя Гражданские комитеты, «Сражающуюся Солидарность», Независимую ассоциацию студентов, «Сельскую Солидарность» и т.д.

(Г) Наконец, набирает силу еще один подпроцесс — появление (выкристаллизуйте) новых подходящих структур, новой иерархии зависимости, доминирования, лидерства, влияния и власти. Оптимальный эффект достигается, несомненно, при «слиянии индивидуальных интересов и общественных целей» (465; 472), когда участие в движении удовлетворяет потребности его членов и в то же время вносит вклад в намеченные социальные изменения.

Можно выделить две типичные последовательности морфогенетических процессов в зависимости от происхождения движения. Когда оно возникает «лавинообразно», спонтанно («снизу»), принимая форму взрыва недовольства и возмущения, начало обычно закладывается из простых взаимодействий. Участники бунтов, манифестаций и т.д. создают зачаточную форму организационной структуры. Потом движение обретает идею — иногда

[355]

привнесенную извне, иногда заимствованную из более ранней доктрины, а иногда сформулированную харизматическим лидером. Затем, когда складываются этика солидарности и этика борьбы, постепенно вырабатывается специфическая нормативная система. Наконец, внутреннее разделение между лидерами, последователями, рядовыми членами, симпатизирующими, случайными попутчиками и «свободными наездниками» кристаллизуется в подходящую (соответствующую) структуру.

Если же движение возникает «сверху» (такая ситуация изучается сторонниками школы мобилизации ресурсов), то оно обычно начинается с радикальной критики настоящего и указания на конкретные личности или группы, которые блокируют путь к будущему. Затем наступает институционализация нового нормативного порядка, определяемого идеологией, что осуществляется организаторами движения и подкрепляется санкциями его руководства. На этой основе среди членов движения возникают новые модели взаимодействия, более постоянные связи. Наконец, кристаллизуется дифференциация возможностей внутри движения (хотя и непостоянный, но все-таки реальный доступ к источникам, которые оно контролирует), при этом четко разделяются ведущая элита и рядовые члены, участники и симпатизирующие.

Конечно, в конкретной ситуации обе рассмотренные последовательности могут перекрещиваться и усиливать друг друга. Например, той «скрепой, которая цементировала ряды массовых движений социального протеста в США, была приверженность определенным программным целям (идеальные и нормативные структуры в терминах схемы INIO), а также участие в массовых действиях — бойкотах, объединениях, сидячих демонстрациях, забастовках» (5; 14).

Различные подпроцессы внутреннего морфогенеза движения не обязательно протекают гармонично. Зачастую одни из них чрезмерно развиваются за счет других, давая

жизнь различным патологиям. Так, слишком сильное увлечение идеологией приводит к утопизму, прагматизму или фундаментализму. Слишком большое внимание институционализации нормативной структуры ведет к чрезмерной регуляции, а акцент на тесное и интенсивное взаимодействие членов движения легко вырождается в фракционность, протекционизм, выдвигает на первый план при занятии высших постов личностные критерии. Дифференциация возможностей, насущных интересов или жизненных шансов среди участников движения нередко порождает олигархию и смещение целей, особенно если задачу сохранения самого движения лидеры ставят

[356]

выше задач по реализации его начальной программы. Маккарти и Залд отчетливо видят эту опасность (255; 1226).

Нет нужды добавлять, что описанные патологические явления в движении серьезно подрывают его эффективность. В то же время гармоничный внутренний морфогенез способствует формированию созидательного потенциала движения.

4. Краткий комментарий к последней стадии «карьеры» движения — его завершению. Есть два варианта. Один — оптимистический: движение побеждает, и таким образом устраняются причины, породившие его (*raison d'être*), деятельность его свертывается, и оно распадается. Другой — пессимистический: движение подавляется, терпит поражение или исчерпывает потенциал своего энтузиазма и постепенно приходит в упадок, не добившись победы. Но ситуация может быть двоякой. Иногда полный успех движения приводит к досрочному достижению цели и к его быстрому распаду, провоцируя ответный удар противодействующих сил. Завоевания движения могут быть утрачены, если больше нет сил для их поддержания. Это то, что некоторые лидеры называют «кризисом победы» (5; 4). В других случаях неудача помогает обнаружить слабые стороны, выявить тех, кто действительно поддерживает движение, уничтожить его противников, перегруппировать силы, поймать врагов «на мушку» и, пересмотрев тактику движения, оживить его в новых формах. Такую ситуацию можно назвать «победой поражения» (389). Именно это случилось с подавлением движения «Солидарности» в Польше в конце 80-х, что привело к его окончательной победе в 1989 г.

Внешняя динамика социальных движений

Обратимся теперь к другой стороне «двойного морфогенеза», а именно к влиянию социального движения на окружающее общество и, в частности, к его роли в структурных изменениях. Посмотрим на него как на «черный ящик», забыв про сложную внутреннюю структуру, описанную выше, и остановимся исключительно на изменениях, которые оно производит в обществе.

В этом плане главным являются структурные сдвиги, которые можно назвать «морфогенетическим потенциалом» движения. Оценивая его влияние на внешние структуры, важно соотнести провозглашенные им цели с конкретными историческими шансами. Пивен и Кловард напоминают: «завоевания должны оцениваться по реальным возможностям» (328; xiii). Кроме того, не-

[357]

обходимо отделять сознательное воздействие от непреднамеренных и неосознанных побочных результатов, а также краткосрочное влияние от долгосрочного, которое обнаружится лишь спустя какое-то время.

Таким образом, последствия социального движения имеют сложный, двойственный характер. Потерпев поражение, оно может, тем не менее, вызвать такие структурные сдвиги, которые позднее все-таки приведут к победе. «Движение может быть беспощадно подавлено, и все же многое, к чему оно стремилось, со временем проявляется.

Конфронтация нередко служит предупредительным сигналом для правящей элиты, которая осознает, что лучше изменить курс, чтобы не столкнуться в будущем с еще более мощным выступлением» (317; 344). Так, хотя с вводом военного положения движение «Солидарность», казалось, было подавлено, на «самом деле оно добилось очень многого: расширился круг участников политической жизни, изменился баланс сил внутри политической элиты, существенно трансформировалось массовое сознание» (389). Все это явилось залогом победы «Солидарности» спустя восемь лет.

В то же время, движение, которое явно реализовало все свои программные цели, но не использовало все исторические шансы, конкретные исторические обстоятельства, вряд ли можно назвать успешным. Ведь случается и так, что изменения, которые поначалу воспринимаются как несомненные завоевания, вдруг приводят к негативным последствиям, способным перечеркнуть полученные преимущества. В конце концов, то, что удалось завоевать, может быть утрачено в долгосрочной перспективе.

Морфогенетический потенциал движения проявляется как в разрушительных, так и в созидательных действиях. Обычно для того, чтобы ввести структурные новации, оно должно вначале подорвать или, по крайней мере, ослабить прежние структуры и лишь позднее приступить к созиданию. Однако некоторые движения ограничиваются разрушением, поскольку им не достаёт творческого потенциала. В таких случаях говорить об исторической роли движения неправомерно.

Структурно-преобразовательный потенциал движения (как деструктивный, так и конструктивный) может принимать различные формы в зависимости от типа (уровня развития, размеров) социальной структуры, на которую он направлен. Всего существует четыре разновидности (формы) такого потенциала.

1. Идеологический потенциал движения выражается в его влиянии на распространённые в обществе идеи, кредо, верования,

[358]

мировоззрения, представления о настоящем, образы будущего, деление на врагов и союзников и т.д. На это указывает Козер, анализирующий роль движения за гражданские права негров в США (83; 86). В Польше движение «Солидарность», подавленное и поставленное вне закона военным положением 1981 г., развернуло широкую подпольную деятельность, открывая массам различные «белые пятна» польской истории, в том числе преступления сталинистов, государственной бюрократии, объясняя полную бесперспективность экономической политики государства и т.д. Это подготовило почву для победы на выборах и свержению коммунистического правительства в июне 1989 г.

2. Реформаторский потенциал движения выражается в его воздействии на нормативную структуру, в распространении новых ценностей, правил поведения и т.д. среди населения. Тем самым достигается то, что Берне и Букли называют «метавластью», или «относительным контролем» (67; 215). «Основные схватки в человеческой истории и современном обществе вращаются вокруг формирования и реформирования ключевых правил систем, центральных институтов общества» (70; v).

3. Реорганизационный потенциал выражается во влиянии движения на модели и каналы социального взаимодействия (социальную организацию), на процессы установления новых социальных связей, возникновения новых групп и новых межгрупповых коалиций, на формирование коммуникационных сетей и т.д. Этот процесс наблюдается в Восточной Европе, переживающей переход от монолитных, централизованных, авторитарных систем к плюралистическим, демократическим, ориентированным на рынок обществам. Осенью 1989 г. на наших глазах, словно грибы после дождя, в Польше появлялись бесчисленные ассоциации, добровольные группы, политические партии, союзы, заполнявшие «социальный вакуум», столь характерный для тоталитарных режимов.

4. Наконец, можно выделить перераспределительный потенциал, который

выражается во влиянии движения на процесс формирования новых подходящих структур; в той мере, в которой это движение способно отобрать привилегии у своих врагов и обеспечить ими своих членов, последователей, сторонников или симпатизирующих. Яркий тому пример — подрыв «номенклатуры» в посткоммунистических странах Восточной Европы в недавнем прошлом. Перераспределение шансов на успех — это конечная цель движения в области структурных сдвигов. Доступ к власти играет решающую роль для сохранения достигнутых преимуществ и управления распределением ресурсов и благ в буду-

[359]

щем. Как замечает Тарроу, без изменений в структуре политической власти риск утратить все завоевания очень велик (396; 53). Не случайно проблема власти стоит в центре всех реформаторских и революционных движений.

Движение полностью раскрывает свой динамический потенциал только тогда, когда реализуется каждая из четырех его разновидностей (форм). Для подобного, весьма редкого, случая я бы сохранил термин «революционное движение». На деле движения часто уродливы, сосредоточены на какой-либо одной сфере структурных изменений. Некоторые преуспевают исключительно в распространении мифов, утопий, благих пожеланий и неосуществимых идей. Например, говоря о крестьянских восстаниях, Вольф отмечает, что, как правило, они далеки от успеха, «поскольку мифы объединяют крестьян, но не организуют их» (451; 108). Другие устремляют все свои усилия на распространение новых моделей взаимодействия, нового образа жизни, чего тоже недостаточно для значительных и длительных структурных преобразований. Таковы движения битников, хиппи, панков, бритоголовых и т.д.

Если обратиться к революционным движениям — многообразным по характеру своих целей и наиболее всеобъемлющим по структурному воздействию, то обнаружатся две типичные альтернативные последовательности внешнего морфогенеза. Одна идет «снизу», начинаясь с новой идеологии, под влиянием которой постепенно складываются новые нормы и ценности, а их применение способствует формированию новых моделей взаимодействия и организации, — они-то в конечном счете и обуславливают формирование новых насущных потребностей и интересов. Это спонтанный морфогенетический процесс. Альтернативная последовательность протекает в обратном порядке. Она начинается «сверху» — с перераспределения ресурсов, возможностей, жизненных шансов декретом правительства, которое берет власть; использование новых возможностей способствует формированию новых моделей взаимодействия, но не посредством принятия особых правил, а путем следования новым образцам, и лишь постепенная кристаллизация их приводит к новым нормам и ценностям; наконец, возникают новые идеи, верования и кредо как рационализация новых структурных порядков в других сферах. Это — морфогенетический процесс, введенный законом.

Теперь сведем воедино наши наблюдения о внешней и внутренней динамике социального движения. «Двойной морфогенез» социальных движений не означает той же последовательности фаз или стадий, в которой внутренний морфогенез (возникнове-

[360]

ние внутренней структуры движения) по времени предшествовал бы внешнему (возникновению или преобразованию структур общества). Мы не должны заблуждаться, полагая, что движение сначала кристаллизуется, чтобы обрести морфогенетический потенциал, и лишь потом становится способным заняться структурными реформами. Такое предположение о линейной последовательности необходимо отвергнуть.

Социальные движения приводят к изменениям в обществе с самого начала своего зарождения, с момента своего внутреннего морфогенеза. Аналогичным образом изменения

в обществе также все время влияют на него по принципу обратной связи, постоянно модифицируют «карьеру» движения, его размах, скорость и направление. Как справедливо замечает Лауэр, «мы имеем дело с двумя пересекающимися друг с другом процессами — самим движением и процессами в более широком контексте, т. е. в обществе, внутри которого оно разворачивается» (232; xiv). Процессы становления и движения, и новых социальных структур тесно взаимосвязаны, они стимулируют или сдерживают друг друга. Существует постоянное взаимодействие элементов внутреннего и внешнего морфогенеза.

Современное состояние теорий социальных движений

Позвольте мне завершить эту главу метатеоретической оценкой современного состояния теорий социальных движений, тенденций и перспектив на будущее.

Социология социальных движений, как и остальные области, которые изучает эта наука, тесно связана с общими социальными теориями. Такая связь взаимна. Во-первых, любые исследования социальных движений предполагают некий образ общества. Во-вторых, результаты подобных исследований вносят свой вклад в одни представления об обществе и подрывают другие. Иными словами, различные общие социальные теории формируют различные взгляды на социальные движения, и наоборот, исследования последних влияют на общие теории.

Приведем несколько примеров. Теория развития («историцист-ская» теория), согласно которой исторический процесс развивается по специфической логике в предустановленном направлении в соответствии с некоторыми «железными законами» истории, квалифицирует социальные движения просто как симптомы текущих социальных изменений, появляющиеся наподобие лихорадки в моменты кризисов, упадков или революционных про-

[361]

рывов. Истинная же причина изменений лежит в сфере исторической необходимости. Теории, пришедшие на место теории развития (теории «постдевелопментаризма»), сосредоточившиеся на творческой роли человеческой деятельности и отстаивающие случайную, открытую природу исторического процесса, определяют движения совершенно иначе, утверждая, что именно социальные движения являются творцами, конструкторами социальных изменений.

Сравним ортодоксальную версию исторического материализма с современными теориями «новых социальных движений». На первый взгляд, различие заключается в типе социальных коллективов, выбранных для анализа: однородные (гомогенные) экономические классы в противовес разнородным (гетерогенным) специфическим группам интересов, пересекающих традиционные классовые деления. В действительности различие лежит глубже. Согласно марксистской теории, именно социальные движения, истоки которых кроются в классовых интересах, являются локомотивами, демиургами истории, носителями, исполнителями объективных тенденций развития. Они могут облегчить или ускорить исторические процессы, но не могут стать их причиной. Сами они вызываются силой необходимости, универсальными историческими законами, возникают в строго определенные моменты для исполнения своей революционной миссии и затем покидают социальную сцену.

Согласно современным теориям, социальные движения являются истинной причиной, агентами (субъектами) социальных изменений, а не просто эманацией («истечением») самостоятельных исторических процессов. Они производят, конструируют, преобразуют и совершают революции, сознательно пишат на скрижалях истории, а не играют предписанные роли. Таким образом, они не появляются автоматически в нужный момент, а активно рекрутируют и мобилизуют своих сторонников, борются не за предустановленный «финал истории», который в лучшем случае может быть лишь ускорен, а за особые цели, которые выбираются сознательно.

Рассмотрим другую пару противоположных общих теорий. С одной стороны, в рамках системной теории общества (т. е. ортодоксального «структурного функционализма») социальные движения квалифицируются как возмущения, патологии, проявления беспорядка или социальной дезорганизации; противостоять им или компенсировать их должны уравнивающие механизмы системы. С другой стороны, в рамках современного подхода рационального выбора социальные движения фигурируют как нор-

[362]

мальные средства достижения политических целей, специфическая форма политических действий, которые предпринимают коллективы людей, стремящихся к достижению своих целей, когда у них нет обычных, институциональных возможностей для представительства собственных интересов.

Обобщая эти примеры и упрощая картину, можно сказать, что существует две традиционно противоположные модели общества, соответствующие двум противоположным подходам к изучению социальных движений. Согласно первой модели, социальные движения появляются «снизу», когда уровень недовольства, возмущения и крушения надежд превышает определенный порог (166). Авторы одной разновидности этой модели рисуют образ вулкана (30): социальные движения представляются им как стихийный, спонтанный взрыв коллективного поведения, который лишь позднее приобретает лидеров, организацию, идеологию (движения просто «случаются»). Сторонники другой рисуют предпринимательский, или конспиративный (заговорщический), образ: социальные движения рассматриваются как целенаправленные коллективные действия, подготавливаемые, мобилизуемые и управляемые лидерами и идеологиями в попытке достичь специфических целей (в этой модели социальные движения «формируются») (399).

Вторая, противоположная модель делает ударение на структурном контексте, облегчающем или сдерживающем возникновение социальных движений; иначе говоря, движения прорываются наружу, когда условия, обстоятельства, ситуация оказываются благоприятными для этого. Одна из разновидностей данной модели основана на метафоре клапана для выпуска пара: потенциал движения (в той или иной мере имеющийся в любом обществе и рассматриваемый как постоянный) выпускается «сверху», если сдерживающие механизмы — блоки и управление на уровне политической системы — ослабевают (357). По версии другой разновидности рассматриваемой модели, важную роль играет доступность ресурсов: причиной появления движений служит открытие новых средств и возможностей, облегчающих коллективные действия (255; 207). Наиболее часто характер политической системы и, в частности, поле деятельности «структуры благоприятных политических возможностей» (396) отмечается как основной, решающий фактор сдерживания или облегчения коллективных действий.

В современных концепциях социальных движений обнаруживается явная тенденция к синтезу, преодолевающему противоположность теорий, ориентированных на действие и структуру. В

[363]

середине 80-х годов Алдон Моррис и Цердрик Херринг проинтервьюировали представителей упомянутых концепций. По их единодушному мнению, «все опрошенные согласны с тем, что и социально-психологические, и структурные переменные являются решающими для понимания социальных движений. Вопрос заключается лишь в том, можно ли стереть эту биполярность и соединить оба подхода» (306; 72). Как недавно заметил Дитер Рухт. «важная задача дальнейшего исследования заключается в возведении концептуальных мостов» (345; 325). Многие ученые предпринимают конкретные шаги в этом направлении. Позвольте привести четыре примера.

Берт Кландерманс считает, что повышенное внимание сторонников теории

мобилизации ресурсов социальных движений к проблеме их структуры (организации) ведет к отрицанию их индивидуального, социально-психологического измерения. Необходимо, полагает он, соединить новую, модифицированную социально-психологическую теорию с правильным подходом к мобилизации ресурсов. Автор заявляет, что нужно покончить как с традиционными социально-психологическими подходами к социальным движениям, так и с отрицанием социально-психологического анализа теориями мобилизации ресурсов (218; 596—597).

Мира Ферри и Фредерик Миллер делают аналогичную попытку обогатить теорию мобилизации ресурсов разработкой проблемы субъективного уровня. Они сосредотачивают внимание на двух психологических процессах, решающих для реформаторских или революционных движений. Один — недовольство системой (политизация), т. е. возложение всех грехов на институциональные структуры, а не на лидеров (правителей). Другой — формирование мотиваций у участников, облегчающих их решение главной задачи: привлекать к движению новых сторонников и подталкивать их к действию. С этой точки зрения, в теориях, ориентирующихся на структурно-организационную сторону движений, должна быть восстановлена психологическая перспектива. «Включение познавательных социально-психологических посылок вместо «побудительной» терминологии в рамках теории мобилизации ресурсов должно помочь в прояснении как отношений между движениями и обществом, так и процессов развития и роста самих движений» (129; 55).

Еще более поразительной является попытка одного из ведущих сторонников подхода «коллективного поведения» Ральфа Тёрнера «перекинуть мост через пропасть между теориями коллективного поведения и мобилизации ресурсов». Он признает успехи, достигнутые теорией мобилизации ресурсов, и противит-

[364]

ся желанию рассматривать ее непременно в качестве альтернативы более традиционному подходу, сторонниками которого являются Парк, Блумер, Смелзер и он сам. Тёрнер считает, что теория мобилизации ресурсов вносит важный вклад в решение трех вопросов, которые остаются нерешенными в рамках ортодоксальной теории коллективного поведения. Во-первых, это вопрос о «внеинституциональности»: почему люди отклоняются, отступают от установленных институциональных путей? Во-вторых, о «переводе чувств в действия»: почему люди превращают внеин-ституциональные диспозиции в действия? И в-третьих, о загадке «коллективного действия»: почему люди собираются вместе для выражения своих чувств и стремлений? Таким образом, «полная и сбалансированная теория социальных движений должна включать в себя наиболее важные положения обеих упомянутых концепций» (432; 1).

Стремление к компромиссу продемонстрировала и противоположная сторона: как заявили основатели теории мобилизации ресурсов Доу МакАдам, Джон Маккарти и Майер Залд, «полное понимание динамики движения может быть достигнуто лишь при условии широкого концептуального видения нового и старого подходов» (254; 695). Они отрицают односторонние объяснения истоков движения «сверху» и «снизу» и считают, что между макроструктурными условиями (политическими, экономическими, организационными) и микродинамикой возникающих движений существует связь. «Мы полагаем, что реальное действие осуществляется на третьем уровне, промежуточном между индивидуальным и широким макроконтэкстом, в котором закрепилось социальное движение» (254; 709).

Такая тенденция к синтезу и согласию представляется правильной. Социологическая мудрость сосредотачивается не в какой-то одной теории или школе. Адекватную интерпретацию невероятно сложных социальных явлений могут дать лишь множество теорий или многомерная теория. «Сочетание различных подходов позволит лучше понять социальные закономерности, которые скрываются за возникновением, существованием и столкновениями социальных движений» (309; 443). Кроме того, это может обеспечить «стратегическую исследовательскую площадку» (289; 371) для попыток синтезировать «две

социологии» — социологию индивидуального действия и холистскую социологию структур, рассматривающую эти структуры в их целостности.

Во-первых, социальные движения являются воплощением характерной двусторонности социальной реальности. МакАдам, Маккарти и Залд замечают, что «реальное действие в социальных

[365]

движениях разворачивается на промежуточном уровне — между макро- и микро-» (254; 729). Обершолл полагает, что процессы, происходящие в социальных движениях, «обеспечивают связь между макро- и микроасpekтами социологической теории» (316; 21). Цурхер и Сноу указывают: «Связь между индивидуальными и социальными структурами отчетливее всего проявляется в социальных движениях». Следовательно, «множество социальных движений есть великолепная сцена, на которой можно наблюдать, как социальные факторы влияют на деятелей и сами оказываются под их влиянием» (465; 447, 475).

Во-вторых, социальные движения представляют собой также промежуточную стадию в динамике возникновения новой социальной ткани, позволяя нам «ухватить» социальную реальность в момент ее рождения. Это означает, что они принимают участие в формировании, конструировании, реформировании общества, являются в некотором роде наиболее важными субъектами (агентами) структурных изменений и построений. «Социальные движения относятся к процессам, с помощью которых общество осуществляет свою организацию на основе системы исторических действий и через классовые конфликты и политические действия» (422: 298). Изучая социальные движения, мы имеем возможность анализировать более широкие социальные структуры в процессе их возникновения и изменения.

В-третьих, социальные движения являются промежуточным феноменом и в ином смысле. «Движения не сводятся целиком и полностью к коллективному поведению, хотя и не являются воплощением зарождающихся групп интересов... Скорее, они содержат в себе элементы и того, и другого» (132; 793). Таким образом, изучение социальных движений помогает нам уяснить смысл промежуточной фазы внутреннего построения структур, увидеть, как они возникают и изменяются. Киллиан так суммирует это положение: «Изучение социальных движений не есть изучение стабильных групп или установленных институтов, оно представляет собой исследование социальных групп и институтов в процессе их становления» (215; 427). Сходную мысль высказывает Рухт: «Социальные движения не формируют никаких стабильных и четко определяемых социальных сущностей. Они переживают циклы расширения и сокращения, и их цели и стратегии также могут изменяться» (345; 313).

Итак, социальные движения являются важнейшими компонентами социо-индивидуального поля в процессе его постоянного самопреобразования. Их изучение оказывает мощную поддержку теории социального становления.

20. Революции — пик социальных изменений

Революции как форма изменений

Революции представляют собой наиболее яркое проявление социальных изменений. Они знаменуют собой фундаментальные переломы в исторических процессах, преобразуют человеческое общество изнутри и буквально «перепахивают» людей. Они ничего не оставляют без изменения; заканчивают прежние эпохи и начинают новые. В момент революций общество достигает пика активности; происходит взрыв его потенциала самотрансформации. На волне революций общества как бы рождаются заново. В этом смысле революции — знак социального здоровья.

От других форм социальных изменений революции отличаются пятью особенностями.

1. Они затрагивают все уровни и сферы общества: экономику, политику, культуру, социальную

организацию, повседневную жизнь индивидов. 2. Во всех этих сферах революционные изменения имеют радикальный, фундаментальный характер, пронизывают основы социального устройства и функционирования общества. 3. Изменения, вызываемые революциями, исключительно быстры, они подобны неожиданным взрывам в медленном потоке исторического процесса. 4. По всем этим причинам революции представляют собой наиболее характерные проявления изменений; время их свершений исключительно и, следовательно, особенно памятно. 5. Революции вызывают необычные реакции у тех, кто в них участвовал или был их свидетелем. Это взрыв массовой активности, это энтузиазм, возбуждение, подъем настроения, радость, оптимизм, надежда; ощущение силы и могущества, сбывшихся надежд; обретение смысла жизни и утопические видения ближайшего будущего.

Распределение революций в истории неравномерно. Похоже, что большинство из них связано с современной или новейшей историей. Революции, известные как «великие», — английская (1640), американская (1776), французская (1789) — открыли эпоху современности, русская (1917) и китайская (1949) — положили начало периоду коммунизма, а антикоммунистические в Вос-

[367]

точной и Центральной Европе (1989) завершили его. «Бунтарское столетие» — так некоторые историки называют период с 1830-го по 1930 год (405). Большинство социологов единодушны в мнении о том, что если какой-либо век и заслуживает титула «век революций», так это нынешний» (397; 4). Наверное, наряду с «прогрессом» и «наукой», «революция» воплощает суть нашего времени.

Идея революции: краткий экскурс в историю

Революция как социальный феномен, явление общественной жизни — сложный, наполненный оценочными и эмоциональными суждениями образ, который можно назвать «мифом революции». Кроме того, революция служит предметом изучения социологии, объектом научных размышлений. В данном случае речь идет о сложной теоретической конструкции, которая обычно называется «теорией революции». Оба уровня рассмотрения, социальный и социологический, являются компонентами социального сознания. Они могут входить в двустороннюю, диалектическую связь с социальной жизнью, отражая реальные условия, человеческие действия, формы социальной организации и институты; и они же бросают свое отражение на социальную жизнь. Миф о революции и теория революции являются, таким образом, и мысленным воспроизведением их времени, и как таковые выступают значительными причинными факторами.

Они взаимозависимы, и вторичное диалектическое взаимоотношение оперирует не столько *между* двумя названными уровнями, сколько *внутри* уровня общественного сознания в рамках социетального и социологического дискурса. Как мы все очень хорошо знаем, социологическая теория — это лишь слегка усложненный здравый смысл. Теория революции опирается на миф о революции; с некоторой неизбежной временной задержкой она систематизирует то, что обычные люди думают о революции. Но она также обретает известную автономию, поскольку теория, вдохновленная здравым смыслом, может начать жить своей собственной жизнью и следовать собственной логике. К тому же все теории связаны друг с другом, каждая попадает под воздействие более широких «теоретических движений» и отражает предпосылки доминирующего теоретического подхода или ориентации. Выходя за рамки здравого смысла, теория революции может затем отразиться обратной связью на мифе о революции, стать важным фактором в переформировании распространенного об-

[368]

раза революции и, следовательно, опосредованно влиять на возможности и формы революционного действия.

Концепция революции в ее современном смысле относительно молода. Сам термин появился уже в XIV в., но в то время он означал всего лишь вращательное движение, хождение по кругу. Николай Коперник озаглавил свою знаменитую работу «О вращении небесных тел»: «On the Revolutions of Celestial Bodies» (1543). В XVII в. термин был заимствован политической философией и стал обозначать циклическую смену правителей или всей политической элиты в возникающих государствах.

Лишь в XVIII в., с Великой французской революции (1789) как прототипа, складывается современная концепция революции. Она начинает использоваться в описании эпохальных прорывов, фундаментального «преобразования общества обществом». XIX век с его бесконечным динамизмом — индустриализацией, урбанизацией, развитием капитализма — был также «золотым веком» для идеи революции, которая проникла в повседневное мышление, равно как в политические и социальные теории. Считалось, что общество претерпевает необходимые прогрессивные изменения, что разум или история ведут его к лучшему, идеальному будущему порядку. Революции рассматривались как неизбежные, решающие процессы на этом пути, побуждающие и ускоряющие рациональные процессы. С работами Карла Маркса концепция революции вошла в сферу идеологии как мощный инструмент критики капитализма и как основание для альтернативного коммунистического проекта.

Миф о революции начинает рушиться в XX в. — веке упадка современности. Вместо прогресса лейтмотивом эпохи становится тема кризиса. Миф о революции подрывается трагическим образом реальных революций. Два вопроса не могут не возникнуть в общественном сознании. Во-первых, почему эти революции никогда не заканчиваются тем, о чем мечтали революционеры? По иронии истории они часто завершаются прямо противоположным, выливаясь в еще большую несправедливость, неравенство, эксплуатацию, подавление и угнетение. Во-вторых, почему разум так часто заменяется силой, давлением, бессмысленным уничтожением? Почему на смену революционерам прометеевского типа всегда приходят агрессивные, иррациональные, террористически настроенные толпы? Революции уже не воспринимаются как воплощение высшей логики истории, их не считают более прогрессивными. Распространенные метафоры — вулканическое извержение, степной пожар, землетрясение — показывают, что революции рассматриваются скорее как несчастья, а не как спасение

[369]

или искупление человечества. В большинстве своем люди уже не мечтают о революциях, а боятся их. В такой идеологической ситуации историки и социологи начинают задаваться вопросом: так ли уж светел и героичен образ прошедших революций? И появляется волна «ревизионистских» рассуждений.

Современная концепция революции

Современная концепция революции основывается на двух традициях: историософской и социологической. Согласно первой, революция означает радикальный разрыв непрерывности, фундаментальную трещину, «катаклизму-прорыв» (60; 237) в ходе истории. Внимание сосредоточивается на всеобщей модели исторического процесса, и революции обозначают качественные рубежи в этой модели. Чаще всего отсюда делаются определенные выводы в духе теории развития. Типичный пример — представления Карла Маркса о последовательности общественно-экономических формаций, где «социальные революции» рассматриваются как качественные скачки при переходе на более высокую степень развития.

Сторонники второй традиции, представленной социологической концепцией революции, обращаются к массовым выступлениям, использующим или грозящим применить

принуждение и насилие по отношению к властям, для того чтобы усилить базис и провести последующие изменения в обществе. Центр внимания переносится с всеобщих моделей и конечных результатов на движущие силы, механизмы и альтернативные сценарии социальных процессов, средства, которые люди используют для того, чтобы творить и преобразовывать историю. Революции рассматриваются как ярчайшие проявления человеческого творчества, воплощающегося в коллективном действии в критические моменты исторического процесса. Такая концепция типична для пришедших на смену теории развития теорий социальных изменений, последователи которых отрицают, что история выстраивается согласно какому-то заранее заготовленному, постоянному образцу, или «логике».

Обе традиции — историософская и социологическая, отражаются в современных определениях революции. Их можно разделить на три группы. В первую входят определения, согласно которым революции — это фундаментальные, широко распространенные преобразования общества (здесь явно подразумеваются «великие» революции). Внимание акцентируется прежде всего на масштабах и глубине преобразований. В этом смысле «революция»

[370]

противопоставляется «реформам». Так, она определяется как «неожиданные, радикальные изменения в политической, экономической и социальной структуре общества» (64; 542), как «сметающее все, неожиданное изменение в социальной структуре или в некоторых важных ее элементах» (125; 259). Аналогичный смысл вкладывается в понятия «технологическая», «научная» или «моральная революция» и «революция в моде» «революция в искусстве».

Вторая группа включает определения, в которых упор делается на насилие и борьбу, а также на скорость изменений. Центр внимания перемещается на технику преобразований. В этом смысле «революция» противопоставляется «эволюции». Вот несколько подобных определений:

«Попытки осуществить изменения силой» (209; 1). «Фундаментальные социально-политические изменения, осуществленные насильственным путем» (166; 4).

«Решительная, внезапная замена одной группы, ответственной за территориально-политическое единство, другой, прежде не входившей в правительство» (60; 4).

«Захват (или попытка захвата) одним классом, группой или коалицией у другой рычагов контроля над правительственным аппаратом, понимаемым как важнейшие, концентрированные в его руках средства принуждения, налогообложения и административного управления в обществе» (30; 44).

Возможно, наиболее полезны определения третьей группы, сочетающие в себе оба аспекта.

«Быстрые, фундаментальные насильственные внутренние изменения в доминирующих в обществе ценностях и мифах, в его политических институтах, социальной структуре, лидерстве, деятельности и политике правительства» (198; 264). «Быстрые, базовые преобразования социальной и классовой структур общества путем переворотов снизу» (357; 4). «Захват насильственными методами государственной власти лидерами массовых движений и последующее использование ее для проведения крупномасштабных социальных реформ» (151; 605).

Итак, подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что, во-первых, революции относятся к фундаментальным, всеобъемлющим многомерным изменениям, затрагивающим саму

[371]

основу социального порядка. Во-вторых, они вовлекают большие массы людей, мобилизуемых и действующих внутри революционного движения. Таковы, например, городские и крестьянские восстания (206). Если же преобразования идут «сверху» (например, реформы Мэйдзи в Японии, Ататюрка в Турции и Насера в Египте, *перестройка* Горбачева), то какими бы глубокими и фундаментальными они ни были, их нельзя считать революциями. То же можно сказать и об изменениях, вызванных стихийными социальными тенденциями (употребление данного термина правомерно лишь в метафорическом смысле слова, когда речь идет о научной или технической революции). В-третьих, большинство авторов, похоже, полагают, что революции со всей непреложностью сопровождаются насилием и принуждением.

Это единственный спорный пункт, поскольку существуют исторические примеры принципиально ненасильственных, но удивительно эффективных и далеко идущих «революционных» движений, подобных гандизму в Индии или недавним социальным движениям в Восточной и Центральной Европе («мирная революция» польской «Солидарности», «бархатная революция» в Чехословакии). Современные исследователи не сомневаются в том, что последние должны квалифицироваться именно как революции. Приведу слова известного английского историка. «События 1989 года были настоящими революциями: под натиском народных масс одно за другим рухнули правительства, нации обрели утраченную свободу» (430; 14). За исключением Румынии насилие в ходе этих антикоммунистических революций практически отсутствовало, однако его потенциальная угроза явно ощущалась в решительности, в эмоциональном накале и вовлеченности в события широких народных масс. Лишь под давлением такой постоянной силовой угрозы коммунистические власти в конце концов сдались.

В заключение перечислим другие коллективные действия, отличные от революций. *Coup d'etat*, или «государственный переворот», — это внезапная, незаконная смена власти, правительства или персонала политических институтов без какого-либо изменения политического режима, экономической организации или культурной системы. «Бунт», «восстание» или «неповиновение» относятся к массовым насильственным действиям, направленным против собственных узурпаторов или иноземных завоевателей, в результате чего происходят некоторые изменения или реформы, но не революционные преобразования. Под «путчем» имеется в виду ситуация, когда группа, находящаяся в подчинении, отказывается подчиняться, но при этом не преследует четкой цели изменить что-либо. «Путч» означает насильственное свержение

[372]

правительства армией (или ее частью), либо группой офицеров. Под «гражданской войной» подразумевается вооруженный конфликт в обществе, который чаще всего вызывается религиозными или этническими противоречиями. «Война за независимость» — это борьба зависимых, колониальных или находящихся под гнетом чужеземных завоевателей обществ против навязанной им извне власти. Наконец, под «волнениями», «беспорядками» и «социальным напряжением» мы понимаем стихийные выражения недовольства, тревоги, раздражения, которые не направлены против кого-то конкретно и не стремятся к каким-либо изменениям. Как видим, коллективное поведение и коллективные действия принимают различные формы, но революции явно стоят особняком: все другие могут в конкретных исторических ситуациях сопутствовать революциям, предшествовать им или следовать за ними, но это не революции (399; 198).

Ход революции

Исторически известные революции крайне разнообразны. Вспомним, например, английскую (1640), американскую (1776), французскую (1789), русскую (1917), мексиканскую (1919), китайскую (1949), кубинскую (1959), филиппинскую (1985), восточно- и центрально-

европейскую (1989). Есть ли у них общие, типичные черты?

Социологи уже предпринимали попытки «установить определенное единообразие в описании революций» (60; 254), проследить их «естественную историю» (101; 60). На основании проведенного анализа была выявлена характерная для всех революций последовательность прохождения десяти стадий.

1. Всем революциям предшествуют типичные условия, которые можно назвать «предпосылками революции» (60; 27): усиление недовольства, озлобленности, появление беспорядков и конфликтов вследствие экономического или налогового кризиса. Наиболее болезненно они ощущаются восходящими социальными классами, а не теми, кто нищ и подавлен. «Похоже, что наиболее сильные чувства испытывают те, кто уже имеет деньги или, по крайней мере, средства к существованию, кто остро чувствует недостатки привилегированной аристократии» (60; 251).

2. На следующей стадии происходит «смена позиций интеллектуалов» (101): распространение критических взглядов, различных форм агитации, философских или политических памфлетов,

[373]

доктрин, направленных против существующего режима. «Вспомним французскую революцию: Вольтера, Руссо, Дидро, Гольбаха, Вольнея, Гельвеция, Даламбера, Кондорсе, Бернардина де Сен-Пьера, Бомарше. Все это бунтари, направившие силу своего ума против церкви и государства» (60; 44). Такое состояние общественного сознания, которое можно назвать «революционным духом», начинает распространяться повсеместно.

3. Затем режим пытается отвести нарастающую угрозу частичными реформами (например, инициативы Людовика XIV во Франции, столыпинские реформы в России), но эти попытки воспринимаются как запоздалые и насильственные, как признак слабости, и потому они подрывают прежний режим еще сильнее.

4. Все более очевидная неспособность властей к эффективному управлению выливается в «паралич государства» (157; 190). Это в конце концов дает революционерам возможность захватить власть.

5. Старый режим рушится, и наступает революционный медовый месяц — период эйфории после победы.

6. Среди победивших появляются признаки внутреннего размежевания по кардинальному вопросу: консерваторы стремятся к минимальным изменениям, радикалы хотят эти изменения решительно подтолкнуть, умеренные выступают за постепенные реформы.

7. Умеренные реформаторы доминируют, пытаются сохранить некоторую преемственность с прежним режимом. Это входит в противоречие с чаяниями, надеждами и мечтами масс, вызывает у них разочарование.

8. Радикалы и экстремисты получают возможность использовать широко распространяющееся недовольство, мобилизуют массы и смещают умеренных.

9. Начинается стадия «террора», когда радикалы пытаются ввести порядок силой и стереть все приметы старого режима. Возникающие социальные беспорядки создают благодатную почву захвата власти диктаторами или военными.

10. Постепенно восстанавливается некоторое равновесие наступает окончательная стадия — «термидор», или «излечение от революционной горячки» (60; 205), когда «эксцессы радикалов осуждаются и акцент смещается с политических изменений на экономический прогресс и формирование структуры стабильных институтов» (157; 192).

Представленный анализ раскрывает ряд важных аспектов рассматриваемого феномена. Однако мы узнаем, как происходят

[374]

революции, но не получаем ответа на наиболее существенный вопрос: почему они происходят. Последнее — область теории, а не «естественных историй» революций. Любая теория, заслуживающая этого названия, должна состоять по меньшей мере из трех компонентов: 1) обобщенного образа, или концептуальной модели, явления; 2) отбора определенных факторов, или переменных, как первичных детерминант, причин или механизмов революции; 3) формулировки ряда поддающихся проверке гипотез о взаимозависимостях этих переменных, в частности, происхождения, хода и последствий революции.

Модели революции

Наиболее общая классификация теорий революции базируется на определенных образах, или моделях. Одни теории ставят в центр своих моделей деятельность, мобилизацию людей, другие — структурный контекст, условия, в которых происходят революции. Среди первых традиционной можно считать «вулканическую модель», согласно которой революции прорываются снизу, стихийно, в результате накопления общего напряжения, недовольства, враждебности, превышающих известный предел. Движущими силами являются массы отчаявшихся людей, которые не могут жить по-старому. Это — образ «периодически повторяющихся взрывов социально-психологических напряжений, которые кипят как лава под земной корой или бушуют как пар в гейзере» (30; 49).

В рамках другой, «заговорщической модели» акцент ставится на деятельности «заговорщиков», которые сначала не представляют никакие массы, а выступают как сторонние агитаторы, подталкивающие массы к революционным действиям. Люди становятся жертвами манипулирования, пропаганды и идеологии, с помощью которых профессиональные революционеры (или группировки из числа их вождей) подстрекают их к действию. Революции, таким образом, — это «работа подрывных элементов, которые просто гениально, обманными посулами и принуждением провоцируют массы на насилие» (30; 49). Иными словами, революции являются результатом заговора. «Революция взращивается насильственно и искусственно. Ее семена, брошенные в плодородную почву, удобряются садовниками — революционерами и загадочным образом прорастают благодаря тем же садовникам, вопреки силам природы» (60; 86).

Модели второго типа сосредоточивают внимание на структурном контексте. Они предполагают, что в каждом обществе

[375]

всегда имеется большой запас недовольства, которое выливается в революцию лишь при определенных благоприятных структурных условиях. Революции не «создаются», а «высвобождаются». Согласно модели «предохранительного клапана для выпуска пара», они «прорываются» только тогда, когда происходит срыв правительственного контроля, ослабляются репрессивные меры, наступает крах государства. «Революционные ситуации развивались по причине военно-политического кризиса государства и господства одних классов над другими. И лишь благодаря возникшим таким образом возможностям революционные лидеры и бунтующие массы смогли завершить революционные преобразования» (357; 17).

Другую разновидность этого подхода можно назвать моделью «найденного сокровища». Революции возникают в условиях появления новых ресурсов и возможностей. Среди них решающая роль признается за «возможностями политических структур», дающими шансы для коллективных действий. Важную роль играет также экологический фактор, объединяющий массы людей в урбанистических и индустриальных поселениях. Наконец, по мнению некоторых авторов, социальная дезорганизация и неуравновешенность (системный дисбаланс), вызванные быстрыми социальными изменениями, создают благоприятные структурные предпосылки для революционной мобилизации.

Каждый из двух рассмотренных типов моделей, концентрирующих внимание на деятельности и на структуре, похоже, содержит долю истины. Наверное, в будущем теоретизирование примет более эклектичный, многомерный характер. Вероятна попытка интегрировать все части сложного феномена революции в одну, внутренне согласованную модель. Рассмотрим подробнее некоторые теории революции, которые могут дать материал для такого будущего синтеза.

Основные теории революции

Я предлагаю проиллюстрировать четыре главные «школы» в теории революции — бихевиористскую (поведенческую), психологическую, структурную и политическую — работами их наиболее известных представителей. По необходимости обсуждение будет весьма выборочным и кратким (397).

1. Первая современная теория революции предложена в 1925 г. Питиримом Сорокиным (370). Он делал свои выводы, исходя прежде всего из опыта русской революции 1917 г., в которой при-

[376]

нимал участие. Его теорию можно считать бихевиористской, поскольку он сосредоточился на причинах, «порождающих революционные отклонения в поведении людей» (370; 367), и искал причины этого «отклонения» в области основных, базовых потребностей и инстинктов человека. «... постановка грандиозной драмы, комедии или трагедии революции на исторических подмостках предопределена первым долгом репрессированными врожденными рефлексам» (370; 383). Революция кардинально преобразует типичное человеческое поведение — «революция» в поведении людей наступает незамедлительно: условно принятые «одежки» цивилизованного поведения мгновенно срываются, и на смену социуму на волю выпускается «бестия» (370; 372). Сорокин прослеживает и документирует подобные изменения в разных областях человеческой жизни и поведения. К таким изменениям относятся: «подавление собственнического инстинкта масс», «подавление полового рефлекса», «подавление импульса к соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта», «извращение религиозных, моральных, эстетических и других приобретенных форм поведения» (370; 4-1 — 169). Все это «приводит к дисфункции условных инстинктов, нарушает послушание, дисциплину, порядок и прочие цивилизованные формы поведения и обращает людей в беснующиеся орды сумасшедших» (370; 376).

Затем автор задает основной теоретический вопрос «почему?» и выдвигает в качестве ответа на него две главных гипотезы. Первая относится к движущим силам, которые стоят за революционными массами. «Непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение числа подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения» (370; 367). «Всеобщее подавление базовых инстинктов человека», либо подавление большого их числа неизбежно приводят к революционному взрыву. Для этого «необходимо также, чтобы «репрессии» распространялись как можно более широко, и если не среди подавляющего числа людей, то по крайней мере среди достаточно весомой группы населения» (370; 369). Среди основных инстинктов Сорокин перечисляет: желание есть («пищеварительный рефлекс»); индивидуальную безопасность («инстинкт самосохранения»); «рефлекс коллективного самосохранения; потребность в жилище, одежде и т. п.; сексуальный инстинкт; инстинкты собственности, самовыражения и личностной идентификации. Подавление потребности в свободе («в смысле свободы слова и действия»), в свободе общения, монотонность жизни и подавление творчества указываются в каче-

[377]

стве дополнительных. Как отмечает автор, репрессии и ограничения приобретают различную мотивирующую силу в зависимости от привычного и стандартного уровней удовлетворенности.

Вторая гипотеза относится к реакции властей. «... для революционного взрыва необходимо также, чтобы социальные группы, выступающие на страже существующего порядка, не обладали бы достаточным арсеналом средств для подавления разрушительных поползновений снизу» (370; 370). «Атмосфера предреволюционных эпох всегда поражает наблюдателя бессилием власти и вырождением правящих привилегированных классов. Они подчас не способны выполнять элементарные функции власти, не говоря уже о силовом сопротивлении революции» (370; 399).

Если оба условия — давление «низов» и слабость «верхов» — совпадают, революция становится неизбежной.

Однако революции не устраняют условия подавления инстинктов, напротив, послереволюционный хаос усиливает трудности в удовлетворении основных, базовых потребностей. Люди начинают стремиться к порядку и стабильности. В то же время революционный пыл выдыхается, поскольку происходит «ускоренное истощение энергетического запаса человеческого организма». В реальности весьма велики шансы победить у контрреволюции. «Население, представляющее собой инертную массу, — удобный материал для социальной «формовки» новым репрессором» (370; 410). Настает час тиранов и деспотов. Таково ироническое завершение всех революций.

2. Психологические теории оставляют область поведенческих рефлексов или базовых (фундаментальных) инстинктов и концентрируются на проблеме комплексных мотивационных ориентации. Подобные теории близки к здравому смыслу. Не удивительно, что они приобрели большую популярность, и сейчас их можно считать наиболее разработанными из всех подходов. Самая влиятельная предложена Джеймсом Дэвисом (93) и Тедом Гурром (166) под названием теории «относительной депривации». Революции вызываются болезненным синдромом сознания, распространяющимся среди населения. «Нищета несет переворот», или, точнее, нищета, которую люди осознают и которую они определяют как несправедливость, толкает их на бунт.

По утверждению У. Дж. Рунсимэна, «степень относительной депривации есть мера различия между желаемой ситуацией и тем, как человек ее себе представляет» (348; 10). В формулировке Теда Гурра, это «воспринимаемая разница между ценностными ожиданиями (вещами и условиями жизни, которых, как полагают

[378]

люди, они заслуживают по справедливости) и ценностными возможностями (вещами и условиями, которые они в действительности могут получить)» (166, 24).

Если люди даже крайне нищи, но воспринимают это как должное, как предписание судьбы, провидения или как соответствие predetermined социальному статусу, то революционного брожения не возникает. Лишь когда они начинают задаваться вопросом о том, что они должны иметь по справедливости, и ощущать разницу между тем, что есть и что могло бы быть, тогда и появляется чувство относительной депривации. Это ощущение тесно связано с чувством несправедливости, возникающим из сравнения того, что люди имеют в действительности, и чего уже достигли другие, похожие на них. Тема лишения и несправедливости проникает в социальное сознание в период, непосредственно предшествующий революции. «Нужно, чтобы люди осознали свою нищету и угнетенное положение, а также поняли, что нищета и угнетение не являются естественным порядком мира. Любопытно, что в этом случае одного лишь опыта, каким бы тяжелым он ни был, недостаточно» (212; 86). «Революции не могут обойтись без слова «справедливость» и тех чувств, которые оно вызывает» (60; 35).

Как возникает этот синдром? Каково его происхождение? Если добавить измерение времени, то можно различить три пути исторического развития, которые приводят к появлению обостренного чувства относительной депривации, достигающей революционного уровня. Суть первого заключается в том, что в результате возникновения новых идеологий, систем ценностей, религиозных или политических доктрин, устанавливающих новые стандарты, которых люди заслуживают и вправе ожидать, или благодаря «демонстрационному эффекту» лишенность становится непереносимой. Люди «озлобляются, поскольку чувствуют, что у них не хватает средств для того, чтобы изменить свою жизнь, реализовать свои ожидания» (166; 50). Такая ситуация может вызвать «революцию пробудившихся надежд» (рис. 20.1).

При второй, прямо противоположной, ситуации надежды остаются примерно на том же уровне, но неизбежно происходит существенное падение жизненных стандартов. Это может случиться в результате экономического или финансового кризиса, неспособности государства обеспечить общественную безопасность, из-за сужения круга участников политической жизни, поворота к авторитарному или диктаторскому режиму. Разрыв между тем, что, как считают люди, они заслуживают, и тем, что они имеют в действительности, может стать невыносимым. «Человек озлобляется

[379]

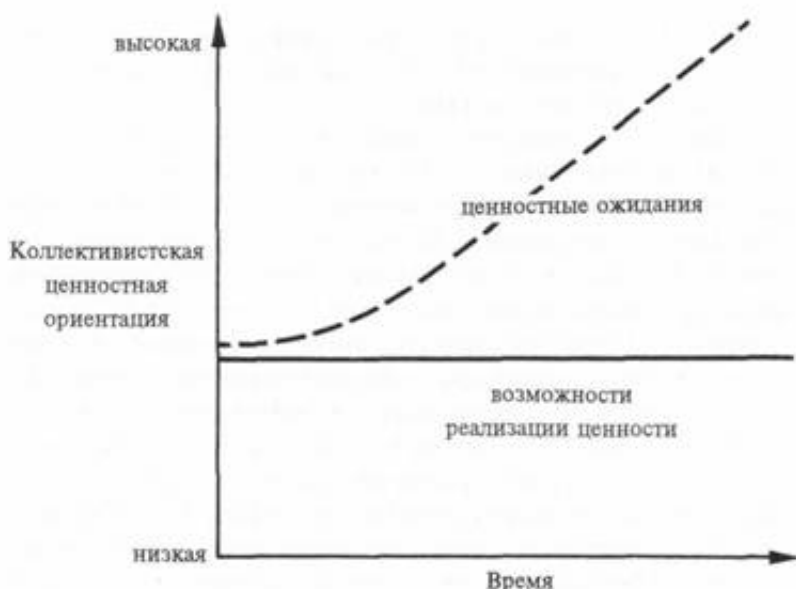

Рис. 20.1. Крушение (депривация) надежд. Источник: 166; 51 (с разрешения Принстонского Университета).

сильнее в тех случаях, когда теряет то, что имеет, чем тогда, когда он утрачивает надежду приобрести то, что еще не получил» (166; 50). «Революция отобранных выгод», как можно назвать такую ситуацию, наверное, является еще более распространенной, чем революция пробудившихся надежд» (рис. 20.2).

Третий путь, известный как «прогрессивная депривация», проанализирован Джеймсом Дэвисом (93) и представлен J-кривой (рис. 20.3). Здесь сочетаются механизмы, действующие в первых двух случаях. Надежды и возможности достижения растут параллельно в течение некоторого времени. Период процветания и прогресса в реальных условиях жизни сопровождается распространением надежд и ожиданий на будущее. Затем кривые неожиданно разделяются, причем надежды продолжают расти, а реальные возможности достижения блокируются или даже поворачивают вспять (из-за естественных болезней, войны, экономического упадка и т.д.). Это приводит ко все более углубляющемуся непереносимому разрыву. «Решающим фактором является смутный или явный страх, что почва, обретенная за долгое время, будет быстро утрачена» (93; 8). Произойдет то, что можно назвать «революцией крушения прогресса».

Как объясняет Дэвис, «революции происходят тогда, когда за длительным объективным экономическим и социальным развитием следует короткий период

[380]

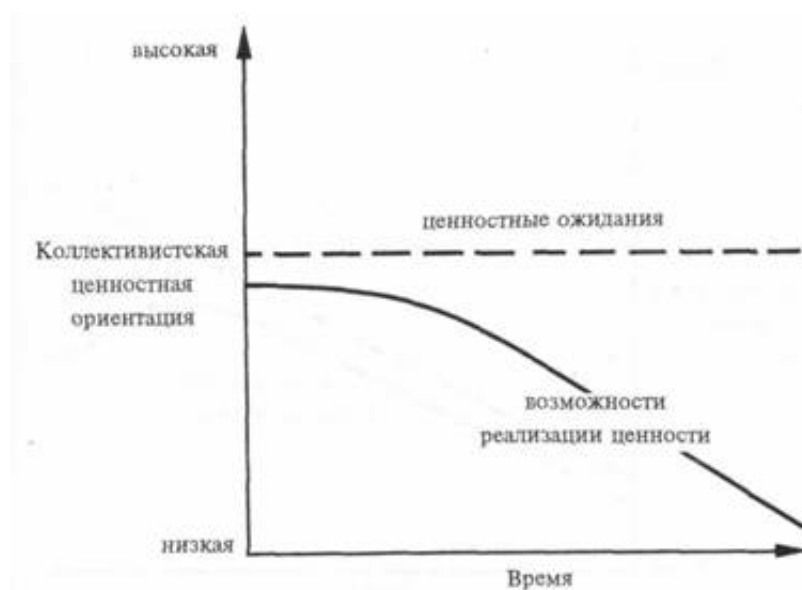

Рис. 20.2. Убывающая депривация. Источник: 166; 47 (с разрешения Прин-стонского Университета).

резкого отступления. Ожидания дальнейшего удовлетворения потребностей, которые все растут, сменяются тревогой и крушением надежд, поскольку реальность все больше удаляется от той, которая предполагалась» (93; 6; 94). Из всех теорий революции теория «относительной депривации» порождает наибольшее число специфических, поддающихся проверке гипотез. Гурр (166; 360—367) перечисляет почти 100, подкрепляя их многочисленными иллюстрациями, статистическими и историческими свидетельствами. Основное обвинение в адрес этой теории касается отрицания ею структурных переменных. Революции рассматриваются как проявление неконтролируемого процесса крушения надежд и агрессии или когнитивного диссонанса*, при этом игнорируется макроструктурный контекст, факт неравенства в достатке, власти и статусе между различными группами» (397; 91).

3. Альтернативные концепции сосредоточивают внимание на макроструктурном уровне, отрицая психологические факторы. Согласно так называемым «структурным теориям», революции являются продуктом структурных ограничений и напряженностей и характеризуются специфическими отношениями между гражданами и государством. Утверждается, что причины революции следует искать на социальном уровне, в контексте классовых и

* Когнитивный диссонанс исследован Л. Фестингером и означает расхождение между привычными социальными установками и реальным поведением человека. (Ред.)

[381]

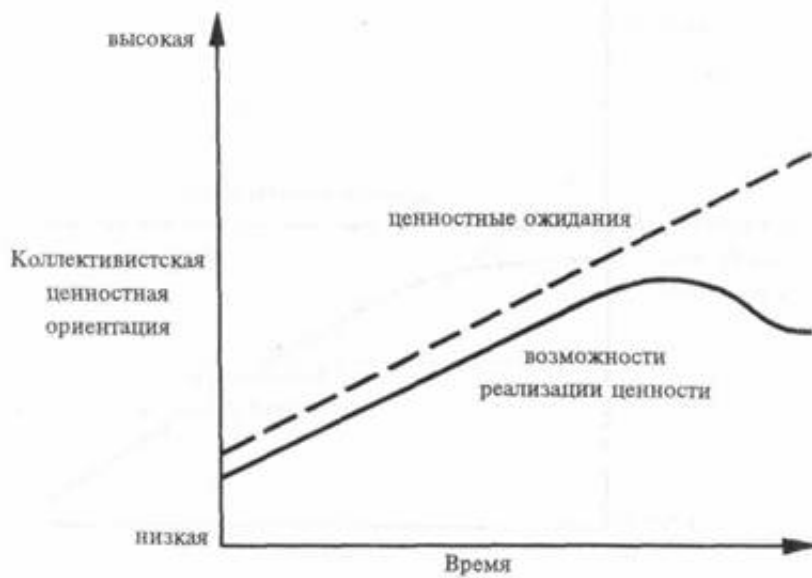

Рис. 20.3. Прогрессирующая депривация. Источник: **166**; 53 (с разрешения Принстонского Университета).

групповых отношений (национальных и интернациональных), а не в головах граждан, их менталитете или межличностных отношениях. Ведущий современный сторонник этого направления Теда Скокпол призывает «принять структурную точку зрения для выражения объективных взаимоотношений и конфликтов между группами и нациями, занимающими различное положение, а не между интересами, взглядами или идеологиями отдельных революционеров» (357; 291). Она цитирует Эрика Хобсбаума: «Неоспоримо важная роль актеров в драме еще не означает, что они являются также драматургами, режиссерами и оформителями сцены» (цит. по: 357; 18).

На основании тщательного анализа исторических фактов, сравнивая французскую, русскую и китайскую революции, Теда Скокпол приходит к следующим выводам. Во-первых, старый режим переживает политический и экономический кризис. «Испытывая двойное давление со стороны внутренних классовых структур и международного сообщества, автократическое правление и армия распадаются, открывая путь для революционных преобразований, направляемых выступлениями снизу» (357; 47). Во-вторых, кризис режима благоприятствует массовым восстаниям крестьянства и городских рабочих. Падение старого режима — необходимое, но не достаточное условие для революции. «Крестьянские

[382]

восстания играли важнейшую роль во всех реальных (т. е. успешных) социальных революциях вплоть до наших дней» (357; 112— 113). В-третьих, обязательными для победы революции являются устранение существовавшей прежде консолидации, реорганизация и реинтеграция государства и правительства новой политической элитой, приходящей к власти после успешного свержения прежнего режима. «Революции доводились до полного конца лишь в тех случаях, когда новые государственные организации — администрации и армии, координируемые исполнителями, которые правили во имя революционных символов, — сформировались в конфликтных условиях революционных ситуаций» (357; 163). Для теории Скокпол характерно акцентирование политических и международных факторов. Она предсказывает: «В будущих революциях, как и в прошлом, сфера государства станет скорее всего центральной» (357; 293).

Структурную теорию упрекают в односторонности, в пренебрежении к психологическим и мотивационным аспектам. «Скокпол забывает, что люди являются средним звеном между структурными условиями и социальным результатом. Причем структурные условия просто накладывают определенные ограничения на человеческие

действия или определяют некоторый диапазон возможностей» (189; 115). Анализируя структурные теории, критики приходят к выводу, сделанному нами ранее: надо стремиться к синтетической, многомерной позиции. «Скокпол рассматривает структурный и свободный анализ как взаимно исключающие противоположности, а не два необходимых элемента целостного социологического объяснения» (189; 1154).

4. Взгляды сторонников политических теорий еще более ограничены. Они рассматривают революцию лишь как политический феномен, возникающий из процессов, происходящих исключительно в политической сфере, как результат «нарушения баланса власти и борьбы соперников за управление государством» (30; 49). Так, по мнению Чарльза Тилли (399), революции — это не экстраординарные, исключительные, отклоняющиеся явления, а скорее, — если перефразировать известные слова Клаузевица — «продолжение политики другими средствами», т. е. разновидность нормального политического процесса, в котором различные группы стремятся реализовать свои цели путем завоевания власти. Революции представляют собой крайние формы соперничества за политический контроль (отсюда «соревновательная модель революции») и происходят только тогда, когда противоборствующие стороны способны мо-

[383]

билизовать значительные ресурсы, необходимые для завоевания власти у старого режима (157; 193).

Более широкий контекст, в который должны быть концептуально помещены революции, характеризуется понятием «модель политической организации». Это ряд взаимосвязанных компонентов, куда, среди прочих, входят «правительство — организация, которая контролирует основные, сконцентрированные в ее руках средства подавления населения; и соперник — любая группа, которая в течение определенного периода времени стремится получить ресурсы для влияния на правительство. Соперники включают оппонентов и членов политической организации. Членом является любой соперник, который имеет обычные, не требующие больших затрат доступы к ресурсам, контролируемым правительством; оппоненты — это все другие соперники» (399; 52). Нет нужды говорить, что именно среди оппонентов происходит революционная мобилизация — предпосылка коллективного действия к достижению общих целей.

Революция есть особая форма коллективного действия, характеризующаяся некоторыми предварительными условиями («революционная ситуация») и особыми результатами («результаты революции»). Другими словами, это «умножение политических организаций».

Революционная ситуация складывается тогда, когда правительство, находившееся ранее под контролем одной, суверенной политической организации, становится объектом эффективных, соревновательных, взаимно исключающих притязаний двух или более различных политических организаций. Она заканчивается, когда единая суверенная политическая организация получает право контроля над правительством» (399; 191). Здесь население приходит в конфронтацию по меньшей мере с двумя центрами власти с несовместимыми требованиями: прежнее правительство и соперничающее правительство.

Существует четыре разновидности этой ситуации. 1. Одна суверенная политическая организация пытается подчинить другую суверенную политическую организацию. 2. Подчиненная политическая организация (например, государство под управлением федерального правительства или колония, подчиненная иностранной власти) приобретает суверенитет. 3. Оппоненты мобилизуются и приобретают контроль над фрагментами правительственного аппарата. 4. Политическая организация распадается на два или более блоков, каждый из которых приобретает частичный контроль над правительством (399; 191—192). Революция прорывается, когда достаточное количество граждан переносит свои сим-

птии и приверженность на альтернативный властный центр. Революция побеждает, когда происходит смена власти и одни ее носители заменяются другими.

Относительно причин революции выдвигается несколько гипотез, которые можно разделить на две группы: причины революционной ситуации и причины результата революции. Революционная ситуация возникает тогда, когда:

1) появляются достаточно заметные противники, оппоненты (политическая оппозиция, диссиденты), которые выступают с притязаниями на контроль над правительством (возникает революционное лидерство и формируется новая идеология). На этой стадии особенно важную роль играют харизматические лидеры и интеллектуалы;

2) они приобретают поддержку на словах и (в первую очередь) на деле (массы мобилизуются). Это случается либо тогда, когда правительство оказывается не способным выполнить требования населения, либо когда оно усиливает собственные требования к нему. «Увеличение налогов — наиболее яркий пример, но военная повинность, изъятие земель, урожая, сельскохозяйственных животных и наложение оброков — все это сыграло историческую роль в создании оппозиции» (399; 205);

3) правительство не может или не хочет подавить противников (носители власти теряют управление инструментами насилия). Типичный случай — вовлечение во внешние войны, еще один — международное давление, принуждающее избегать крайних форм насилия по отношению к оппонентам, даже если эти инструменты доступны.

Степень передачи власти, т. е. суть революционного результата зависит от:

1) размера и жесткости конфликта между носителями власти и оппонентами. Когда раскол между ними приобретает форму простой, взаимоисключающей альтернативы, он требует недвусмысленной приверженности населения одной стороне и препятствует контактам прежних держателей власти с постреволюционным правительством. Таким образом, происходит полная передача;

2) диапазона коалиций между членами политической организации и оппонентами до и во время революции. Чем их меньше, тем более полной является послереволюционная передача власти. Но с другой стороны, если их нет совсем, то революция может потерпеть неудачу, и тогда передачи власти вовсе не произойдет;

3) контроля над силовыми структурами со стороны оппонентов. «Если правительство сохраняет полный контроль над вооруженными силами, то скорее всего в результате революционной ситуации передачи власти не произойдет» (399; 214). Для того чтобы победить, революционеры должны получить доступ к средствам принуждения: оружию и поддержке некоторой части полиции и армии. Вот почему лояльность армии часто является решающим фактором в большинстве революций, и вообще большинство революций побеждают тогда, когда армия переходит на сторону противников.

Тилли предлагает типичную, «идеальную революционную последовательность», состоящую из семи стадий. 1. Постепенное возникновение оппонентов и оформление их притязаний на власть. 2. Мобилизация тех, кто одобряет и поддерживает эти притязания. 3. Попытки правительства провести насильственную, репрессивную демобилизацию терпят провал. 4. Противники и их коалиции успешно устанавливают частичный контроль над некоторыми подструктурами правительства (регионами, подразделениями, частями персонала). 5. Они борются за расширение этого контроля. 6. Противники побеждают, терпят поражение или входят в правящую коалицию с прежними властью предержавшими. 7. Восстанавливается единый, суверенный, правительственный контроль (399; 216—217). Лишь на этой стадии могут происходить дальнейшие структурные трансформации общества (экономические, культурные, правовые, моральные), и если они происходят, мы можем говорить о «великих» революциях.

Одной из слабых сторон теории, выдвинутой Тилли, является ее недостаточная

специфичность. Стэн Тейлор указывает на то, что автор не объясняет, «почему одни группы принимаются политической организацией, а другие отвергаются» (397; 146), почему в одних случаях армия остается лояльной, а в других переходит на сторону революционеров, предопределяя тем самым исход дела. К сожалению, упомянутые недостатки присущи не только теории Тилли, но и остальным теориям революции, а также большинству других социологических теорий.

Чего мы не знаем о революциях

Как бы то ни было, различные теории революции вносят важный вклад в наше понимание этого наиболее сложного макроис-

[386]

торического феномена, расширяют область ограниченного, «специфического невежества» (287; 363, 471). В заключение этой главы я предлагаю обсудить пять загадок, или парадоксов, которые должны быть решены будущими теоретиками в этой области.

1. Первая касается возникновения революции. Различные теории дают нам понимание многочисленных факторов и сил, основных и побочных детерминант, необходимых и достаточных условий, облегчающих и затрудняющих обстоятельств и ситуаций, от которых зависит результат. Одни факторы (силы) относятся к человеческому поведению, мотивациям, намерениям, эмоциям и идеям; другие — к социальному и культурному контексту; третьи — к экономическим интересам и политическим возможностям. Ясно, что революции происходят лишь тогда, когда все эти факторы (или их часть) появляются в определенном уникальном соотношении. Что представляет собой та взрывчатая смесь, то специфическое сочетание, тот синдром, который должен появиться в данное время и в данном месте, чтобы произошла революция? Этого мы не знаем.

2. Вторая загадка касается революционной мобилизации. Почему массы людей вдруг преодолевают барьер апатии, пассивности, инерции, подчинения и решают сражаться за свои интересы и идеалы? Чем объяснить взрыв обязательств, участия, активности и неповиновения, которые наблюдаются при возникновении революций? Может быть, были преодолены некоторые пороги непереносимого крушения надежд, что привело к спонтанным действиям? Как определить эти пороги, ведь в одни времена люди способны терпеть гораздо большее давление и лишения, чем в другие? Этого мы тоже не знаем.

3. Еще одна загадка связана с революционным наследием. Что налагают предыдущие революции (успешные или неудачные) на последующие? Являются ли революции отдельными эпизодами со своей собственной, всякий раз заново возникающей уникальной причинностью? А может быть, они подчиняются циклам, формируя широкомасштабную историческую последовательность, в которой предыдущие революционные попытки, победы или поражения оказывают сильное влияние на более поздние попытки? Где может находиться общая причинность, лежащая в основе ряда революционных прорывов? И этого мы также не знаем.

4. Четвертая загадка касается результатов революции. Революции, особенно успешные, создают героические мифы; их до-

[387]

стижения преувеличиваются, а потери игнорируются. Но потом эйфория проходит, становятся очевидными побочные негативные последствия, «эффекты бумеранга», человеческие жертвы. Очень скоро, например, рухнул миф о русской революции, которая принесла нищету, угнетение, варварство, смерть. Крах коммунизма в конце XX в. окончательно доказал, что цель, преследовавшаяся этой революцией, с самого начала была ошибочной. Благодаря недавней «ревизионистской» историографии (377; 353), распался героический миф о Великой французской революции, иронически названной «такой славной,

но такой варварской» («Ньюсуик», № 3, апрель 1989, с. 45). Почему результат революций иногда так сильно отличается от того, о чем мечтали революционеры? Почему они «в конце концов превращают в прах идеалы, которые вызвали их к жизни?» (212; 86). Неизбежна ли эта логика? И опять нам это не известно.

5. Последняя загадка связана с предсказуемостью революций. Большинство исследователей сходятся во мнении, что ни одну из известных революций нельзя было предсказать. Как отмечает Крэйн Бринтон, «настоящая революция всегда неожиданна» (160; 66). Ришард Капучински размышляет над иранской революцией: «Планировался путч или дворцовый переворот, но не революция. Ее взрыв, момент взрыва, застал врасплох всех, даже тех, кто желал ее. Все были ошеломлены спонтанностью ее неожиданного появления и тем, как она уничтожала все на своем пути» (212; 86). В конце 80-х годов исследователи революции должны были признать еще одну неудачу в предсказаниях. По словам Жана Киркпатрика, «коллапс коммунизма был фантастическим сюрпризом... В современной истории не было большей неожиданности, чем скорость и всеобщность, с которой пали коммунистические режимы в Восточной Европе и в самом социалистическом отечестве — Советском Союзе» (217; 7). Почему так случилось? Вероятно, здесь сказывается ограниченность эпистемологических (теоретико-познавательных) возможностей: сложность исторических событий подобного масштаба, отсутствие информации, надежных математических моделей и т.д. «Нет особых оснований полагать, будто сегодня кто-либо обладает знаниями, достаточными для того, чтобы применить формальные методы диагностики к современному обществу и определить, произойдет революция в ближайшее время или нет» (60; 250).

«Изучение революций во многом подобно изучению землетрясений. Когда они происходят, ученые стараются извлечь смысл из множества собранных данных и построить теории для того,

[388]

чтобы предсказать следующее. Постепенно мы начинаем лучше понимать их, но каждое новое землетрясение вновь удивляет нас. Так же и наше знание революций, как и знание землетрясений, все еще ограничено. Мы можем детально проанализировать их, перечислить некоторые благоприятные для них условия, но понять, что в точности они собой представляют, нам еще только предстоит» (157; 205).

Однако правомерно предположить существование и более фундаментальных онтологических причин. Наверное, в этой области прогнозы не просто трудны, а невозможны в принципе. Во-первых, революционные события зависят от действий множества индивидов. Это итог совокупности миллиардов индивидуальных решений, каждое из которых принимается конкретным человеком, с уникальной биографией, в контексте специфической социальной ситуации, непредсказуемым в своих поступках. Иначе говоря, на макрошкале, похоже, преобладают условия, описываемые в естественных науках как «хаос», и потому любые конкретные предсказания оказываются невероятно сложными.

Во-вторых, мобилизация и координация революционных действий требуют сильных лидеров, обладающих талантом, определенным положением и харизмой, что в значительной степени является генетической тайной.

В-третьих, феномен революции включает в себя многообразные процессы (рост недовольства, озлобленности, мобилизацию масс, реакцию элиты, давление внешних сил — и это еще далеко не все). И хотя каждый из них можно теоретически рассчитать и в известной мере даже угадать, тем не менее их конкретная уникальная комбинация, пересечение в определенный исторический момент приводит к возникновению нового феномена, не объяснимого в рамках отдельной теории.

В-четвертых, в приложении к революционным социальным изменениям обычная логика осмысления и самоуничтожающего пророчества отчасти порочна. Если теория

способна предсказать революцию, то само предсказание будет подвигать к действию защитников старого режима, у которых на данный момент будет еще достаточно сил, чтобы не допустить ее победы. Отсюда следует парадоксальный вывод: теория революции бессмысленна, ибо если она способна предсказать, то предсказания будут опровергаться, если же не способна, то это вовсе не теория. Самое большее, что мы можем ожидать от так называемых «теорий революций», это интерпретации свершившихся событий, что само по себе уже будет большим интеллектуальным успехом.

[389]

Библиография

1. Aberle, David 1966. *Peyote Religion Among the Navaho*. Chicago: Aldine
2. Abrams, Philip 1982. *Historical Sociology*. Ithaca, Cornell University Press
3. Adam, Barbara 1988. 'Social versus natural time, a traditional distinction reexamined', in: Young, and Schuller, pp. 198—226
4. Adam, Barbara 1990. *Time and Social Theory*. Cambridge: Polity Press
5. Adamson, M. and Borgos, S. 1984, *This Mighty Dream: Social Protest Movements in the United States*. Boston: Routledge & Kegan Paul
6. Addis, Laird 1968. 'Historicism and historical laws of development,' *Inquiry*, 11 (1968), pp. 155-74
7. Addis, Laird 1969. 'The individual and the Marxist philosophy of history,' in: M. Brodbeck (ed.), *Readings in the Philosophy of the Social Sciences*, pp. 317-35, New York: Macmillan
8. Alexander, Jeffrey C. 1982. *The Antinomies of Classical Thought: Marx and Durkheim* (vol. 2 of *Theoretical Logic in Sociology*). Berkeley: University of California Press
9. Alexander, Jeffrey C. (ed.) 1985, *Neo-functionalism*, London: Sage
10. Alexander, Jeffrey C. 1988a. 'Durkheim's problem, and differentiation theory today', in: Alexander 1988b, pp. 49-77
11. Alexander, Jeffrey C. 1988b. *Action and Its Environments*. New York: Columbia University Press
12. Alexander, Jeffrey C. 1988c. 'The new theoretical movement', in: Neil J. Smelser (ed.), *Handbook of Sociology*, pp. 77—102, Newbury Park: Sage
13. Alexander, Jeffrey C. 1990. 'Between progress and apocalypse: social theory and the dream of reason in the twentieth century', in: J. Alexander and P. Sztopka (eds), *Rethinking Progress*, pp. 15—38, London: Unwin Hyman
14. Alexander, Jeffrey C. 1992. 'Post-modernization theory'. Uppsala: SCASSS (mimeo)
15. Alexander, Jeffrey C. and Colomy, Paul (eds) 1988. *Differential Theory and Social Change: Historical and Comparative Approaches*. New York: Columbia University Press
16. Antonio, R. J and Piran, P. 1978. 'Historicity and the poverty of empiricism', Uppsala: IXth World Congress of Sociology (mimeo)
17. Appelbaum, Richard P. 1970. *Theories of Social Change*. Chicago: Markham
18. Apter, David 1968. *Some Conceptual Approaches to the Study of Modernization*, Englewood Cliffs: Prentice Hall

[390]

19. Archer, Margaret S. 1985, 'Structuration versus morphogenesis', in: S. N. Eisenstadt and H. J. Helle (eds), *Macro-Sociological Theory*, vol. 1, pp. 58—88, London: Sage
20. Archer, Margaret S. 1986, 'Taking time to link structure and agency'. New Delhi: XIth World Congress of Sociology (mimeo)
21. Archer, Margaret S. 1988. *Culture and Agency*. Cambridge: Cambridge University Press

22. Archer, Margaret S. 1989. *'The morphogenesis of social agency'*. Uppsala: SCASSS (mimeo)
23. Arnason, Johann 1987, 'Figurational sociology as a counter-paradigm', *Theory, Culture and Society*, 4, 2—3, pp. 429—56
24. Aron, Raymond 1961. *Introduction to the Philosophy of History*. London; Weidenfeld and Nicolson
25. Aron, Raymond 1968. *Main Currents in Sociological Thought*, vol. I. Garden City: Doubleday Anchor
26. Aron, Raymond 1969, *Progress and Disillusion: The Dialectics of Modern Society*. New York: Mentor Books
27. Ash, T. Garton 1990a. 'Eastern Europe: the year of truth', *New York Review of Books*, 15 February, pp. 17-22
28. Ash, T. Garton 1990b. *We The People: The Revolution of 89*, Cambridge: Granta Books
29. Avineri, Shlomo 1968. *The Social and Political Thought of Karl Marx*. Cambridge: Cambridge University Press
30. Aya, Rod 1979. 'Theories of revolution reconsidered', *Theory and Society*, 8, 1, pp. 39-99
31. Back, Kurt W, 1971. 'Biological models of social change', *American Sociological Review*, 36 (August), pp. 660—7
32. Banaszczyk, Tadeusz 1989. *Studia o przedstawieniach zbiorowych czasu i przestrzeni w durkheimowskiej szkole socjologicznej* (Studies on the collective representations of time and space in the Durkheimian sociological school). Wroclaw: Ossolineum
33. Banks, Joseph A. 1972. *The Sociology of Social Movements*. London: Macmillan
34. Bauman, Zygmunt 1989a. *Modernity and The Holocaust*. Cambridge: Polity Press
35. Bauman, Zygmunt 1989b. 'Sociological responses to postmodernity', in: C. Mongardini and M. L. Maniscalco (eds), *Moderno e Postmoderno*, pp. 127-52, Rome: Bulzoni
36. Bauman, Zygmunt 1991. *Modernity and Ambivalence*. Cambridge: Polity Press
37. Baumgartner, Tom, Buckley, W., Burns, T. R. and Schuster, P. 1976 'Metapower and the structuring of social hierarchies', in: T. R. Burns and W. Buckley (eds), *Power and Control*, pp. 215-88, Beverly Hills: Sage
38. Bell, Daniel 1974. *The Coming of the Post-industrial Society*. London: Heinemann
39. Bell, Wendell and Man, J. A. (eds) 1971. *The Sociology of the Future*. New York: Russell Sage Foundation

[391]

40. Bellah, Robert 1968. *Habits of the Heart*. Berkeley: University of California Press
41. Bendix, R. 1964. *Nation Building and Citizenship*. New York: Wiley
42. Berlin, Isaiah 1966. 'The concept of scientific history', in: W. H. Dray (ed.), *Philosophical Analysis and History*, pp. 5—53, New York: Harper & Row
43. Bernstein, Richard, J. 1972. *Praxis and Action*, London: Duckworth
44. Bhaskar, Roy 1986. *Scientific Realism and Human Emancipation*, London: Verso
45. Bierstedt, Robert 1981, *American Sociological Theory. A Critical History*. New York: Academic Press
46. Bimbaum, Norman 1953. 'Conflicting interpretations of the rise of capitalism: Marx and Weber', *British Journal of Sociology*, 4 (June), pp. 125—41
47. Black, Cyril E. (ed.) 1976. *Comparative Modernization*. New York: Free Press
48. Blau, Peter M. 1964, *Exchange and Power in Social Life*. New York, Wiley
49. Blumer, Herbert 1951. 'Collective behavior', in: A. McClung Lee (ed.), *Principles of Sociology*, New York: Random House

50. Blumer, Herbert 1957. Collective behavior, in: J. B. Gittler, *Review of Sociology. Analysis of a Decade*, pp. 127—58, New York: Wiley
51. Bock, K. 1978. Theories of progress, development and evolution', in: T. Bottomore and R. Nisbet (eds), *A History of Sociological Analysis*, pp. 39-80, New York: Basic Books
52. Boudon, Raymond 1981. *The Logic of Social Action*. London: Routledge
53. Boudon, Raymond 1986, *Theories of Social Change: A Critical Appraisal*. Cambridge: Polity Press
54. Boudon, Raymond and Bourricaud, F. (eds) 1989. *Π Critical Dictionary of Sociology*. Chicago: University of Chicago Press
55. Boulding, Kenneth E. 1964. The place of the image in the dynamics of society', in: G. K. Zollschan and W. Hirsch (eds), *Explorations in Social Change*, pp. 5-16, Boston: Houghton Mifflin
56. Boulding, Kenneth E. 1967. The learning process in the dynamics of total societies', in: S. Z. Klausner (ed.), *The Study of Total Societies*, pp. 98— 113, New York: Praeger
57. Braudel, Fernand 1972. 'History and the social sciences', in: P. Burke (ed.), *Economy and Society in Early Modern Europe*, pp. 11—42, London: Routledge & Kegan Paul
58. Braudel, Fernand 1980. *On History*. London: Weidenfeld and Nicolson
59. Breed, Warren 1971. *The Self-Guiding Society*. New York; Free Press
60. Brinton, Crane 1965 [1938]. *Anatomy of Revolution*. New York: Harper & Row (Vintage Books)
61. Brzezinski, Zbigniew 1970. *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. New York: Viking Press
62. Buckley, Walter 1967. *Sociology and Modern Systems Theoiy*. Engle-wood Cliffs: Prentice Hall
63. Bukharin, N. I. 1929. *Imperialism and World Economy*. New York: International Publishers
- [392]
64. Bullock, Alan and Stallybras, Oliver (eds) 1977. *The Fontana Dictionary of Modern Thought*. London: Fontana/Collins
65. Burke, P. 1980. *Sociology and Histoiy*. London: Alien & Umvin
66. Burns, Tom R., Baumgartner, T. and Deville, P. 1985, *Man, Decisions, Society: The Theoiy of Actor-System Dynamics for Social Scientists*. New York: Gordon and Breach
67. Burns, Tom, R. and Buckley W. 1976. *Power and Control*. London: Sage
68. Burns, Tom R. and Dietz, Thomas 1991. 'Institutional dynamics: an evolutionary perspective'. Buenos Aires: International Political Science Association (mimeo)
69. Burns, Tom R. and Dietz, Thomas 1992. 'Cultural evolution: social rule systems, selection, and human agency', *International Sociology*, 7, 3, pp. 259-83
70. Burns, Tom R. and Flam, H. 1987. *The Shaping of Social Organization*. Beverly Hills: Sage
71. Cannadine, David 1985. 'The context, performance and meaning of ritual: the British monarchy and the "invention of tradition", c. 1820—1977', in: Hobsbawm and Ranger, pp. 101—64
72. Cardoso, Fernando 1973. 'Associated dependent development: theoretical and practical implications', in: Alfred Stepan (ed.), *Authoritarian Brazil: Origins, Policies and Futures*, New Haven: Yale University Press
73. Cardoso, Fernando and Faletto, E. 1969. *Dependency and Development in Latin America*, Berkeley: California University Press
74. Carlyle, Thomas 1963. *On Heroes, Hero-Worship and the Heroic in Histoiy*. London: Oxford University Press
75. Chazel, Francois 1988. 'Sociology: from structuralist determinism to methodological individualism', in: J. Howorth and G. Ross (eds), *Contemporary France: A Review of Interdisciplinary Studies*, vol. 2, pp. 187—202, London: Pinter

76. Chirot, Daniel 1977. *Social Change in the Twentieth Century*. New York: Harcourt Brace Jovanovich
77. Chodak, Szymon 1973, *Societal Development*. New York: Oxford University Press
78. Cohen, E., Lissak, M. and Almagor, U. (eds) 1985. *Comparative Social Dynamics; Essays in Honor of S. N. Eisenstadt*. Boulder: Westview Press
79. Coleman, J., Katz, E. and Menzel, H. 1966. *Medical Innovation: A Diffusion Study*. New York: Bobbs-Merrill
80. Collins, Randall 1980. 'Weber's last theory of capitalism: a systematization', *American Sociological Review*, 45 (December), pp. 925—42
81. Collins, Randall 1986. 'Is 1980's sociology in the doldrums?' *American Journal of Sociology*, 91, pp. 1336-55
82. Collins, R. 1988. *Theoretical Sociology*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich
83. Coser, Lewis A. 1967. *Continuities in the Study of Social Conflict*. New York: Free Press
84. Coser, Lewis A. and Coser Rose 1990, 'Time perspective and social structure', in: Hassard, pp. 191—202
[393]
85. Crozier, Michel and Friedberg, Erhard 1977. *L'Acteur et le systeme*. Paris: Editions du Seuil
86. Dahrendorf, Ralf 1959. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford: Stanford University Press
87. Dahrendorf, Ralf 1964. 'Recent changes in the class structures of European societies', *Daedalus*, 93, 1
88. Dahrendorf, Ralf 1968. *Essays in the Theory of Society*. Stanford: Stanford University Press
89. Dahrendorf, Ralf 1979. *Life Chances*. Chicago: University of Chicago Press
90. Dahrendorf, Ralf 1980. 'On representative activities', in: T. F. Gieryn (ed.), *Science and Social Structure: A Festschrift for Robert K. Merton*, pp. 15— 27, New York: New York Academy of Sciences
91. Dahrendorf, Ralf 1990. *Reflections on the Revolution in Europe*. London: Chatto & Windus
92. Darwin, Charles 1964 [1859], *On the Origin of Species*. New York: Mentor Books
93. Davies, James C. 1962. 'Toward a theory of revolution', *American Sociological Review*, 27, pp. 5—19
94. Davies, James C. 1971. *When Men Revolt and Why*. New York: Free Press
95. Davis, Kingsley and Moore, Wilbert E. 1945. 'Some principles of stratification', *American Sociological Review*, 10, 2, pp. 242—9
96. Dietz, T. and Burns, T. 1992. 'Human agency and evolutionary dynamics of culture', *Acta Sociologica*, 35, pp. 187—200
97. Dunn, John 1972. *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press
98. Durkheim, Emile 1915. *The Elementary Forms of Religious Life*, tr. J. W. Swain. London: Alien & Unwin
99. Durkheim, Emile 1964 [1893]. *The Division of Labor in Society*, New York: Free Press
100. Durkheim, Emile 1972. *Selected Writings*, ed. A. Giddens. Cambridge: Cambridge University Press
101. Edwards, L. P. 1927. *The Natural History of Revolution*. Chicago: University of Chicago Press
102. Eisenstadt, Shmuel N. 1963. *The Political Systems of Empires*. Glen-coe: Free Press
103. Eisenstadt, Shmuel N. 1966a [1964], 'Breakdowns of modernization', in: William J.

Goode (ed.), *The Dynamics of Modern Society*, pp. 434—48, New York: Basic Books

104. Eisenstadt, Shmuel N. 1966b. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs: Prentice Hall

105. Eisenstadt, Shmuel N. 1973. *Tradition, Change and Modernity*. New York: Wiley

106. Eisenstadt, Shmuel N. 1974. 'Studies of modernization and sociological theory', *History and Theory*, 13, pp. 225—52

107. Eisenstadt, Shmuel N. 1978. *Revolution and the Transformation of Societies*. New York: Free Press

[394]

108. Eisenstadt, Shmuel N. 1980. 'Cultural orientations, institutional entrepreneurs, and social change: comparative analysis of traditional civilizations', *American Journal of Sociology*, 85, 4, pp. 840—69

109. Eisenstadt, Shmuel N. 1983. 'Development, modernization and dynamics of civilization', *Cultures et Developpement*, 15, 2, pp. 217—52

110. Eisenstadt, Shmuel N. 1992a. 'A reappraisal of theories of social change and modernization', in: Haferkamp and Smelser (eds), pp. 412—30

111. Eisenstadt, Shmuel N. 1992b. 'The breakdown of communist regimes and the vicissitudes of modernity', *Daedalus* (Spring 1992), pp. 21-41

112. Eliade, Mircea 1959. *Cosmos and History*. New York: Harper & Row

113. Elias, Norbert 1978. *What is Sociology?* London: Hutchinson

114. Elias, Norbert 1982. *The Civilizing Process*, vols 1 and 2. Oxford: Basil Blackwell

115. Elias, Norbert 1986. *Technik und Zivilisation* Hamburg: German Sociological Association (mimeo)

116. Elias, Norbert 1987. 'The retreat of sociologists into the present', *Theory, Culture and Society*, 4, 2—3, pp. 223—48

117. Erikson, K. T. 1971. 'Sociology and the historical perspective', in Bell and Man

118. Etzioni, Amitai 1968a. *The Active Society*, New York: Free Press

119. Etzioni, Amitai 1968b, 'Mobilization as a macrosociological conception', *British Journal of Sociology*, 19, 3, pp. 243-53

120. Etzioni, Amitai 1991. 'A socio-economic perspective on friction'. Washington: IAREP/SASE Conference (mimeo)

121. Etzioni-Halevy, Eva 1981. *Social Change: The Advent and Maturation of Modern Society*. London: Routledge & Kegan Paul

122. Evans-Pritchard, E. E. 1963 [1940]. *The Nuer*. London: Oxford University Press

123. Eyerman, Ron 1992. 'Modernity and social movements', in: Haferkamp and Smelser (eds), pp. 37-54

124. Eyerman, Ron and Jamison, Andrew 1991. *Social Movements: A Cognitive Approach*. Cambridge: Polity Press

125. Fairchild, Henry P. 1966. *Dictionary of Sociology and Related Sciences*. Totowa, NJ: Littlefield, Adams

126. Parley, John E. 1990. *Sociology*. Englewood Cliffs: Prentice Hall

127. Feldman, Arnold S. and Moore, Wilbert E. 1962. 'Industrialization and industrialism: convergence and differentiation', *Transactions of the Fifth World Congress of Sociology*, Washington, DC, ISA

128. Femia, J. 1987 [1981]. *Gramsci's Political Thought*. Oxford: Clarendon Press

129. Ferree, Myra Marx and Miller, Frederick D. 1985. 'Mobilization and meaning: toward an integration of social psychological and resource perspectives on social movements', *Sociological Inquiry*, 1, pp. 38—59

130. Fletcher, Ronald 1971. *The Making of Sociology*, vols 1—3, New York. Charles

131. Frankel, Boris 1987. *The Post-industrial Utopians*. Cambridge: Polity Press

[395]

132. Freeman, Jo 1973. 'The origins of the women's liberation movement', *American Journal of Sociology*, 78, 4, pp. 792—811

133. Freeman, Jo 1983a. 'A model for analyzing the strategic options of social movement organizations', in: J. Freeman (ed.). *Social Movements in the Sixties and Seventies*, pp. 193-210, New York: Longman

134. Freeman, Jo 1983b. 'On the origins of social movements', in: J. Freeman (ed.). *Social Movements of the Sixties and Seventies*, pp. 8-30, New York: Longman

135. Fromm, Erich 1941. *Escape from Freedom*. New York: Holt

136. Fromm, Erich 1963 [1956]. *The Sane Society*. London: Routledge & Kegan Paul

137. Fromm, Erich 1966 [1951]. *Marx's Concept of Man*. New York: Ungar

138. Fromm, E. 1979. *To Have or to Be?* London: Sphere Books, Abacus Edition

139. Fukuyama, Francis 1989. 'The end of history?' *The National Interest* (Summer), pp. 3-18

140. Fukuyama, Francis 1989. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press

141. Gamson, W. A. 1975. *Strategy of Social Protest*, Homewood, IL: Dorsey Press

142. Garfinkel, Howard 1967. *Studies in Ethnomethodology*. Glencoe. Free Press

143. Garner, Roberta and Zald, M. N. 1981. 'Social movement sectors and systemic constraint: toward a structural analysis of social movements'. Ann Arbor: Center for Research on Social Organization (Working Paper no. 238) (mimeo)

144. Gella, Aleksander 1966. *Ewolucjonizm a poczatkii socjologii* (Evolutionism and the beginnings of sociology). Wroclaw: Ossolineum

145. Girth, Allan 1969 [1954]. 'Can men change laws of social science?' in: L. I. Krimmerman (ed.), *The Nature and Scope of Social Science: A Critical Anthology*, pp. 217-27', New York: Appleton

146. Giddens, Anthony 1971. *Capitalism and Modern Social Theory*. Cambridge: Cambridge University Press

147. Giddens, Anthony 1979. *Central Problems in Social Theory*. London: Macmillan

148. Giddens, Anthony 1981. *A Contemporary Critique of Historical Materialism*. London: Macmillan

149. Giddens, Anthony 1984. *The Constitution of Society*. Cambridge: Polity Press

150. Giddens, Anthony 1985. *The Nation-State and Violence*. Cambridge: Polity Press

151. Giddens, Anthony 1989. *Sociology*. Cambridge: Polity Press

152. Giddens, Anthony 1990. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press

153. Giddens, Anthony 1991. *Introduction to Sociology*. New York. Norton

154. Goffman, Erving 1963. *Behavior in Public Places*. New York: Free Press

155. Goffman, Erving 1967. *Interaction Ritual*. Garden City: Doubleday

[396]

156. Goffman, Erving 1971. *Relations in Public*. New York. Harper & Row

157. Goldstone, Jack A. 1982, 'The comparative and historical study of revolutions', *Annual Review of Sociology*, 8, pp. 187—207

158. Goldthorpe, John 1971, 'Theories of industrial society: reflections on the recrudescence of historicism and the future of futurology', *Archives euro-peennes de sociologie*, 12, pp. 263—88

159. Goody, J. 1968, 'Time: social organization', in: *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 16, pp. 30—42, New York; Macmillan

160. Goudsblom, Johan 1987. 'The sociology of Norbert Elias: its resonance and significance', *Theory, Culture and Society*, 4, 2—3, pp. 323—38
161. Gramsci, Antonio 1971. *Selections From the Prison Notebooks*, New York: International Publishers
162. Gramsci, Antonio 1972. *The Modern Prince and Other Writings*, New York: International Publishers
163. Granovetter, Mark 1978. 'Threshold models of collective behavior', *American Journal of Sociology*, 83, 6, pp. 1420—43
164. Granovetter, Mark 1979. 'The idea of "advancement" in theories of social evolution and development', *American Journal of Sociology*, 85, 3, pp. 489-515
165. Gunder Frank, Andre 1969. *Latin America, Underdevelopment of Revolution*. New York: Monthly Review Press
166. Gurr, Ted 1970. *Why Men Rebel*. Princeton: Princeton University Press
167. Gurvitch, Georges 1963. 'Social structure and the multiplicity of times', in: Tiryakian, pp. 171-84
168. Gurvitch, Georges 1964, *The Spectrum of Social Time*. Dordrecht: Reidel
169. Gurvitch, Georges 1990. 'Varieties of social-time', in: Hassard, pp. 67-76
170. Gusfield, Joseph R. 1966. 'Tradition and modernity: misplaced polarities in the study of social change', *American Journal of Sociology*, 72 (January), pp. 351-62
171. Habermas, Jurgen 1983, 'A reconstruction of historical materialism', in: T. Bottomore and P. Goode (eds), *Readings in Marxist Sociology*, pp. 212— 18, Oxford: Clarendon Press
172. Habermas, Jurgen 1987. *Philological Discourse of Modernity*, Cambridge: Polity Press
173. Haferkamp, H. and Smelser, N. J. 1992a. 'Introduction', in: Hafer-kamp and Smelser (eds), pp. 1-11
174. Haferkamp, H. and Smelser, N. J. (eds) 1992b. *Social Change and Modernity*, Berkeley: University of California Press
175. Hagen, Everett 1962. *On the Theojy of Social Change*, Homewood, IL: Dorsey Press
176. Hagerstrand, Torsten 1988. 'Time and culture', in: G. Kirsch, P. Nijkamp and K. Zimmerman, *The Formulation of Time Preferences in a Multidisciplinary Perspective*, pp. 33—42, Aldershot: Gower
177. Hamelink, C J. 1983. *Cultural Autonomy in Global Communications*. New York: Longman

[397]

178. Hannerz, Ulf 1987. 'The world in creolisation', *Л/лсд*, 57, 4, pp. 546-59
179. Hannerz, Ulf 1989a. 'Notes on the global ecumene'. *Public Culture*, 1,2, pp. 65-75
180. Hannerz, Ulf 1989b. 'Scenarios for peripheral cultures'. Binghamton, State University of New York (mimeo)
181. Harre, R. and Secord P. F. 1972. *The Explanation of Social Behavior*, Oxford: Basil Blackwell
182. Harris, Marvin 1968. *The Rise of Anthropological Theory*. New York: Columbia University Press
183. Hassard, John (ed.) 1990. *The Sociology of Time*. London: Macmillan
184. Hawley, Amos H, 1978. 'Cumulative change in theory and in history', *American Sociological Review*, 43, 6, pp. 787—96
185. Hegel, Georg W. F. 1956 [1837J. *The Philosophy of History*. New York: Dover
186. Heraclitus 1979 [fifth century bc]. *Heraclitus on the Universe*. Cambridge: Cambridge University Press
187. Hernes, Gudmund 1976. 'Structural change in social processes', *American Journal of*

Sociology, 82, 3, pp. 513—47

188. Hernes, Gudmund 1989. The logic of The Protestant Ethic', *Rationality and Society*, 1,1, pp. 123—62

189. Himmelstein, Jerome L. and Kimmel, Michael S. 1981. 'Review essay: States and revolutions: the implications of Skockpol's structural model', *American Journal of Sociology*, 86, 5, pp. 1145—54

190. Hobsbawm, Eric 1983a. The idea of progress in Marx's thought', in: T. Bottomore and P. Goode (eds), *Readings in Marxist Sociology*, pp. 208—12, Oxford: Clarendon Press

191. Hobsbawm, Eric 1983b. 'Mass-producing traditions: Europe, 1870— 1914', in: Hobsbawm and Ranger, pp. 263-307

192. Hobsbawm, Eric and Ranger, Terence 1985 [1983]. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press

193. Hobson, J. A. 1902. *Imperialism: A Study*. New York: Pott

194. Hollis, Martin 1987. *Cunning of Reason*, Cambridge: Cambridge University Press

195. Holton, Robert 1990. 'Problems of crisis and normalcy in the contemporary world', in: J. Alexander and P. Sztopka (eds), *Rethinking Progress*, pp. 39-52, Boston: Unwin Hyman

196. Homans, George C. 1971. 'Bringing men back in', in: H. Turk and R. L. Simpson (eds), *Institutions and Social Exchange*, pp. 102—16, Indianapolis: Bobbs-Merrill

197. Hook, Sidney 1955 [1943]. *The Hero in History*. Boston: Beacon Press

198. Huntington, Samuel P. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press

199. Huntington, Samuel P. 1976. The change to change: modernization, development and politics', in: Black, pp. 25-61

200. Inkeles, Alex 1976. 'A model of the modern man: theoretical and methodological issues', in: Black, pp. 320—48

201. Inkeles, Alex and Smith, D. H. 1974. *Becoming Modern*. Cambridge, MA: Harvard University Press

[398]

202. Israel, Joachim 1971. *Alienation*. Boston: Allyn and Bacon

203. Jacobsen, Chinoch 1979. 'Permissiveness and norm evasions; definitions, relationships and implications', *Sociology* (May), pp. 219—33

204. Jahoda, Marie 1988. 'Time: a social psychological perspective', in: Young and Schuller, pp. 154—71

205. Jarvie, I. C. 1972. *Concepts and Society*. London: Routledge & Kegan Paul

206. Jenkins, J. Craig 1982. 'Why do peasants rebel? Structural and historical theories of modern peasant rebellions', *American Journal of Sociology*, 88, 3, pp. 487-514

207. Jenkins, J. Craig 1983. 'Resource mobilization theory and the study of social movements', *Annual Review of Sociology*, 9, pp. 527—53

208. Johnson, Chalmers 1964. *Revolution and the Social System*. Stanford: Hoover Institution Studies

209. Johnson, Chalmers 1968. *Revolutionary Change*. London: University of London Press

210. Johnson, Harry M. 1960. *Sociology*. New York: Harcourt Brace Jovanovich

211. Kaplan, David and Manners, Robert A. 1972, *Culture Theory Engle-wood Cliffs*. Prentice Hall

212. Kapuscinski, Ryszard 1985. 'Revolution', *The New Yorker*, 11 March, pp. 86-101

213. Kelles-Krauz, Kazimierz 1962 [1896]. *Pisma Wybrane (Collected works)*. Warsaw: Ksiazka i Wiedza

214. Kerr, C., Dunlop, J. T., Harbison, F., Harbison H. and Myers, C. A. 1960. *Industrialism and Industrial Man*. Cambridge, MA: Harvard University Press

215. Killian, L. M. 1964. 'Social movements', in: R. E. L. Paris (ed.), *Handbook of Modern Sociology*, Chicago: Rand McNally
216. Kimmel, Michael S. 1990. *Revolution: A Sociological Interpretation*. Cambridge: Polity Press
217. Kirkpatrick, Jean J. 1992. 'After communism, what?' *Problems of Communism*, 41 (January-April), pp. 1-7
218. Klandermans, Bert 1984. 'Mobilization and participation: social-psychological expansions of resource mobilization theory', *American Sociological Review*, 49, pp. 583-600
219. Koestler, Arthur 1975 [1940]. *Darkness at Noon*. New York: Bantam Books
220. Kornhauser, William 1968. 'Mass society', in: *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 10, pp. 58—64, New York: Macmillan
221. Kotkin, Joel and Kishimoto, Yoriko 1988. *The Third Century America 's Resurgence in the Asian Era*. New York: Crown
222. Kriesi, Hanspeter 1989. 'New social movements and the new class in the Netherlands', *American Journal of Sociology*, 94, 5, pp. 1078—116
223. Kroeber, Alfred 1952. *The Nature of Culture*. Chicago'. University of Chicago Press
224. Kuhn, Thomas S. 1970 [1962]. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press

[399]

225. Kumar, Krisham 1978. *Prophecy and Progress: The Sociology of Industrial and Post-industrial Society*. Harmondsworth: Penguin
226. Kumar, Krishan 1988. *The Rise of Modern Society: Aspects of the Social and Political Development of the West*. Oxford: Basil Blackwell
227. Lackey, Pat N. 1987. *Invitation to Talcott Parsons' Theory*. Houston: Cap and Gown Press
228. Lang, K. and Lang, G. 1961. *Collective Dynamics*. New York: Crowell
229. Langton, John 1979. 'Darwinism and the behavioral theory of socio-cultural revolution: an analysis'. *American Journal of Sociology*. 85, 2, pp. 288— 309
230. Lasch, Christopher 1991. *The Truly and Only Heaven*. New York: Norton
231. Lauer, Robert H. 1971. 'The scientific legitimation of fallacy: neutralizing social change theory', *American Sociological Review*, 36 (October), pp. 881-9
232. Lauer, Robert H. (ed.) 1976. *Social Movements and Social Change*. Carbondale: Southern Illinois University Press
233. Lenin, Vladimir I. 1939 [1917]. *Imperialism. The Highest Stage of Capitalism*. New York: International Publishers
234. Lenski, Gerhard E. 1966, *Power and Privilege*. New York: McGraw Hill
235. Lenski, Gerhard E. 1975. 'Social structure in evolutionary perspective', in: P. M. Blau (ed.), *Approaches to the Study of Social Structure*, pp. 135— 53, New York: Free Press
236. Lenski, Gerhard 1976. 'History and social change', *American Journal of Sociology*, 82, 3, pp. 548~64
237. Lenski, Gerhard E. and Lenski, J. 1974, *Human Societies: An Introduction to Macrosociology*. New York: McGraw Hill
238. Lerner, Daniel 1958. *The Passing of Traditional Society*. Glencoe: Free Press
239. Levy, Marion J. 1952. *The Structure of Society*. Princeton: Princeton University Press
240. Levy, Marion J. 1966. *Modernization and the Structure of Societies*. Princeton: Princeton University Press
241. Lewis, J. David and Weigart, Andrew, J. 1990. 'The structures and meanings of social-time', in: Hassard, pp. 77—104
242. Lipset, Seymour M. 1967. *The First New Nation*. New York: Basic Books

243. Lloyd, Christopher 1988 [1986]. *Explanation in Social History*. Oxford: Basil Blackwell
244. Loomis, C. P. and Loomis, Z. K. 1961. *Modern Social Theories*. Princeton: Van Nostrand
245. Lopreato, Joseph 1984. *Human Nature and Biocultural Evolution*. Boston: Alien & Unwin
246. Lukacs, Gyorgy 1971. *History and Class Consciousness*. Cambridge MA: MIT Press
247. Lukacs, Gyorgy 1982—4. *Wprowadzenie do ontologii bytu społecznego (Introduction to the ontology of the social object)*, vols 1—5. Warsaw: PWN (Polish Scientific Publishers)

[400]

248. Lukes, Steven 1974. *Power: A Radical View*. London: Macmillan
249. Lukes, Steven 1978. 'Power and authority', in: T.B. Bottomore and R. Nisbet (eds), *A History of Sociological Analysis*, pp. 633—76, New York: Basic Books
250. Lukes, Steven 1985. *Mamsm and Morality*. Oxford: Clarendon Press
251. Lutynski, Jan 1990. *Nauka ipolskie pblemey (Science and Polish problems)*. Warsaw: PIW
252. Lyotard, Jean-Fran9ois 1988. *The Post-Modern Condition*. Minneapolis: University of Minnesota Press
253. Lyotard, Jean-Fran9ois 1988. *Peregrinations: Law, Form, Event*. New York: Columbia University Press
254. McAdam, Doug, McCarthy J. D. and Zald, M. N. 1988. 'Social movements', in: Neil J. Smelser (ed.). *Handbook of Sociology*, pp. 695—738, Newbury Park: Sage
255. McCarthy, John D. and Zald, Mayer N. 1976. 'Resource mobilization and social movements: a partial theory', *American Journal of Sociology*, 82, 6, pp. 1212-41
256. Macionis, John J. 1987. *Sociology*. Englewood Cliffs: Prentice Hall
257. McClelland, David 1967 [1961]. *The Achieving Society*. New York: Free Press
258. McLellan, David 1971. *The Thought of Karl Marx*. New York: Harper & Row
259. McLuhan, Marshall 1964. *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: Signet Books
260. McMurtry, J. 1978. *The Structure of Marx's World-View*. Princeton: Princeton University Press
261. Magee, Bryan 1973. *Karl Popper*. New York: Viking Press
262. Maier, Joseph 1964. 'Cyclical theories', in: W. J. Cahnman and A. Boskoff (eds), *Sociology and History: Theory and Research*, pp. 41—62, New York: Free Press
263. Mandelbaum, Maurice 1948. 'A critique of philosophies of history', *Journal of Philosophy*, 45, pp. 365—78
264. Mandelbaum, Maurice 1957. 'Societal laws', *British Journal for the Philosophy of Science*, 8, 3, pp. 211-24
265. Mann, Michael 1986. *The Sources of Social Power*, vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press
266. Marcuse, Herbert 1964. *One Dimensional Man*. Boston: Beacon Press
267. Marody, Mirosława 1987a. 'Antynomie społecznej świadomości' (Antinomies of social consciousness), *Odra*, 1, pp. 4—9
268. Marody, Mirosława 1987b, Antynomie zbiorowej podświadomości (Antinomies of collective subconsciousness), *Studio Socjologiczne*, 2, pp. 89-99
269. Marody, Mirosława 1990. 'Dylematy postaw politycznych i orientacji światopoglądowych' (Dilemmas of political attitudes and orientations), in: J. J. Wiatr (ed.), *Wartosci a przemiany ladu gospodarczego i politycznego: Polska 1980-1990*, pp. 157-74, Warsaw: Wydawnictwo UW
270. Martindale, Don 1960. *The Nature and Types of Sociological Theory*. Boston,

[401]

271. Maruyama, Mogoroh 1963. 'The second cybernetics: deviation-amplifying mutual causal processes', *General Systems*, 8, pp. 233—41
272. Marx, G. T. and Wood, J. L. 1975. 'Strands of theory and research in collective behavior', *Annual Review of Sociology*, 1, pp. 365—428
273. Marx, Karl 1953. *Grundrisse der Kritik der politichess Okonomie* (Outlines of the Critique of Political Economy). Berlin: Akademie Verlag
274. Marx, Karl 1954. *Capital*, vols 1-3. Moscow: Progress Publishers
275. Marx, Karl 1955. *Przyczynek do krytyki ekonomii polity cznej* (Contribution to the critique of political economy). Warsaw: Ksiazka i Wiedza
276. Marx, Karl 1971. *The Grundrisse*, ed. and tr. D. McLellan. New York: Harper & Row
277. Marx, Karl and Engels F. 1960, *Dziela* (Works). Warsaw: Ksiazka i Wiedza
278. Marx, Karl and Engels F. 1968. *Selected Works*. Moscow: Progress Publishers
279. Marx, Karl and Engels F. 1975. *O materializmie historycznym* (On historical materialism). Warsaw: Ksiazka i Wiedza
280. Marx, Karl and Engels, F. 1985 [1848]. *The Communist Manifesto*. New York: Pathfinder Press
281. Mazlish, Bruce 1966. *The Riddle of History*. New York: Minerva Press
282. Merton, Robert K. 1938. 'Social structure and anomie', *American Sociological Review*, 3, pp. 672—82
283. Merton, Robert K. 1959. 'Social Conformity, Deviation and Opportunity-Structure', *American Sociological Review*, 24, 2, pp. 177—89
284. Merton, Robert K, 1963. 'Foreword', in: H. J. O'Gorman (ed.), *Lawyers and Matrimonial Cases*, pp. vii—xiv, Glencoe: Free Press
285. Merton, Robert K. 1964. 'Anomie, anomia, and social interaction: contexts of deviant behavior', in: M. Clinard (ed.), *Anomie and Deviant Behavior: Discussion and Critique*, pp. 213—42, New York: Free Press
286. Merton, Robert K. 1965. *On the Shoulders of Giants*. New York, Har-court, Brace & World
287. Merton, Robert K. 1968. *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press
288. Merton, Robert K. 1970 [1938]. *Science Technology and Society in Seventeenth-Century England*. New York: Howard Fertig
289. Merton, Robert K. 1973. *The Sociology of Science*. Chicago: University of Chicago Press
290. Merton, Robert K. 1975. 'Thematic analysis in science: notes on Holton's concept', *Science*, 188, 25 April, pp. 335—8
291. Merton, Robert K. 1976 [1936]. 'The unanticipated consequences of social action', in: R. K. Merlon, *Sociological Ambivalence*, pp. 145—55, New York; Free Press
292. Merton, Robert K. 1982a. 'Progress in science? A shapeless cloud of a question', Philadelphia: Temple University (mimeo)
293. Merton, Robert K. 1982b. *Social Research and Practicing Profession*, Cambridge: Abt Books
294. Merton, Robert K. 1982c. 'Socially expected durations: a temporal

[402]

- component of social structure'. San Francisco: American Sociological Association (mimeo)
295. Merton, Robert K. 1984. 'Socially expected durations: a case study of concept

formation in sociology', in: W. W. Powell and R. Robbins (eds), *Conflict and Consensus: A Festschrift for Lewis Coser*, pp. 262-83, New York: Free Press

296. Merton, Robert K. and Kendall, Patricia L. 1944. 'The boomerang response', *Channels*, 21, 7, pp. 1—7

297. Mills, C. Wright 1959. *Sociological Imagination*. New York: Oxford University Press

298. Milosz, Czeslaw 1953. *The Captive Mind*. New York: Knopf

299. Mishan, Edward J. 1977. *The Economic Growth Debate: An Assessment*, London: Alien & Unwin

300. Mokrzycki, Edmund 1991. 'Dziedzictwo realnego socjalizmu a demokracja zachodnia' (The legacy of real socialism and western democracy). Warsaw: IFIS PAN (mimeo)

301. Molotch, Harvey 1979. 'Media and movements', in: M. Zald and J. D. McCarthy (eds), *The Dynamics of Social Movements*, pp. 71—93, Cambridge, MA: Winthrop

302. Moore, Barrington 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*, Boston: Beacon Press

303. Moore, Wilbert E. 1963a. *Man, Time and Society*. New York: Wiley

304. Moore, Wilbert E. 1963b. *Social Change*. Englewood Cliffs: Prentice Hall

305. Moore, Wilbert E. 1963c. 'The temporal structure of organizations', in: Tiryakian (ed.), pp. 161-9

306. Morris, Aldon and Herring C. 1985. 'Theory and research in social movements: a critical review'. Ann Arbor: University of Ann Arbor (mimeo)

307. Mumford, Lewis 1964 [1934]. *Technics and Civilization*. New York: Harcourt, Brace & World

308. Naisbitt, John and Aburdene, Patricia 1990. *Megatrends 2000: The New Directions for the 1990's*. New York: William Morrow

309. Neidhardt, Friedhelm and Rucht, Dieter 1991. 'The analysis of social movements: the state of the art and some perspectives for further research', in: D. Rucht (ed.), *Research on Social Movements*, pp. 421—64, Frankfurt: Campus Verlag

310. Nettl, J. P. and Roberston, R. 1968. *International Systems and the Modernization of Societies*. London: Faber and Faber

311. Nisbet, Robert 1969. *Social Change and History*. New York: Oxford University Press

312. Nisbet, Robert A. 1970. 'Developmentalism: a critical analysis', in: J. C. McKinney and E. A. Tiryakian (eds), *Theoretical Sociology*, pp. 167-204, New York: Appleton-Century-Crofts

313. Nisbet, Robert 1980. *History of the Idea of Progress*. New York: Basic Books

314. Novotny, Helga 1988. 'From the future to the extended present', in: G. Kitsch, P. Nijkam and K. Zimmerman (eds), *The Formulation of Time Preferences in a Multidisciplinary Perspective*, pp. 17-31, Aldershot: Gower.

[403]

315. Nowak, Stefan 1987. 'Spoleczenstwo polskie drugiej polowy lat 80-tych' (Polish society in the second part of the 1980s). Warsaw: Polskie Towarzystwo Socjologiczne (mimeo)

316. Oberschall, Anthony 1973. *Social Conflict and Social Movements*. Englewood Cliffs: Prentice Hall

317. Oberschall, Anthony 1978. 'Theories of social conflict', *Annual Review of Sociology*, 4, pp. 291—315

318. O'Connell, James 1976. 'The concept of modernization', in: Black, pp. 13-24

319. Offe, Claus 1985. 'New social movements: challenging the boundaries of institutional polities', *Social Research*, 52, 4, pp. 817—68

320. Oilman, Bertell 1975. *Alienation: Man's Conception of Man in Capitalist Society*. Cambridge: Cambridge University Press

321. Parsons, Talcott 1951. *Toward a General Theory of Action*. New York: Harper & Row

322. Parsons, Talcott 1964 [1951]. *The Social System*. Glencoe: Free Press
323. Parsons, Talcott 1966. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs: Prentice Hall
324. Parsons, Talcott 1970. 'Some considerations on the theory of social change', in: S. N. Eisenstadt (ed.), *Readings in Social Evolution and Development*, pp. 95—139, Oxford: Pergamon Press
325. Parsons, Talcott 1971, *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs: Prentice Hall
326. Persell, Caroline Hodges 1987. *Understanding Society*. New York: Harper & Row
327. Piaget, Jean 1971. *Structuralism*. New York: Harper & Row
328. Piven, F. F. and Cloward R. A. 1979. *Poor People's Movements*. New York: Vintage Books
329. Plamenatz, John 1975. *Karl Marx's Philosophy of Man*. Oxford: Clarendon Press
330. Plamenatz, John 1986 [1963]. *Man and Society*, vol, 2. Harlow: Longman
331. Popper, Karl R, 1950 [1945]. *The Open Society and Its Enemies*, vols 1 and 2. Princeton: Princeton University Press
332. Popper, Karl R. 1964 [1957]. *The Poverty of Historicism*. New York: Harper & Row
333. Popper, Karl R. 1968. 'Postscript: after twenty years', to *Logic of Scientific Discovery*, second rev. edn, New York: Harper & Row
334. Popper, Karl R. 1982. *Unended Quest: An Intellectual Autobiography*. London: Fontana/Collins
335. Prebisch, K. 1950. *The Economic Development of Latin America and Its Problems*. New York: UN Publications
336. Quadagno, Jill S. 1979. 'Paradigms in evolutionary theory: the socio-biological model of natural selection', *American Sociological Review*, 44 (February), pp. 100-9
337. Rex, John 1969. *Key Issues in Sociological Theory*. London: Routledge & Kegan Paul
- [404]
338. Ridgeway, Cecilia L. 1983. *The Dynamics of Small Groups*. New York: St Martin's Press
339. Riesman, David 1961. *The Lonely Crowd*. New Haven: Yale University Press.
340. Ritzer, George, Kammeyer, Kenneth C. and Yetman, Norman R. 1987. *Sociology: Experiencing a Changing Society*. Boston: Allyn and Bacon
341. Robertson, Roland 1992. 'Globality, global culture, and images of world order', in: Haferkamp and Smelser (eds), pp. 395-411
342. Rostow, Walt W. 1960. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. London: Cambridge University Press
343. Roy, William G, 1984. 'Class conflict and social change in historical perspective', *Annual Review of Sociology*, 10, pp. 483—506
344. Rubinstein, David 1981. *Marx and Wittgenstein*. London: Routledge & Kegan Paul
345. Rucht, Dieter 1988. 'Themes, logics, and arenas of social movements: a structural approach', in: L. Kriesberg (series Ed.), *International Social Movement Research*, vol. 1, pp. 305-28, Syracuse: JAI Press
346. Rude, G. 1964. *The Crowd in History*. New York: Wiley
347. Rueschemeyer, Dietrich 1986. *Power and the Division of Labour*. Stanford: Stanford University Press
348. Runciman, W. G. 1966. *Relative Deprivation and Social Justice*. Berkeley: California University Press
349. Sahlins, Marshall 1960. 'Evolution: specific and general', in: Sahlins and Service, pp. 12

350. Sahlins, Marshall and Service F. (eds) 1960. *Evolution and Culture*. Ann Arbor: University of Michigan Press
351. Schafer, Wolf 1991. 'Global history: conceptual feasibility and environmental reality'. Stony Brook: SUNY (mimeo)
352. Segerstedt, Torgny T. 1966. *The Nature of Social Reality*. Stockholm: Svenska Bokforlaget
353. Shama, Simon 1989. *Citizens: A Chronicle of the French Revolution*. New York: Knopf
354. Shils, Edward 1968. 'Charisma', *The International Encyclopaedia of the Social Sciences*, vol. 2, pp. 386—90, New York: Macmillan
355. Shils, Edward 1981. *Tradition*. Chicago: University of Chicago Press
356. Skockpol, Theda 1977. 'Wallerstein's world capitalist system: a theoretical and historical critique', *American Journal of Sociology*, 82, 5, pp. 1075-90
357. Skockpol, Theda 1979. *States and Social Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press
358. Skockpol, Theda (ed.) 1984. *Vision and Method in Historical Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press
359. Smelser, Neil J. 1959. *Social Change in the Industrial Revolution*. London: Routledge & Kegan Paul
360. Smelser, Neil J. 1962. *Theory of Collective Behavior*. New York: Free Press
361. Smelser, Neil J. 1968. *Essays in Sociological Explanation*. Englewood Cliffs: Prentice Hall

[405]

362. Smelser, Neil J. 1973 [1967]. 'Processes of social change', in: N. J. Smelser (ed.), *Sociology: An Introduction*, pp. 709-62, New York: Wiley
363. Smelser, Neil J. 1992. 'External and internal factors in theories of social change, in: Haferkamp and Smelser (eds), pp. 369—94
364. Smith, Anthony D. 1973. *The Concept of Social Change: A Critique of the Functionalist Theory of Social Change*. London: Routledge & Kegan Paul
365. Smith, Anthony D. 1976. *Social Change: Social Theory and Historical Process*. London: Longman
366. Snow, D. A., Burke R. E., Worden, S. K. and Benford, R. D. 1986. 'Frame alignment processes, micromobilization, and movement participation', *American Sociological Reviews*, 51, pp. 464—81
367. Sorokin, Pitirim A. 1937. *Social and Cultural Dynamics*, vols. 1—4, New York: American Book Company
368. Sorokin, Pitirim A. 1963. 'Reply to my critics', in: P. J. Alien (ed.), *Pitirim A. Sorokin in Review*, Durham NC: Duke University Press
369. Sorokin, Pitirim A. 1966. *Sociological Theories of Today*. New York: Harper & Row
370. Sorokin, Pitirim 1967 [1925]. *The Sociology of Revolution*. New York: Howard Fertig
371. Sorokin, Pitirim and Merton Robert K. 1937, 'Social time. A methodological and functional analysis', *American Journal of Sociology*, 42, 5, pp. 615-29
372. Spencer, Herbert 1893. *Principles of Sociology*, vols 1—3. London: Williams and Norgate
373. Spencer, Herbert 1972. *On Social Evolution*. Chicago: University of Chicago Press
374. Spengler, Oswald 1939 [1918]. *The Decline of the West*. New York: Knopf
375. Steward, Julian H. 1979 [1955]. *Theory of Culture Change*. Urbana: University of Illinois Press
376. Strasser, Hermann and Randall, Susan C. 1981. *An Introduction to Theories of Social Change*. London: Routledge & Kegan Paul

377. Sullivan, S, 1989. 'Refining the revolution', *Newsweek*, 20 February
378. Swingewood, Allan 1975. *Marx, and Modern Social Theory*. London: Macmillan
379. Szacki, Jerzy 1980. *Spotkania z Utopia (Encounters with Utopia)*, Warsaw: Iskry
380. Szalai, Alexander (ed.) 1972. *The Use of Time*. Paris: Mouton
381. Sztompka, Piotr 1974. *System and Function*. New York: Academic Press
382. Sztompka, Piotr 1979. *Sociological Dilemmas*, New York: Academic Press
383. Sztompka, Piotr 1981. The dialectics of spontaneity and planning in sociological theory', in: Ulf Himmelstrand (ed.), *Spontaneity and Planning in Social Development*, pp. 15-28, Beverly Hills: Sage
384. Sztompka, Piotr 1983. 'Social development: the dialectics of theory and action', *Reports on Philosophy*, 7, pp. 79—98
385. Sztompka, Piotr 1984a. 'The global crisis and the reflexiveness of
- [406]
- the social system', *International Journal of Comparative Sociology*, 25, 1—2, pp. 45-58
386. Sztompka, Piotr 1984b. 'On the change of social laws', *Reports on Philosophy*, 8, pp. 33-40
387. Sztompka, Piotr 1986. The renaissance of historical orientation in sociology', *International Sociology*, 1, 3, pp. 321—37
388. Sztompka, Piotr 1987, 'Social movements: structures in statu nascen-di', *The Polish Sociological Bulletin*, 2, pp. 5—26 (reprinted in: *Revue Internationale de sociologie*, 1 (1989), pp. 124—55
389. Sztompka, Piotr 1988 [1984]. 'The social functions of defeat', in: L. Kriesberg and B. Misztal (eds), *Research in Social Movements, Conflicts and Change*, vol. 10, pp. 183-92, Greenwich, Conn.: JAI Press
390. Sztompka, Piotr 1989. Social movements: structures in statu nascen-di, *Revue Internationale de Sociologie*, 2, pp. 124—55
391. Sztompka, Piotr 1990. 'Agency and progress; the idea of progress and changing theories of change', in: J. Alexander and P. Sztompka (eds), *Rethinking Progress*, pp. 247—63, London: Unwin Hyman
392. Sztompka, Piotr 1991a. The intangibles and imponderables of the transition to democracy', *Studies in Comparative Communism*, 24, 3, pp. 295— 311
393. Sztompka, Piotr 1991b. *Society in Action: The Theory of Social Becoming*. Cambridge: Polity Press and Chicago: University of Chicago Press
394. Sztompka, Piotr 1992. 'Dilemmas of the great transition'. Cambridge, MA: Harvard Center for European Studies (Working Paper Series, no. 19)
395. Tarkowska, Elzbieta 1987. *Czas w społeczeństwie (Time in society)*. Wrocław: Ossolineum
396. Tarrow, Sidney 1985, 'Struggling to reform: social movements and policy change during cycles of protest'. Ithaca: Cornell University: Center for International Studies (Occasional Paper no. 15)
397. Taylor, Stan 1984. *Social Science and Revolutions*. London: Macmillan
398. Thompson, M., Ellis, R. and Wildavsky, A. 1989. *Cultural Theory*: Berkeley: California University Press
399. Tilly, Charles 1978. *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley
400. Tilly, Charles 1979a. 'Repertoires of contention in America and Britain, 1750-1830', in: M. Zald and J. D. McCarthy (eds), *The Dynamics of Social Movements*, pp. 126—55, Cambridge, MA: Winthrop
401. Tilly, Charles 1979b. 'Social movements and national polities'. Ann Arbor: Center for Research on Social Organization (Working Paper no. 197) (mimeo)

402. Tilly, Charles 1981. *As Sociology Meets History*, New York: Academic Press
403. Tilly, Charles 1984. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. New York: Russell Sage Foundation
404. Tilly, Charles 1985. 'Social movements, old and new' New York: Center for Studies of Social Change, NSSR (Working Paper no. 20) (mimeo)
405. Tilly, Charles, Tilly, L. and Tilly, R. 1975. *The Rebellious Century (1830-1930)*. Cambridge, MA: Harvard University Press

[407]

406. Tipps, Dean C. 1976. 'Modernization theory and the comparative study of Societies: a critical perspective', in: Black, pp. 62—88
407. Tiryakian, Edward A. (ed.) 1963. *Sociological Theory, Values and So-ciocultural Change: Essays in Honor of Pitirim Sorokin*. New York: Free Press
408. Tiryakian, Edward A. 1985a. 'The changing centers of modernity', in: E. Cohen, M. Lissak and U. Almagor (eds), *Comparative Social Dynamics*, pp. 131-47, Boulder: Westview Press
409. Tiryakian, Edward A. 1985b. 'From Durkheim to Managua: revolutions as religious revivals'. Savannah: Society for the Scientific Study of Religion (mimeo)
410. Tiryakian, Edward A. 1985c. 'On the significance of de-differentiation', in: Shnuiel N. Eisenstadt and H. J. Heckle (eds), *Macro-sociological Theory*, pp. 118-34, Beverly Hills: Sage
411. Tiryakian, Edward A. 1991, 'Modernisation: exhumetur in pace', *International Sociology*, 6, 2, pp. 165—80
412. Tiryakian, Edward A. 1992. 'Dialectics of modernity: reenchantment and differentiation as process', in: Haferkamp and Smelser (eds.), pp. 78-96
413. Tocqueville, Alexis de 1945. *Democracy in America*, vols 1 and 2. New York: Knopf
414. Tocqueville, Alexis de 1955 [1856]. *The Old Regime and the French Revolution*. New York: Doubleday Anchor
415. Toffler, Alvin 1970. *Future Shock*. London: Bodley Head
416. Toffler, Alvin 1975. *The Eco-Spasm Report*. New York: Bantam Books
417. Tominaga, Ken'ichi 1985. 'Typology in the methodological approach to the study of social change', in: S. N. Eisenstadt and H. J. Helle, *Macro-Sociological Theory (Perspectives on Sociological Theoiy*, vol. 1), pp. 168—96, London: Sage
418. Topolski, Jerzy 1974. 'Aktywistyczna koncepcja procesu dziejowego' (Activist conception of historical process), in: J. Kmita (ed.), *Metodologiczne implikacje epistemologii marksistowskiej*, pp. 309-24, Warsaw: PWN (Polish Scientific Publishers)
419. Topolski, Jerzy 1978. *Rozumienie historii* (Understanding history). Warsaw: PIW (Polish Editorial Institute)
420. Topolski, Jerzy 1990. *Wolnosc i przymus w tworzeniu historii* (Freedom and coercion in the making of history), Warsaw: Panstwowy Instytut Wydaw-niczny
421. Touraine, Alain 1974. *The Post-industrial Society*. London: Wildwood
422. Touraine, Alain 1977. *The Self-production of Society*. Chicago: University of Chicago Press
423. Touraine, Alain 1981. *The Voice and the Eye*, Cambridge: Cambridge University Press
424. Touraine, Alain 1984. *Le detour de l'acteur*. Paris: Fayard
425. Touraine, Alain 1985. 'Social movements and social change', in: Or-lando Fals Borda (ed.), *The Challenge of Social Change*, pp. 77-92, London: Sage
426. Toynbee, Arnold 1934-61. *Study of History*, 12 vol. London: Oxford University Press

[408]

427. Toynbee, Arnold 1948. *Civilization on Trial*. New York: Oxford University Press
428. Toynbee, Arnold J. 1963. 'Sorokin's philosophy of history', in: P. J. Alien (ed.), *Pitirim A. Sorokin in Review*, pp. 67~94, Durham NC: Duke University Press
429. Trevor-Roper, Hugh 1985. 'The invention of tradition: the Highland tradition of Scotland', in: Hobsbawm and Ranger, pp. 15—41
430. Trevor-Roper, H. 1989. 'Europe's new order', *The Independent Magazine*, 30 December, pp. 14-15
431. Tucker, D. F. B. 1980. *Marxism and Individualism*. Oxford: Basil Blackwell
432. Turner, Ralph H, 1987. 'Social movement theory: bridging the gap between collective behavior and resource mobilization'. Los Angeles: UCLA (mimeo)
433. Turner, R. and Killian, L. M. 1972 [1957]. *Collective Behavior*. Engle-wood Cliffs: Prentice Hall
434. Useem, Bert 1980. 'Solidarity model, breakdown model, and the Boston antibusing movement', *American Sociological Review*, 45 (June), pp. 357-69
435. Vico, Giambattista 1961 [1725]. *The New Science of Giambattista Vico*. New York: Doubleday Anchor
436. Wallerstein, Immanuel 1974. *The Modern World-System I*. New York: Academic Press
437. Wallerstein, Immanuel 1980. *The Modern World-System II*. New York: Academic Press
438. Wallerstein, Immanuel 1983 [1979]. *The Capitalist World-Economy*. Cambridge: Cambridge University Press
439. Wallerstein, Immanuel 1989. *The Modern World-System III*. San Diego: Academic Press
440. Wallerstein, Immanuel 1991. *Unthinking Social Science: The Limits of Nineteenth-Century Paradigms*. Cambridge: Polity Press
441. Weber, Max 1947. *The Theory of Social and Economic Organization*. London: Routledge & Kegan Paul
442. Weber, Max 1954 [1922]. *Max Weber on Law, Economy and Society*, ed. M. Rheinstein. Cambridge: Cambridge University Press
443. Weber, Max 1958 [1920-21]. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. New York: Charles Scribner's Sons
444. Weber, Max 1963. *The Sociology of Religion*. Boston: Houghton
445. Weber, Max 1985. *Selections in Translation*, ed. W. G. Runciman. Cambridge: Cambridge University Press.
446. Weinberg, Ian 1976. 'The problem of convergence of industrial societies: a critical look at the state of a theory', in: Black, pp. 353-67
447. White, Leslie 1949. *The Science of Culture*. New York: Grove
448. White, Leslie 1959. *The Evolution of Culture*. New York: McGraw Hill
449. Whitehead, Alfred N. 1925. *Science and the Modern World*. New York: Macmillan
450. Williams, Robin M., Jr 1970 [1951]. *American Society*. New York: Knopf

[409]

451. Wolf, E. R. 1969. *Peasant Wars of the Twentieth Century*. New York: Harper & Row
452. Wood, Frederick A. 1913. *The Influence of Monarchs*. New York
453. Wood, James L. and Jackson, M. 1982. *Social Movements: Development, Participation and Dynamics*. Belmont: Wadsworth
454. Worsley, Peter 1984. *The Three Worlds: Culture and World Development*. London: Weidenfeld and Nicolson
455. Young, Louise M. 1939. *Thomas Carlyle and the Art of History*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press

456. Young, Michael 1988. *The Metronomic Society: Natural Rhythms and Human Timetables*. Cambridge, MA: Harvard University Press
457. Young, M. and Schuller, T. (eds) 1988. *The Rhythms of Society*. London: Routledge
458. Zald, Mayer N. and Berger, M. A. 1978. 'Social movements in organizations: coup d'etat, insurgency, and mass movements', *American Journal of Sociology*, 83, 4, pp. 823-61
459. Zald, M., and Useem, B. 1982, 'Movements and countermovements: loosely coupled conflict'. Ann Arbor: CRSO Working Paper no. 276 (mimeo)
460. Zeitlin, Irving M. 'Karl Marx: aspects of his social thought and their contemporary relevance', in: B. Rhea, (ed.), *The Future of the Sociological Classics*, pp. 1—15, London: Alien & Unpin
461. Zembavel, Eviatar 1981. *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. Chicago: University of Chicago Press
462. Zerubavel, Eviatar 1990. 'Private-time and public-time', in: Hassard, pp. 168-77
463. Znaniecki, Florian 1971. *Nauki o kulturze (The sciences of culture)*. Warsaw: Polish Scientific Publishers
464. Zollschan, George K. and Hirsch, Walter (eds) 1964. *Explorations in Social Change*. Boston: Houghton Mifflin
465. Zurcher, L. A. and Snow D. A. 1981. 'Collective behavior: social movements', in: M. Rosenberg and R. H. Turner (eds), *Social Psychology: Sociological Perspectives*, pp. 447-82, New York: Basic Books

[410]

[ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ](#)

[ВЫРАЖЕНИЯ БЛАГОДАРНОСТИ](#)

[ЧАСТЬ I КОНЦЕПЦИИ И КАТЕГОРИИ.](#)

[1. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИЗМЕНЕНИЙ](#)

[Органическая метафора: классический подход к социальным изменениям](#)

[Системная модель как порождение концепции социальных изменений](#)

[Комплексы изменений: усложнение динамических концепций](#)

[Альтернативная модель: динамическое социальное поле](#)

[Разнообразие социальных процессов: типология](#)

[2. ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ ПРОГРЕССА](#)

[Краткая история идеи](#)

[Определение прогресса](#)

[Механизм прогресса](#)

[Отказ от идеи прогресса](#)

[Альтернативная концепция прогресса](#)

[3. ВРЕМЕННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ](#)

[Время как измерение социальной жизни](#)

[Время как аспект социального изменения](#)

[Время в сознании и культуре](#)

[Функции социального времени](#)

[Основные теоретические традиции в изучении времени](#)

[4. МОДАЛЬНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ](#)

[Процессуальная природа общества](#)

[Концепция традиции](#)

[Возникновение и изменение традиций](#)

[Функции традиции](#)

[Традиционализм и антитрадиционализм](#)

[5. СОВРЕМЕННОСТЬ И ЧТО ЗА НЕЮ СЛЕДУЕТ](#)

[Определение современности](#)

[Важнейшие характеристики современности](#)

[Современная личность](#)

[Разочарование в современности](#)

[За горизонтами современности](#)

[6. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА](#)

[От изоляции к глобализации](#)

[Классическое видение глобализации](#)

[Современное состояние: глобализация культуры](#)

[Образы глобального мира и теории глобализма](#)

[ЧАСТЬ II ТРИ ВЕЛИКИХ ВИДЕНИЯ ИСТОРИИ](#)

[7. КЛАССИЧЕСКИЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ](#)

[Первая метафора: организм и развитие](#)

[Основатели социологического эволюционизма](#)

[Общая основа эволюционистской теории](#)

[Слабые стороны классического эволюционизма](#)

[8. НЕОЭВОЛЮЦИОНИЗМ](#)

[Возрождение эволюционизма](#)

[Неоэволюционизм в культурной антропологии](#)

[Неоэволюционизм в социологии](#)

[Неофункционализм и споры о дифференциации](#)

[Обращение к биологическому эволюционизму](#)

[9. ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ, СТАРЫЕ И НОВЫЕ.](#)

[Последние «воплощения» эволюционизма](#)

[Концепция модернизации](#)

[Механизмы модернизации](#)

[Критика идеи модернизации](#)

[Теории неомодернизации и неоконвергенции](#)

[10. ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ](#)

[Логика циклических теорий](#)

[Сторонники циклического образа](#)

[Историософия подъема и падения цивилизаций](#)

[Социологические теории циклических изменений](#)

[11. ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ](#)

[Эволюционистские и гегельянские корни](#)

[Образ истории по Марксу: трехуровневая реконструкция](#)

[Уровень индивидуальных действий: теория «бытия человека»](#)

[Социоструктурный уровень: теория классов](#)

[Всемирно-исторический уровень: теория общественно-экономических формаций](#)

[Многомерная теория творения истории](#)

[ЧАСТЬ III АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ВИДЕНИЕ: СОЗДАНИЕ ИСТОРИИ](#)

[12. ПРОТИВ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ: СОВРЕМЕННАЯ КРИТИКА.](#)

[Опровержение «историцизма»: Карл Р. Поппер](#)

[Ошибочная метафора роста: Роберт Нисбет](#)

[«Переосмыслить XIX-е столетие»: Иммануэль Уоллерстайн](#)

[13. ИСТОРИЯ КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПРОДУКТ: РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ.](#)

[В поисках субъекта деятельности](#)

[Современные теории деятельности](#)

[Деятельностный коэффициент](#)

[14. НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: КОНКРЕТНОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ.](#)

[Подъем исторической социологии](#)

[Новый историзм](#)

[Исторический коэффициент](#)

[15. СОЦИАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ: СУЩНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ](#)

[Уровни социальной реальности](#)

[Средний уровень: деятельность и практика](#)

[Среда: природа и сознание](#)

[Вступая в мир времени и истории](#)

[Становление социального становления](#)

[ЧАСТЬ IV АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ](#)

[16. ИДЕИ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ СИЛА](#)

[Идейно-побудительные факторы в истории](#)

[Дух капитализма](#)

[Протестантский «этнос»](#)

[Инновационная \(новаторская\) личность](#)

[Мотивации достижения](#)

[Трудности, обусловленные «социалистической ментальностью»](#)

[17. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОРМАТИВОВ: ОТКЛОНЕНИЯ И НОВАЦИИ](#)

[Нормативная основа социальной структуры](#)

[Институционализация отклонений от правил](#)

[Нормативные новации](#)

[18. ВЕЛИКИЕ ЛИЧНОСТИ КАК АГЕНТЫ ИЗМЕНЕНИЙ](#)

[История как человеческий продукт](#)

[Конкурирующие теории](#)

[Становление героя](#)

[Быть героем](#)

[Влияние на историю](#)

[19. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ](#)

[Социальные движения в ряду других агентов изменений](#)

[Определение социальных движений](#)

[Социальные движения и современность](#)

[Типы социальных движений](#)

[Внутренняя динамика социальных движений](#)

[Внешняя динамика социальных движений](#)

[Современное состояние теорий социальных движений](#)

[20. РЕВОЛЮЦИИ — ПИК СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ](#)

[Революции как форма изменений](#)

[Идея революции: краткий экскурс в историю](#)

[Современная концепция революции](#)

[Ход революции](#)

[Модели революции](#)

[Основные теории революции](#)

[Чего мы не знаем о революциях](#)

[БИБЛИОГРАФИЯ](#)